DIGITAL SOUTH CAUCASUS COLLECTION

This pdf is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC), a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL) hosted by the Institute for the Study of the Ancient World Library at New York University.

- Creator: Apakidze, A. / აფაქიძე, ა. / АПАКИДЗЕ,А.
- Title: ქალაქი ძველ საქართველოში / ГОРОДА ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ
- Publication Date: 1968
- Publisher: Georgian National Museum, GNM Archaeological Center
- Place of Publication: Tbilisi
- Collection: Digital South Caucasus Collection
- Collection ID: dscc_eb3aebdf77

About

The Digital South Caucasus Collection (DSCC) is a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL), a project of the Library of the Institute for the Study of the Ancient World (ISAW) at New York University in cooperation with the Georgian National Museum and the Institute of Archaeology and Ethnography in the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. AWDL's mission is to identify, collect, curate, and provide access to a broad range of scholarly materials relevant to the study of the ancient world. The ISAW library is responsible for curating the collection, clearing the rights as needed, preserving the digital copies in NYU's Faculty Digital Archive, creating high-quality metadata in order to maximize discoverability, and making the works accessible to the general scholarly public.

Rights

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from The Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: http://dcaa.hosting.nyu.edu/dscc/takedown-notice.

Города древней Грузии

Андриа Апакидзе

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ივ. ჯავახიშვილის სახელობის ისტორიის, არქეოლოგიისა
და ეთნოგრაფიის ინსტიტუტი
**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ**

1968

ანდრია აფაქიძე

ქალაქი ქველ საჰარითველოჭი

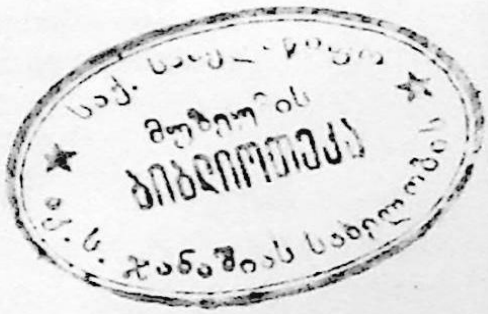
გამომცემლობა «ხელოვნება»
თბილისი
1968

IVE
2553

Андриа Апакидзе

Города древней Грузии

4/4478



Издательство «Мецниереба»
Тбилиси
1968

9 (С 41)
9 (47. 922)
А 76

Работа посвящена вопросам истории городов и городской жизни Картли (Иберии) античной эпохи. В ней рассматриваются многочисленные археологические памятники, добытые за последнюю четверть века на территории древней столицы Грузии Мцхета, а также в других городских центрах страны. На основе анализа древнегрузинских и иноязычных письменных сообщений и вновь добытого археологического материала автор воссоздает многостороннюю картину истории античной Картли, характеризует основные этапы развития городов, городских архитектурных сооружений, строительного искусства и производства строительных материалов. Особое внимание уделено вопросам надстроечного характера, в частности погребальным сооружениям и способам погребения, вопросам развития культуры, искусства, межплеменных и межгосударственных сношений в античное время. Помимо этого в работе сделана попытка исследования этнического состава, социальной и профессиональной дифференциаций городского населения.

1—6—2
Мест. 1968

Посвящается светлой памяти
Симон Николаевича Джанашиа

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОПРОСЫ ЗАРОЖДЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ, ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ КАРТЛИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

Изучение вопросов происхождения городов, городского строя и городской жизни в Грузии стало предметом исследования сравнительно недавно. Это относится к городам Грузии вообще и, особенно, к городам царства Картли античной эпохи.

История древних городов, опирающихся на земледелие и землевладение, является по существу историей классической эпохи[1]. Это определение К. Маркса можно распространить и на Грузию в целом, т. е. на города Колхетского и Картлийского (Иберийского) царств. Теперь уже с полной очевидностью выяснено, что города Картли античной эпохи выполняли важнейшую роль во всех сферах социально-экономической, политической и культурной жизни царства. Возникновение множества городов и поселений городского типа вдоль проходящей по территории Картлийского царства торговой магистрали нужно признать показателем большого значения городской жизни. Для иллюстрации вышесказанного можно назвать один отрезок бассейна р. Куры. Здесь, по берегу реки и, по-видимому, вдоль большой торговой дороги, как показывают письменные источники, возникло немало городов; таковы, например: Хунани, Рустави, Тбилиси, Мцхета, Каспи, Уплисцихе, Гори, Урбниси, Сурами и т. д.

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, № 1, М., 1940, стр. 15.

Менее значительные города были основаны и в ущельях притоков Куры; таковы, например: Ахалгори (на р. Ксани), Цхинвали (на р. Лиахви), Ахалкалаки (на р. Дзама) и т. д.

Кроме того, археологические раскопки последних лет разнообразными новыми материалами подтверждают наличие многочисленных городов и поселений городского типа в Картли античной эпохи. По существу, новыми в доказательстве множества городов Картли этого периода являются лишь материальные памятники, а соответствующие письменные указания на это сохранили нам и грузинские и иностранные исторические источники. К примеру, древнегрузинские исторические источники содержат важные сведения о сравнительно раннем зарождении в Картли городской жизни и уже ко второй половине I тысячелетия до н. э. предполагают существование мощных городов. Так, например, согласно «Обращению Картли», Александр Македонский нашел бунтурков, живших по течению р. Куры, в четырех городах с их округами. Летопись тут же перечисляет эти города: Саркине, Каспи, Урбниси и Одзрхе со своими крепостями[2].

У Леонти Мровели мы находим сведение о том, что **Эрос** сначала построил город у слияния двух рек (Алазани и Иори), назвав именем своим — Эрети[3]. Там же указывается, что **Эгрос** построил город... Эгриси и после этого начинается строительство ряда городов: **Картлос** и его супруга строят Картли, Хунани и Рустави, **Гачиос** — город Гачиани, **Мцхетос** — Мцхета, **Одзрхос** — Одзрхе и Тухариси, **Джавахос** — Цунда и Артаани, **Уплос** — Уплисцихе, Урбниси и Каспи[4] и т. д. Так представляет Леонти Мровели древнейшую ступень строительства городов. Как видно, и Леонти Мровели и авторы

---

[2] Ф. Жордания, Хроники, I, стр. 11.

[3] «Картлис цховреба», I, стр. 5.

[4] Подробно об этой строительной деятельности см.: «Картлис цховреба», I, стр. 5—14.

используемых им источников предполагали в Грузии множество городов уже в раннюю эллинистическую эпоху.

Более подробно описывает Леонти Мровели строительство городов-крепостей последующей эпохи. Он пытается увязать укрепление городов и вообще строительство крепостей с необходимыми требованиями жизни страны. Картлийскому государству, как видно, угрожала опасность со стороны персов и пришлось представителям всех грузин согласиться на дружбу с турками; «подружились они с турками—пришельцами ради помощи над персами и расселили их (турок) по всем городам Картли»[5].

После этого, Мровели повествует об истории переселения евреев. Грузинская историческая традиция связывает образование еврейской колонии в Мцхета с очень ранней эпохой: а именно с тем временем, когда вавилонский царь Навуходоносор покорил и разрушил столицу Иудейского царства Иерусалим (586 г. до н. э.)[6]. Мы указываем на это потому, что этническая пестрота населения характерна именно для городов. Поэтому указание источников о возникновении дружбы между турками, евреями, греками, ассирийцами, хазарами, армянами и грузинами[7] должно быть показателем развития городской жизни. Тем более, что эти сведения всегда связаны с городами. Источник считает, что этим путем Картлийское царство и его города стали этнически пестрыми. Источник Леонти Мровели не упускает из виду и факты укрепления городов и крепостей. Войско Александра Македонского не смогло при первом нападении разрушить крепости и города Картли, так как «нашло к р е п о с т и т в е р д ы е и г о р о д а м о щ н ы е»[8].

По нашему мнению, интересно и то, что Леонти Мровели

---

[5] Картлис цховреба, 1, стр. 15.

[6] Ср. Г. М е л и к и ш в и л и, К вопросу о возникновении в Грузии классового общества и государства, Тб., 1956, стр. 163 (на груз. яз.). Е г о ж е. К истории древней Грузии, Тб., 1959, стр. 36.

[7] Картлис цховреба, 1, стр. 15—16.

[8] Т а м ж е, стр. 17.

здесь явно различает крепость и город (крепости—твердые, города—мощные!)

При характеристике древнейших городов Картлийского царства прежде всего привлекает внимание их мощность. Результаты археологических исследований показывают, что это, в первую очередь, укрепленные города—города-крепости. Сообщение Леонти Мровели о том, что Александр «нашел крепости твердые и города мощные», указание Страбона, что «до слияния (Куры с Арагви), на том месте на скалах расположены укрепленные города», и открытие оборонительной стены и башен-контрфорсов в Армазцихе, Цицамури, Саркине, Саване, на Горийской крепости, в Урбниси, Уплисцихе и др. говорят о существовании в древней Грузии мощных укрепленных городов. Разумеется, не все города были одинаково укреплены и большая часть населенных пунктов, возможно, оставалась совсем неукрепленной, но это только доказывает, что территория Картли и на самом деле в бо́льшей части была хорошо населена укрепленными городами и поселениями. Здесь же надо учесть длительность традиции укрепления населенных пунктов. Об этом говорят и сведения Ксенофонта[9], выявленные археологическими изысканиями укрепления типа Диха Гудзуба[10], Горсиолапири, Ховлегора и множество подобных им укрепленных пунктов. Небезынтересно здесь вспомнить эпизоды развития городской жизни Передней Азии, отраженные в грузинских археологических материалах, а также усмотреть в сведениях грузинских и иностранных исторических источников хотя бы отдаленный аналог того, что установлено в ассирийских и урартских источниках. А именно: сравнить сообщение о некоторых укрепленных городах Картли с «укрепленными, обведенными стеной городами» ассирийских источников (âlâni danuti bit dûrâni)[11].

---

[9] Ксенофонт, Анабазис, V, 15; М.-Л., 1951, стр. 136.

[10] Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тб., 1950, стр. 101 и след.

[11] Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы истории Манейского царства. ВДИ, № 1, М., 1949, стр. 69.

Такая параллель подтверждается, по нашему мнению, и обнаруженными в Грузии эпиграфическими памятниками, точнее, сопоставлением некоторых сведений этих надписей с соответствующими сведениями надписей, отражающих положение Манейского царства. Так, например, Саргон называет больших должностных лиц царства «Великими наместниками (царя) страны Мана». Предполагают, что дело касается суверенных, возможно, наследственных правителей[12]. С этими сведениями, по нашему мнению, как то перекликаются указания мцхетских надписей о «великом царе иберов», об «эриставах» и двороуправителях этого царя. Теперь становится еще интереснее сведение Леонти Мровели: «И установил все это Фарнаваз по подобию Персидского царства», под которым, как мы уже указывали, нужно подразумевать не только собственно персидское, но и вообще Ближневосточное — Переднеазиатское.

Леонти Мровели в своем сочинении, упоминая перечисленные в вышеприведенной выписке из «Обращения Картли» города, называет Мцхета и ее убани (районы). Таковыми автор упоминает: Саркине, Цихе-Диди и Занави. Таким образом, характерным для взглядов Леонти Мровели, авторов используемых им источников и «Обращения Картли» является то, что Мцхета представляется ими состоящей из нескольких убани, т. е., по их мнению, у Картлийского города эллинистической эпохи должны были быть свои убани — районы.

Подробно повествуется о строительстве городов при описании жизни и деятельности Фарнаваза. Здесь привлекает внимание сообщение о восстановлении древних городов и строительстве собственно Мцхета: «Он, Фарнаваз, оградил город Мцхета крепкой стеной, и восстановил все города и крепости Картли, разрушенные Александром»[13].

Согласно Леонти Мровели, не все города Картли времен Фарнаваза имели одинаковое назначение. Мцхета выде-

---

[12] Г. А. Меликишвили, Указ. раб., стр. 71.

[13] Картлис цховреба, 1, стр. 25.

лялась среди других городов, она являлась стольным городом — столицей. Царская резиденция Фарнаваза была в Мцхета, весенние и осенние месяцы он проводил в стольном городе Мцхета; зимние — в Гачиани, а летние — в Цунда; время от времени наведывался в Эгриси и Кларджети[14]. В этом отношении важно также сведение о «большом городе Мцхета», имеющееся в «Житие св. Нины». В этих сведениях видна определенная группировка городов Картлийского царства и выясняется их характер (крепость, город, город-крепость, престольный город, большой город и его крепость и т. д.).

Также подробно описывает Мровели заслуги последующих царей в деле строительства городов Картли. У автора «Жизни царей» определена также и хронологическая последовательность построения городов Картли. Как мы уже видели, некоторые сведения дают основание предположить зарождение городской жизни, согласно источникам Леонти Мровели, к концу первой половины I тысячелетия до н. э., т. е. в VI веке до н. э. С помощью грузинских исторических источников мы знакомимся и с названиями картлийских городов античной эпохи. Леонти и Джуаншер названием древней столицы царства представляют «Картли». «Картли» является названием и царства и древней его столицы. Источники определенно различают одно от другого—название древнейшей части столицы — «Картли» от названия всего царства — «Картли всея, — всея Картли».

«Обращение Картли», «Жизнь грузинских царей» Леонти Мровели и другие источники упоминают и такие названия города: «Мцхетай», «Дзуели Мцхета» (древняя Мцхета), «Дзуели калаки» (древний город)[15] и «Армази», «Мцхета»[16], или «Армазит кердзи калаки» (город Армазской стороны) и «Мухнарит кердзи калаки» (город Мухнарской стороны)[17].

---

[14] Картлис цховреба, 1, стр. 25.
[15] Опис. рукописей, стр. 709, 755.
[16] Картлис цховреба, 1, стр. 9.
[17] Там же, стр. 43.

Таким образом, грузинские исторические источники сохранили нам весьма важные сведения о возникновении городов Картли, об их многочисленности, разнородности, делении их на убани (районы или кварталы), их укреплении, восстановлении и строительстве, этническом составе, названиях, социальном и профессиональном составе их населения и т. д.

Если сведения «Обращения Картли» и «Жизни царей» дают нам многостороннее представление о городах Картли античной эпохи, того же нельзя сказать о грузинской историографии последующего времени.

Важные сведения относительно городов Картли сохранены и в иностранной исторической литературе. Известный греческий географ **Страбон,** описывая Иберию, как будто специально останавливается на характеристике видов поселений и «городском зодчестве»[18]. Кроме того, Страбон передает важное сведение о двух районах Мцхета: Армазцихе и Цицамури[19]. Также примечательны сведения **Плиния, Птоломея, Диона Кассия Коккейана** и др. Здесь, между прочим, привлекает внимание упоминание «Акрополис» и «Местлета» и краткое описание основных частей города[20].

Значительные сведения можно почерпнуть из «Истории армянского народа» Мовсеса Хоренаци[21] и из «Истории Армении» Фавстоса Бузандаци[22].

Многочисленные сведения сохранились и у византийских авторов. В деле выявления этих сведений, их перевода и составления комментариев к ним большую работу провел С. Г. Каухчишвили. Комментарии и примечания автора боль-

---

[18] Страбон, XI, III, 1.

[19] Там же, XI, III, 5.

[20] В этом отношении Дион выделяется среди других, ср. его Historia Romana, XXXV, II, 1.

[21] История армянского народа Моисея Хоренского, перевод Н. Эмина, М., 1858, стр. 152—153.

[22] История Армении Фавстоса Бузанда, Ер., 1953, Армянская география... приписывавшаяся Моисею Хоренскому, изд. К. Патканова, СПб., 1876, стр. 39.

шей частью исчерпывающе характеризуют указания источников и оказывают нам большую помощь в изучении истории городов и городской жизни в Грузии[23].

В грузинской историографии позднефеодальной эпохи рассмотрение вопросов истории городов античной Картлимы, в первую очередь, видим в работах Вахушти Багратиони. В своих известных произведениях Вахушти в основном следует за указаниями грузинских исторических источников, но, как это отметил Ш. А. Месхиа, опубликованные знаменитым историком и географом сведения не всегда совпадают с грузинскими источниками и содержат дополнительные материалы.

Вахушти рассматривает почти все города и «малые города», повествует об их основании и основателях, указывает на их характер, описывает укрепления городов, знакомит нас с названиями последних, а в нужном случае и с их хронологической последовательностью. Иногда даны сведения о том, почему тот или иной город получил определенную специфику. Так, например, относительно Хунани сказано, что этот город-крепость построил **Картлос** и «сначала он назывался Мтквриси-цихе, потом Хунани,... первый царь **Фарнаоз** сделал его эриставским (резиденцией эристава, — саэристао — А. А.), ибо был он городом и местом пограничным»[24]. В большей или меньшей степени аналогичными являются собранные в трудах Вахушти сведения относительно других городов Грузии, не всегда совпадающие с грузинскими источниками и содержащие весьма интересные дополнительные данные[25], как это мы видели в случае Хунани.

В опубликованной в 1844 году известной книге «Нумизматические факты Грузинского царства» **Михаил Баратаев** указывал на первое грузинское сведение о Тбилиси. Речь

---

[23] Ср.: Георгика, т. I—IV.

[24] Вахушти, Описание грузинского царства. Тб., 1941, стр. 45.

[25] Ш. А. Месхиа, Города и городской строй феодальной Грузии. Тб., 1959, стр. 5.

шла об упоминании Шуриспихе во времена **Варза Бакура**, согласно Вахушти, в 379 году[26]. Автор обращает внимание на то, что Тбилиси как город и крепость упоминается в этом случае впервые, но своими теплыми лечебными источниками он был известен в Грузии и соседних странах с древнейших времен. М. Баратаев интересуется историей изучения прошлого Тбилиси; он разбирает сведения Иезекииля, Геродота, Иосифа Флавия и др. в связи с историей этого города и высказывает заслуживающие внимания соображения относительно использованных им сообщений.

В грузинской историографии впервые именно Михаил Бараташвили обратил внимание на первое сведение о Тбилиси, сохранившееся в греческих исторических источниках, в частности у **Феофана Византийского.** Вот что писал М. Бараташвили в названной книге: «Собственно же из греческих христианских писателей упоминает о Тифлисе первый Феофаний в VI веке, называя его Metropolis autem Iberorum Tiphlis»[27].

В сороковых годах прошлого века П. И. Иоселиани посвятил свой труд вопросам происхождения грузинских городов. В 1844 году он опубликовал специальную статью в журнале Министерства внутренних дел, а в 1850 году издал книгу. В них дана краткая характеристика городов Грузии и высказаны соображения по вопросам их происхождения.

Согласно П. И. Иоселиани, первоначальное возникновение грузинских городов было вызвано военной необходимостью (самообороной). Все древнейшие города, основание которых приписывается Картлосу и его ближайшим наследникам, по мнению автора, не были ничем иным, как горными крепостями-укреплениями, в стенах которых укрывалось население страны в случае опасности[28].

---

[26] Михаил Баратаев, Нумизматические факты Грузинского царства, СПб., 1844, стр. 53.

[27] Там же, стр. 53.

[28] П. И. Иоселиани, Города, существовавшие и существующие в Грузии, Тб., 1850, стр. 79.

Автор устанавливает, что города в Грузии возникли по берегам главных рек и их притоков. Первое место в этом отношении занимала р. Кура. В бассейне р. Куры обитала наибольшая часть населения страны. Города, расположенные на р. Куре, автор делит на 3 группы: города Земо, Шуа и Квемо Картли. Кроме этого на рр. Алазани и Иори расположена была, по П. И. Иоселиани, независимая группа городов; две такие группы подразумевает автор в Западной Грузии: города бассейнов рр. Чороки и Риони[29].

Здесь мы имеем дело с весьма интересными соображениями. Приносящие без полива обильные урожаи долины рек и проходящие вдоль главных рек Грузии торговые пути, имеющие мировое значение, способствовали экономическому развитию страны. По существу, с этими путями и связывает П. И. Иоселиани возникновение городов, что, само по себе, было очень важным фактором зарождения картлийских (и не только) городов. Также убедителен П. И. Иоселиани, когда он связывает оборонительное значение городов с их возникновением. Хотя автор отрывает скопление производства и развитие торговли от факторов, обусловивших зарождение городов, но определенная часть его соображений по вопросу происхождения городов Грузии является обоснованной и правильной, хотя бы для античной эпохи.

В данное время исключительный интерес для нас представляют соображения П. И. Иоселиани относительно Мцхета. Наряду с многими, возможно, неточными и легендарными соображениями встречаются у автора заслуживающие внимание сообщения. Так, например, по мнению автора Mestlit **Птоломея** и Mechsisda **Агафия** несомненно являются искаженной передачей грузинского Мцхета. Вместе с тем, автор пытается увязать название древней столицы «Мцхета» с племенным названием месхов[30].

При исследовании древних городов Грузии прежде всего привлекает внимание исследование И. А. Джавахишвили

---

29 П. И. Иоселиани, Города, существовавшие и существующие в Грузии, Тб., 1850, стр. 77—78.

30 Там же, стр. 53.

«Государственный строй в древней Грузии и древней Армении»[31]. В этой работе подробно рассматриваются типы поселений и дается анализ названия — «калаки» («город»), этимологию которого, как это видно из другой его работы, автор не считает окончательно установленной[32].

Для изучения городов рабовладельческой эпохи большое значение имеет исследование этого же ученого «Строительное искусство в древней Грузии». Во втором разделе этого труда, рассматривая «Город и его сооружения», И. А. Джавахишвили детально исследует характерные признаки города, главные городские сооружения, торговые и общественные постройки, дороги и мосты и т. д.

Автор устанавливает, что в городе должны быть дома горожан и места торжищ; также и палаты и «сене звари» (царские виноградники), но главная и характерная особенность города заключается в том, что в нем должны быть м е с т а т о р ж и щ[33].

Согласно источникам, отражающим дофеодальную эпоху, автор заключает, что город был разделен на убани — районы. Районы имели и свои в о р о т а и свои названия. Среди районов, например, в Мцхета выделяются: убани евреев, жрецов, персов, ассирийцев, ремесленников и т. д. От районов этого рода автор отличает «Шуа убани» — средний район, «Цина убани» — передний район, «Укана убани» — задний район и «Гаре убани» — внешний район, т. е. убани, названные согласно своему расположению.

Несомненным характерным признаком города является ограда — оборонительная стена, разделяемая на в о р о т а. «Таким образом, — заключает автор, — тогдашней особенностью сооружения города являлось то, что население группировалось, с одной стороны, по племенам — одноплеменники

---

[31] И. А. Д ж а в а х о в, Государственный строй в древней Грузии и древней Армении, СПб., 1901.

[32] И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, Материалы к истории материальной культуры грузинского народа, 1; Строительное искусство в древней Грузии, Тб., 1946, стр. 33 (на груз. языке).

[33] Т а м ж е, стр. 39.

пока еще предпочитали жить рядом друг с другом,... с другой стороны, деление происходило по религиозному признаку. Убани должно быть различались и особенностью строений. Их характеризуют определенные сооружения, придающие архитектурное своеобразие каждому из этих районов. Более или менее большой город должен был иметь крепость и оборонительную стену»[34].

И. А. Джавахишвили различает города по их величине, назначению и значению. Самый большой главный город, являющийся центром политического управления, назывался и тогда «дедакалаки» («мать город») — столицей. В соответствии с этим автор заключает, что Мцхета была торговым, административным и судебным центром[35].

Позднее, видимо в связи с развернувшимися в Мцхета археологическими работами, И. А. Джавахишвили исследовал Мцхета и его убани античной эпохи. Результатом этого явилось издание в 1951 году в первой книге «Истории Грузинского народа», в виде дополнения, взятых из архива покойного И. А. Джавахишвили материалов о Мцхетских археологических раскопках и эксцерптов из доклада «Раскопки в Мцхета — Самтавро», прочитанного 25 марта 1940 года на сессии Грузинского филиала Академии наук СССР. В разделе «К истории города Мцхета» И. А. Джавахишвили, желая, как видно, изложить историю древней столицы в связи с развертыванием археологических раскопок в Мцхета, рассматривает соответствующие выписки из грузинских исторических источников. Им собраны также и материалы о других городах Грузии (Цунда, Артаани, Уплисцихе, Урбниси и т. д.)[36].

Несмотря на незавершенность труда, И. А. Джавахишвили при обзоре материалов мцхетских раскопок 1938 го-

---

[34] И. А. Джавахишвили, Материалы к истории материальной культуры грузинского народа, 1; Строительное искусство в древней Грузии, Тб., 1946, стр. 41 (на груз. языке).

[35] Там же, стр. 41.

[36] И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, книга первая, Тб., 1951, стр. X (на груз. яз.).

да, как будто отвечая Л. М. Меликсет-Бекову[37], заключает: «Мцхета должна была быть городом и в эпоху бронзы и железа, притом достаточно большим и густо населенным»[38].

С исключительным вниманием взялся за исследование вопросов о городской жизни Грузии античной эпохи акад. С. Н. Джанашиа. Анализ грузинских и иностранных источников поставил автора перед необходимостью изучения истории древних городов Грузии. В результате этого последовал не один труд автора, посвященный городам античной эпохи. Тбилиси, Фасид-Фазис, Петра, Мцхета и другие культурно-политические центры не раз становились предметом внимания ученого.

С. Н. Джанашиа приялся за археологическое изучение городов Грузии античной эпохи со взглядами, выработанными на основе анализа письменных источников. Исходя из этих данных, автор отмечает, что, согласно сведениям древнейших исторических источников, города Грузии состояли из двух основных элементов: одним был собственно город «даба» или «поселение» — (населенная, жилая часть города), а вторым — крепость. Также была устроена и Мцхета, город у слияния рек Куры и Арагви. По утверждению тех же грузинских летописцев, Фарнаваз начал строительство на горе, напротив нынешней Мцхета, на правом берегу р. Куры. Здесь Фарнаваз построил оборонительную стену и будто воздвиг на вершине горы идол Армаз.... Последующие цари расширили строительство: обвели всю территорию стольного города оборонительной стеной, построили внутреннюю крепость в Армази, закончили строительство города Мцхета, укрепили гору Зедазени... Мцхета стала «большим городом, для восседания великих царей», с четырех сторон ее защищали четыре крепости; среди них «внутренняя крепость» («шида цихе») Армази была главной крепостью... Когда в 65 году до н. э. в Грузию вошли римляне, они увидели на

---

[37] Ср. Л. М. Меликсет-Беков, Армазни, Тб., 1937.

[38] И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I. Тб., 1951, стр. 456 (на груз. яз.).

17

возвышенности у слияния р. Кири (Куры) с р. Араги (Арагви)два города — Армозике — у р. Куры и Сесамору — у реки Арагви. Эти два города находились на расстоянии 16 стадиев друг от друга.... Надо полагать, отмечал С. Н. Джанашиа, что в этом сведении упомянуты две части одного и того же города, ибо существование двух самостоятельных городов на столь близком расстоянии невероятно. Птоломей (II век) называет Армазцихе Армактикой, Плиний — Гермастом; Дион Кассий утверждает, что тот же город назывался Акрополисем. Акрополис же соответствует грузинской «шида цихе» (внутренней крепости)... Это была главная укрепленная часть столицы Картли[39].

В работе «Феодальная революция в Грузии», рассматривая вопросы о происхождении Тбилиси, С. Н. Джанашиа заостряет внимание на упоминании двух пунктов: **калаки** (город) и **цихе** (крепость) в Челишском списке «Обращения Картли». По мнению С. Н. Джанашиа, выходит, что упоминаются два тесно связанных друг с другом пункта, один —населенный, а другой — крепость[40]. Затем автор рассматривает взаимоотношения Мцхета-Армази и Тбилиси-Кала и заключает: «Кала находится в таком же отношении к Тбилиси, в каком Армази — к Мцхета»[41]. Стало быть, С. Н. Джанашиа четко выделял две важнейшие части картлийского города античного времени: собственно город и крепость.

Как известно, С. Н. Джанашиа посвятил специальную работу городу Мцхета в связи с развернувшимися там археологическими раскопками. Он обратил внимание также и на античный период истории г. Тбилиси. Согласно С. Н. Джанашиа, уже к середине IV века Тбилиси «приобрел ад-

---

[39] С. Н. Джанашиа, Древняя столица Грузии. Газ. «Ахалгазрда Комунисти», № 19, 1945.

[40] С. Н. Джанашиа, Феодальная революция в Грузии. Труды, т. 1, Тб., 1949, стр. 11.

[41] Там же, стр. 12.

министративно-хозяйственное и военно-стратегическое значение»[42].

Немало трудов посвятила Мцхета и Армази А. И. Болтунова. Главнейшие из них касаются обнаруженных в Мцхета греческих надписей, но и в них высказано немало интересных соображений относительно самого города. Автор специально касается столицы в связи с вопросом об Армази и при рассмотрении описания Страбоном Иберии. Помимо этого, античным городам Грузии и Армении посвятила А. И. Болтунова свой доклад на II конференции, посвященной античным городам, в декабре 1961 года[43].

Картлийские города античной эпохи автор считает торгово-ремесленными центрами и находит, что Страбонова Иберия является оформленным царством эллинистического типа, характеризующимся укрепленными городами, развитой торговлей, царской властью и сословным делением[44].

Характеристики столичного города Картлийского царства и связанных с ним вопросов касается С. Н. Какабадзе в своих ранних трудах. В этом отношении выделяются опубликованные работы: «Вопросы генезиса грузинской государственности» и «Гор. Армази — гор. Мцхета». Последний раз автор коснулся этого вопроса в 1958 году, в статье, посвященной 1500-летию Тбилиси[45].

С. Н. Какабадзе подробно разбирает название Мцхета и признает положение, высказанное относительно связи этого названия с племенным именем м е с х о в. Затем автор,

---

[42] С. Н. Д ж а н а ш и а, Краткий исторический очерк Тбилиси, Сборник «Тбилиси», Тб., 1946, стр. 11.

[43] А. И. Б о л т у н о в а, Описание Иберии в «Географии» Страбона. ВДИ, № 4, 1947, А. И. Б о л т у н о в а, К вопросу об Армази. ВДИ, № 2, М., 1949, А. И. Б о л т у н о в а, Античные города Грузии и Армении. Античный город. М., 1963, стр. 153—170.

[44] А. И. Б о л т у н о в а, Описание Иберии..., стр. 160.

[45] С. Н. К а к а б а д з е, Вопросы генезиса грузинской государственности. Сансторио Моамбе, 1, Тб., 1924; С. Н. К а к а б а д з е, Гор. Армази — гор. Мцхета. «Сансторио Кребули», III, Тб., 1928.

пытаясь объяснить, почему Страбон не упоминает Мцхета, публикует пространный обзор названий «Акрополис» Диона, «Карти» — «Картли» и «Армази» грузинских источников[46].

В указанном труде рассматривается много топонимических данных, связанных с Мцхета, вопросы локализации и этимологии географических пунктов (Армази, Картли, Цицамури, Арагви, Пелор и др.). Здесь автор рассматривает основные части «Большой Мцхета» и сравнительно детально останавливается на таком значительном элементе городской жизни, каким являются «убани» (район) и «моедани» (площадь). В этой связи привлекают внимание рассуждения автора относительно «рабата» и развившегося вокруг него района и увязывание его с «широкой улицей» или ассирийским râbatu[47] и т. д.

Вторую статью автор посвятил специально Армази и Мцхета[48]. Он коротко рассматривает данные исторических источников, делает попытку локализации интересных пунктов и выставляет заслуживающие внимания соображения относительно собственно города. Автор указывает, что «Мцхета называлась «большим городом», она имела рабат или центральный торговый пункт; в городе были «полорци» или площади. Надо полагать, что город вообще был разделен на маленькие площади, соединяющиеся узкими улицами. Город Мцхета имел 3 ворот; он был расположен на берегу р. Куры, а крепость была на берегу р. Арагви; город имел убани: «малый Багини», царский сад, царские «палаты» и городскую стену[49]. С. Н. Какабадзе излагает также свои соображения в связи с локализацией «Армази» и «Цицамури».

---

[46] С. Н. Какабадзе, Вопросы генезиса грузинской государственности, стр. 28, 13. Оценку — анализ соображений С. Н. Какабадзе см. в труде К. Г. Григолиа — «Жизнь новой Картли», Тб., 1954, стр. 70—77.

[47] Там же, стр. 96—98.

[48] С. Н. Какабадзе, Гор. Армази — гор. Мцхета, стр. 23.

[49] Там же.

Последняя статья С. Н. Какабадзе не дает, по нашему мнению, новых материалов для толкования и локализации «Картли». Кроме того, она привлекает внимание оригинальным объяснением превращения Тбилиси в столицу и утверждением, что будто «древнюю Мцхета» и «Карти-Картли» следует искать в Тбилиси.

Вопросы связанные с древней столицей Иберии, не раз рассматривались Л. М. Меликсет—Бековым. Особенно обширно коснулся автор этих вопросов в труде «Армазии» и, кроме этого, в статьях по вопросам о локализации Страбоновой Севсаморы[50]. Главные соображения автора разбираются нами в главах, посвященных характеристике районов Армазцихе и Цицамури, вследствие чего здесь мы их касаемся лишь кратко.

Несмотря на неточность ряда соображений и положений, проф. Л. М. Меликсет-Беков проделал большую работу и внес значительный вклад в исследование вопросов, связанных с историей Мцхета и ее окрестностей.

При изучении истории древней столицы Картлийского царства велико значение обнаруженных в Мцхета надписей. Много исследований посвятили группе этих памятников Г. В. Церетели, А. Г. Шанидзе, С. Г. Каухчишвили, П. Е. Ингороква и др. В этих исследованиях, разумеется попутно, высказаны соображения, имеющие исключительное значение для характеристики города Картли античной эпохи. В этом отношении особенно выделяется С. Г. Каухчишвили, так как

---

[50] Л. М. Меликсет-Беков, Вокруг вопроса об основании города Мцхета. Жур. «Момавали», Тб., 1921, № 2; Л. М. Меликсет-Беков, К скифской проблеме...

Л. М. Меликсет-Беков, В поисках Страбоновой Севсаморы, ИКОРГО, Тифл., 1917, 1, 3.

Л. М. Меликсет-Беков, К этимологии названий «Мцхета» и «Цицамури», «Христианский Восток», т. V, вып. I—II, 1917.

Л. М. Меликсет-Беков, К вопросу о местоположении Севсаморы. ВДИ, № 4, 1948.

Л. М. Меликсет-Беков, Армазни, Тб., 1937.

впервые он опубликовал работу, познакомившую нас с главным художником (архидзограф — груз. Мхатвартухуцеси) и архитектором (груз. «хуротмодзгвари») города Мцхета. Большое значение имеют также те разделы трудов С. Г. Каухчишвили, Г. В. Церетели и А. Г. Шанидзе, где идет рассуждение о «Эзойсмодзгвари — эпитроп—рабтарбасе» (дворуправителе).

Обзор трудов перечисленных здесь ученых дан нами ниже, где разбираются эпиграфические памятники Мцхета.

В книге «Мцхета» Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северова рассматриваются, главным образом, архитектурные памятники феодальной эпохи, однако авторы уделяют определенное внимание вопросам основания и местоположения Мцхета и обнаруженным при археологических раскопках в Мцхета памятникам. В указанной работе опубликован и схематический план Армазцихе. Составитель этой схемы учел и результаты работы Багинетского отряда Мцхетской археологической экспедиции[51].

Ш. А. Месхиа подробно разбирает литературу и источники, содержащие сведения о городах Грузии феодальной эпохи. Вместе с тем автор рассматривает и города дофеодальной Грузии, а также дает обширный обзор источников и литературы о них.

Ш. А. Месхиа в первую очередь дает оценку трудов царевича Вахушти. Автор установил, что опубликованные Вахушти сведения о том или ином городе не всегда совпадают с указаниями грузинских исторических источников и невозможно выяснить, на какой источник опирался Вахушти в этих случаях. Ш. А. Месхиа считает труд Вахушти скорее источником, чем исследованием по вопросам городов и городского строя Грузии[52].

В труде Ш. А. Месхиа также опубликованы интересные архивные материалы, а именно работа Давида Туманишви-

---

[51] Г. Н. Чубинашвили, Н. П. Северов, Мцхета, М., 1946.

[52] Ш. А. Месхиа, Города и городской строй феодальной Грузии. Тб., 1954, стр. 3.

ли, которая составлена, в основном, по книге Вахушти, но местами содержит новый материал и, таким образом, дополняет ее[53].

Из авторов, рассматривающих города дофеодальной эпохи, в труде Ш. А. Месхиа особое место занимают П. И. Иоселиани, И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа.

Автор рассматривает вопрос о возникновении городов в Грузии. Здесь излагается указание Леонти Мровели об основании городов во времена «мамасахлисоба», т. е. об основании городов-крепостей в Грузии при родовом строе[54]. Если принять толкование автором сведения Леонти Мровели, тогда, разумеется, мы должны признать справедливым его заключение об ошибочности суждений Мровели.

Ш. А. Месхиа связывает происхождение городов с возникновением в Грузии частной собственности, классов и государства. Согласно его утверждению, этот процесс протекает в Грузии в VI—IV вв. до н. э. и связан с возникновением Восточно-Грузинского и Западно-Грузинского царств[55].

В труде дана обширная характеристика развития торговли, ремесел и земледелия, создавших твердую основу для возникновения городов к середине I тысячелетия до н. э. Автор широко использовал археологический материал. Изготовленные колхом гидрия и амфора, огромное количество колхидских и иностранных монет, обнаруженных в Грузии и за ее пределами, дают автору основание заключить, что с VI века до н. э. развернулись широкие торговые связи с сопредельными странами, между внутренними районами и между Картли и Эгриси. Для иллюстрации этого соображения автор указывает на археологические материалы Сухуми, Батуми, Анаклиа, Зугдиди, Вани, Кутаиси, Хони, Рухи и других мест. В этих материалах выделяются весьма значительные нумизматические находки (главным образом, клады).

---

[53] Ш. А. Месхиа, Города и городской строй феодальной Грузии, Тб., 1954, стр. 4—5.

[54] Там же, стр. 59.

[55] Там же, стр. 60.

Наряду с разбором археологических находок, автор широко использует и сведения грузинской и классической письменности и представляет нам таким путем весьма интересную картину возникновения в Грузии городов.

Детально охарактеризовано автором влияние весьма важного для развития городской жизни фактора — большого торгового пути и ряда других, на первый взгляд внешних явлений (колонизации и т. д.).

К концу IV века до н. э. в Восточной Грузии автор предполагает наличие множества городов: Мцхета, Одзрхе, Рустави, Самшвилде, Саркине, Урбниси, Уплисцихе, Цунда, Хунани и др. Соответствующие сведения «Обращения Картли» создают у автора мнение о слабо развитой городской жизни в Картлийском царстве в эпоху до V в. и даже начала IV в. до н. э.[56]. Учитывая многочисленный археологический материал и письменные сведения, автор приходит в важному выводу, что конец IV в. до н. э. и последующий период являются временем расцвета городской жизни Иберийского царства[57].

Автор специально задерживает внимание на вопросе о происхождении Мцхета и Армази. Город-крепость Армази он считает древнейшей столицей Картлийского царства. Усиление Мцхета и превращение ее в город со всеми характерными для него признаками автор относит к IV—III векам до н. э.

Наблюдение автора и в этом случае обоснованно. Достойна признания и хронологическая последовательность названий—Картли—Армази—Мцхета, однако некоторое их противопоставление нам кажется неправомерным.

Интересно суждение автора о существовании городов двух типов: а) город-крепость и б) город. Первый — город-крепость характерен для рабовладельческой эпохи, а вто-

---

[56] Ш. А. Месхиа, Города и городской строй феодальной Грузии. Тб., 1954, стр. 72.

[57] Ш. А. Месхиа, там же, стр. 75.

рой — город — для феодальной. Это соображение автор развивает в труде, опубликованном в 1958 году и позднее[58].

К. Г. Григолиа в своем труде «Жизнь новой Картли» подробно рассматривает вопрос о названии столицы Картлийского царства античной эпохи и устанавливает последовательность названий: «Картли»—первоначальное название этого пункта, а «Армази» — название, созданное гораздо позже. Автор излагает весьма интересные сведения о местонахождении Картли: так как из «Жития св. Нины» мы знаем, что царский сад был в Мцхета, там, где в дальнейшем царь Мириан построил церковь (в окрестностях нынешнего Светицховели), то и путь, пройденный Ниной, вполне ясен. Нина, идущая от резиденции царя Бартама, сначала шла через Картли, потом перешла Куру и так дошла до царского сада. Отсюда ясно, что название Картли относилось и к подножию горы, расположенной на правом побережьи Куры, напротив Мцхета, и там же расположенной полосе равнины[59].

К. Г. Григолиа выяснил, что и Джуаншер полагает «Картли» к югу от Куры[60]. Весьма интересно, по нашему мнению, наблюдение, изложенное им при рассмотрении описания битвы Вахтанга Горгасала с персами. Здесь привлекает внимание заключение автора о том, что из приводимых здесь Джуаншером названий несомненно заслуживает внимания упоминание «Армази-Картли». Дело в том, что автору пока еще знакомо их синонимное значение и он справедливо противопоставляет его Мцхета[61]. В определенном случае, как установил К. Г. Григолиа, у Леонти Мровели Картли название большого города: Картли обозначает здесь всю столицу в целом и покрывает также и Мцхета[62].

---

[58] Ш. А. Месхиа, Д. Гвритишвили, А. Сургуладзе, История Тбилиси, Тб., 1958, стр. 9; Ш. Месхиа, О генезисе и сущности городов рабовладельческой Грузии. ВООН АН ГССР, Тб., 1960, № 2, стр. 255—276 (на груз. яз.).

[59] К. Г. Григолиа, Новая история Картли. Тб., 1954, стр. 71 (на груз. яз.).

[60] Там же, стр. 72.

[61] Там же, стр. 73.

[62] Там же, стр. 74.

Наконец, К. Г. Григолиа рассматривает мегрело-сванское название города — «К а р т и» и заключает, что «Мегрело-сванское Карти, должно быть, являтся тем же, что и Картли Леонти Мровели и Джуаншера»[63].

Столь же интересные соображения высказаны К. Г. Григолиа о происхождении названий «Армази» и «Акрополис» — «шида цихе».

В общем же исследование К. Г. Григолиа не ограничивается рассмотрением древнейшего названия столицы и касается также ряда интересных вопросов о Мцхета античной эпохи.

Детально характеризует Мцхета, как город, возникший на перекрестке дорог, идущих с четырех сторон, Г. А. Меликишвили в своем труде «К вопросу о возникновении в Грузии классового общества и государства». Автор указывает на мировое значение торгово-транзитного пути и характеризует Мцхета, как важный торгово-ремесленный центр. Также подробно рассматривает автор торговое и ремесленное население городов Иберии, значительную роль среди которых играла еврейская колония[64]. Согласно автору, наличие еврейских колоний следует предполагать и в других городах Картли (Урбниси, Уджарма и др.). Он специально останавливается на рассмотрении одной из частей городов античной Картли, упоминавшейся в грузинских источниках под названием «рабат». По мнению Г. А. Меликишвили, это район, образовавшийся вокруг торговой площади и связанный с семитским (ассирийским) rêbitu, т. е. имеет значение «широкой улицы» или «площади». И в этом видит также автор подтверждение существования в городах Картли торгующих семитических (еврейских-арамейских) колоний[65].

На территории древней Картли автор предполагает высокий уровень развития товарообмена и связанного с ним то-

---

[63] К. Г. Г р и г о л и а, Новая история Картли. Тб., 1954, стр. 75 (на груз. яз.).

[64] Г. А. М е л и к и ш в и л и, К вопросу о возникновении в Грузии классового общества и государства, Тб., 1956, стр. 161—164.

[65] Т а м ж е, стр. 165.

варного производства. «Города древней Иберии, — отмечает автор, — являлись центрами торговли—товарообмена. Это прежде всего следует сказать относительно самой столицы царства — Мцхета»[66].

В другой своей работе, вышедшей в 1960 году, Г. А. Меликишвили более подробно рассматривает города античной Грузии и исследует историю торгово-ремесленного населения городов Картли.

Города античной Картли, по мнению Г. А. Меликишвили, являлись в первую очередь торгово-ремесленными и, в ряде случаев, также военно-административными, военно-стратегическими центрами[67].

Подробно освещая роль торговых путей, автор отмечает, что неслучайно наиболее значительные городские центры древней Картли были расположены по течению р. Куры, являвшейся в то время крупной торговой магистралью[68].

Значительное внимание уделяет Г. А. Меликишвили вопросам городских ремесел, в частности высокоразвитому ювелирному ремеслу городов античной Картли[69].

Предметом специальных исследований стали у автора формы землепользования и землевладения, деления города на отдельные кварталы — убани, а также вопросы социального развития городского населения[70].

Специальную монографию посвященную вопросам истории античных городов Картли, издал за последнее время Д. А. Хахутайшвили[71].

Характеризуя памятники культуры грузинских городов античной эпохи, М. М. Иващенко, А. Н. Каландадзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Г. А. Ломтатидзе, М. П. Инадзе, Д. Л. Мус-

---

66 Г. А. Меликишвили, К вопросу о возникновении в Грузии классового общества и государства, Тб., 1956, стр. 166.

67 Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 440.

68 Там же.

69 Там же, стр. 441.

70 Там же, стр. 439—454.

71 Д. А. Хахутайшвили, Вопросы истории городов Иберии, Тб., 1966, см. его-же, Уплисцихе 1, Тб., 1964.

хелишвили, Л. А. Чилашвили и др. рассматривают археологические памятники древнейших городов Картли и соответственно освещают вопросы городской жизни[72].

Характеристике ремесленного производства и торговли Мцхета в I—III веках н. э. посвятил свой труд О. Д. Лордкипанидзе. Автор подробно разбирает вопросы керамического производства, обработки металлов, строительного дела и художественного мастерства, а также вопросы о сельском районе города, земледелии и землевладении и т. д.[73].

Таким образом, в последнее время вопросы древней городской жизни и городского строя Грузии находились в центре внимания грузинской советской историографии. Главным образом благодаря анализу письменных источников, представилась возможнось с большей или меньшей полнотой рассмотреть и историю городов Грузии античной эпохи. В этом отношении, как мы видели, особо следует отметить заслуги И.А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, Г. В. Церетели, Г. Н. Чубинашвили, С. Г. Каухчишвили, Л. М. Меликсет-Бекова, С. Н. Какабадзе, Ш. А. Месхиа, Г. А. Меликишвили, К. Г. Григолиа и др.

Выдвижение исследования вопросов о городах, городской жизни и городском строе является результатом широ-

---

[72] Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, Тб., 1952; М. М. Иващенко, Устройство погребальных сооружений и способ погребения в некрополе питиахшей в Армази. Тб., 1945; Г. А. Ломтатидзе, К социальной и культурной характеристике населения Грузии в I—III веках нового летоисчисления. Труды Института Истории т. I, Тб., 1955 (на груз. яз.); Г. А Ломтатидзе, Археологические раскопки в древней столице Грузии, Тб., 1945 (на груз. яз.); Г. А. Ломтатидзе, Археологические раскопки в Мцхета, Тб., 1955; А. Н. Каландадзе, Армазская археологическая экспедиция, 1939 г. Известия ИЯИМК, т. IV, вып. 3, Тб. 1939 (на груз. яз.); А. Н. Каландадзе, Предварительный отчет об Армазской археологической экспедиции, Известия ИЯИМК, т. III, вып. III, Тб., 1937 (на груз. яз.); А. Н. Каландадзе, Новооткрытый некрополь в Мцхета. «Мимомхилвели», т. 1, Тб., 1949. (на груз. яз.).

[73] О. Д. Лордкипанидзе, Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э., Тб., 1956.

кого развертывания в Грузии археологических изысканий и, прежде всего, археологических раскопок, осуществленных под руководством академиков И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа на территории древней столицы Грузии.

Уже с прошлого века Мцхета привлекала внимание исследователей. Сначала Фр. Дюбуа де Монпере[74], а затем П. И. Иоселиани[75] с сожалением обращали внимание на факт неизученности древностей Мцхета[76]. Начиная с шестидесятых годов XIX века в Мцхета приступили к археологическим работам, и могильник Самтавро — северной окраины Мцхета — стал всемирно известным в связи с тем, что при перетрассировке и расширении Военно-Грузинской дороги было обнаружено множество погребений, изучение которых и специальный «археологический надзор» осуществлял Фридрих Байерн[77].

Таким образом прошло девяносто лет с тех пор, как начались археологические раскопки в Мцхета, однако широкое развертывание этих работ и планомерное их направление стало возможно только с 1937 года, когда к полевым археологическим работам приступила Мцхетская археологическая экспедиция в столице Картли, являвшейся в древнюю, освещенную историческими сведениями эпоху центром политической и культурной жизни Грузии[78].

Материал, собранный путем археологических раскопок за последние 25 лет, дает возможность проследить жизнь Мцхета на протяжении 2500 лет, однако главнейший и важнейший материал относится к двум первым отрезкам истории Мцхета — к достоличному и столичному периодам.

---

[74] F. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase. Paris, 1840, стр. 230.

[75] П. И. Иоселиани, Города существовавшие и существующие в Грузии, Тб., 1850, стр. 20.

[76] Мцхета 1, стр. 7; Г. А. Ломтатидзе, Археологические раскопки в Мцхета, Тб., 1955, стр. 10.

[77] F. Bayern. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. ZfE. Berlin, 1885, Supplement.

[78] С. Н. Джанашиа, Мцхета — древняя столица Грузии. Мцхета 1, стр. VII.

При этом отмечается, что почти везде, где обнаружены памятники достоличного периода, находятся и материалы столичного периода,

Особое значение археологическому материалу столичного периода придают памятники, раскопанные во внутренней крепости (Армазцихе), в Саркине и Цицамури. Это остатки фортификационных сооружений, дворцов и храмов, ремесленных и хозяйственных соружений, водопроводов, строительных материалов, а также обнаруженные эпиграфические памятники и погребальный инвентарь, имеющие большое значение для изучения жизни города Мцхета столичного периода. Рассмотрение обнаруженных в Большой Мцхета археологических памятников с учетом письменных сведений дает основу для выработки более полного представления о древней столице Картлийского царства. С этой целью необходимо попытаться подытожить результаты изучения археологических материалов, обнаруженных в г. Мцхета и его окрестностях, и хотя бы кратко коснуться главнейших групп открытых раскопками памятников. Таковыми мыслятся обнаруженные в различное время на территории Большой Мцхета археологические материалы, характеризующие архитектурные памятники столичного периода, вопросы строительного искусства и производства строительных материалов; основные типы погребальных сооружений, их устройство, погребальный инвентарь и обряды захоронения; эпиграфические памятники столичного периода; территорию города Мцхета и его главнейших убани; население столицы, его социальный и этнический состав; социально-экономическую, культурную и политическую жизнь стольного города.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ, СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

На территории «Большой Мцхета» сохранились памятники материальной культуры, весьма важные с точки зрения истории грузинской архитектуры. В этом отношении в первую очередь следует отметить: а) грандиозный храм животворящего столпа—Светицховели, возвышающийся в центре города, на том месте, где в IV в. царем Мирианом, как полагают, была выстроена первая христианская церковь[1]; б) блестящий образец расцвета грузинской архитектуры ранне-феодальной эпохи—храм Джвари, основание комплекса которого приписывается грузинскому правителю (эриставари) VI в. — Гуараму, завершение же строительства большой церкви Джвари — его сыну Стефанозу Первому, в 586/7 — 606 гг[2]. (табл. 1); в) великолепный памятник грузинской монументальной архитектуры XI века — женский монастырь Самтавро[3]; г) развалины малых церквей в г. Мцхета, известных под названиями «Бабале», «Гетсимания и «Антиохи»; д) церкви Калоубани и Кодмани; е) монастыри Армазисхеви и Шиомгвиме; ж) молельню св. Нины; з) так называемый монастырь св. Ольги и др.

Таковы основные, сохранившиеся наземно памятники, создающие определенное представление о разных ступенях развития грузинской архитектуры феодального периода. Среди вышеуказанных памятников древнегрузинского зодчества выделяют древнейшую IV—V вв. группу сооружений, относя-

---

[1] В. В. Бериdзе, Архитектура Грузии, М., 1948, стр. 14.

[2] Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тб., 1948; В. В. Бериdзе, указ. соч., стр. 22—23; Ш. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, М., 1951.

[3] Р. О. Шмерлинг, Самтавро—памятник XI века, Ars Georgica, 1, Тб., 1942, стр. 49—77; Н. А. Северов, Памятники грузинского зодчества, М., 1947, стр. 8.

щихся к подготовительному этапу в истории грузинской архитектуры[4].

В настоящее время в результате археологических изысканий выявлены остатки сооружений, имеющие, по нашему мнению, большое значение с точки зрения истории грузинского зодчества дофеодальной эпохи. Как известно, основоположник грузинского советского искусствоведения Г. Н. Чубинашвили еще задолго до археологических открытий в Мцхета признавал, что уже первые сохранившиеся до наших дней памятники бесспорно доказывают существование в Грузии архитектурного искусства и специальных навыков строительного дела[5]. Неоднократно отмечалось, что сохранившиеся церковные памятники также подтверждают наличие определенных местных строительных традиций[6]. Однако нам кажется, что в настоящее время, в свете новых археологических открытий, даже эти, несомненно правильные наблюдения, не являются исчерпывающими. Указания грузинских исторических источников о развернутой в Мцхета и других городах строительной деятельности, начиная с IV в. до н. э., сведения Страбона о наличии домов, рынков и других общественных зданий, построенных согласно правилам архитектурного искусства; мцхетская первая надпись, в которой говорится об укреплении городской стены в 75 г. н. э.; надпись на могильном камне зодчего и главного художника города Мцхета; обнаруженные во время археологических раскопок сооружения, развалины или отдельные их фрагменты указывают не только на наличие определенных дофеодальных местных строительных традиций, но выявляют также более раннюю, античную ступень грузинского зодчества, в результате дальнейшего развития которого становится вполне закономерным появление классических памятников грузинской христианской архитектуры IV—VI вв. н. э.

---

[4] В. В. Бериdзе, Архитектура Грузии, М., 1948, стр. 30.

[5] Г. Н. Чубинашвили, История грузинского искусства, т. 1, Тб., 1936, стр. 51 (на груз. яз.).

[6] Ср. В. В. Бериdзе, указ. соч., стр. 10.

В результате археологических исследований найдены не только многочисленные архитектурные фрагменты, остатки и развалины отдельных сооружений, но и большие комплексы, сложные фортификационные сооружения и великолепные памятники «малого зодчества», которые создают определенное представление о «городском зодчестве» картлийского царства античной эпохи. Именно поэтому эти памятники необходимо иметь в виду при периодизации истории древнегрузинского строительного искусства. Во всяком случае, археологические открытия в Мцхета, Гори, Уплисцихе, Ховле и т. д. убедительно показали, что предположение о том, будто мегалиты являются единственной категорией монументального искусства, хронологически предшествовавшей возникновению и развитию грузинского феодального зодчества, лишено основания[7].

В Мцхета, Гори, Уплисцихе, Ховле обнаружены сооружения различного назначения. Главнейшие, выявленные в более или менее полном виде сооружения придают отдельным убани (районам) города своеобразный архитектурный облик. Среди раскопанных памятников выделяются столь характерные для картлийских городов античного периода фортификационные сооружения: крепости, крепостные стены и ограды, наблюдательные башни (например, в Армазцихе, Цицамури, Саркине—Саване, Гори, Уплисцихе и т. д.).

Оборонительные сооружения отличаются грандиозностью и искусным мастерством строительства: на выложенном из квадров основании возведены огромные стены из сырцовых кирпичей. Квадры основания стен и башен вставлены в выдолбленные в скале гнезда, вкреплены и в скалу, а также связаны между собой пиронами; кладка кирпичей укреплена продольно и поперечно вставленными дубовыми брусьями и оштукатурена, что придает крепостной стене монолитный характер. Обнаруженные при раскопках четырехугольных

---

[7] Л. М. Меликсет-Беков, Мегалитическая культура в Грузии, Тб.; 1934, стр. 134.

башен и контрфорсов обломки черепиц показывают, что указанные фортификационные сооружения должны были быть перекрыты черепицами (таблицы IV—XI).

Таким способом построены крепостные стены, башни в Армазисцихе (табл. VIII, 1; IX, 1; X, 1), Цицамури (табл. XVI—XVIII), Саркине и Саване. Совершенно аналогичная картина наблюдается на Горийской крепости и в Уплисцихе[8]. Таким образом, выясняется, что на ранней (древнейшей) ступени строительства оборонительных сооружений картлийских городов античного периода были распространены возведенные на квадровых основаниях сырцовые крепостные ограды, башни. Это является единственным до III в. до н. э. видом строительства оборонительных сооружений, объединяемых в выделенную нами группу —Армазцихе I (рис. 1, 2, 5, 9, 10).

В самой Армазисцихе, т. е. во внутренней крепости Мцхета, характерные для Армазцихе I памятники встречаются и после III в. до н. э.; однако нет оснований считать их поздними сооружениями. Для III в. до н. э. и последующего времени характерна уже группа крепостных стен или других памятников, при сооружении которых используется известковый раствор (Армазцихе II). Конечно, из этого не следует, что строительное искусство Армазцихе I было отвергнуто и что памятники, выстроенные по принципам строительного искусства Армазцихе I, были уничтожены. Напротив, раскопки показали что некоторые участки Армазской крепости, построенные в IV—III вв. до н. э., т. е. сооружения, характерные для Армазцихе I, в дальнейшем были реставрированы и укреплены известковым раствором.

Таким образом, применение известкового раствора в городах Картли до III в. до н. э. археологически пока не доказывается; в указанный период здесь распространена сухая кладка связанных между собой специальными пиронами квадров. При возведении стен из сырцового кирпича при-

---

[8] Д. А. Хахутайшвили, Уплисцихе, I, Тб., 1964.

меняется раствор, но не известковый, а глиняный. С III в. до н. э. в Картлийском царстве широко применяется известковый раствор и, как видно в связи с этим, почти прекращается или резко сокращается использование сырца в строительстве крепостей и других сооружений. Смешанное строительство с применением сырцового кирпича и камня широко распространено, однако, по всей видимости, сырец постепенно вытеснялся известковым раствором. Это становится все более характерным для строительного искусства городов Картли с III в. до н. э.

К этому времени предполагается применение извести в Картли и по грузинским историческим источникам. Леонти Мровели при описании деятельности Ардама отмечает, что последний впервые возвел вокруг Мцхета крепостную стену на известковом растворе.

В свое время при рассмотрении сообщения Мровели о строительной деятельности царя Ардама весьма интересное предположение было высказано царевичем Теймуразом. Пытаясь объяснить вышеуказанные сообщения Леонти, Теймураз отмечал следующее: «говорят, что во всей Иверии раньше не строились крепости, ни другие сооружения на известковом растворе и что первый Ардам начал воздвигать здания из кладки на известковом растворе. Однако, другие говорят, что и до того имелись постройки на известковом растворе и крепости, и башни и на горе Картлоса, и в других местах верхней и нижней Иверии, и обелиски, обозначающие вехи, выложенные из тесаного камня на известковом растворе. Так же были построены жертвенники идола Бочи, или жертвенники для поминания других древнейших богов и крепости в разных местах. И так как он, Ардам, научил всех и множества местностей Иверии постройке крепостей и крепостных сооружений с использованием известкового раствора, древнейшие грузинские летописцы приписали Ардаму, якобы он первый положил начало применению каменной кладки на известковом растворе»[9].

[9] Теймураз Батонишвили, История, 1848, стр. 75 (подчеркнуто нами — А. А.).

Наблюдения Теймураза вполне убедительны. Главным в деятельности Ардама, нужно полагать, являлось не то, что он будто бы первый применил известковый раствор; с его именем связано широкое распространение по всему царству каменной кладки на известковом растворе, т. е. новая ступень развития строительного искусства в Картлийском царстве. В этом отношении сведению Леонти и толкованию Теймураза соответствуют и археологические открытия.

В строительстве крепостей древнейшего слоя Армазисцихе еще одна характерная деталь. Как известно, стены Внутренней крепости тянутся вдоль малых хребтов, однако они воздвигнуты не непосредственно на гребнях; сам хребет остается в пределах Внутренней крепости. При таком сооружении крепостной стены подкоп под фундамент этой последней значительно затруднен, так как неприятель наталкивается на скалу и лишен возможности проникнуть во внутреннюю крепость. С другой стороны, обороняющиеся находятся в намного более выгодном положении вдоль всей крепостной стены, а не только у башен.

Отмеченное выше легко проследить на III—IV участках Внутренней крепости, в окрестностях Саване (особенно на прибрежных хребтах Куры) и на Горийской крепости и т. д. Со своей стороны, эта деталь является хорошим показателем опытности строителей Армазцихе I. В грузинских исторических источниках имеется не одно указание относительно случаев захвата крепостей или даже городов без особых затруднений путем подкопа стен из сырцового кирпича. К примеру, можно назвать случай успешного захвата г. Занган только лишь после того, как представители разных грузинских областей поделили между собой крепостную стену города, с тем, чтобы подкопать ее. Стали рыть. Раньше всех месхи подкопали с правой стороны выложенную из сырца стену... подкопали со всех сторон и вошли в город[10].

---

[10] История и восхваление венценосцев, Тб., изд. К. С. Кекелидзе, стр. 135 (на груз. яз.).

Надо полагать, что строители Армазцихе I учитывали именно такого вида опасность, воздвигая крепостные стены не на самом гребне, а несколько дальше — наружу, так что скалистый хребет представлял некоторую составную часть внутри крепостной стены.

В обнаруженных при раскопках гражданских сооружениях: развалинах дворцов, храмов, отдельных домов, мастерских, бань, хозяйственных и культовых сооружений и т. д. (рис. 3,9,10—13) также наблюдаются приемы строительного искусства, указанные при рассмотрении оборонительных сооружений. В этом отношении следует отметить: обнаруженный на территории акрополя «Колонный зал»; раскопанное к северу от последнего сооружение, состоящее из двух комнат; выявленные в первом раскопе Грдзели миндори развалины мастерских и сооружение, раскопанное у Саване. Несмотря на то, что во всех этих случаях мы имеем дело не с фортификационными, а с гражданскими сооружениями, в их строительстве применяется смешанная кладка каменных квадров и сырцового кирпича, которая, как было отмечено выше, является вообще характерной для Армазцихе I. Следовательно, Армазцихе I подразумевает строительное исскуство и архитектурные сооружения не только определенного вида, но и характерные для определенного отрезка времени (IV—III вв. до н. э.).

Среди гражданских сооружений, раскопанных на внутренней территории Армазцихе, выделяется комплекс зданий, основным сооружением которого является «Колонный зал» (табл. IV) — продолговато-четырехугольное помещение, выстроенное из больших хорошо отесаных квадров, площадь его достигает 185 м² (20,82 м х 8,87 м); кладка — сухая, стены—довольно толстые (1,45—1,70 м). Западная стена, как видно, сначала не была покрыта землей, поэтому с этой стороны сохранена довольно высокая кладка квадров (высота 3,30 м), кладка же остальных стен достигает 1,75 м. Выше, над квадровой кладкой стены выложены из больших сырцовых кирпичей. Судя по северо-западному углу «Колонного

зала», видимая часть западной стены была построена из сырцового кирпича (табл. V, 2; рис. 4).

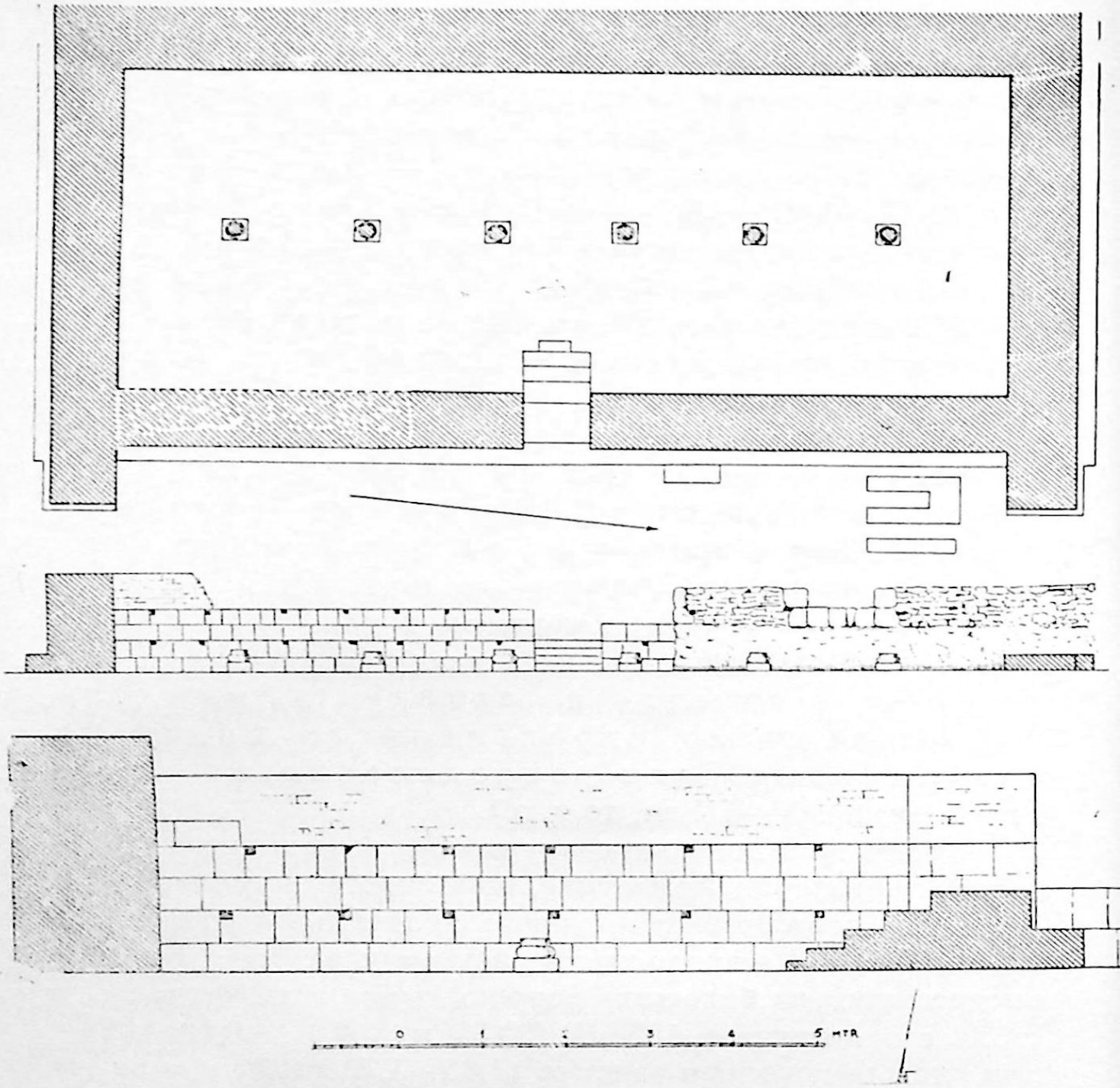


Рис. 4. План и разрезы «Колонного зала» в Багинети (Армазцихе I)

Вдоль продольной оси зала расположены базы шести колонн (табл. IV, рис. 4, 1). Уже при обнаружении зала, т. е. в 1944 г., внимание привлекли небольшие размеры баз и ка-

пителей указанных колонн. Это обстоятельство нашло свое объяснение после раскопок 1945 г., когда на базах колонн оказались фрагменты сгоревшей деревянной колонны и находящиеся там же, сдвинутые с места обуглившиеся части сгоревшей колонны. Следовательно, по продольной оси зала, в центре, в свое время было расположено шесть деревянных колонн (рис. 5), базы и капители которых были высечены из песчаника (табл. XI, I), обнаружены все шесть баз и капителей, профилированных гладко. Каждая база состоит из плинтуса, на котором помещен валик, за ним следует шейка с высеченной на ней выемкой, в которую, как видно, встав-

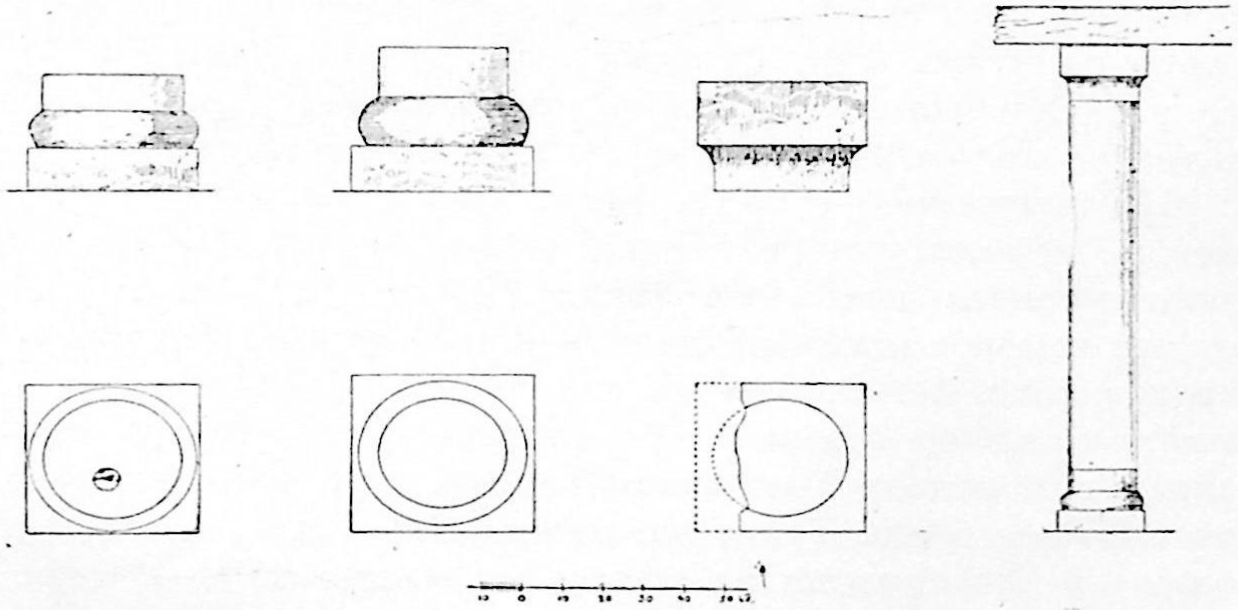


Рис. 5. Базы, капитель и колонна (реконструкция) «Колонного зала» Багинети (Армазцихе I)

лялась деревянная колонна; капитель с абакой также имеет выемку. Сочетание деревянной колонны с каменными базой и капителью является редким явлением в истории зодчества.

Сооружение, как отмечалось, было на виду, по крайней мере, с трех сторон, т. е. имело, надо полагать, три фасада. Наружная поверхность стен с указанных сторон обработана исключительно хорошо. Сооружение обведено широким цоколем. Главная фасадная стена расположена на восточной стороне; с этой стороны стена имеет два антаобразных выс-

тупа. В центре между этими выступами стена как будто прорезана и в «Колонный зал» мы входим, или скорее спускаемся, посредством широкой, четырехступенчатой лестницы (табл. VII, 2; VIII, 1).

Относительно внутреннего украшения зала мало что можно сказать. Орнаментированная, костяная пластинка парфянского изделия, аналоги которой датируются III—I вв. до н. э.[11], и фрагменты тонких золотых пластинок, украшенная спиралями бронзовая бляха, обломки «египетской пасты» и т. д. не могут создать более или менее полной картины внутреннего убранства «Колонного зала». Несмотря на то, что благодаря хорошо тесаным и искусно пригнанным друг к другу квадрам, внутренняя поверхность стен зала имеет довольно приятный вид, наличие штукатурки не исключается, ибо у входа были обнаружены мельчайшие обломки довольно чистой штукатурки, как будто со следами окраски.

На внутренней стороне стен «Колонного зала» имеются выемки, напоминающие гнезда, выдалбливаемые для укрепления строительных лесов (табл. IV, VII, VIII, 1). Полагают, что выемки могли иметь и назначение антисейсмических скрепов (рис. 4). Высказано соображение, что в эти гнезда были вставлены балки и что, следовательно, они использовались для консолей от полок, на которые раскладывались драгоценные вещи. Такие же гнезда, как известно, зафиксированы в раскопанных в Ольвии сооружениях VI—IV вв. до н. э. и обнаруженных при раскопках Тиритаки сооружениях эллинистического периода; в кладке же одного из общественных сооружений эллинистического периода (IV—III вв. до н. э.), раскопанных в 1910 г. в Херсонесе, сохранились четырехугольные гнезда[12], как полагают, связанные с конструкцией перекрытия, чего нельзя сказать о выдолбленных четырехугольных пазах в квадровой кладке «колонного зала» Армазцихе.

---

[11] P. Pope and Ackerman. A Survey of Persian art. v. VIII, London and New-Jork, 1939, стр. 2659—2663, рис. 888.

[12] Херсонский сборник, вып. III, Севастополь, 1931, стр. 55, рис. 16.

Пол зала утрамбован розоватым песком (из туфогенного песчаника) и в этом отношении указывает на ранние традиции. Общий контур «колонного зала» Армазцихе напоминает храм дворца Капара в Тель-Халафе; некоторый аналог последнего был обнаружен недавно и на Камир-Блуре[13]. Таким образом, среди архитектурных сооружений, объединенных нами в Армазцихе I, мы имеем дело с памятниками, близкими по строительной технике, архитектурным формам и по возрасту с памятниками Тель-Халафа, Урарту и т. д. Иллюстрацией для такого заключения могут служить и «колонный зал», и высеченные в скалах для оснований крепостных стен Армазцихе ступени, которые можно сравнить со ступенями, высеченными на хребте Топрах-Кале и т. д.

Ничего вещественного, кроме черепиц, не сохранилось для восстановления формы перекрытия «колонного зала», однако судя по продольно расположенным колоннам перекрытие, надо полагать, имело двускатную форму. Материалом для перекрытия служили черепицы, обнаруженные в огромном количестве внутри зала и вокруг него.

Перед «колонным залом» обнаружена небольшая, продолговато—П—образной формы кладка со следами продолжительно действующего огня. Именно это обстоятельство и расположение кладки дали основание предположить наличие «жертвенника» или места «постоянного огня» перед «колонным залом» и, следовательно, допустить возможность культового назначения последнего (рис. 4).

Синхронные и построенные аналогичными техническими приемами сооружения были раскопаны нами, как уже было отмечено, и к северу от «колонного зала» (рис. 6—7).

Городское строительство, как видно, еще шире развернулось в эпоху Армазцихе II и последующее время, в особенности, в I—III вв. н. э., когда строительство велось в основном в

---

[13] Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ер., 1944, стр. 162—163, рис. 23.

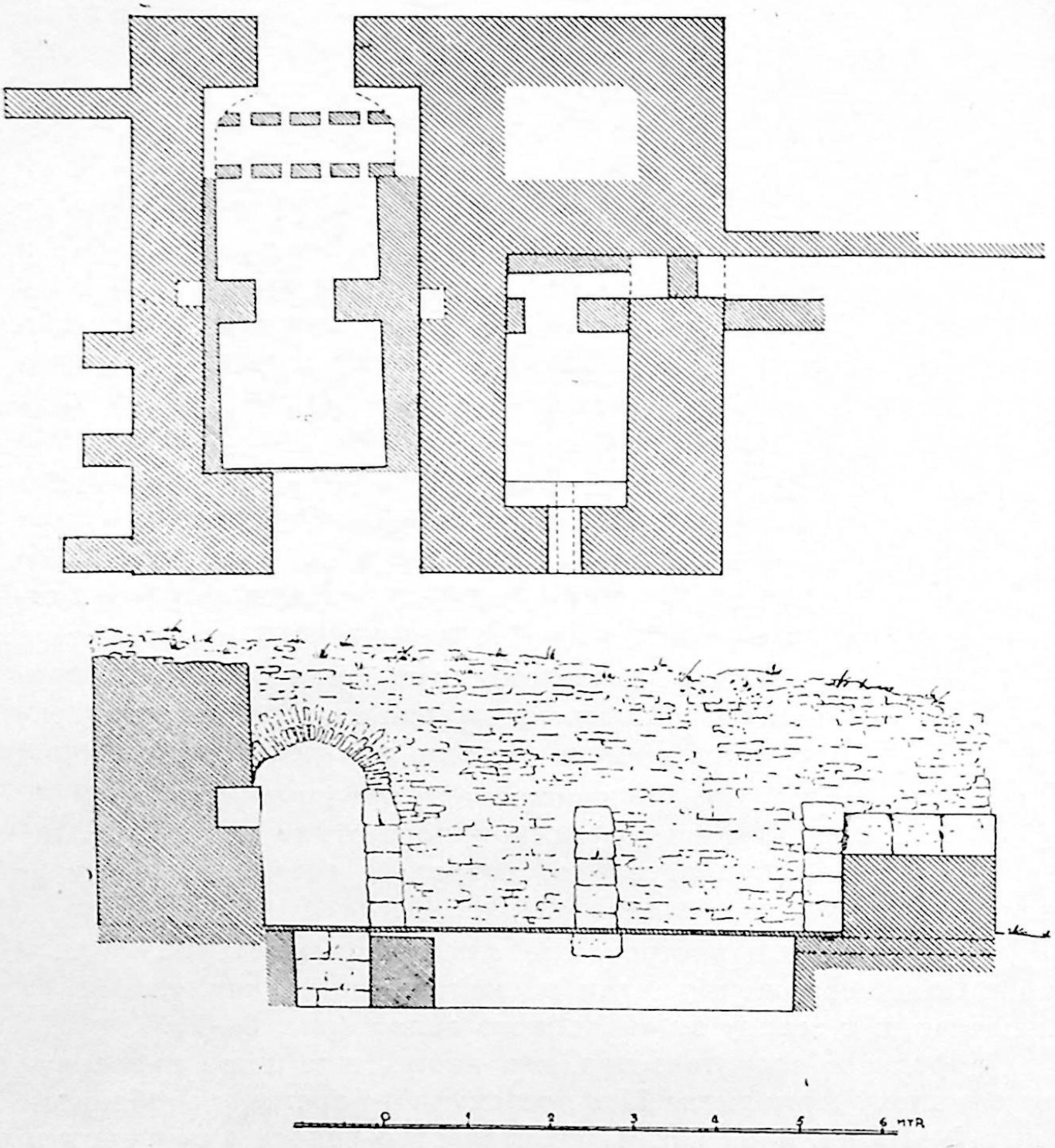


Рис. 6. План и общий вид северной стены двухкомнатного сооружения в Багинети (Армазцихе II). В южном помещении видны остатки квадровой кладки древнейшего слоя, при возведении же северной стены использованы квадры из нижнего слоя (Армазцихе I)

собственно Мцхета и в резиденции питиахшей, у устья р. Армазисхеви.

Среди многочисленных городских построек особенно выделяются сооружения, указывающие на высокий уровень развития городской санитарной культуры — бани, а также водопроводы.

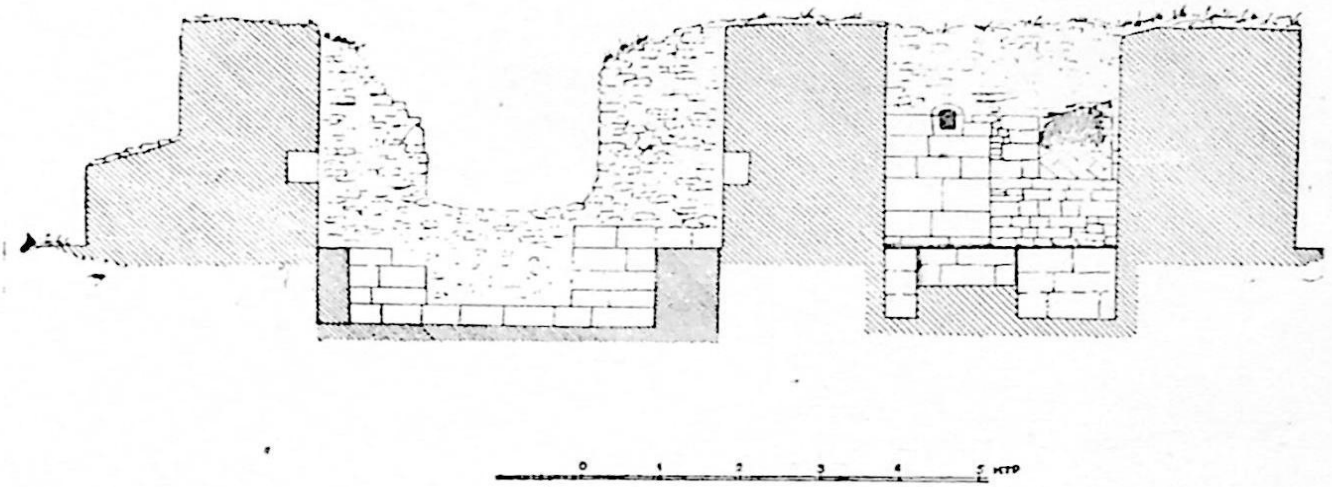


Рис. 7. Внутренний вид западной стены двухкомнатного сооружения в Багинети, возведенного на квадровой кладке древнейшего слоя

Раскопки показали, что различные сооружения строились соответственно районам — убани античного города. Так, например, бани обнаружены во внутренней крепости и в резиденции питиахшей, водопроводы — в собственно Мцхета, во внутренней крепости, на территории резиденции питиахшей и в Саркине.

Синхронные с сооружениями древнейшего слоя Багинети (Армазцихе I) архитектурные памятники пока что не обнаружены на всех участках Большой Мцхета; остатки же сооружений I—III вв. н. э. в наибольшем количестве раскопаны у устья р. Армазисхеви, на той равнине, где в 1940 г. были выявлены богатые погребения питиахшей.

К этому времени следует отнести сооружение, в котором находились I и II погребения фамильной усыпальницы армазисхевских эриставов (рис. 36).

Самым важным среди армазисхевских сооружений античного периода, как видно, был дворец или храм, т. е. так называемое «сооружение с порогом» (табл. XIV, 4), развалины и остатки которого были раскопаны в 1941 г. Мцхетской археологической экспедицией (рис. 12—14).

Самой древней у устья Армазисхеви и близко стоящей к древнейшему слою Багинети можно считать ту группу

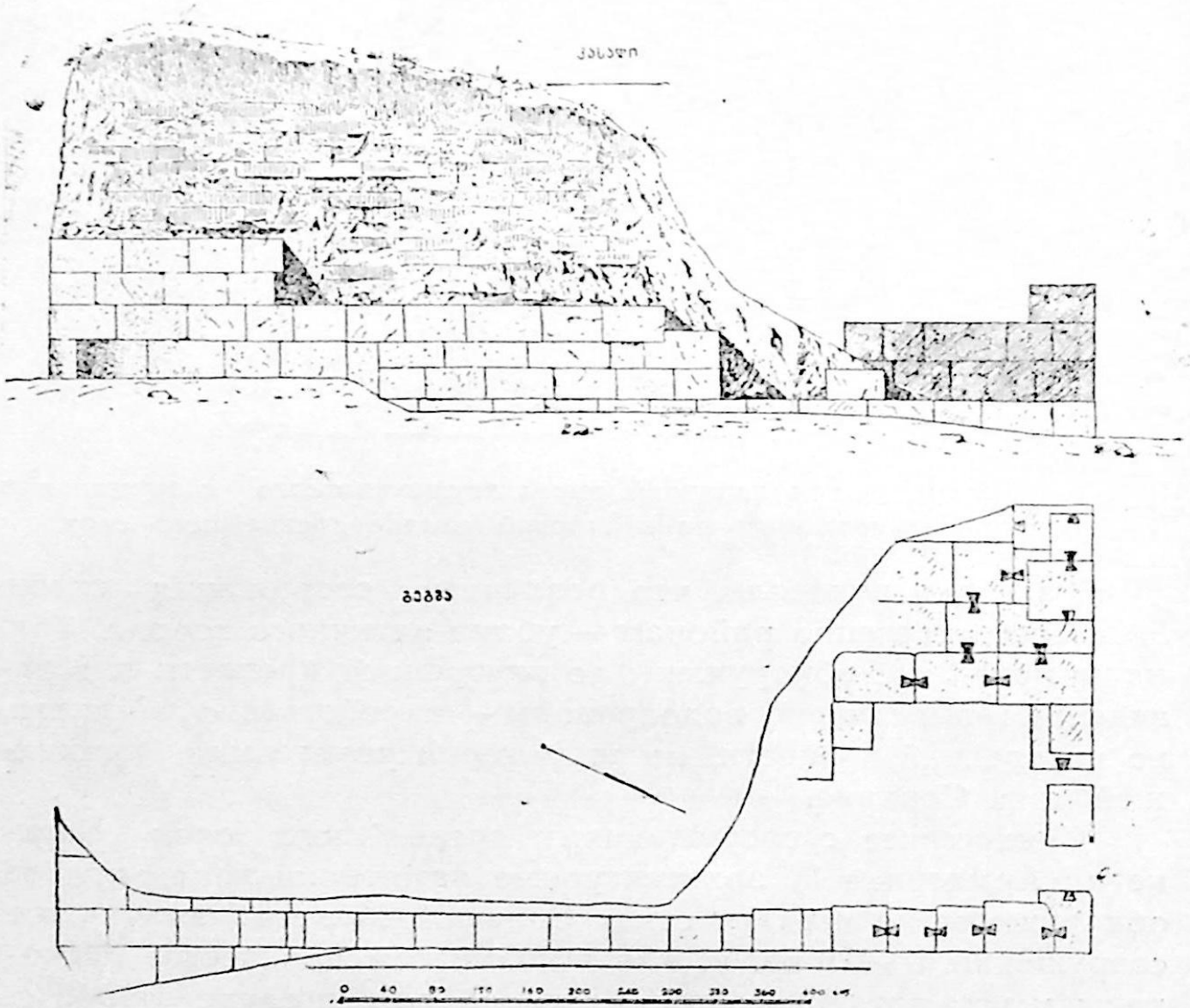


Рис. 8. Фасад и план верхней башни на третьем участке Багинети (Армазцихе I)

сооружений, от которой сохранились лишь хорошо отесаные квадры с пиронами и несколько профилированных архитек-

турных деталей. Именно эту группу сооружений нужно считать частью комплекса резиденции Армазисхевских питиахшей (рис. 15—16).

Монументальность здания, правильный план, обнаруженные капитель (табл. XXI, 1) и база колонны, великолепно вытесанный из специально подобранного камня порог и выложенные на известковом растворе толстые стены указывают на то, что мы имеем дело с сооружением дворцового типа[14]. Перекрытое черепицей, украшенное богато орнаментированными архитектурными деталями монументальное сооружение следовало с самого же начала признать принадлежностью только знатного круга или же сооружением общественного — государственного назначения. В этом отношении существенное значение имело и то, что в 1940 г. к юго-западу от сооружения были обнаружены погребения питиахшей — эриставов. Эти, в основном, II—III вв. н. э. погребения делали очевидным и возраст относящихся к ним сооружений. При датировке некоторую помощь могло оказать и здание бани. Предварительные соображения полностью подтвердились проведенными в 1945—46 гг. работами, выявившими полностью оставшуюся часть зала и восточную половину сооружения, оказавшегося целиком заполненным каменными ящиками IV и последующих веков.

Проведенные после 1941 г. раскопки дали еще более твердое основание для предположения, согласно которому баня и «сооружение с порогом» представляют единый комплекс[15]. Остатки вышеуказанного «дворца» отнюдь не дают достаточного материала для воссоздания всего сооружения и его грандиозности. Для создания более или менее полной картины сооружений резиденции армазисхевских эриставов необходимо использовать хотя бы часть тех многочисленных архитектурных фрагментов, которые систематически обнаруживались мцхетской археологической экспедицией, конечно, в отдалении от первоначального их местонахождения. Найденные независимо друг от друга архитектурные фраг-

[14] Мцхета I, Тб., 1958, стр. 180—183, рис. 114—116.
[15] Мцхета I, стр. 182.

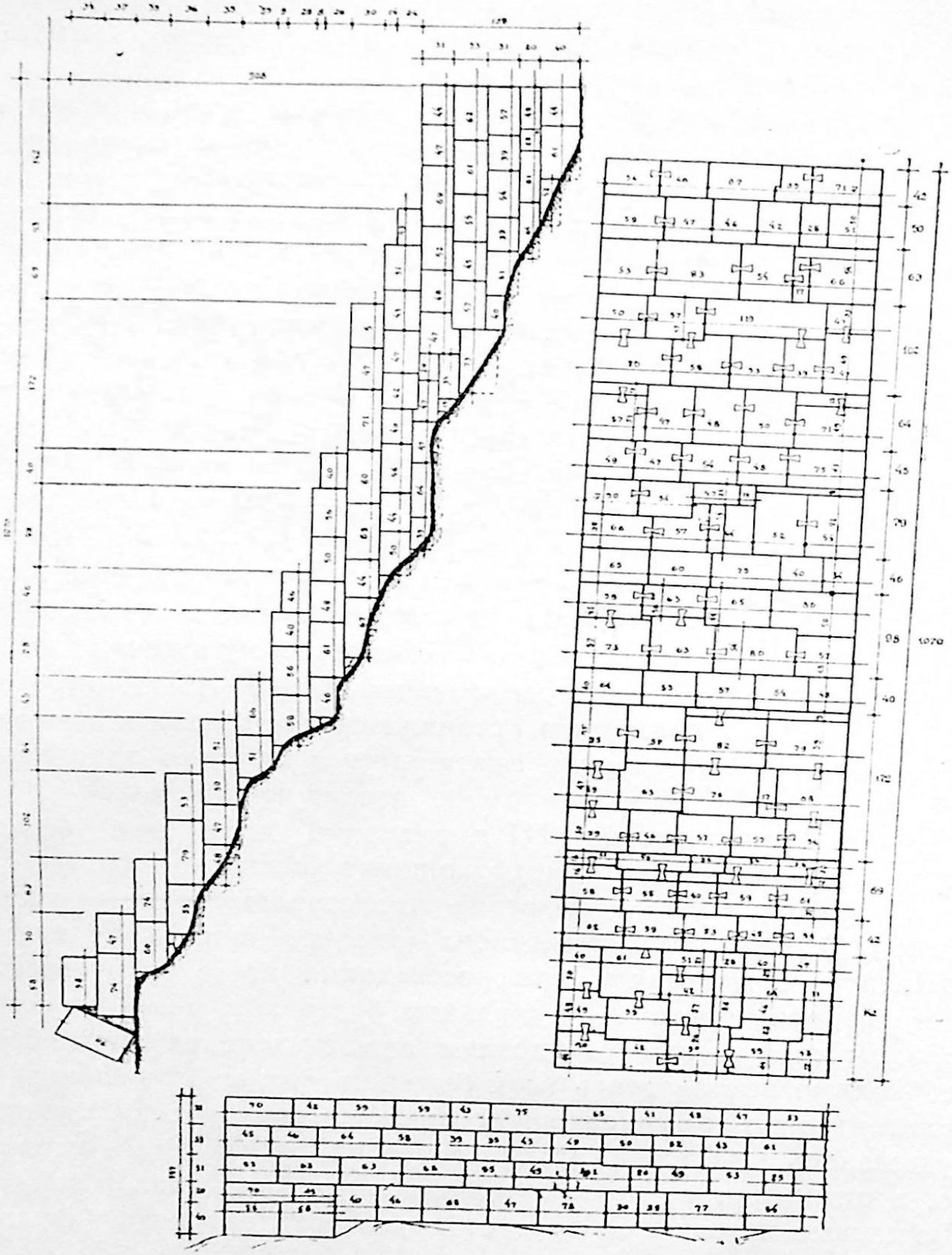


Рис. 9. План и разрезы нижней башни третьего участка Багинети с указанием размеров квадров (Армазцихе I)

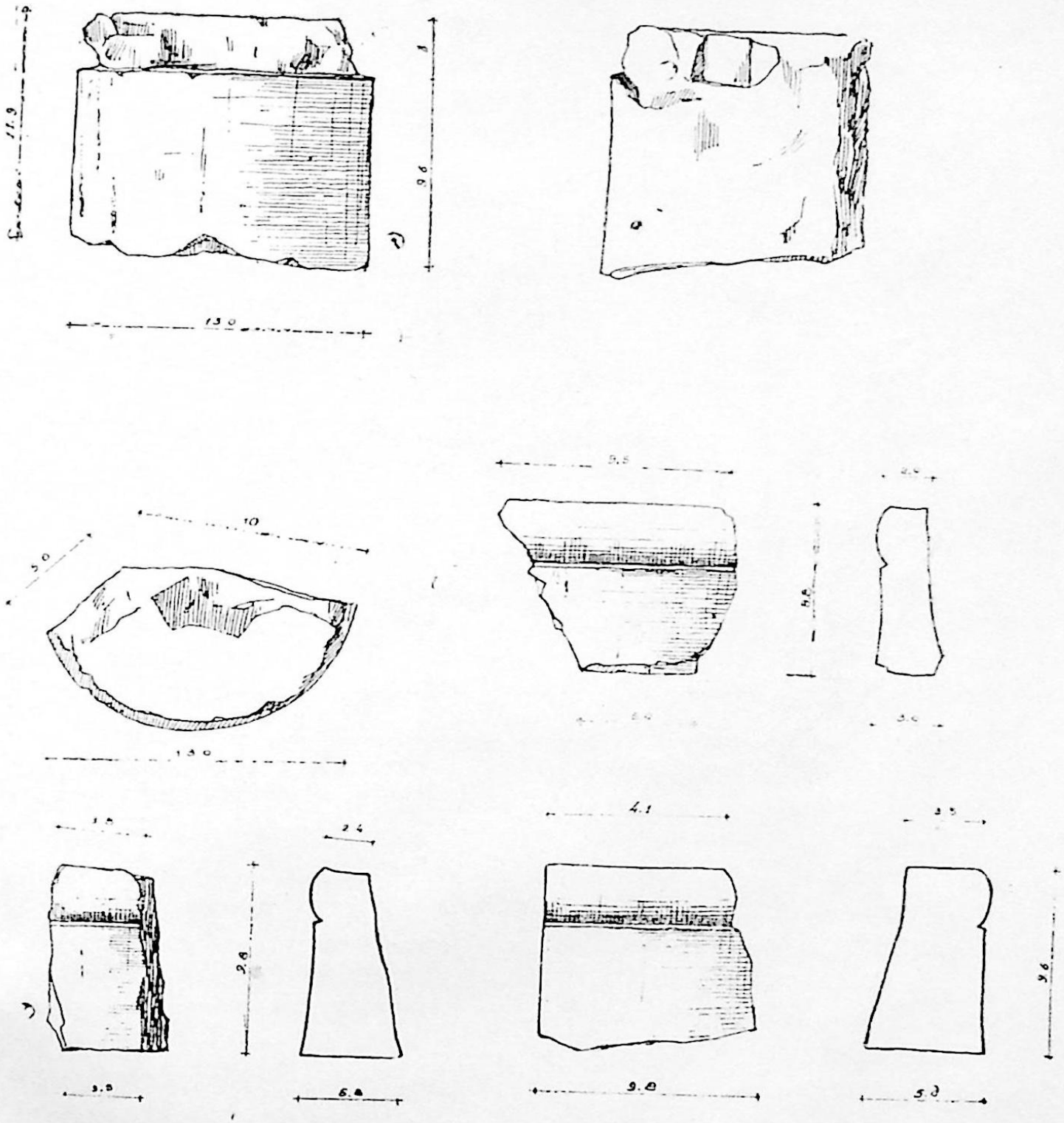


Рис. 10. Архитектурные фрагменты из Саркине со следами обработки на станке (Армазцихе I)

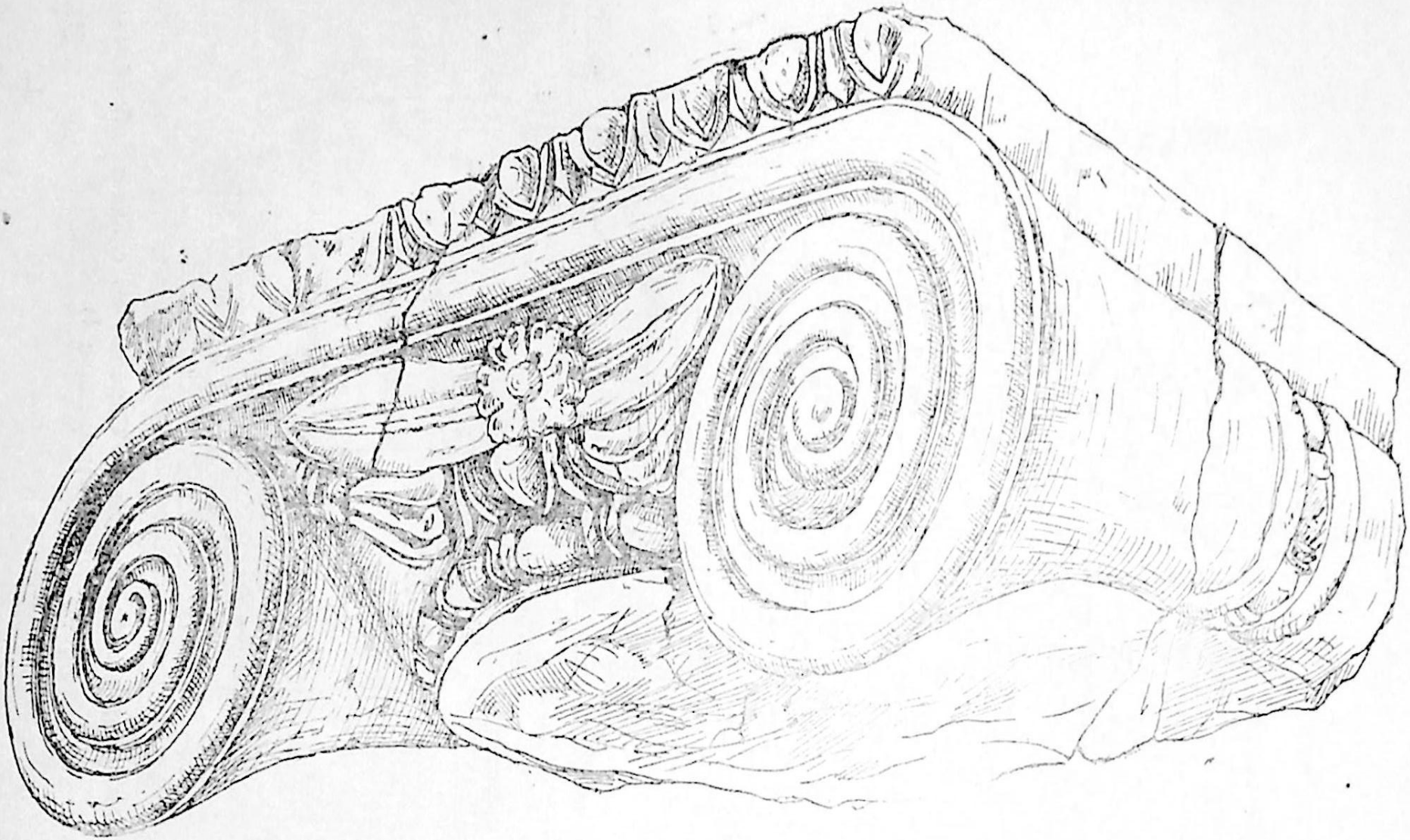


Рис. 11. Капитель ионического ордера из Саркине

менты дают основание предполагать в Армазисхеви наличие и другого, принадлежащего также питиахшам сооружения, после разрушения, сожжения или частичного ограбления которого в земле или в погребениях и сооружениях более

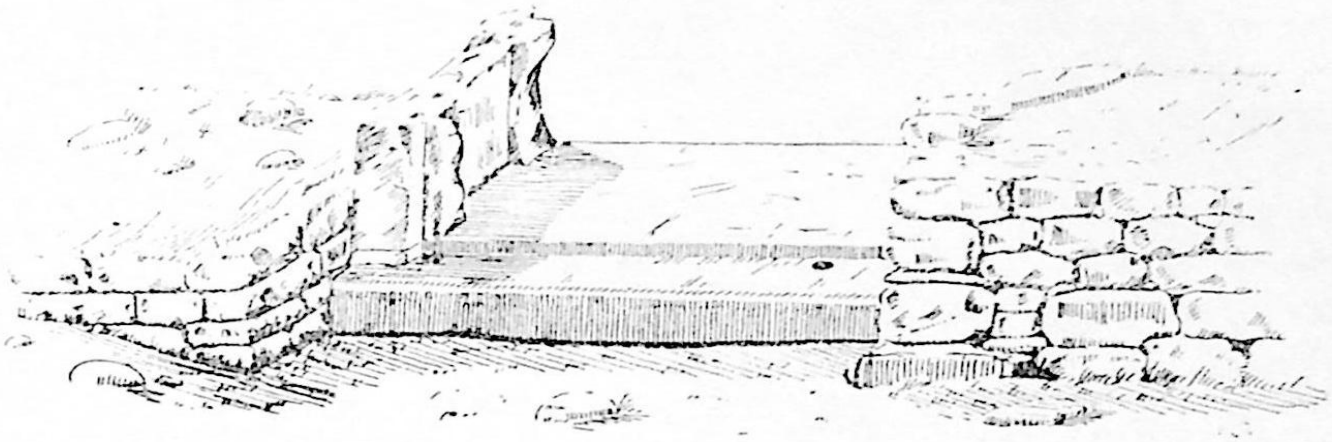


Рис. 12. Фрагменты северной стены «сооружения с порогом» в Армазисхеви

позднего времени все же сохранились некоторые детали (рис. 15—16).

В первую очередь, следует отметить архитектурные детали, найденные при раскопках «сооружения с порогом», таковы:

а) **Архитрав** — обнаружена, примерно, одна половина этой детали и то в виде двух фрагментов. Фрагмент, представляющий западную часть архитрава, имеет более крупные размеры; в углу этого фрагмента имеется круглое углубление — гнездо для головки оси от западной створки двери. Фронт архитрава, в особенности же та его часть, которая была видна с внутренней стороны комнаты, обработана с большим усердием и довольно сложно профилирована.

По средней линии профилированной части этого фрагмента ясно видна зазубрина. В этом отношении его можно сравнить с найденным недалеко от него в 1938 г. типично античным, зубчатым и сложно профилированным карнизом и с аналогичной с последним деталью, обнаруженной в Багинети в 1946 г.

б) **База колонны** имеет совершенно гладкую форму, к тому же она сильно повреждена. Колонна состоит из двух

частей: нижней — четырехугольной и верхней низкой и круглой. Высота уцелевшей части — 38 см. Ширина четырехугольной части — 42 см. База обнаружена в первой комнате «сооружения с порогом».

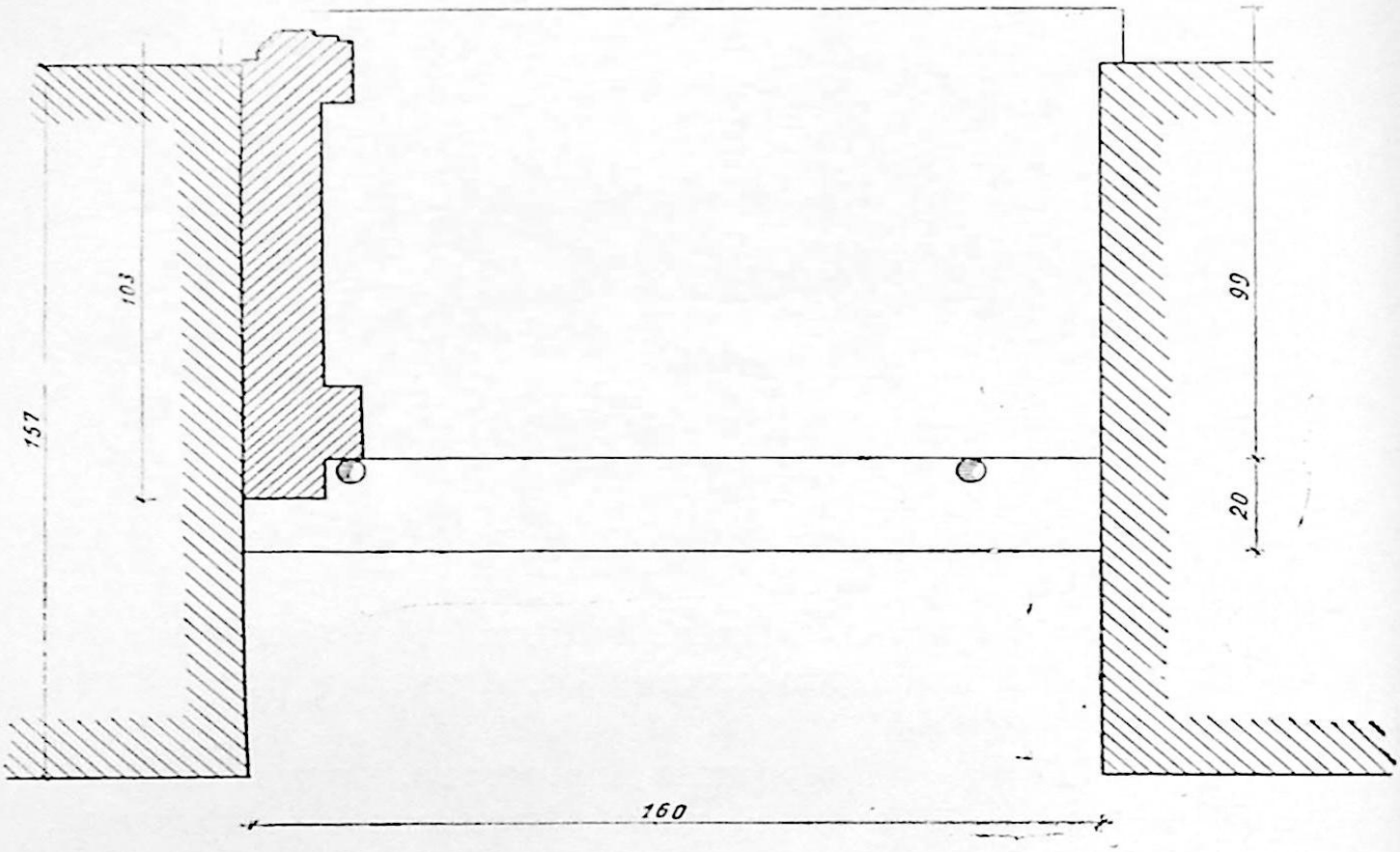


Рис. 13. План дверного проема и порога «сооружения с порогом» в Армазисхеви

в) **Капитель** колонны (табл. XXI, 2) находилась у западной стены того же зала, высота — 47 см, ширина с одной стороны—61 см а с другой —57 см. Внимания заслуживает хорошо высеченная фигурная абака, на поверхности которой четко видны следы использованных инструментов—точка в центре, а также диаметральные и параллельные линии. Шейка была, как видно, богато орнаментирована, но в настоящее время орнаменты почти совсем не видны. Сохранившаяся часть как будто представляет изображение аканфа, притом настолько схематично, что распознать какие-либо другие элементы невозможно.

Перечисленные детали, в частности база и капитель колонны, как отмечалось, оказались в первой комнате сооружения, следовательно, их следует считать принадлежностью именно этого зала. Не исключено, что часть других колонн точно так же, как и многие другие профилированные и орнаментированные фрагменты, уцелевшие от разрушения и огня, позже были перенесены и использованы при возведении других сооружений.

Среди найденных в различных местах архитектурных деталей заслуживает внимания довольно большой обломок профилированного и зубчатого карниза из песчаника с 14 зубцами, имеющими почти одинаковую ширину (4,5 см). Длина этой детали достигает 120 см; высота профилированной части — 28,7 см; толщина же камня — 40 см. Спинка

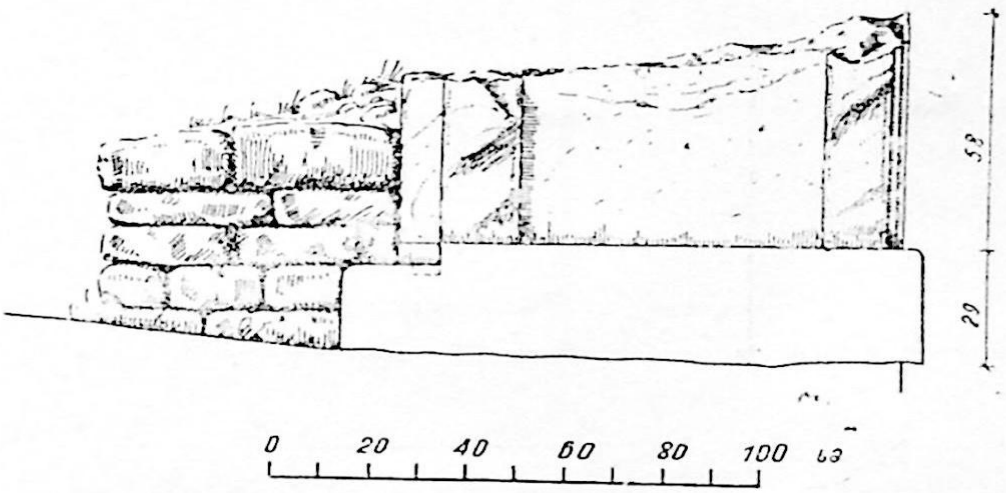


Рис. 14. Разрез порога и один из каменных косяков «сооружения с порогом» в Армазисхеви

карниза тщательно не обработана. На 77-ом сантиметре от начала на карнизе имеется надрез шириной в 9,5 см, видимо, для облегчения перевозки.

Частью древнего сооружения является обнаруженный во втором отделении бани огромный прямоугольный камень, здесь, бесспорно, использованный повторно. Длина этого камня — 214 см, ширина — 55 см, а толщина —20 см.

Недалеко от первого эрцставского погребения найден довольно большой (1,18×0,29×0,24 м), тесаный и обработанный камень, назначение которого не установлено.

Частью углового карниза является, по-видимому, профилированный треугольный обломок, внутренняя поверхность которого врезана на глубину 6,5 см. Высота профилированного фронта — 27,5; максимальная длина обломка — 58 см, а ширина — 52 см.

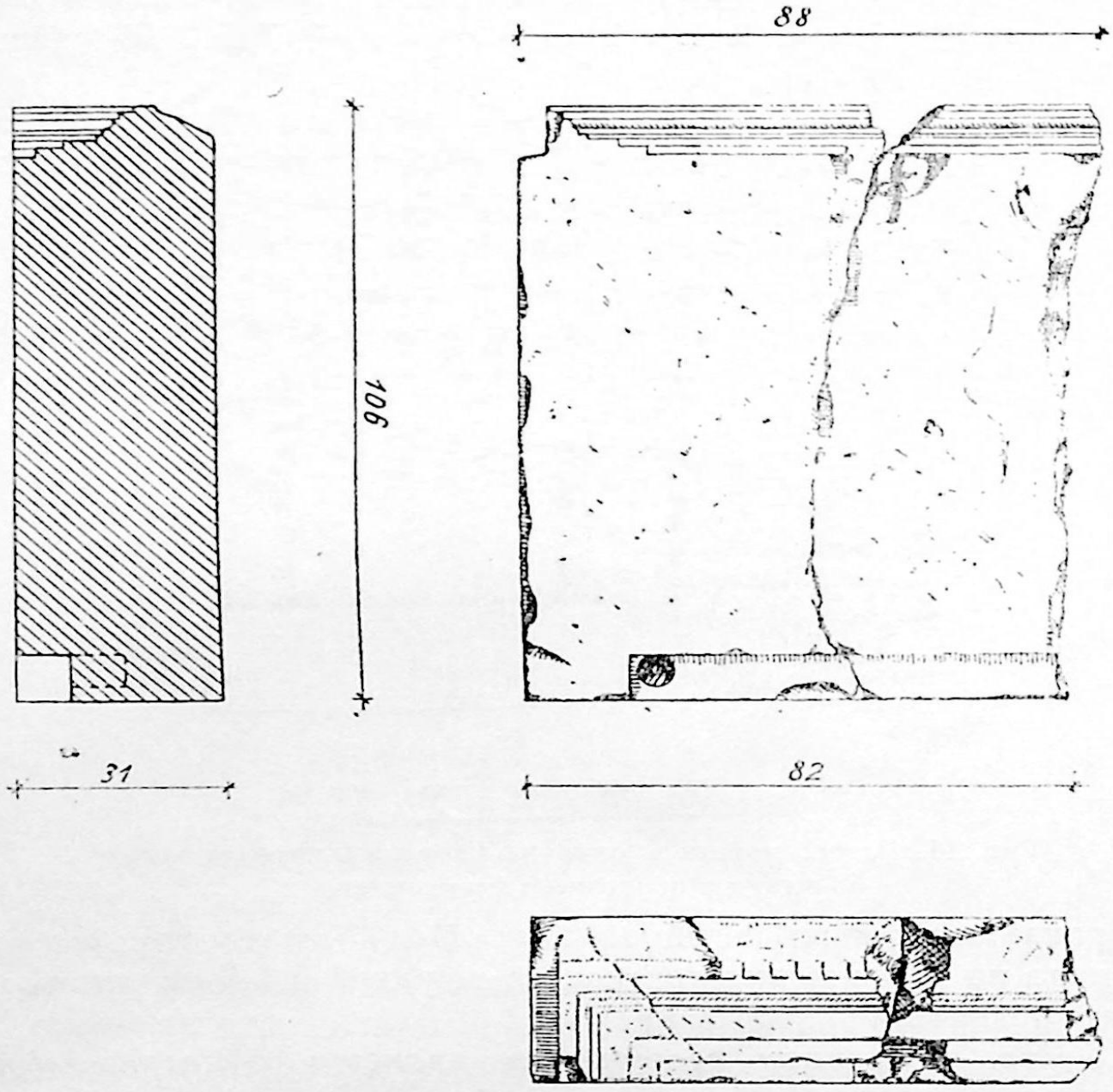


Рис. 15. Фрагменты архитрава, найденные при расчистке «сооружения с порогом» в Армазисхеви

Обломок большого камня (0,85×0,51 м) с пазом также является частью какого-то сооружения.

Среди найденных деталей имеются: один квадратный (0,89×0,98 м) профилированный фрагмент; один продолговатый с широкой выемкой в середине, хорошо профилированный квадратный (65x65 см) фрагмент с обломленным

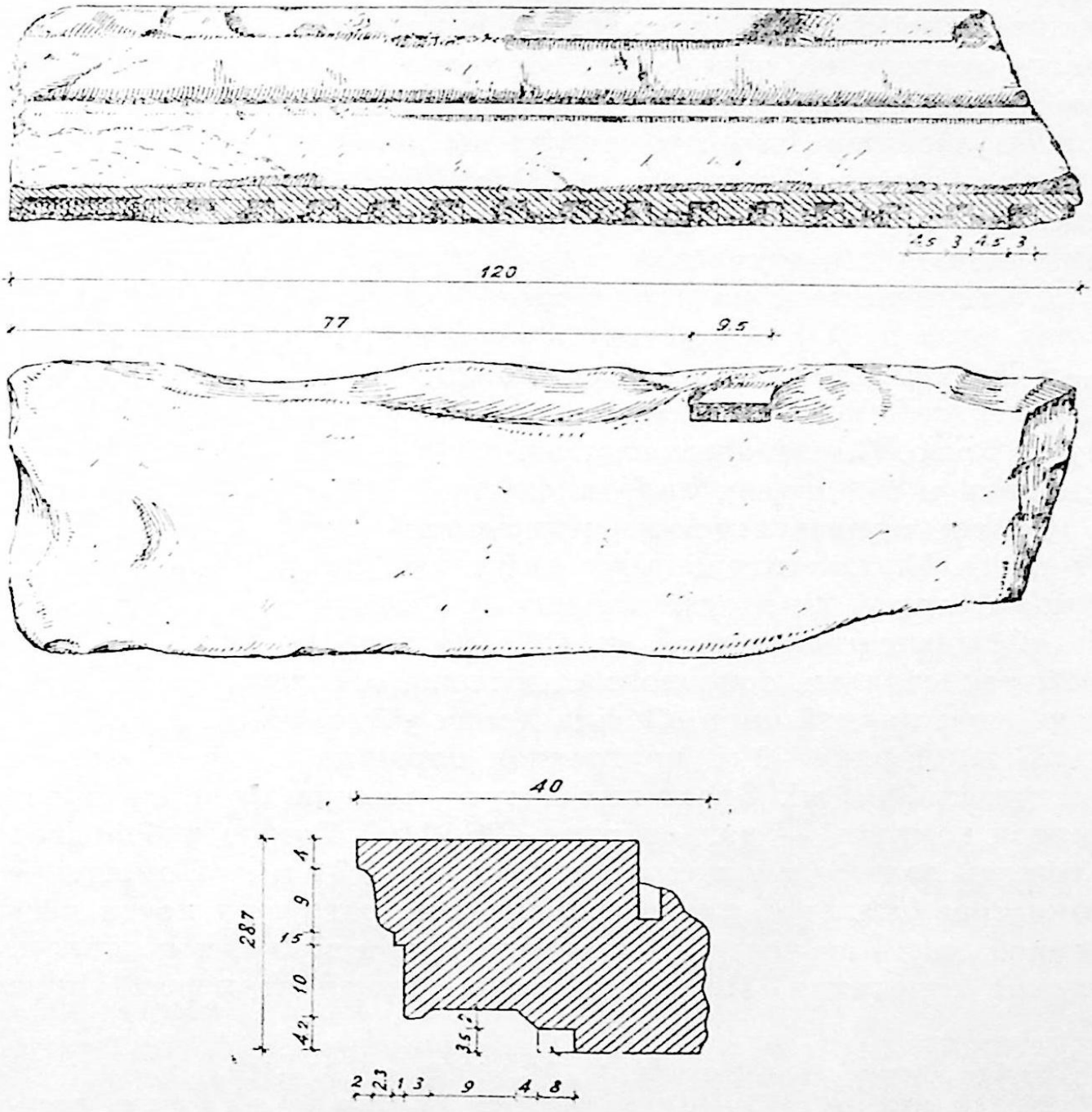


Рис. 16. Архитектурные фрагменты из Армазисхеви

углом; один из фрагментов имеет выемку в виде полукруга и, наконец, на одном вырезан как будто паз. Имеется много

обломков разной формы, определить назначение которых в настоящее время невозможно[16]; однако, нет сомнений, что все эти архитектурные детали в свое время украшали воздвигнутое у устья Армазисхеви сооружение питиахшей — Сапитиахшо — древней столицы, до построения бани и «сооружения с порогом». В настоящее время мы лишены возможности достоверно определить возраст существовавших здесь на ранней ступени градостроительства зданий, однако совершенно очевидно, что они сооружены до 1 в. н. э. и принадлежат к группе Армазцихе II. Это со своей стороны может послужить указанием для определения времени возникновения резиденции эриставов в Армазисхеви.

Как известно, на территории Мцхета обнаружены две бани: одна в 1937 г. у устья Армазисхеви, вторая в 1946 г. — в Багинети. Таким образом каждый из этих двух убани древней столицы (Сапитиахшо и Внутренняя крепость) имел свою баню. Следовательно, можно предположить, что бани имелись и в других кварталах древней столицы Картли.

Баня армазисхевских питиахшей раскопана в 1937—38 гг. А. Н. Каландадзе у устья речки Армазисхеви, на правом ее берегу, на второй террасе р. Куры[17].

Армазисхевская баня состоит из пяти основных отделений: раздевальни, топочного отделения, горячей бани, теплой бани, прохладной бани. Общая длина указанного сооружения — 22 м, ширина—6 м, внутренняя площадь пяти отделений достигает 67,12 м². Среди них самую большую площадь имеет первая комната — раздевальня—26,12 м². Самую небольшую площадь занимает топочное отделение—6,34 м². Помещение бани сравнительно плохо сохранилось: разрушен почти весь второй этаж, на котором находились, как видно, в основном, четыре отделения. Несколько лучше выглядит первый ярус

---

[16] См. подробно — Мцхета, 1, Тб., 1958, стр.85—189.

[17] Там же, стр. 165—180; см. также А. Каландадзе, предварительный отчет археологической экспедиции Армази, Вестник ИЯИМК, т. II, вып. 3, Тб., 1937; его же, Армазская археологическая экспедиция, 1938, вестник ИЯИМК, т. IV, вып. 3, Тб., 1938 (на груз. языке)

с системой отопления, этой основной и сохранившейся лучше других частью первого яруса. На втором этаже над топочной системой расположено отделение «горячей бани». Таким образом, несмотря на то, что сооружение в общем сильно пострадало, все же удается создать общее представление о нем на основании его главных отделений—топочной системы и «горячей бани».

Система отопления состоит из двух основных элементов: первое из них — топочное помещение, т. е. то место, где находился истопник и откуда разводился огонь, соединенное посредством дверного проема с нижним ярусом раздевальни, используемым, быть может, и для хранения дров. Тут же оказались ступени узкой каменной лестницы, спускающейся в топочное отделение.

Основная часть топочной системы расположена на восточной стороне этого отделения. Она имеет вид типичного калорифера. Пол топочного отделения представляет собой утрамбованный слой толщиной 10—15 см, состоящий из равномерной смеси извести, толченого кирпича и черепицы. По всей площади пола расположены столбики из круглых кирпичей, высотой 1,10 м. Расстояние между столбиками — 0,30 —0,35 м. Кроме того, вдоль стен возвышаются столбики из квадратных и продолговато-четырехугольных кирпичей. Каждый столбик состоит из выложенных на густом известковом растворе 20—21 кирпича. Основанием для столбиков служит круглый кирпич несколько большего размера[18]. Столбики со всех сторон обмазаны розоватой гидравлической влагостойкой жидкостью, являющейся, видимо, и огнеупорной. Всего, как предполагает А. Н. Каландадзе, в калорифере имелось 42 столбика, перекрытых большими керамическими плитами (0,55×0,60×0,03 м; 0,60×0,63×0,04 м) таким образом, что каждая плитка охватывала по четыре столбика, но перекрывала лишь четвертую часть каждого из них,

[18] Мцхета 1, стр. 150.

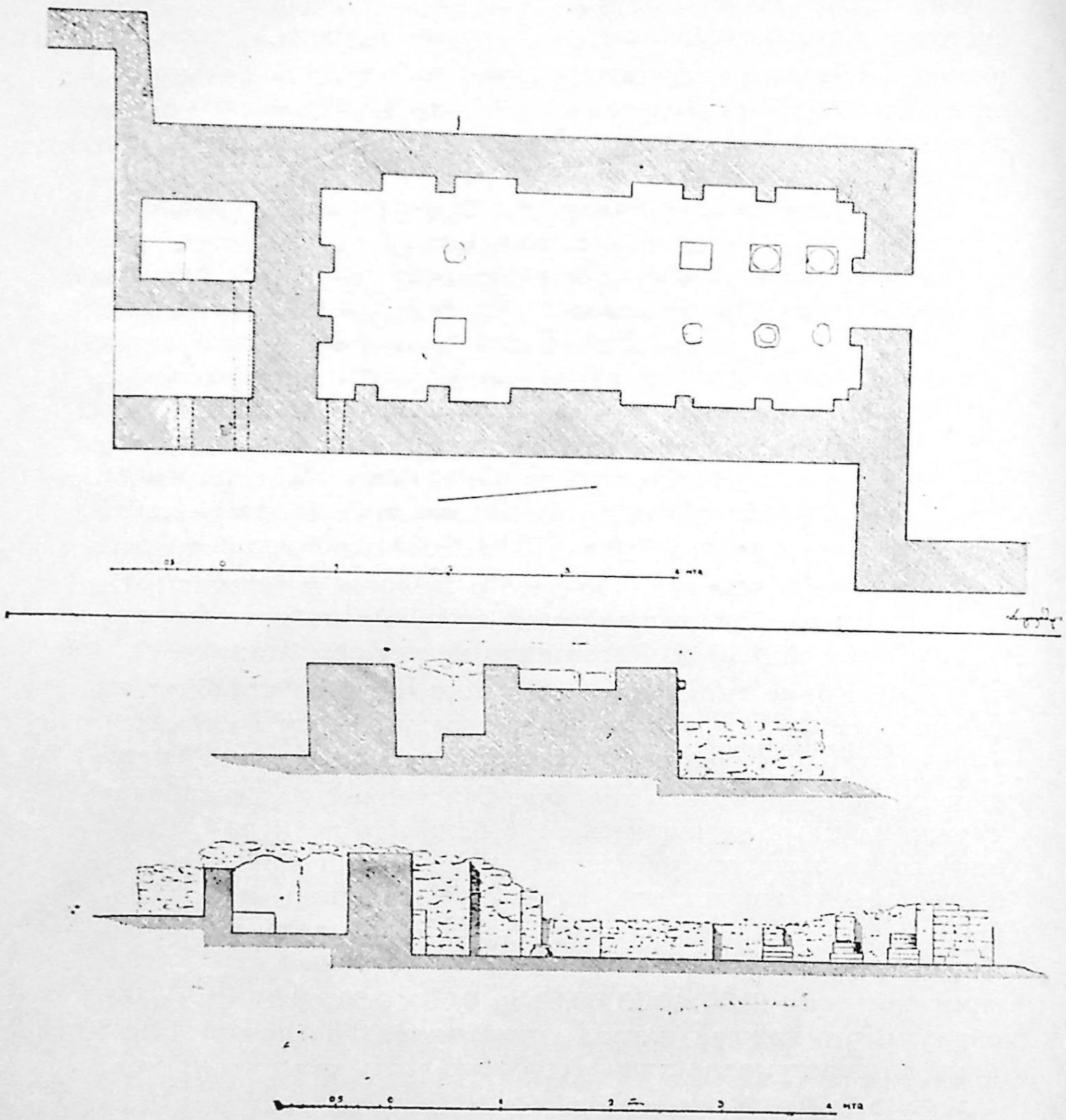


Рис. 17. План и разрезы античной бани, раскопанной во внутренней крепости стольного города

т. е. для сплошного перекрытия столбика необходимо было использование четырех плит; швы между плитами были замазаны раствором. Густым огнеупорным раствором была оштукатурена и вся перекрытая керамическими плитами площадь.

В разрезе пола А. Н. Каландадзе насчитал 7 слоев раствора; следовательно, пол несколько раз заливали тонкими слоями жидкости до получения необходимой его толщины.

Изучив подробно калорифер, А. Н. Каландадзе установил, что нижний ярус описанного отделения, благодаря столь плотному перекрытию, имел внутри герметически замкнутое пространство. В этом отделении, в северо-западном, юго-восточном и юго-западном углах гипокауста в толще стены покато были заложены керамические трубы. Вентиляционные трубы заложены были также в толще стен теплой бани. Все трубы заложены узкими концами вниз, благодаря чему, а также уклону труб, обеспечивалась умеренная вентиляция помещения. Расстояние между вентиляционными приспособлениями равняется приблизительно 3 м[19].

Из сказанного вполне очевидно, что сложность системы отопления армазисхевской бани, безупречное расположение вентиляционных или подающих тепло вертикальных и горизонтальных каналов, необходимых для отопления второго яруса, являются показателем весьма развитой для того времени санитарной техники.

Этот вывод станет вполне естественным, если учесть, что помимо всей сложности топочной системы баня снабжена хорошо оборудованными «кабинами» и «экседрой»; кроме того на втором ярусе, по всей видимости, находились и котлы для воды. Ввиду того, что большая часть этого яруса разрушена, определить местонахождение котельной в настоящее время на удается.

Для восстановления общей картины указанной бани необходимо ознакомиться и с другими ее отделениями. Горячая баня, или отделение с кабинами, по мнению А. Н. Ка-

---

[19] Мцхета, 1, стр. 169.

ландадзе, соединялось с теплой баней посредством проема шириной 1,2 м. Нижний ярус этого отделения является вторым отделением гипокауста. Сюда из первого отделения по трем большим каналам, обходя установленные на полу этого отделения столбики, значительное число которых (18) выложено из четырехугольных кирпичей, поступал горячий воздух. Каналы, по которым горячий пар поступает из нижнего яруса на второй, и перекрытие между ярусами имеют такое же устройство, что и каналы и перекрытие горячей бани. В северной стороне «теплой бани» имеется небольшая абсида, являющаяся, по мнению А. Н. Каландадзе, экседрой[20].

С восточной стороны к «теплой бане» присоединяется **«прохладная баня»**, между ними также имеется проем шириной 1,2 м. Следует отметить, что проходы с одного отделения в другое расположены на различных горизонталях. Делалось это, по всей вероятности, с целью уменьшения резкой разницы температур в различных помещениях.

«Прохладная баня» представлена одним ярусом; она состоит из двух отделений: а) бассейна и б) отделения для холодного душа. В юго-восточном углу последнего обнаружена труба, отводящая грязную воду. Поступающая из различных отделений вода отводится в канализационный коллектор посредством указанной трубы. Таким образом выясняется, что и подводящие горячий пар и отводящие грязную воду каналы были удобно расположены строителями в надлежащих местах.

Проследить подводящие пар и воду приспособления удалось благодаря тому, что земля хорошо защитила первый ярус бани, где находились калорифер, гипокауст, топка и канализационные трубы. Иначе обстоит дело со вторым ярусом, относительно внутреннего водопровода и водоснабжения которого нельзя сказать ничего определенного. Однако в результате археологических раскопок, проведенных в 1938 г. и частично в 1940-41 и последующих годах, удалось проследить две трассы состоящего из керамических труб водопро-

---

[20] Мцхета 1, стр. 170—171.

вода: южную и юго-восточную. Первая трасса направляется от Армазисхеви к зданию бани и почти перпендикулярно присоединяется к ее южной стене. Здесь, вдоль угловой стены, отделяющей топку от гипокауста, лежит большой, хорошо тесаный прямоугольный квадр (0,52×0,32×0,30 м) с отверстием (0,13 м), под прямым углом соединяющимся с высеченным на этом же камне горизонтальным отверстием (0,10 м), использованным в качестве колена для поворота воды на 90°. В указанные отверстия были вставлены и укреплены известковым раствором керамические трубы соответствующего диаметра[21].

Баня питиахшей была перекрыта «мцхетской черепицей». Материал для перекрытия дает достаточно оснований полагать, что сооружение имело двускатное перекрытие.

Ввиду того, что помещение сильно повреждено и от его второго яруса осталась лишь незначительная часть, относительно системы освещения и формы перекрытия трудно сказать что-либо определенное.

Относительно системы освещения А Н. Каландадзе судит, главным образом, на основании рассмотренного им параллельного материала. Рассмотрение параллельного материала, а также большого количества обломков оконного стекла, обнаруженных вдоль южной стены бани, навело А. Н. Каландадзе на мысль о том, что на южной стене в свое время, возможно, имелись форточки. Особенно это следует сказать относительно южной стены теплой бани, где как будто сохранились следы необходимого для форточки небольшого проема.

Автор полагает, что, помимо форточек, на перекрытии бани могли быть и вентиляционные отверстия, которые в то же время являлись источником света для соответствующих отделений.

Таков краткий обзор одного весьма важного городского сооружения—бани резиденции питиахшей. В результате рассмотрения ее сохранившейся части мы получаем доволь-

---

[21] Мцхета I, стр. 174, рис. 112.

но ясную картину уровня развития санитарной культуры столицы, мастерства зодчих и строителей бани, имевшей весьма сложную и в некоторой степени даже оригинальную систему.

Местоположение и размеры бани, а также ее отношение к «сооружению с порогом» указывают, что перед нами имеется не коммунальное учреждение массового пользования, а один из основных элементов резиденции правящих кругов древней столицы Картли II—III вв. н. э.

Как указывает А. Н. Каландадзе, сооружение армазисхевской бани следует отнести к I—II вв.

Сооружение типа Армазисхевской бани оказалось и во внутренней крепости — Багинети (табл. XIX, XX). Багинетская баня имеет сравнительно небольшие размеры. Топоч-

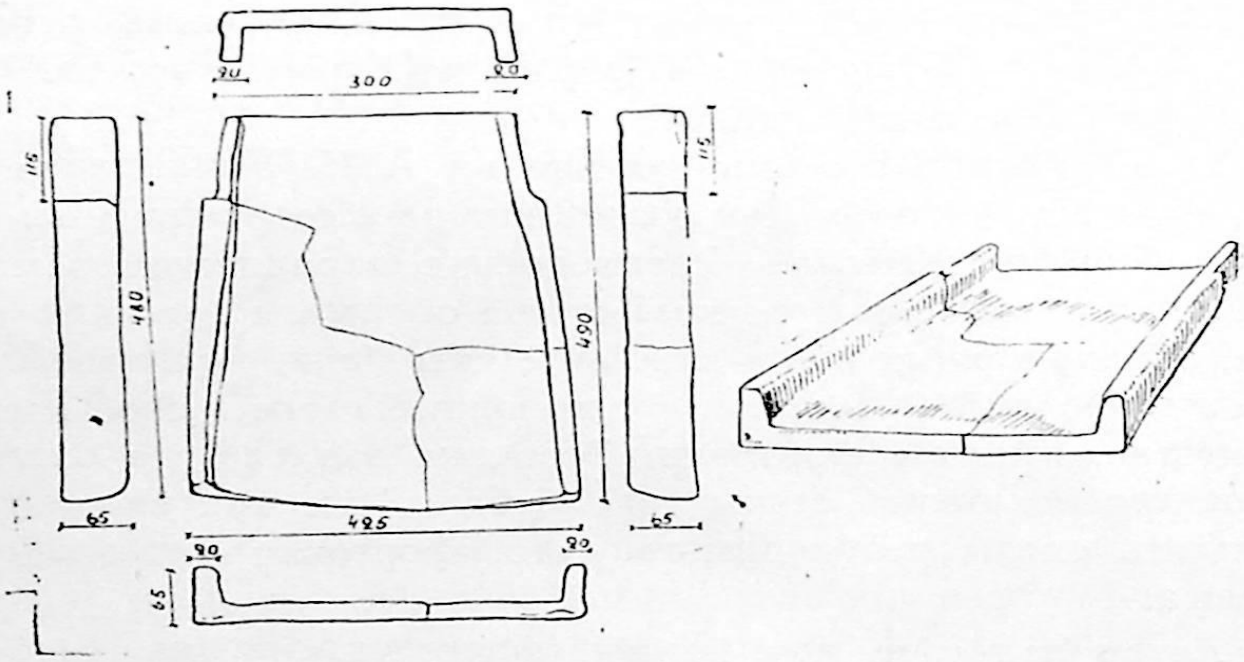


Рис. 18. Общий вид, план и разрезы плоской черепицы из Багинети

ное помещение и собственно ванное отделение занимают примерно 35 м² (7м×4,7). Здесь имеется такая же подпольная система отопления, как и в армазисхевской бане: выложенными из круглых и четырехугольных кирпичей столбиками, расположенными в два ряда, поддерживаются покрывающие их керамические плиты; таким образом, столбики образуют

типичную систему отопления посредством гипокаустов. Обнаружены хорошо оштукатуренная ванна и остатки небольшого бассейна — водохранилища.

И в этой маленькой бане имелась раздевальня или зал для отдыха. Обе бани стоят над обрывом, т. е. этим обеспечивается беспрепятственный выход воды из банных отделений.

Примеры Армазисхеви и Армазцихе показывают, что бани должны были быть и в других районах столицы Иберии и что бани являлись характерным для городской жизни и одновременно новым видом санитарных сооружений в картлийских городах I в. н. э.

При характеристике железообрабатывающего района «Большой Мцхета»—Саркине мы более подробно рассматриваем выявленные раскопками сооружения, в строительстве которых использованы каменные квадры и характерный для Армазцихе I сырцовый кирпич; хотя каменные квадры Саркине (табл. XXII,3) по своим размерам заметно уступают квадрам, встречающимся во Внутренней крепости и Цицамури.

Для пополнения представления о сооружениях Саркине должны быть привлечены найденные при раскопках железоделательных мастерских Грдзели миндори архитектурные детали: фрагменты колонн и полуколонн (табл. XXII, 1), обломки капителей, карнизов и т. д., среди которых выделяется украшенная волютами ионического ордера и ониками капитель (рис. 11), указывающая и на возраст сооружения и на торжественный (возможно, культовый) его характер (табл. XXI, 2). Капитель ионического ордера квадры, большие сырцовые кирпичи, черепицы и фрагменты черепиц дают основание полагать, что в Саркине также имелись сооружения, одновременные и аналогичные памятникам, характерным для Армазцихе I, хотя следы более позднего строительства, т. е. применения известкового раствора, зафиксированы и здесь.

Если вообще допустима возможность самостоятельного открытия цементирующего свойства известкового раствора, то нам кажется, что самые благоприятные условия для этого имелись на Грдзели миндори. Выжженный в печах при вып-

лавке металла известняк выбрасывался под открытое небо, следовательно, в процессе гашения создавались условия для прочного срастания отходов производства, развалин печей и необожженных кусков камня. Этим путем на Грдзели миндори образовано столько монолитов известкового раствора, что опытные ремесленники—металлурги вряд ли могли не заметить цементирующего свойства обожженного известняка.

При характеристике городской жизни и внешнего облика города немаловажное значение имеют обнаруженные раскопками остатки водопроводов, улиц, небольших площадей и, возможно, остатков торговых сооружений.

В этой связи особенно важным является вопрос о «Накулбакеви»—южных воротах столицы. Название местности не должно быть древним, однако т. к. **Кулбаки** равно торговому дому и по крайней мере с IX века этим словом обозначали сооружения торгового типа: магазины, лавки[22], можно допустить, что оно (кулбаки) ретроспективно могло отражать обстановку более раннего времени. Во всяком случае, весьма возможно, что если не название, то по крайней мере сама местность Кулбаки ранее являлась одним из торговых районов столицы. Этому способствовало, видимо, и то, что здесь находились городские ворота. Как известно, в городах древнего мира торговые операции производились у городских ворот. Так было, в частности, в Вавилоне[23]. Правда, в отношении городов Картли это археологически пока не подтверждено, но нет основания для его исключения, тем более что письменные исторические источники подтверждают наличие торговых домов у южных ворот древней Мцхета.

Торговые пункты и площади должны были быть и в центральных кварталах городов Картли. По мнению Г. А. Меликишвили, в городах древней Картли (Мцхета, Тбилиси, Уджарма) в виде одной из частей города упоминается—«Рабат», как видно, квартал, образовавшийся вокруг площа-

---

[22] И. А. Джавахишвили, Строительное искусство в древней Грузии, Тб., 1946, стр. 54.

[23] В. В. Струве, Датировка I вавилонской династии, ВДИ, № 1, 1947, стр. 29.

ди; в качестве синонима площади в древних грузинских источниках для обозначения места, где производится торговля, иногда употребляется «Савачро» («торжище»). Этот термин связывается с семитским (ассирийским) «rêbitu», одним из значений которого является «широкая улица», «площадь»[24]. Таким образом, несмотря на то, что пока еще не раскопаны сооружения торговых кварталов столицы, наличие в Мцхета большого количества импортных товаров, а также прямые указания древнегрузинских письменных источников говорят о том, что города Картли античной эпохи являлись центрами торговли.

Раскопанная по сей день часть сооружений города Мцхета дает возможность создать определенное представление о территории столицы, ее основных районах (убани), о характере фортификационных, общественных, культовых, жилых и хозяйственных сооружений, об особенностях строительного искусства и производства строительных материалов. Выясняется, что в широко раскинутой по обоим берегам рр. Куры и Арагви столице имелось несколько более или менее самостоятельных кварталов и в каждом из них имелись, очевидно, характерные для данного убани сооружения. Так, например, сооружения, характерные для района Армазцихе, нам представляются в виде Внутренней крепости (Шида цихе), акрополя столицы. Внутренняя крепость, в свою очередь, имеет немало характерных элементов; таковы, например, крепостная ограда, цитадель, остатки сооружений типа храма или дворца, водопроводы, хозяйственные и культовые сооружения. Так как здесь подразумевается местонахождение царской резиденции, надо предполагать существование остатков соответствующих сооружений. Частями подобающего царской резиденции комплекса можно считать: марани, баню, погребальные сооружения —склеп типа мавзолея, саркофаг, в особенности же т. н. «колонный зал» и остатки фортификационных сооружений.

---

[24] Г. А. Меликишвили. К вопросу о происхождении классового общества и государства в Грузии, Тб., 1956, стр. 165 (на груз. яз.). Его же, К истории древней Грузии, Тб., 1959, стр. 445.

Весь комплекс сооружений внутренней крепости представляет великолепно собранный архитектурный ансамбль.

Внутренняя крепость Мцхета—Армазцихе находилась на неприступном месте, точно так же, как и крепости урартско-ахеменидского мира, имеющие оборонительное значение и служащие убежищем для населения.

Армазцихе имело удобное расположение (на гребне хребта, «на верхушке горы — Армази»)[25], вследствие чего господствующая над окрестностями башня также находится на территории внутренней крепости и беспрепятственно сторожит пути, ведущие в столицу. Кроме того, выше Внутренней крепости расположены родники и исток ручья Карсанского ущелья, откуда были проведены водопроводы, и, таким образом, Армазцихе была обеспечена родниковой водой. В силу сказанного, по расположению на местности Армазцихе можно сравнить с урартскими крепостями: с цитаделью Тушпа, с крепостью Вани, с Топрах—Кале и Цовинари. В связи с этим небезынтересно отметить, что элементы древнего переднеазиатского зодчества нашли отражение в строительном искусстве Армазцихе: строительство «на неприступной скале», разравнивание местности, выдалбливание ступеней в скале—одинаково характерны и для крепостей урартско-ахеменидского круга и для Армазцихе.

Точно так же, как и в урартских крепостях, сооружения в Армазцихе не имеют специального фундамента. В обоих случаях совершенно одинаковые по форме, размерам, а также по кладке и штукатурке сырцовые стены больших размеров встречаются в Урарту (вообще, в Передней Азии) и в «Большой Мцхета», вообще в Картлийском царстве. Непрямолинейная, ломаная крепостная ограда, четырехугольные башни и контрфорсы также напоминают урартские и ахеменидские традиции. На примере Армазцихе ясно видна защита флангов посредством башен и контрфорсов, т. е. здесь также засвидетельствован излюбленный способ ахеменидской

---

[25] Картлис цховреба, 1, Тб., 1955, стр. 19.

архитектуры[26]. Совпадения приемов строительного искусства не могут быть случайными. Как видно, строителям Армазцихе I были присущи градостроительные традиции Передней Азии. Близость и сходство проявляется и в характере кладки квадров: как и в ахеменидской архитектуре, в Мцхета, что уже неоднократно отмечалось, «Армазцихе I» представляет сухую кладку. В обоих случаях квадры высечены с большим усердием и так искусно пригнаны друг к другу, что швы между ними почти незаметны; таковы, например, отрезки II и особенно III и IV участков Багинети—Армазцихе (табл. VIII, 2; X, 1).

И в Картли и в персидской архитектуре ахеменидской эпохи квадры соединены посредством специальных скоб (железо, дерево — пироны, груз. «уцквети») в форме т. н. «ласточкина хвоста». Сырцовые ограды, башни, штукатурка и монолитность сырцовой кладки, способ укладывания квадров и сырцовых кирпичей и т. д. являются показателями общих традиций (табл. XI,2; XIV,2).

Заслуживает внимания четырехугольная форма окон и дверей. Как известно, применение сырца в дверных и оконных проемах опасно: поэтому мцхетский зодчий применяет квадры и вставляет окна и двери в каменную кладку, т. е. поступает точно так же, как и искусный строитель—ахеменид. Этот прием оказался настолько успешным, что даже после распространения извести (группа сооружений Армазцихе II) в стенах, выстроенных из рваных камней, выложены своеобразные «устои» квадров, также выложены оконные и дверные проемы. В этих случаях мы имеем дело с близкой аналогией с развалинами Сузы, Персеполиса и Пасартага[27].

В центре внутренней крепости на широкой нижней террасе возвышались, как показывают раскопки, «колонный зал» — сооружение дворцового типа и другие здания. С северной и западной сторон этих сооружений были расположены мара-

---

[26] М. Бенуа, Персидская архитектура эпохи ахеменидов. История архитектуры в избранных отрывках М., 1935, стр. 47—48.

[27] Там же стр. 51.

ни, баня, погребальные сооружения царского рода и т. д. (табл. IV; VII; XV, 1; XX; XIV, 1).

Надо полагать, что завершением архитектурного ансамбля Армазцихе являлось культовое сооружение и идол Армази (воздвигнутый Фарнавазом) над Картли[28].

В районе Сапитиахшо также имелись характерные для этого квартала сооружения. Выше частично был рассмотрен комплекс дворца эриставов и эзоисмодзгваров. Было отмечено, что тут же находятся баня, жилые и погребальные сооружения, маленькая площадь и выложенные плитняком улицы и дворы.

Своеобразны сооружения железообрабатывающего района Большой Мцхета—Саркине. Характерными для Саркине являются сооружения железоделательных мастерских (табл. XXII,2) и крепость. Надо полагать, завершение раскопок этих последних даст более полный архитектурный образ указанного района столицы.

Следы различных сооружений имеются и в собственно Мцхета. Наиболее грандиозными выглядят жилые сооружения, раскопанные в 1958 г. на верхней террасе. Возможно, что обнаруженные в 1958 г. развалины и, быть может, найденная ранее база колонны являются остатками тех жилых зданий, с крыш которых, по сведениям Мовсеса Хоренаци, жители Мцхета имели обыкновение рано по утрам... поклоняться изображению, возвышавшемуся перед их глазами[29].

В сообщении Мовсеса Хоренаци, как видно, имеются в виду здания с плоским перекрытием по крайней мере в районе собственно Мцхета.

В этой части столицы и было, следует полагать, наличие многочисленных торгово-ремесленных сооружений, площадей, улиц, а также колоний или кварталов, принадлежащих различным этническим группам, поскольку об этом можно судить на основании древнегрузинских письменных источни-

---

[28] Картлис цховреба, 1, Тб., 1955, стр. 10—25.

[29] История армянского народа Моцсея Хоренского. Перевод Н. Эмина, М., 1893, стр. 133.

ков и найденных в Мцхета греческих и еврейских надписей, относящихся к последним векам столичного периода.

Выше, в общих чертах мы попытались показать, что даже обнаруженная часть архитектурных памятников дает возможность составить определенное представление об основных сооружениях столицы и полнее обрисовать внешний вид города Картли античной эпохи.

Для исследования процессов развития городской жизни существенное значение должно иметь изучение вопросов строительного искуства и строительных материалов.

Мы неоднократно отмечали, что, как показывают археологические открытия, основными строительными материалами в столичный период Мцхета являлись камень, сырцовый кирпич и черепица.

Наличие перекрытых черепицей сооружений в городах Иберии хорошо известно даже по источникам Страбона. Поэтому при изучении особенностей городской жизни рассмотрение вопросов производства и применения черепицы имеет весьма важное значение, главным образом потому, что производство указанного строительного материала нужно считать важнейшей отраслью городского ремесленного производства Картли античной эпохи. Как известно, в связи с рассмотрением археологических памятников вопрос о производстве кровельной черепицы ставится не впервые и, по крайней мере, со второй половины прошедшего века при археологических раскопках случаям обнаружения черепицы уделялось определенное внимание: в отчетах о раскопках городищ или погребений античного периода имелись указания по поводу найденных черепиц или их обломков; так, например, с 50-х годов прошлого века почти во всех отчетах по поводу раскопок, проведенных на Босфоре и в Ольвии, зафиксированы многочисленные случаи обнаружения черепицы.

Почти одновременно с В. Ф. Гайдукевичем вопросами античной керамики заинтересовались и другие археологи. В этом отношении можно указать на раскопки, проведенные в Ольвии. В своих отчетах проф. Л. М. Славин почти всегда указывает на факты обнаружения черепицы. Например, при

раскопках северного здания (раскоп «И») автор нашел большое количество обломков черепицы и даже целых экземпляров—соленов (плоские с загнутыми краями черепицы) и калиптеров (желобчатые черепицы), которыми было перекрыто указанное здание[30]. Черепичную крышу имело и восточное здание того же раскопа, ибо здесь же найдено большое количество обломков черепицы[31]. Аналогичную картину наблюдал Л. М. Славин и на южном здании; вот что пишет автор относительно этой части раскопа: «Как и в большом северном здании, раскрытие помещений и дворцов южного комплекса обнаружило большое количество черепиц (в большей своей части соленов и, частично, калиптеров, в целых экземплярах и в тысячах обломков), — заметим, между прочим, очень хорошего качества. Совершенно очевидно, что и южное здание (подобно большому северному комплексу) было перекрыто хорошей крышей, покрытой черепицами[32]».

Это, как отмечалось, является уже важным достижением в деле изучения древней черепицы, хотя данные автора сводятся лишь к указанию на то, что сооружения были перекрыты черепицей и что обнаружены два вида этой последней—плоская (или солены) и желобчатая (или калиптеры).

В отчете Славина опубликован один—единственный фототпечаток, на котором видна груда обломков черепицы. Снимок показывает, что обнаружены два вида черепицы; в основном т. н. солены, но в правой половине сооружения найдены и довольно большие обломки калиптеров. Опубликованный фотоснимок не дает возможности сказать что-либо определенное по поводу калиптеров; что касается соленов, они напоминают мцхетские, но представить эти солены в деталях не удается опять-таки из-за неудачного фотоснимка, тем более, что на нем не указаны масштабы.

В 1950 г. был опубликован объемистый труд А. Якобсона относительно археологических материалов Босфора. В этом

---

[30] Л. М. Славин, Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг., Ольвия 1, Киев, 1940, стр. 29.

[31] Там же, стр. 32.

[32] Там же стр. 41—42.

исследовании значительное место уделено вопросам ремесленничества, специально рассмотрены вопросы производства черепицы в Босфоре средних веков.

Конечно, указанная работа, поскольку в ней рассматривается более поздняя эпоха, не может иметь особо важного значения для наших целей; однако следует все же отметить, что эта книга также является подтверждением, насколько большое внимание уделяется в настоящее время вопросам ремесленного городского производства, в данном случае производству строительных материалов и, в частности, черепицы.

К сожалению, в этом труде также почти нет столь необходимого и важного для нас материала. Нет, например, ни одной репродукции калиптеров и хотя бы несколько удовлетворительного снимка соленов; очень скудно рассмотрены и вопросы керамического производства. Ряд сведений и выводов, в особенности относительно грузинских материалов,—ошибочен [33].

Частично пополняют наше знание о производстве строительной керамики опубликованные Беловым, Марти, Гайдукевичем, Славиным и др. многочисленные отчеты о раскопках Босфора и Херсонеса. Заинтересованный этими вопросами читатель может ознакомиться с небольшим материалом по соответствующим изданиям[34].

В отношении изучения черепицы не лучше обстояли дела и у нас. До археологических раскопок Мцхета при характеристике кровельных сооружений античного времени пользовались, в основном, сведениями, имеющимися в «Географии» Страбона.

По письменным источникам было известно, что в древней Грузии черепица в качестве материала для перекрытия сооружений применялась уже с древнейших времен. В этом отно-

---

[33] А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.), МИА СССР, 17, М.-Л., 1950, стр. 117—153.

[34] Ю. Ю. Марти, Отчеты о раскопках Тиритаки в 1932—34гг., МИА СССР, 4, М.—Л., 1941; В. Ф. Гайдукевич, Отчет о раскопках в 1934г., МИА СССР, 4; Л. М. Славин, Отчет о раскопках северной части Херсонеса в 1931—33гг., МИА СССР, 4; Г. Д. Белов, Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-33гг., МИА СССР, 4, М.-Л., 1941г.

шении особенно обширную характеристику городов Иберии дает Страбон (XI,3).

Первые, полученные в результате научно обоснованных археологических раскопок сведения относительно обнаружения античной черепицы, принадлежат Мцхетской археологической экспедиции. Первая античная черепица найдена этой экспедицией, а именно армазисхевской и самтаврской группами указанной экспедиции.

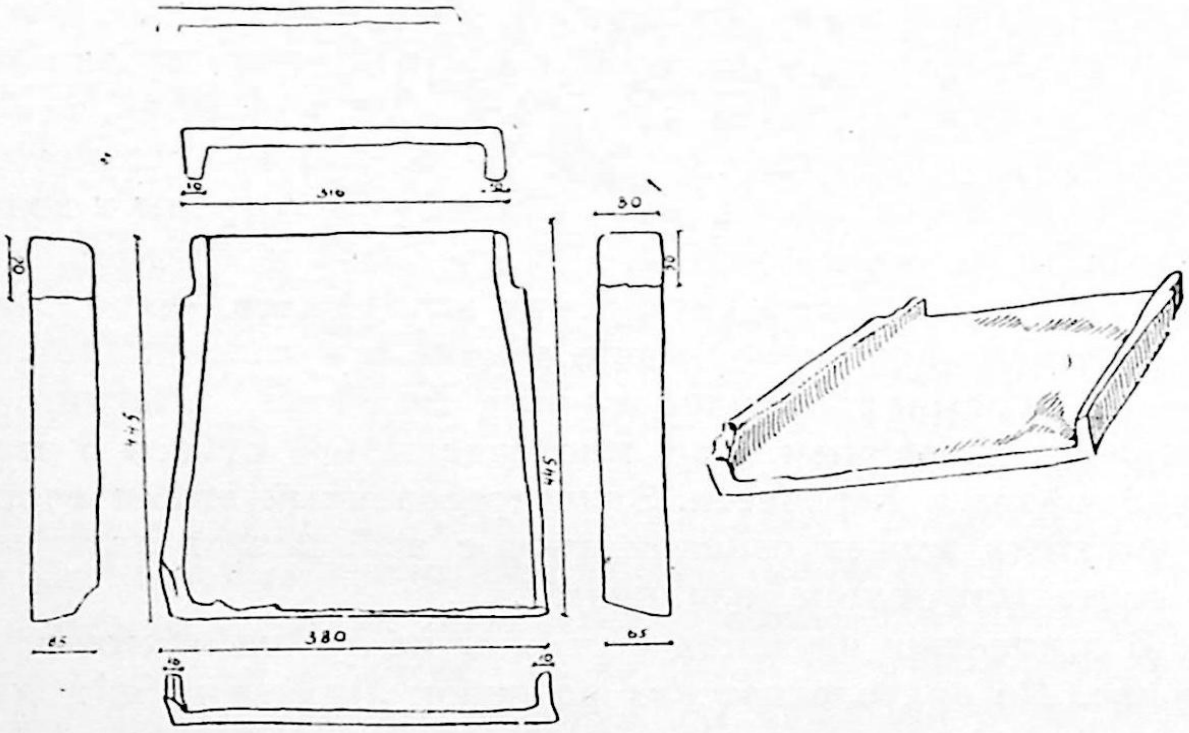


Рис. 19. Мцхетская черепица (план и общий вид)

Особенно важны в этом отношении археологические памятники Багинети, ибо они дают обширную картину применения, распространения и производства этого кровельного материала. До раскопок Багинети изучение этой отрасли давалось далеко не легко, в основном потому, что в Самтавро были найдены черепицы, использованные для сооружения погребений, армазисхевские же черепицы по сравнению с багинетскими являются более поздними (II—III вв. н. э.) и не так многочисленны.

Поскольку для изучения грузинской черепицы античного времени важнейшим следует считать багинетский материал,

рассмотрение и характеристика последнего является основной задачей данной главы.

Обнаруженные при раскопках черепицы показывают, что ими покрывались не только расположенные на территории внутренней крепости царские и общественного назначения сооружения, но даже башни крепостной ограды. Среди найденных при раскопках Багинети имеются плоская с загнутыми краями и желобчатая черепицы.

Поскольку доказано, что в Мцхета столичного периода важнейшие сооружения были перекрыты черепицей двух видов, можно полагать и то, что оба вида черепиц должны были быть использованы в одинаковом количестве, но они покрывали разные площади на крыше. Крыши домов покрывали, как правило, плоскими черепицами, желобчатая же че-

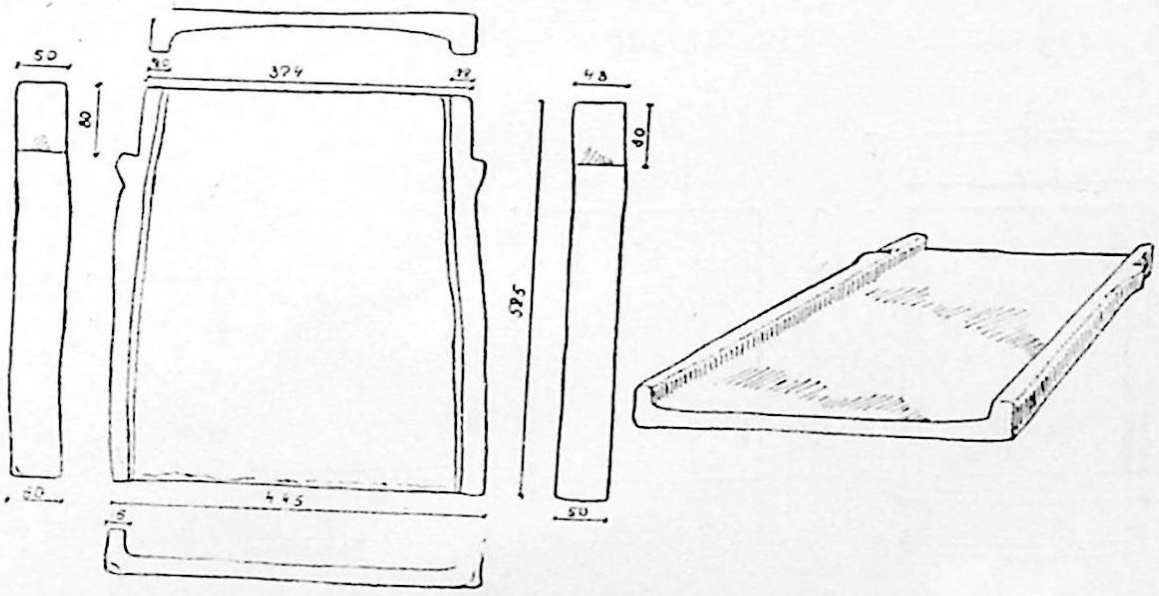


Рис. 20. Мцхетская плоская черепица (ср. рис. 18, 19).

репица закрывала швы последних и тем самым защищала крышу и сооружение от разрушительного влияния атмосферных осадков. Именно поэтому плоская черепица считается основным материалом, желобчатая же (калиптеры) материалом вспомогательного значения[35].

---

[35] В. Ф. Гайдукевич, Босфорские черепицы, стр. 224.

По своей форме мцхетские плоские черепицы однородны, имеют форму широкой трапеции, верхняя их часть несколько шире нижней, правые и левые края черепицы загнуты вверх.

Однако по размерам плоские черепицы далеко неодинаковы, более того, при раскопках вовсе не встречались плоские черепицы одинакового размера (рис. 19—20).

Мы отмечали, что в 1948 г. на одной небольшой площади (около 200 м² Багинети, раскоп—ХУ), после раскопа только верхнего ее слоя, мы нашли 32000 обломков кровельной черепицы. Конечно, нашей целью не является восстановление и публикация их размеров, но для подтверждения различного размера одинаковых по форме черепиц мы публикуем размеры целых экземпляров, обнаруженных багинетской экспедицией на протяжении 1944—1948 гг.

В этой группе наибольшие размеры имеет №1573*. Длина этой черепицы—53 см, ширина верхней части—44,6 см, нижней—36 см. Черепица имеет невысокие борта; высота правого бортика снаружи, в верхней части достигает—49 см, в средней части—5,3 см, а в нижней—4,9 см. Ввиду того, что этот борт имеет неровную поверхность, высота его часто меняется, но приводить все размеры нет необходимости. Левый борт

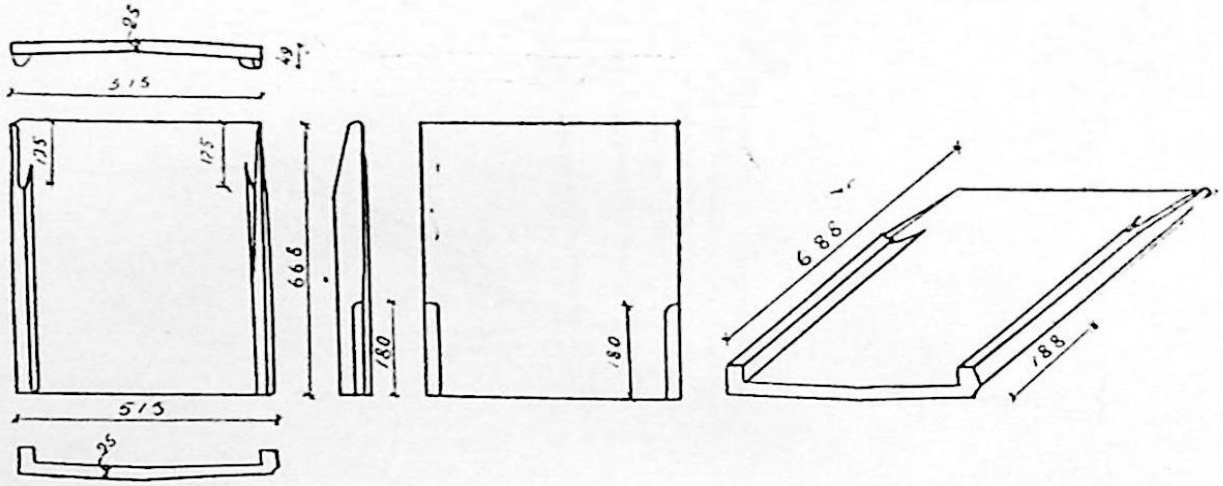


Рис. 21. Босфорская плоская черепица (план, разрезы и обмеры)

* Номера черепиц публикуются соответственно полевым записям Багинетского отряда Мцхетской археологической экспедиции.

имеет более ровную поверхность; высота его в верхней части—5,1 см, в средней части—4,5 см, а в нижней—5 см. Несколько неровная поверхность этого борта не дает резкого изменения высоты.

Ввиду особенностей изготовления черепицы этого типа, получить образцы одинаковой толщины, как видно, было почти невозможно. Эти особенности будут описаны и объяснены ниже, теперь же следует сказать, что черепица №1575 тоже не везде одинаковой толщины. Так, например, толщина верхней части достигает около 2,5—3 см, а нижней—0,6—2,8 см. Колебания размеров толщины резче проявляются на правом бортике, который помимо негладкой, имеет также и непрямолинейную поверхность. Это обстоятельство хорошо отражено и в следующих размерах: толщина правого борта на верхней части—1,6 см, в середине у основания края—3,1 см, у поверхности края—2,4 см (с внутренней стороны округлена, внут-

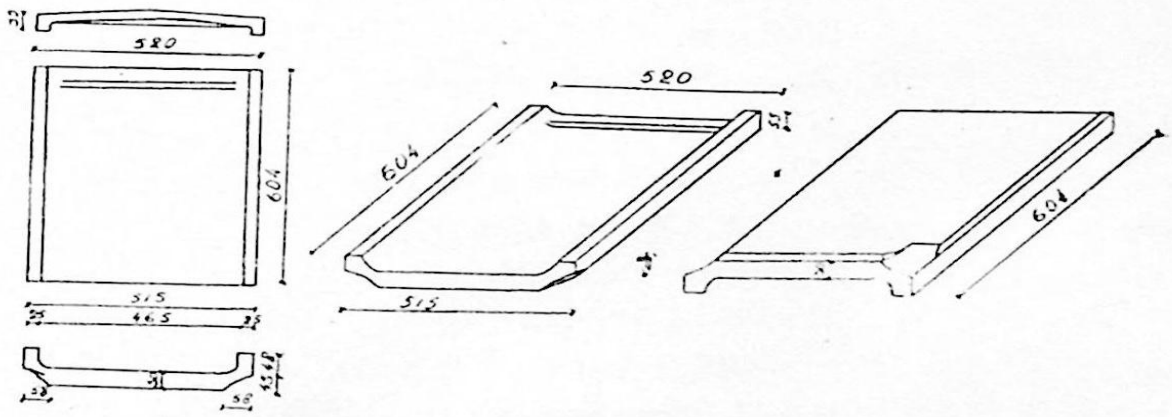


Рис. 22. Босфорская плоская черепица (ср. рис. 21—23)

реннего ребра не видать, поэтому размеры здесь тоже не являются точными), на нижней части, у основания края толщина равняется—2,7 см, у поверхности края—2 см. Последние измерения дают возможность установить и внутреннюю высоту края черепицы, загнутого довольно неровно.

Аналогичную картину дают и измерения других черепиц. Таковы, например:

а/№ 1278/1 — плоская черепица.
Длина в середине—49 см.
Длина внутренней стороны вдоль правого края—49,4 см.
Ширина (в верхней части вместе с краями)—41,2 см.
Ширина в нижней части 31,7 см.

б/№ 1278 — плоская черепица.
Длина—50 см.
Ширина в верхней части 40,8 см.
Ширина в нижней части—31,5 см.

в/№ 131 — плоская черепица.
Длина—50 см.
Ширина—41,5 см.
Ширина в нижней части—34 см.

г/№ 1293 — плоская черепица.
Длина в середине—49 см.
Вдоль правого края с внутренней стороны 50,3 см.
Вдоль левого края— 29,6 см.
Ширина в верхней части—25,7 см.
Ширина в нижней части—29,4 см.

д/№ 1292 — плоская черепица.
Длина—46,5 см.
Вдоль правого края с внутренней стороны—46,3 см.
Вдоль левого края—46,8 см.
Ширина в верхней части—37,5 см.
Ширина в нижней части—30,5 см.

Как видно из приведенных примеров, длина плоской черепицы колеблется от 46,5 см до 52,5 см; ширина в верхней части—от 35,7 см до 44,6 см; ширина же в нижней части черепицы—от 29,4 см до 36 см.

Даже эта небольшая таблица ясно показывает, что в Мцхета изготовлялась плоская черепица различной величины. Разница иногда столь очевидна, что ширина черепиц одной группы приближается к длине черепиц другой. Так, например,

длина черепицы №1292—46,5 см, а ширина—№1575—44,6 см, т. е. разница—1,9 см. Из таблицы хорошо видна большая разница и в одних и тех же измерениях. Например, длина №1575—52,5 см, а №1292—46,5 см, замечается разница в ширине, в весе и т. д.

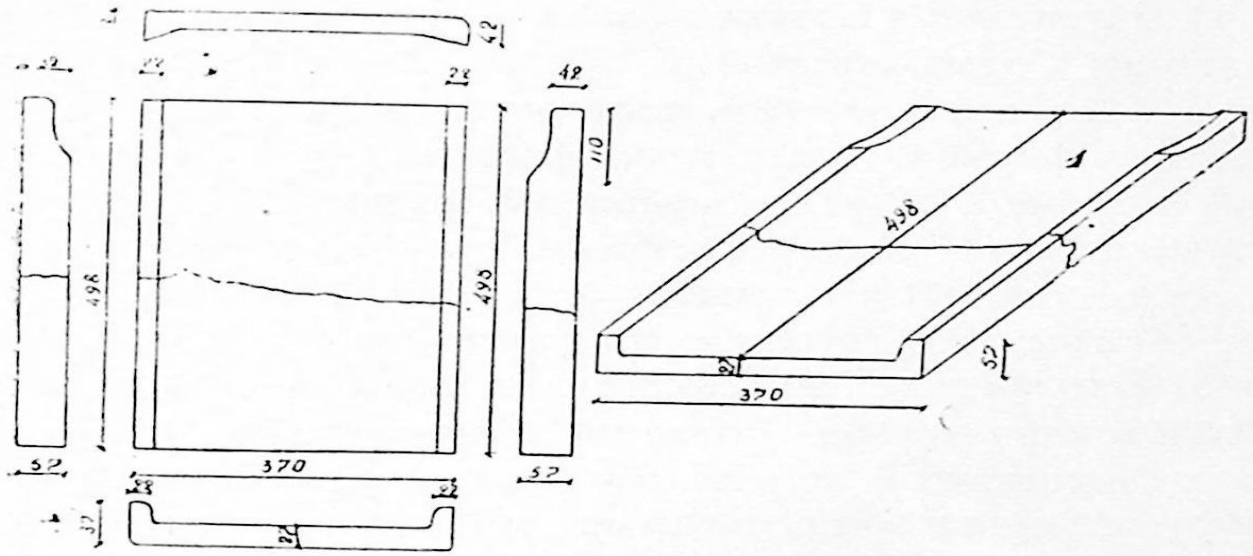


Рис. 23. Босфорская плоская черепица (ср. рис. 21—22)

До сего дня нам не встречались хотя бы две формованные в одной и той же форме черепицы. Это обстоятельство имеет немаловажное значение для изучения производства черепицы, для более ясного представления о процессе производства ниже будут приведены и другие данные; при обобщении этих данных мы постараемся более детально рассмотреть вопросы производства черепицы—одной из отраслей строительной керамики.

Таким образом, из приведенного материала явствует, что в древней столице Картли для перекрытия сооружений изготовлялись различной величины, но одинаковые по форме черепицы (рис. 19—20).

Разница в измерениях плоских черепиц и их неоднородность убеждает нас в том, что мцхетская черепица изготовлялась не в формах, а на станке или на длинных широких досках; причем нижняя поверхность (спинка) черепицы выводилась при помощи станка или доски, края же загибались рукой

или специальными инструментами. Длина, ширина и общая форма черепицы определялась не специальной формой, а привыкшим и опытным глазом мастера и, возможно, соответствующим инструментом (деревянным или металлическим ножом).

В этой связи необходимо учесть следующее:

а) Багинетская плоская черепица имеет форму трапеции. Однако же форма черепиц не настолько правильна, чтобы можно было предположить изготовление их в специально сделанных формах, т. е. в таких формах, спинка и загнутые борта которых состоят из хорошо выструганных досок или же которые сделаны по заранее разработанным размерам.

Даже при общем осмотре плоских черепиц замечается разнообразие, исключаемое при формовке.

б) На черепице № 131 место соединения одного загнутого борта и спинки—ребро—имеет снаружи несколько продольных трещин, полученных, видимо, после того, как мастер «раскатал глину»[63] и начал загибать край. Эта деталь нам кажется весьма убедительной, если проследить представленную выше картину или же внимательно рассмотреть черепицу №131. Конечно, трещины могли образоваться и помимо загибания краев. К тому же хорошо подобранная и размятая глина не должна трескаться при загибании; но следует учесть, что мы имеем дело с массовым изготовлением черепицы. Нам кажется вполне убедительным предположение о том, что продольные трещины на черепице №131 являются показателем загибания черепиц без применения формы.

в) Загнутые края черепицы № 1292 неодинаковы: один более отвесен, чем другой, к тому же толщина загнутых краев меняется.

Внимания заслуживает и обломок черепицы №1324, загнутый край которого настолько искривлен, что явно исключает выделку в деревянной форме. Почти такими же являются обломки №1322 и №132.

---

[36] Л. И. Бочоришвили, Этнографическая экспедиция в Телавском районе, Вестник ИЯИМК, II, 3, Тб., 1938, стр. 356.

Не всегда равномерна нижняя часть плоской черепицы; например, суживающаяся нижняя часть черепицы № 131 с одной стороны достигает 13,5 см, а с другой—11,5 см. Форма не может дать такой разницы. Аналогичная картина наблюдается и в ряде других случаев.

На основании перечисленных признаков приходится усомниться в возможности выделки плоской черепицы столичного времени в специальных формах и допустить изготовление этого материала на плоском станке, без применения форм.

Изучение спинки и краев плоской черепицы дает более детальную картину устройства станка. Края плоской мцхетской черепицы срезаны после того,как черепица просохла и уже нетрудно ставить ее вертикально или взять в руки, но, конечно, до обжига. С большим усердием срезано переходящее от спинки на загнутый край ребро. На этом месте почти на всех обломках заметен след ножа, иногда столь явно, что выведено «новое» ребро (ср. №№1311, 1322, 1289 и т. д.), а иногда создается впечатление наспех сделанного среза. Главным образом, срезывался и подправлялся вышеуказанный наружный угол, часто срезывались бока и поверхность загнутых краев, реже—верхняя и нижняя части черепицы (например, № 1289), есть случаи вырезывания и внутренних углов.

Одним словом, при отборе готовых для обжига черепиц в необходимых случаях срезывались и подправлялись все края и рубцы.

Выравнивание негладких мест являлось, видимо, довольно трудоемким процессом в древнем производстве черепицы. Это дело предоставлялось, как видно, сравнительно квалифицированным, а также снабженным соответствующими инструментами рабочим. Таким инструментом, как показывает материал, являлся нож мастера. На черепицах №№1322, 1289, 131 и др. хорошо видны следы деревянного ножа; хотя черепица № 1289 настолько хорошо обтесана, что есть все основания полагать использование довольно острого железного (или вообще металлического) ножа.

Выравнивание углов, как отмечалось, производилось перед обжигом, но после высушки. Обстругивание черепицы

посредством ножа до сушки, должно быть, было невозможно, ибо невысохшая глина могла вытянуться и не обтесаться. След лезвия ножа на мокрой глине имел бы иной отпечаток. Кроме того, поднять или держать в руках и строгать черепицу до высушки было опасно: черепица могла легко потерять форму.

При внимательном рассматривании образцов, взятых из Багинети, выясняется, что выравнивание является процессом, предшествовавшим окраске, т. е. сперва выравнивается плоская черепица, а затем на нее наносят красную краску. Как правило, краской смазаны или облиты все черепицы.

Станок или доска придавали спинке черепицы плоскую форму. Судя по спинке черепицы, поверхность станка предварительно покрывалась песком или илом, а затем производилось раскатывание кома. Именно поэтому песком обсыпана вся спинка черепицы. При высушивании и обжиге песок частично осыпался, на спинках сохранившихся до наших дней черепиц оставались только следы песка. Как видно, мастера того времени особенно не занимались поисками чистого песка или его очисткой. На это указывают частые случаи сохранившихся на спинках следов мелких камешков или самих камешков. Такая картина наблюдается, например, на следующих образцах: №№1375, 1292, 1418, 142 и т. д. На спинках всех указанных нами черепиц имеются явные следы песка, к тому же вполне очевидно, что соответствующие станки были обсыпаны довольно чистым песком до раскатывания на них кома.

Станок, на котором изготовлялись плоские черепицы, был собран и связан из нескольких различной ширины досок. Так, например, черепица №1292, как видно, была выделана на станке из одной доски, в данном случае мы имеем дело со станком с широкой доской; ширина доски равняется ширине самой черепицы. Как видно, на таких же станках выделаны и черепицы №1278/1,2.

Черепица №131 выделана на станке из двух досок. Каждый из этих станков отличается друг от друга шириной. Так,

ширина одной доски—18,5—20,3 см, а второй—17,5—24,1 см. На таком же станке изготовлены и плоская черепица №1293 и многие другие (например, 1278, 1575, 1166, 1289, 1167, 1293, 1311, 1322, 1324, 1327, 1449, 1457 и т. д.). Очень редко, но все же встречаются следы станка, составленного из трех досок. На таком станке изготовлены черепицы №1422 и 1314, от которых уцелели только обломки.

На основании вышеприведенного материала можно заключить, что в Мцхета для изготовления плоской черепицы использовались, в основном, станки, составленные из одной и двух досок. К тому же становится ясным, что станок из двух досок был распространен значительно шире.

Желобчатая черепица имеет длительную историю в Грузии и, видимо, именно поэтому ее называют грузинской черепицей. В продолжение довольно большого времени во многих районах Грузии, как показывают этнографические исследования, желобчатая черепица являлась единственным видом кровельной черепицы[37].

Современный вид и форма грузинской черепицы создавались на протяжении многих веков и из ее общих предков у нас самой древней пока что следует считать желобчатую черепицу античного времени. Именно поэтому при рассмотрении мцхетской археологической черепицы и воссоздании техники ее производства мы часто обращаемся к грузинской этнографической черепице и по возможности используем ее в качестве вспомогательного материала.

Л. И. Бочоришвили отмечает, что в Кахети черепица изготовлялась при помощи формы и «кобуна». Распластанный ком глины приобретает желобчатый вид посредством «кобуна». Форма для черепицы представляет собой продолговатую, с одной стороны узкую, а с другой расширенную деревянную раму, «кобуна» же—желобообразно загнута: один конец желоба узок, а другой—довольно широкий. В середине узкой

---

[37] Л. И. Бочоришвили, Грузинская керамика, 1, Тб., 1946, стр. 150.

части вырезан небольшой кончик; в широкой части имеется выведенный на ней же закругленный тул[38].

Аналогичным способом изготовлялась желобчатая черепица, по данным этнографа Н. Б. Рехвиашвили, в деревнях

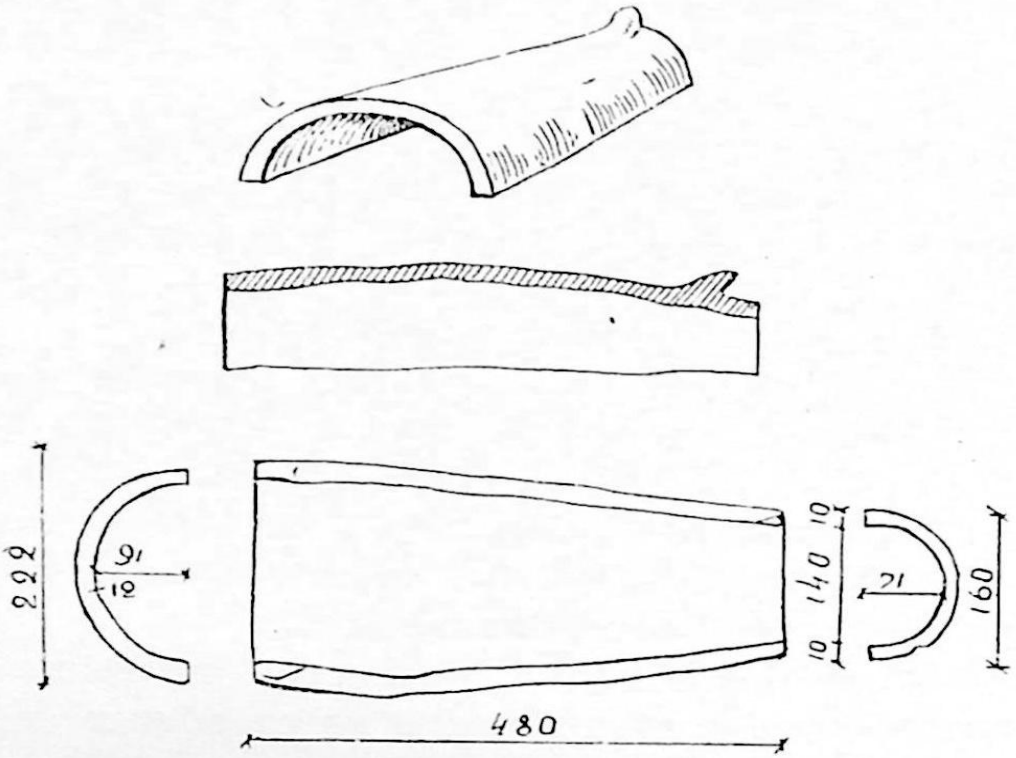


Рис. 24. Мцхетская желобчатая черепица (общий вид, разрез, обмеры)

Земо-Имерети. Из записей автора выясняется, например, что в селе Земо-Зегани для формовки черепицы пользовались формой—рамой, называемой «Калапоти», и желобчато загнутым инструментом—«Бокви». Судя по чертежам, имеретинское «бокви» и кахетинское «кобуна» имеют совершенно одинаковую форму и, следовательно, обе дают сходную по форме желобчатую грузинскую черепицу.

Процесс изготовления черепицы подробно описан Н. Б. Рехвиашвили и Л. И. Бочоришвили. Согласно записям Н. Б. Рехвиашвили, изготовление черепицы в Земо-Имерети про-

[38] Л. И. Бочоришвили, Указ. работа, стр. 356; И. Цицишвили, К изучению античной черепицы Мцхета, Вестник АН ГССР, т. IX, № 8, Тб., 1948, стр. 152.

исходит следующим образом: «ком специально приготовленного глиняного теста помещают в колодку и расправляют рукой, затем проводят специально обструганной палкой по поверхности колодки; если где-либо встретятся какие-либо соринки, их достают и очищают черепицу. Тут же имеется сосуд с водой, в котором моют руки. Затем переносят черепицу на деревянное «бокви» и мокрыми ладонями осторожно подправляют поверхность и неровные места; этим же бокви несут черепицу и кладут ее на доску»[39].

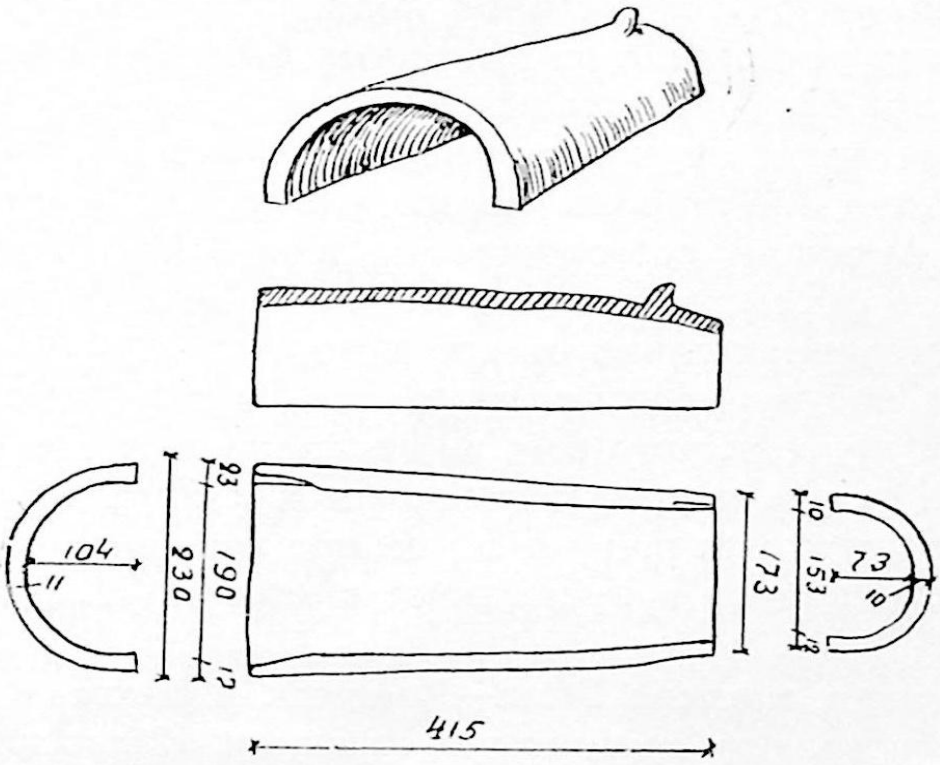


Рис. 25. Мцхетская желобчатая черепица (общий вид, разрез, обмеры — ср. рис. 24)

Вполне аналогичную картину описывает Л. И. Бочоришвили по материалам, собранным в Кахети: на крытый илом станок помещают форму черепицы, таким образом, что широкий конец ее обращен к мастеру, в форму кладут ком глины и распластывают его смоченной в воде правой рукой (на станке должна стоять миска с водой) и таким образом придают

[39] Н. Рехвиашвили, Этнографические записи в Земо-Имерети, 1937.

кому нужную форму. При раскатывании кома по местам с густо налепленной глиной проводят ребром правой руки, убирают лишнюю глину и накладывают ее на тонкие места. Раскатанный в форме ком теста мочат водой и неровные места подправляют при помощи намоченной в воде доски. По формованной и выравненной глине напоследок проводят мокрыми руками и затем переносят ее на «кобуну». Перенос черепицы на «кобуну» происходит следующим образом: острие кобуны плотно приставляют к боковине станка (на том месте, где острие кобуны упирается в станок, должен быть вырез) для того, чтобы острие кобуны не двигалось бы в разные стороны и мастер мог бы удержать ее в устойчивом положении, он плотно приставляет рукоятку кобуны к животу, затем обхватывает руками обе стороны формы, расположенной вдоль кобуны, и с большой осторожностью переносит ее на кобуну. После этого форму осторожно высвобождают из под глины и эта формованная глина остается на кобуне—«черепица наденется на кобуну», «согнется» сообразно кобуне. Перенесенную на кобуну черепицу еще раз подправляют рукой, затем берутся за острие и рукоятку кобуны и кладут черепицу на землю, на гумно или под навес; из под черепицы осторожно вытаскивают кобуну и приступают к выделке следующей черепицы[40].

Как видно, мастера Земо—Имереги и Кахети почти одинаково изготовляют грузинскую черепицу. Кахетская рама и имеретская форма «калапоти», «кобуна» и «бокви» —это совершенно однородные инструменты.

Размеры черепицы определяются внутренними размерами рамы, а форма—изгиб черепицы—формой кобуны или бокви. Обычно кобуна—бокви меньше черепицы; изготовленные по одной раме черепицы всегда имеют одинаковую длину и ширину; одинаков и изгиб формованных на одной кобуне или бокви черепиц.

---

[40] Л. И. Бочоришвили, Грузинская керамика, 1, Тб., 1948, стр. 152—153 (на груз. языке).

Формовка черепицы посредством рамы и кобуны—бокви не представляет трудности. Л. И. Бочоришвили указывает, что один мастер за один день может выделать 150—200 штук черепиц. Конечно, здесь имеется в виду сам процесс выделки, а не подготовительные работы и дальнейший обжиг черепиц.

Вышеописанным способом и посредством описанных инструментов изготовлялась, как видно, грузинская желобчатая черепица и в средние века. Аналогичная картина зафиксирована в средневековом Босфоре. В связи с этим А. Л. Якобсон указывает, что «черепицы формовались при помощи деревянных матриц (отпечатки деревянных плах, из которых сколочены эти формы, постоянно наблюдаются на черепицах); матрицы эти состоят из двух частей: нижней матрицы, на которой раскатывался определенный слой глины, и верхней, придававшей определенную форму бортикам, лепившей водосливные валики; на верхней же матрице вырезалась неглубокая метка, дававшая на черепице слаборельефный оттиск. При формовке черепицы матрицы посыпались крупным песком. После этого черепицы сушились на открытом воздухе[41].

Изучение образцов ранне-средневековой черепицы само собой может способствовать делу изучения античных черепиц, поскольку ранне-средневековые черепицы являются позднейшим звеном античной, точнее, в эволюции римской черепицы, формы которой почти без изменения были освоены в раннем средневековье, в IV—VI вв.[42].

Небезынтересно отметить, что грузинская плоская черепица средних веков по своей форме почти не отличается от античной грузинской плоской черепицы, т. е. происхождение ее связано, надо полагать, с местной традицией.

Мцхетская желобчатая черепица представляет собой глиняный желоб с более широкой нижней частью, т. е. это не «цилиндрический» или не «рассеченный в длину цилиндр».

---

[41] А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес, стр. 119; В. Г. Гайдукевич, Босфорские черепицы, стр. 232, В. Ф. Гайдукевич, там же, стр. 260.

[42] Ср. А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес, стр. 119.

Через наши руки прошло несколько тысяч обломков черепиц и довольно большое количество целых, несломанных черепиц, но этот материал не дает возможности установить неизменяющееся соотношение длины и ширины черепиц, ибо

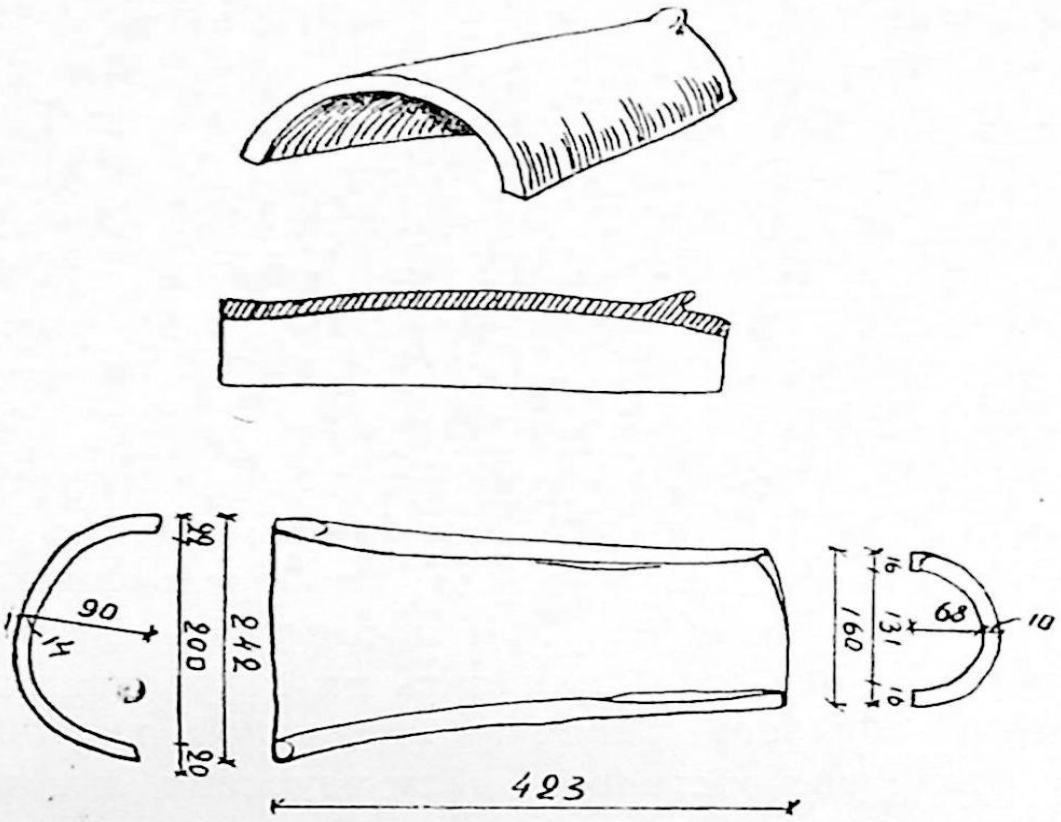


Рис. 26. Мцхетская желобчатая черепица (общий вид, разрез, обмеры — ср. рис. 24, 25)

они отличаются друг от друга и длиной и шириной. Так, например, сравнение желобчатых черепиц, обнаруженных при раскопках в Армазцихе, дает следующую картину:

№№	Длина	Ширина широкой части (нижняя) внутренний размер	В середине внутренний размер	Наверху внутренний размер
1164 1 (б)	48,2 см	21,3 см	18,0 см	14,6 см
1164 2 (б)	49,5 „	20,8 „	18,9 „	обломлено
1164 3 (б)	48,3 „	19,5 „	18,5 „	13,8 см

Аналогичную картину наблюдаем при изучении всех мцхетских черепиц, за исключением находок в районе Ксани, в Самадло.

Таким образом, длина багинетской желобчатой черепицы достигает примерно 50 см. Во всяком случае полуметра не превышает длина ни одной черепицы. Разница в длине и ши-

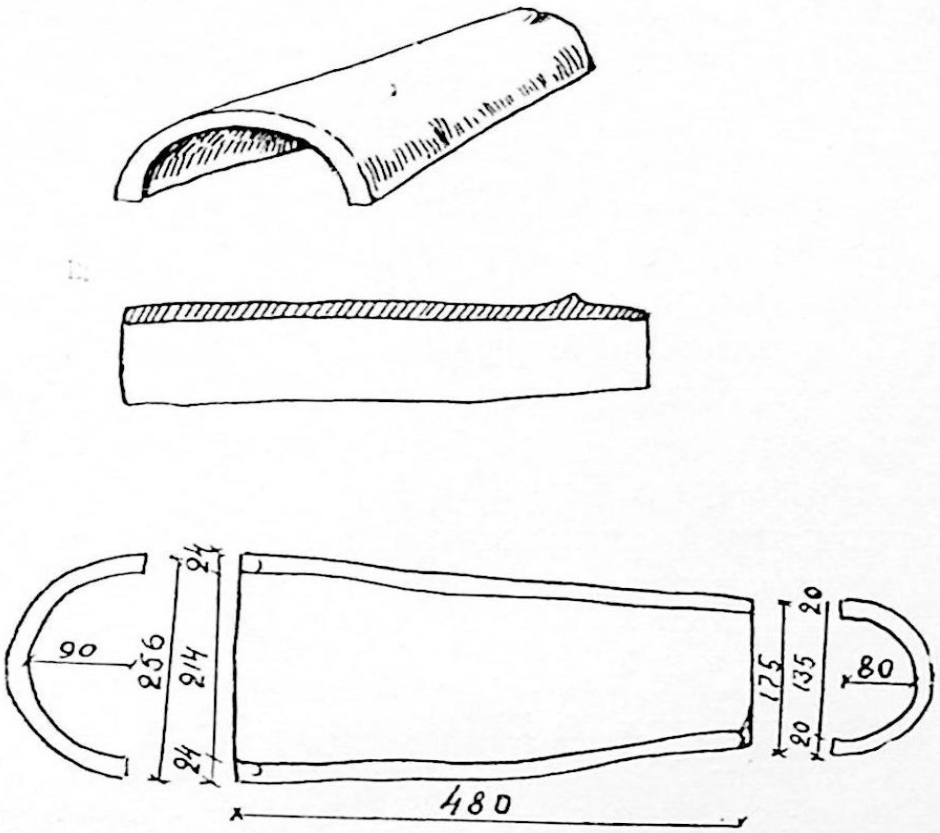


Рис. 27. Мцхетская желобчатая черепица (общий вид, разрез, обмеры — ср. рис. 24—26)

рине черепиц (1,5—2 см) показывает, что мцхетская желобчатая черепица формовалась не по строго стандартному размеру. Разница в длине и ширине дает, естественно, разницу и между их соотношениями.

Совершенно иное положение наблюдается на Босфоре. На основании опубликованного В. Ф. Гайдукевичем материала выясняется, что длина босфорского калиптера—59,5 см, наибольшая ширина внутренней части желоба—88 см. Соотношение же их таково: 59,5—8,8—6,7; 1, т. е. 6,7:1 . Опубликован-

ное тем же автором соотношение длины и ширины желобчатой черепицы Камиш—Буруна дает следующую картину: 1,9:1 и 2,3:1 и т. д.

Как мы видели, мцхетский материал не дает постоянного неизменяющегося соотношения. Разница здесь, примерно, в 2 см. Но формованная в одной и той же форме черепица ни в коем случае не может давать такой разницы. Если опубликованные В. Ф. Гайдукевичем сведения относительно босфорской черепицы характерны и соотношение здесь неизменно, то объясняется это выделыванием данной черепицы по колодке, багинетская же (мцхетская) изготовлялась без таковой. Это существенная, на наш взгляд, разница.

Мцхетская желобчатая черепица отличается от известных до сих пор античных и средневековых калиптеров еще одной существенной деталью конструктивного характера и должна иметь большое практическое значение. Мцхетская желобчатая черепица снабжена отростком (пальцеобразным выступом) на узком ее конце (рис. 24—28), назначением которого было крепление уложенной внахлестку желобчатой черепицы[43]. Этот отросток приделывался к спинке желобчатой мцхетской черепицы недалеко от узкой ее части, почти на одинаковом расстоянии от края, но не точно на одном и том же месте. Так, например, отросток № 2264/1 начинается примерно в 5,5 см от узкого конца; № 1164/2—начинается в 5 см от края; № 1378/2 в 6 см; № 1290/1 начинается на 7-ом см; № 1290/2—на 8-ом см и т. д. Как видно, не имелось ни одного предварительно и точно определенного размера расстояния между отростком и краем черепицы; в этом и не было необходимости, иначе осложнился бы процесс изготовления черепиц и уменьшилась бы производительность труда. Практически же эта небольшая разница не имела значения.

Отросток приделывался к черепице до высушки, т. е. на станке. Для прикрепления отростка на соответствующее место мастер посредством надавливания большого пальца делал углубление, в которое он должен был всадить отдельно приго-

---

[43] Мцхета 1, Тб., 1958, стр. 176, рис. 113 а.

товленный отросток с круглым основанием. О том, что углубление делалось при помощи большого пальца, свидетельствуют образцы, на которых ясно видны отпечатки больших пальцев и даже следы ногтей. Когда мастер на только что

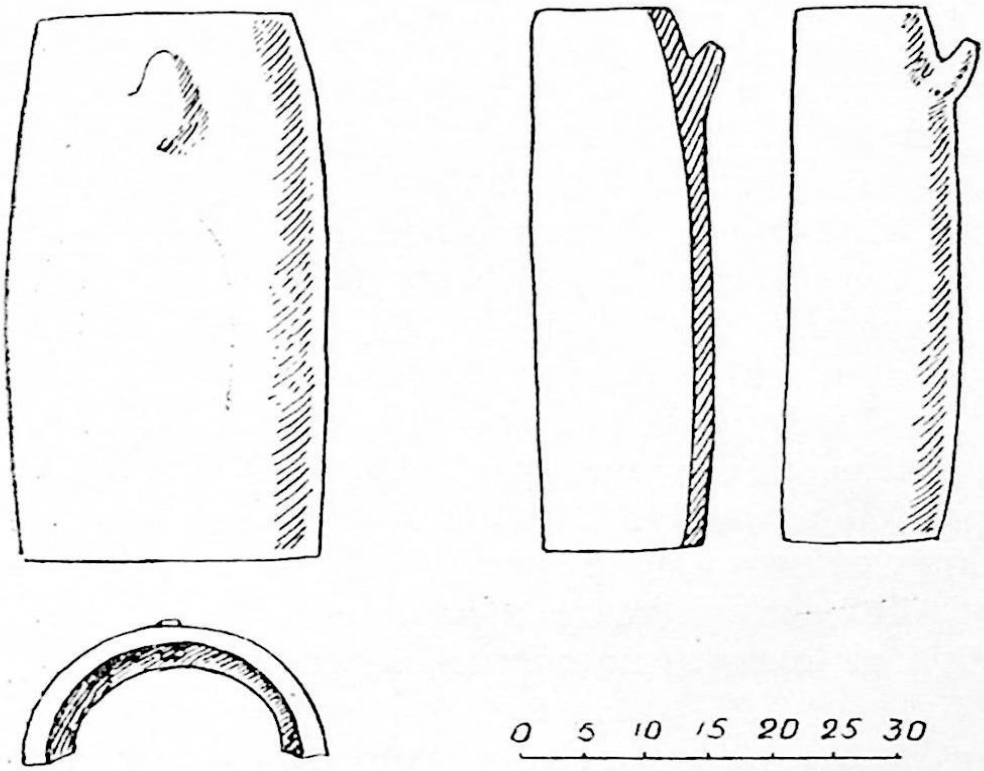


Рис. 28. Мцхетская желобчатая черепица (общий вид, разрез, обмеры — ср. рис. 24—27)

выведенную черепицу надавливал пальцем и расширял и углублял выемку, внутренняя сторона черепицы на этом месте достаточно широко выгибалась, но затем несколько подправлялась рукой, опять-таки надавливанием пальца, но уже после всаживания отростка. Вкрепление отростка и исправление внутренней выпуклой части производились одновременно. Именно поэтому у отростка (на наружной стороне) и на выгнутом месте (на внутренней стороне) хорошо видны отпечатки пальцев мастера[44].

[44] Наш материал не дает оснований согласиться с высказанным И. Н. Цицишвили в связи с изучением мцхетской черепицы замечанием о том, что «обычно отросток формовался одновременно с черепицей, для чего в форме заранее делалась выемка». Мы не имеем ни одного слу-

После этого черепицу относили на высушку, следовательно, после приделывания отростка черепица уже не возвращалась на станок. Этим и объясняется то обстоятельство, что следы вращения на станке нарушены именно у отростка, как с наружной, так и с внутренней стороны. Снаружи, так как это являлось видимой стороной, поверхность вокруг отростка довольно хорошо выровнена и на этом месте видны следы пальцев. Выравниванию поверхности с внутренней стороны не уделялось особого внимания. Это естественно—внутренняя сторона не была видна. Именно поэтому отпечатки пальцев мастера в большинстве случаев хорошо видны и на внутренней поверхности.

Хотя отростки с круглым основанием вообще имеют одинаковую форму, они все же отличаются друг от друга: отростки имеют различную высоту, более или менее различную ширину и толщину. Почти все отростки несколько отличаются друг от друга по форме (рис. 24—28).

Различие замечается и в наклоне спинки и в величине углов, образовавшихся на спинке черепицы после вкрепления отростка.

Конечно, эти различия не имеют конструктивного значения; каждый из отростков одинаково хорошо удерживает желобчатую черепицу верхнего ряда. Однако, отмеченные различия ясно указывают на изготовление отростков не в специальных формах, а рукой, видимо, в тот момент, когда их надо было приделать к черепице. При таких обстоятельствах не следует ожидать наличия двух отростков совершенно одинаковой формы и размеров, не только в тех случаях, когда мы имеем дело с изделием разных мастеров, но и при рассмотрении черепиц и отростков, изготовленных одним и тем же мастером.

Высказано соображение о сходстве мцхетской желобчатой черепицы с желобчатой черепицей, обнаруженной в 1932 году

чая, доказывающего это соображение, ибо мцхетские мастера при изготовлении черепицы вообще не пользовались формой. (Ср. И. Н. Цицишвили, К изучению мцхетской античной черепицы, Сообщения АН ГССР, т. IX, № 8, Тб., 1948, стр. 518).

в Камиш—Буруне. Так, например, И. Н. Цицишвили отмечает, что мцхетская желобчатая черепица по своей форме приближается к желобчатой черепице, найденной в 1932 году при раскопках Камиш—Буруна, а также современной, распространенной в южных районах страны, т. н. «татарской черепице»[45].

Л. И. Бочоришвили отмечает, что используемая в данное время жителями Крыма и известная под названим «татарской» желобчатая черепица ничем не отличается от грузинской черепицы»[46]. Автор тут же отмечает, что в Земо-Имерети (в селе Шроша) и сейчас имеются плоская и желобчатая черепицы, весьма схожие с черепицами, обнаруженными в Самтавро и Камиш—Буруне[47].

На самом деле, всестороннее изучение археологических материалов показывает, что между мцхетской античной желобчатой черепицей, с одной стороны, и черепицами Камиш—Буруна, а также изготовляемыми в селе Шроша черепицами, с другой стороны, имеется существенная разница, они сходны лишь по своему назначению и по общей желобообразной форме. В остальном между ними нет ничего общего.

Между багинетской и камиш— бурунской, а также поздней грузинской черепицами имеется существенное различие конструктивного характера. Во-первых, черепица Камиш—Буруна не имеет отростка типа мцхетской и, следовательно, имея гладкую поверхность, она не могла удержаться на покатой кровле без раствора; во-вторых, изучение раскопочного материала убедило нас, что мцхетская желобчатая черепица ыделывалась не в деревянной форме, как босфорские и камиш—бурунские, или в раме и на кобуне или бокви, как поздние грузинские, а изготовлялась на керамическом станке, точно так же, как и водопроводные трубы, т. е. сперва изготовля-

---

[45] И. Н. Цицишвили, К изучению мцхетской античной черепицы, Сообщения АН ГССР, т. IX, № 8, Тб., 1948, стр. 58.

[46] Л. И. Бочоришвили, Грузинская керамика, I, Кахетинская керамика, Тб., 1948, стр. 241.

[47] Л. И. Бочоришвили, Указ. раб., стр. 242.

лись полуфабрикаты, трубы для черепиц, затем они продольно разрезались пополам и таким образом из каждой трубы получалась пара желобчатых черепиц. Таким способом изготовлены все без исключения желобчатые черепицы античной эпохи в Большой Мцхета (Багинети, Самтавро, Армазисхеви, Саркине и Цицамури, Урбниси, Гори, Уплисцихе, Рустави и т. д.).

Выше отмечалось, что бороздами—линиями обведены и внутренняя и наружная поверхность черепицы. Это результат вращения на станке. Линии прерываются у отростка (ибо отросток приделывали после того, как труба была выведена во всю высоту, т. е. уже не было надобности в обработке трубы на станке) и у продольных боков черепиц, т. е. вдоль линий разреза.

Отмечалось также наличие более или менее выпуклых линий—следов неравномерного налегания руки мастера на внутреннюю стенку труб при вращении гончарного круга.

Сейчас же вслед за изготовлением трубы к ней приделывались снаружи два отростка, после чего трубу ставили на высушку. После высушки глиняной трубы на ней посредством небольшого железного, а иногда возможно даже и деревянного ножа делалось два продольных разреза с целью получения двух примерно равных желобчатых черепиц (ср. рис. 32—33).

Детальное исследование технологии изготовления античной желобчатой черепицы делает совершенно очевидным, что оно протекает совершенно так же как и изготовление «торне», описанное подробно в вышеуказанной работе известного грузинского этнографа Л. И. Бочоришвили[48].

Л. И. Бочоришвили при рассмотрении изготовления торне неоднократно отмечает, что «торне» разрезается на три части, конечно, до обжига. Этот процесс описан следующим образом: когда торне слегка высохнет, так что при надавливании пальцем оно не вгибается, но поддается ножу, снаружи в трех мес-

---

[48] Л. И. Бочоришвили, Грузинская керамика, 1, Тб., 1948. стр. 142.

тах делают надрез при помощи ножа. После того, как «торне» хорошо высохнет, его разрезают на три части.

«Резка» торне производится следующим образом: к торне приставляют «шимша» (измеритель, употребляемый в строительных работах) и вдоль края «шимша» снизу вверх проводят ножом таким образом, чтобы надрез прошел бы только половину толщины стенки. После того, как отделение частей стенки станет возможным, по концам наполовину разрезанной линии проводят ножом, насквозь по всей стенке, с внутренней стороны по стенкам местами бьют молотком и части отделяют друг от друга. Если разрезать невысохшее «торне», оно треснет в ширину и окончательно испортится.

Вышеописанный способ изготовления черепицы дает основание полагать, что мастер, изготовляющий мцхетскую черепицу, являлся, быть может, гончаром, ибо мцхетская черепица изготавливалась из красной глины, употребляемой для гончарных изделий, и на гончарном круге, т. е. черепичное производство, надо полагать, не всегда было отделено от гончарного в столичный период Мцхета и было связано с последним так же, как в позднем периоде изготовление водопроводных труб было связано с гончарным делом (делались они из той же глины, что и керамическая посуда, и на гончарном круге). Изготовитель труб—тот же гончар[49].

Таким образом, изготовление мцхетской желобчатой черепицы столичного периода четко отличается от описанных в специальной литературе способов изготовления калиптеров в античных центрах и желобчатой черепицы средневековой Грузии, а также описанных грузинскими этнографами способов изготовления черепицы в кустарных черепичных мастерских Грузии XIX—XX вв.

Как отмечалось, до сих пор был известен лишь один способ изготовления античной черепицы—изготовление в формах. Сейчас, после рассмотрения мцхетских материалов, можно говорить о наличии другого—иберийского способа изготовления

---

[49] Л. И. Бочоришвили, Грузинская керамика, I, Тб., 1948, стр. 344. Ср. И. Н. Цицишвили, Указ. соч., стр. 522.

желобчатой черепицы на станке. Последний является особенностью изготовления не только грузинской черепицы. Этот способ следует иметь в виду вообще при изучении и рассмотрении керамического строительного материала античного периода. Таким образом, установленный в Мцхета способ приобретает существенное значение в истории античной техники.

Так как процесс изготовления желобчатой черепицы был связан с работой на станке, подбор и подготовка глины также требовали особой осторожности. И на самом деле черепица

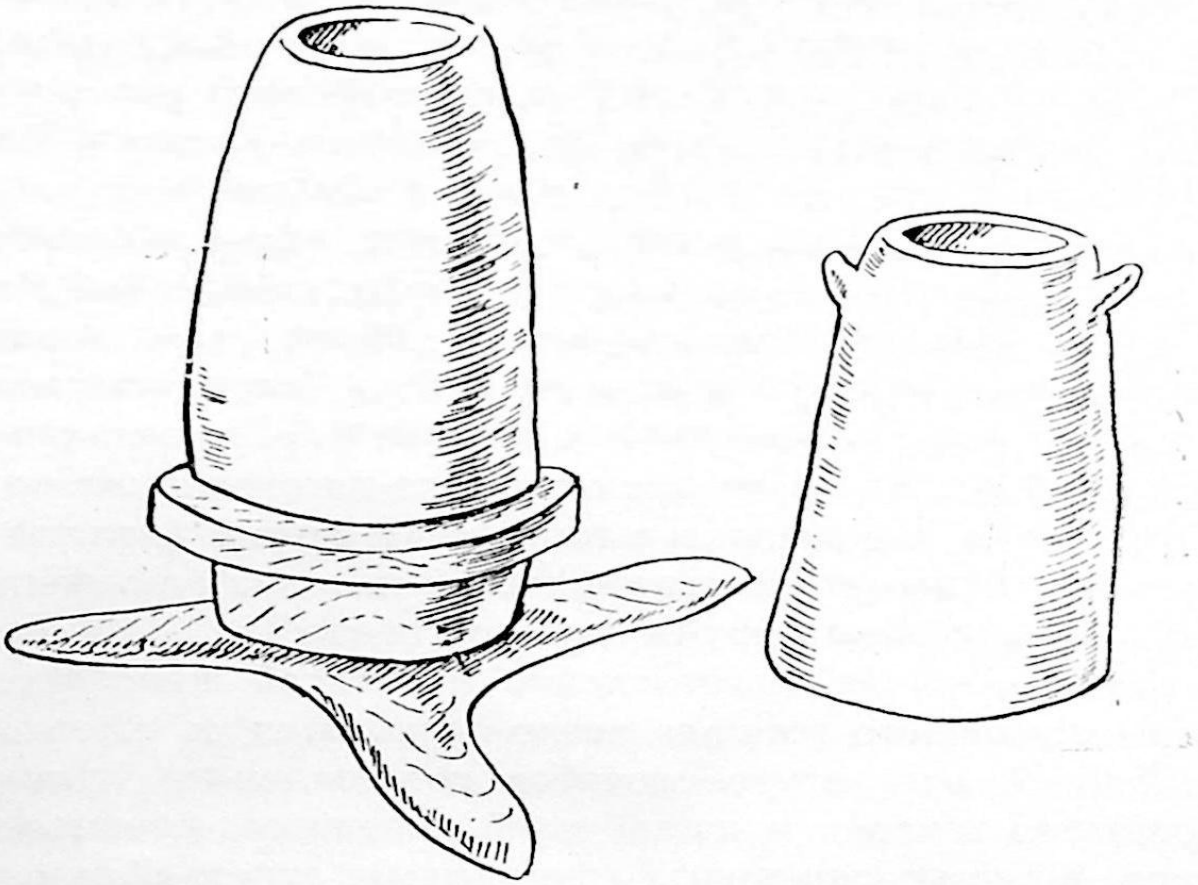


Рис. 29. Этапы изготовления мцхетской желобчатой черепицы на гончарном круге

изготовлялась из довольно чистой и качественной глины. В производстве желобчатой черепицы в картлийских городах античного периода характерными являются использование качественной глины и применение гончарного круга. Благодаря чистой глине и отлично обработанной поверхности черепица долго сохраняла краску и имела довольно хороший вид; на крышах всегда выделяется именно желобчатая черепица,

тем более, что мцхетская плоская черепица по сравнению с античной (римской, греческой, причерноморской и западногрузинской) имеет небольшие размеры. Плоская черепица являлась как бы некоторым фоном для хорошо окрашенной красной желобчатой черепицы.

Изучение вопросов изготовления мцхетской желобчатой черепицы не исчерпывается вышеотмеченным, необходимо коснуться также вопроса окраски черепицы. Мы рассматриваем указанный вопрос в последнюю очередь, ибо в этом отношении мцхетская черепица мало чем отличается от известной античной черепицы. Как и в других античных городах[50],

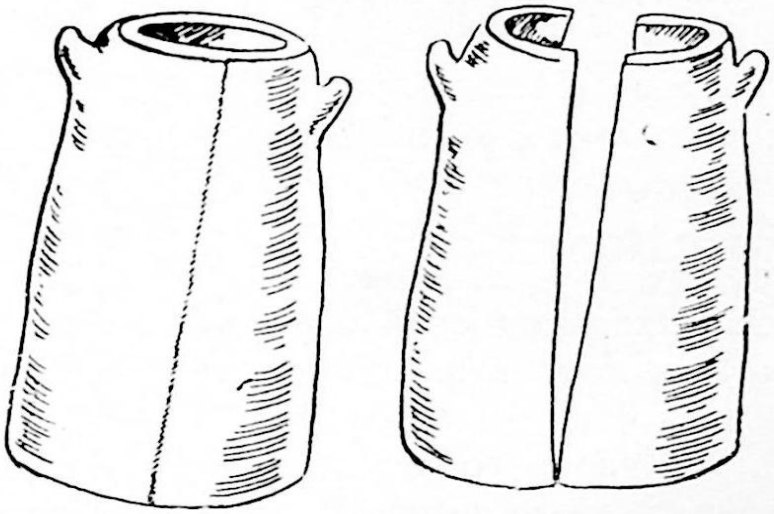


Рис. 30. Тоже (глиняная труба разрезана на две ровные части, вследствие чего получены две желобчатые черепицы)

окраска черепицы являлась широко распространенной в античной Картли и, следовательно, ее нельзя считать характерным признаком какого-либо производственного центра, как полагают некоторые ученые[51]. Окраска характерна для обоих видов черепицы.

В. Ф. Гайдукевич правильно определяет назначение крас-

---

[50] В. Ф. Гайдукевич, Строительные керамические изделия Босфора. Босфорские черепицы, ИГАИМК, в. 104, М.-Л., 1935, стр. 235.

[51] Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именем астиномов, М., 1929, стр. 69.

ки: он считает, что краска является своеобразной глазурью и отдает предпочтение этому термину. По нашему мнению, «глазурь» является не совсем подходящим для данного случая термином. Изучение черепиц из Мцхета, Горисцихе, Урбниси, Квацхелеби, городов Западной Грузии (Вани и Археополис) и римских черепиц с очевидностью показывает, что для окрашивания применялась специальная краска, красноватого или коричневатого оттенка, которая походит скорее на негустой лак terra sigillata, чем на глазурь. Фактически, нужно полагать, черепица окрашена с целью защиты ее от воздействия атмосферных осадков. Но при подборе красок, по-видимому, учитывались и общие эстетические требования, диктуемые, по всей вероятности, главным художником—архидзографом города Мцхета.

Черепица покрывалась «поливом» до обжига, но после высыхания и выравнивания ножом. Судя по отдельным образцам, покрывалась краской только часть черепицы, остающаяся на виду. Иначе нельзя обьяснить то обстоятельство, что загнутые борта и края плоской черепицы большей частью не окрашивались, так как на загнутые края плоской черепицы укладывается желобчатая, широкая же часть покрывается плоской черепицей верхнего ряда таким образом, что на крыше здания неокрашенные ее части не видны.

Краска была настолько жидкой, что следы употребляемой при окраске кисти или тряпки сохранились до сих пор.

После выяснения того, что в IV—III вв. до н. э. в Мцхета было развито производство черепицы и что желобчатая черепица изготовлялась местным, грузинским способом, можно составить представление и о тех сооружениях, для перекрытия которых выделывалась мцхетская черепица.

В связи с этим следует учесть обстоятельства, при которых были обнаружены черепицы.

Выше неоднократно отмечалось, что интересующий нас тип черепицы обнаружен на довольно обширной территории —в Армазисхеви, Багинети, Самтавро, Самадло[52], Цицамури

[52] И. Гагошидзе, Отчет о раскопках в Самадло. Научная сессия Гос. музея Грузии. 1966, XII.

и в окрестностях Саркине. Кроме того, черепицы были найдены в других городах античной Картли (Гори, Уплисцихе, Урбниси и т. д.).

Учитывая условия находок, нужно полагать, что античная

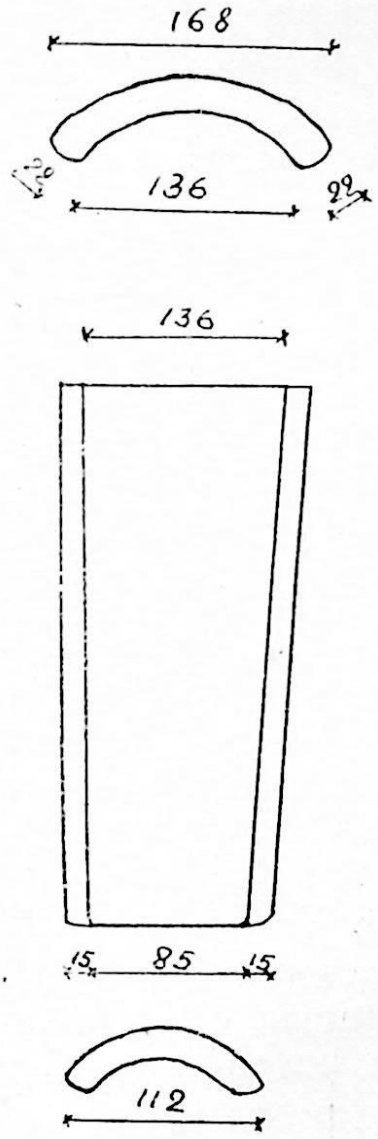


Рис. 31. Босфорская желобчатая черепица (план и разрезы)

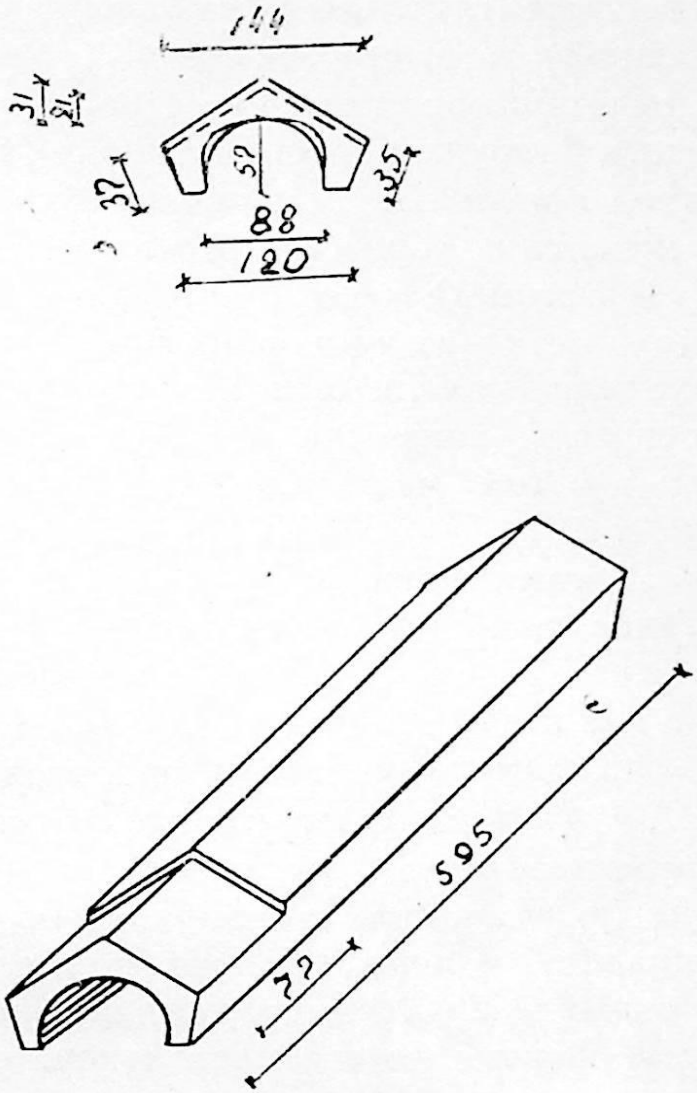


Рис. 32. Босфорская желобчатая черепица (общий вид, разрез и обмеры)

черепица в городах Картли изготовлялась, в основном, для перекрытия сооружений государственного и общественного назначения. Дома с черепичным перекрытием могли иметь

также вельможи, приближенные к царскому дому лица, рабовладельцы, жрецы и вообще представители господствующего слоя населения, так как черепичное перекрытие, как правило, подразумевает наличие зданий надежных конструкций, сооружение каковых было не по средствам рядовым гражданам Иберийского царства. Соответственно надо полагать, что черепица выделывалась в царских мастерских или в мастерских отдельных рабовладельцев.

Ввиду того, что мцхетские горожане, как мы это полагаем, не имели возможности строить дома с черепичными крышами, обнаруженные в Большой Мцхета сооружения с черепичной кровлей не могут свидетельствовать о состоятельности мцхетских горожан того времени.

В Багинети черепица обнаружена в большом количестве, однако остатков жилищ низших слоев общества мы там не находили, да если бы и нашли, то черепицей они не были бы перекрыты. Такое же положение зафиксировано в Армазисхеви и в той части Мцхета, которая археологически уже изучена.

В этом отношении в городах античной Картли наблюдается аналогичная с Босфорскими городами картина. На Босфоре среди черепиц, использованных для сооружения погребений, как известно, были найдены и такие, на которых имеются клейма с именами царей и архонтов[53].

Любопытно отметить, что, по мнению Л. М. Славина, обнаруженное им в Ольвии сооружение с черепичным перекрытием принадлежит богатому или, по крайней мере, состоятельному лицу. В пользу такого предположения, автор указывает на большие размеры сооружения, на хорошую его оснащенность и даже на его местонахождение[54].

Археологической экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича при раскопках Илуретского городища 1949 г.

---

[53] Древности Босфора Кимерийского, I—III, СПб., 1854, стр. 265; Ср. Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именем астиномов, М., 1929, стр. 267.

[54] Л. М. Славин, Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. Ольвия, I, Киев, стр. 42.

были обнаружены многочисленные городские сооружения, в том числе и сооружения, принадлежавшие рядовому населению.

По мнению автора, не совсем пока ясно устройство кровель. Черепицы встречаются единичными обломками. Между тем, при наличии сплошных черепичных крыш столь обширные помещения в случае разрушения дали бы огромное количество фрагментов. Поэтому приходится считать возможным, что рядовые илуратские дома имели простые глинобитные кровли, построенные на деревянной основе[55].

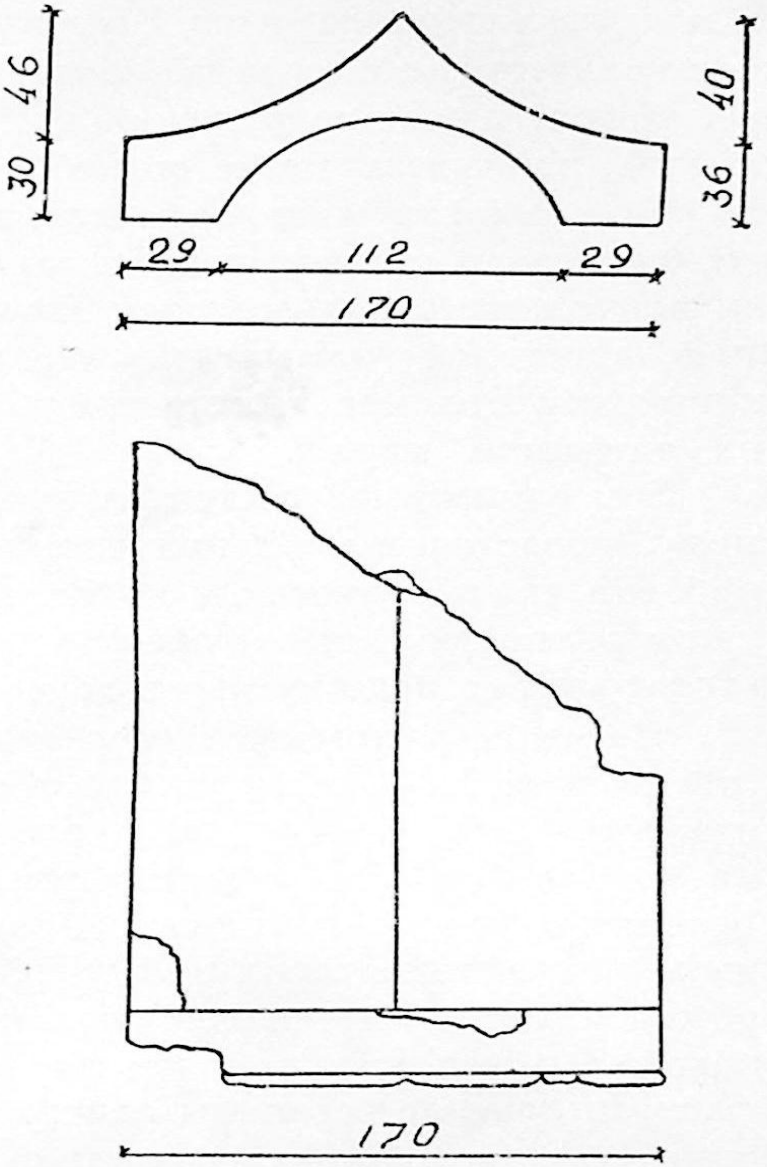


Рис. 33. Фрагмент босфорской черепицы (разрез и обмеры)

В эпоху расцвета Босфора производство черепицы стало выгодным в коммерческом отношении предприятием, так что им занимались цари Босфора и приближенные к ним крупные землевладельцы[56]. Мы указывали выше, что почти такое же положение было и в Мцхета.

---

[55] В. Ф. Гайдукевич, Новые исследования Илурата, КС XXXVII, М., 1951, стр. 204.

[56] В. Ф. Гайдукевич, Босфорские черепицы, ИГАИМК, в. 100, М.-Л., 1935, стр. 219.

Отнесение покрытых черепицей сооружений, черепичных погребений и производства черепицы вообще к господствующим классам иберийского царства подтверждается и параллельными материалами из Колхети. Так, например, в большом количестве обнаружена кровельная черепица при раскопках общественных сооружений античного города Вани. Судя по этим данным, а также по небольшому числу найденных в Дабла Гоми фрагментов кровельной черепицы, дома, крытые ею, были лишь у единичных состоятельных лиц, которые имели возможность пользоваться здесь также иноземной роскошью, привозной аттической чернолаковой керамикой, финикийским стеклом, наилучшими образцами златокузнечества античного мира[57].

Эти единичные состоятельные люди являлись, по-видимому, представителями правящих кругов, а, может быть, и рабовладельцами, которые не жили жизнью местного населения и роскошью своей также уподоблялись чужеземным представителям господствующего круга.

Изучение мцхетских сооружений античной эпохи и масштаб распространения черепицы ставят вопрос о характере производства строительных материалов. Необходимость постановки этого вопроса особенно чувствуется при ознакомлении с археологическими материалами, после чего становится очевидным, что вся территория Большой Мцхета усеяна античной черепицей. Кроме того, мцхетскую керамику, как было отмечено, находили и в других городах Картлийского царства. Такое распространение черепицы одного типа, изготовленной посредством одинаковой технологии, и кроме того наличие одинаковых знаков мастеров на черепицах Мцхета, Урбниси, Гори, Уплисцихе и других городов само собой свидетельствует о существовании в то время крупного керамического производства в столице античной Картли.

Выше было отмечено, что черепичная кровля, как правило, встречается около развалин царских или общественных

---

[57] Ср. Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тб., 1950, стр. 145.

сооружений. Таковыми являются, по нашему мнению: обнаруженные во внутренней крепости столицы фортификационные сооружения, «колонный зал», баня и др; раскопанные в Цицамури руины крепостной стены и «круглого сооружения»; комплекс сооружений в резиденции питиахшей; остатки крепостных стен и мастерских в Саркине; погребения типа мавзолея в Мцхета (табл. XXVII—XXIX); мцхетские черепичные погребения; выложенные из квадров ограды Горисцихе и Уплисцихе.

Одним словом, использование черепичной кровли требовало определенного уровня имущественного состояния, достигнуть которого бедное население, разумеется, не могло.

Таким образом, мы имеем сведения о характере производства строительной керамики в древней Мцхета. По-видимому, здесь имелись крупные мастерские, которые принадлежали царю или рабовладельцам.

Следовательно, в столице Иберии имеется почти такая же картина, как и в других странах и городах эллинистическо-римского периода, с той только разницей, что в случае Мцхета мы не имеем непосредственных указаний о существовании мастерских, принадлежавших царю или рабовладельцам, в то время как на черепицах из многих городов эллинистическо-римского мира имеются царские клейма[58]. Хотя упоминание в Армазской Билингве эпитропа (а возможно, и двороуправителя) иберийского царя быть может и является косвенным указанием на наличие в царской хозяйственной системе крупных черепичных мастерских[59].

С одной стороны, обмазанные глиной землянки, а с другой—храмы, дворцы, башни, крепости, бани и рынки— так выглядит Мцхета и другие города античной Картли по археологическим памятникам.

Утонченность вкусов при сооружении погребений и богатство инвентаря гробниц царей, эриставов, членов их семейств

---

[58] В. Ф. Гайдукевич. Босфорские черепицы, стр. 123.

[59] А. М. Апакидзе, Мцхета — древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 90.

и представителей господствующих кругов вообще становятся особенно наглядными именно на фоне погребений представителей неимущих слоев населения. Очевидно, рабовладелец или любой другой представитель власти старался отнять буквально все у рядового свободного горожанина и, в конце концов, приравнивал его к пленному рабу, к дешевой рабочей силе которого, по-видимому, уже давно узнали вкус всадники и высшая аристократия городов Картли.

Таким образом, Восточно-Грузинское (Иберийское) царство выглядело мощным, главным образом, потому, что свободным и рабам оставляли лишь минимум для существования. Все блага жизни оказывались в руках у господствующих слоев, представляющих государство на международной арене. Необходимо хоть вкратце коснуться вопроса о времени изготовления и широкого применения черепицы.

Еще И. А. Джавахишвили считал, что в «Географии» Страбона имеется описание культурной жизни Иберии, эпохи, предшествовавшей вторжению римлян; следовательно, надо полагать, что архитектурное искусство в Грузии достигло высокого уровня до прихода римлян[60].

Позже А. И. Болтуновой удалось убедительно доказать, что в сведениях Страбона отразились события II в. до н. э.[61]. Таким образом, до вторжения Помпея (65 г. до н. э.) в Иберию (Картли), еще во II в. до н. э. в городах Картли, как сообщают источники Страбона, имелись сооружения, выстроенные по правилам архитектурной науки и перекрытые черепицами, что, со своей стороны, следует считать показателем развития строительной техники и производства строительных материалов (в том числе и строительной керамики) задолго до Посидония, т. е. задолго до II в. до н. э. В этой связи исключительное значение приобретают сообщения древнегрузинских письменных исторических источников о широкой

---

[60] И. А. Джавахишвили, Строительное искусство в древней Грузии, Тб., 1946, стр. 3 (на груз. яз.).

[61] А. И. Болтунова, Описание Иберии в «Географии» Страбона, ВДИ, № 4, 1947, стр. 142—160.

строительной деятельности грузинских царей IV—III вв. до н. э.[62].

Таким образом, на основании анализа грузинских и иностранных письменных источников мы приходим к заключению, что в Иберии производство черепицы было известно и до IV—III вв. до н. э.; с этого времени и следует предполагать широкое использование черепицы для перекрытия общественных и принадлежавших господствующему слою сооружений. В пользу раннего производства черепицы говорит, нужно полагать, использование ее при сооружении кувшинных погребений III—II вв. до н. э.

Факты вторичного и довольно позднего применения черепицы в погребениях неоднократно наблюдались и ранее; так, например, на Босфоре во многих случаях черепицы были использованы для сооружения гробниц несколько столетий спустя после своего появления на свет[63], вследствие чего в большинстве случаев инвентарь погребения не был пригоден для датировки самой черепицы. Отмечаются факты, когда в погребении рядового представителя населения обнаружена черепица с царской печатью[64]. Все это, на наш взгляд, делает совершенно несомненным вторичное, следовательно, значительно более позднее использование кровельной черепицы,

Для датировки мцхетской черепицы большое значение имеет то обстоятельство, что ею были перекрыты в свое время сооружения группы Армазцихе I, т. е. древнейшего слоя обнаруженных в Багинети сооружений, датируемых IV—III вв. до н. э. В основном, синхронными нужно считать сооружения, раскопанные в Саркине, Цицамури и Гори. Таким образом, вышеуказанное свидетельствует, что мцхетская черепица должна была появиться не позже IV—III вв. до н. э. В это время она уже широко используется для перекрытия сооружений.

---

[62] Ср. Картлис цховреба, 1, Тб., 1955, стр. 5—14; «Мокцевай Картлисай», Хроники, 1, стр. 13—19; А. М. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, I, Тб., 1963, стр. 73.

[63] В. Ф. Гайдукевич, Босфорские черепицы, стр. 217.

[64] Б. В. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именем астиномов, М., 1929, стр. 208.

Аналогичная картина наблюдается в Западной Грузии и в городах Северного Причерноморья.

Производство клейменных черепиц широко распространено на Босфоре, начиная с IV в. до н. э.[65], причем уже с IV—III вв. оно было сконцентрировано в крупных мастерских[66], следовательно, период наибольшего подъема черепичного производства на Босфоре относится ко второй половине IV и первой половине III в. до н. э.[67]. Также датируются фрагменты босфорских черепиц, найденные во время археологических раскопок в Пантикапее. Второй слой, выделенный проф. В. Д. Блаватским и датированный им IV в. до н. э., наряду с другими материалами, состоит и из фрагментов черепиц[68].

Клейменные черепицы III в. до н. э. обнаружены также в Ольвии в 1949 г. Е. И. Леви датирует III в. до н. э. одно из самых важных сооружений с колоннадой именно на основании найденной здесь черепицы[69].

И в Колхетском царстве в это время широко применялась черепица. Как было отмечено, в Вани обнаружены черепицы типа синопских. Интерес к Вани усиливает и то обстоятельство, что там обнаружены развалины сооружений, построенных из квадров типа Армазцихе 1[70].

---

[65] В. Ф. Гайдукевич, Босфорские черепицы, стр. 217.

[66] Там же, стр. 244—245.

[67] Р. Б. Ахмеров, Клейменные черепицы древнегреческого Херсонеса, ВДИ, № 1, М., 1948, стр. 163—168.

[68] В. Д. Блаватский, Раскопки Пантикапея, КС XXXVII, М., 1951, стр. 216.

[69] Е. И. Леви, Итоги Ольвийской экспедиции, КС XXXVII, М., 1951, стр. 174..

[70] Археологические работы в 1957г. (Хроника, составленная сотрудниками отдела археологии под руководством А. М. Апакидзе). Труды Института истории, IV, вып. 1, Тб., 1958, стр. 194; Н. В. Хоштария, Археологические раскопки в Вани в 1959г. Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований, 1959г., Тб., 1960, стр. 47—50. В настоящее время мы не располагаем соответствующим материалом для точного установления центров производства строительной керамики в Иберийском царстве, однако нет сомнений, что одним из таких центров являлась Мцхета.

Давно стали предметом исследования черепицы, обнаруженные в Эшера, Дабла Гоми и Уреки.

Б. А. Куфтин отличал черепицу Эшери от черепиц Босфора, Пантикапеи и Передней Азии целым рядом признаков. Несмотря на то, что автор не решил вопроса о месте производства Эшерской черепицы, местное ее производство он считает, как видно, вполне возможным и предполагает существование своей собственной, на Восточном Черноморье, выработки черепицы хотя бы в таком крупном городском центре, каким являлся Фазис в античную эпоху[71].

Хотя в работе нет прямых указаний по этому поводу, но, видимо, Б. А. Куфтин полагает, что это производство относится к эпохе греческой колонизации. Автор отмечает, что сведения Страбона относительно Иберии отражают более позднюю эпоху той страны, которая была значительно отдалена от моря[72].

Интересные сведения по поводу черепицы Уреки опубликованы О. М. Джапаридзе. При разведочных раскопках, проведенных экспедицией музея Грузии у Кучхис Абано и вблизи с. Григолети, в большом количестве обнаружены обломки красной черепицы. О. М. Джапаридзе пишет, что «черепица, как видно, была желобчатой». Она значительно отличается от распространенной у нас в античной эпохе желобчатой черепицы: тоньше, изготовлена грубее и более раскрыта. Автор считает, что в Уреки были найдены фрагменты желобчатой черепицы доэллинистической эпохи[73]. Таким образом, имеется достаточно оснований полагать, что еще в доэллинистическую эпоху грузинские племена были знакомы с черепичным производством и широко пользовались этим кровельным материалом.

Знаки на мцхетской черепице. Быть может, и не стоило рассматривать подробно знаки, обнаруженные на

---

[71] Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тб. 1949, стр. 10.

[72] Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 10.

[73] О. М. Джапаридзе, Разведочная археологическая экспедиция в Гурии, Вестник музея Грузии, т. XVI-В, Тб., 1950, стр. 118.

мцхетских черепицах, ибо они имеются почти на всех черепицах того времени и для Мцхета не представляют ничего оригинального.

На мцхетской археологической черепице имеется много своеобразных знаков. Мцхетская черепица отличается от боспорской, синопской и других черепиц того времени первым долгом тем, что мцхетские мастера ставили знаки на всех желобчатых черепицах и очень редко—на плоских; в то время, как в других странах мастера того времени делала знаки, в большинстве случаев, надписи, в основном, на плоской черепице и очень редко на калиптерах. Имеется еще вторая внешняя характерная особенность. На мцхетской черепице имеются не рельефные знаки, а углубленные линии. На черепицах же античных стран и Северного Причерноморья, наоборот, всегда выведены только рельефные знаки и надписи[74].

На мцхетской черепице выводились знаки остроконечным инструментом.

Как показывает изучение материалов того времени, совершенно иная картина наблюдается в античных центрах Юга России. Здесь надписи на черепицах делались при помощи штампов или же на дне формы выводилась негативная надпись, которая после формовки черепицы оставалась на последней позитивно и притом рельефно.

Поскольку раскопки в Мцхета ещё не закончены, нет оснований утверждать, что нам известны все без исключения знаки черепиц столичного периода. В настоящее время с достоверностью можно сказать лишь то, что в Мцхета обнаружено более или менее большое количество различных знаков.

Знаки ставились на поверхности мцхетской черепицы на видном месте. На плоских черепицах знаки имеются почти в середине, на желобчатой же, как правило, у основания отростка.

---

[74] А. Л. Якобсон по ошибке счел сохранившиеся на багинетских черепицах знаки рельефными линиями и отнес их к V—VII вв. н. э.

[75] А. Апакидзе, Г. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. Ломтатидзе, Археологические памятники Армазисхеви, Мцхета, 1, 1958, рис. 113, Б.

Аналогичной техникой, должны быть, как будто, выполнены знаки на черепицах, найденных Л. А. Евтюховой и В. П. Левашовой. Обнаруженные близ Абакана при раскопке Китайского дома черепицы, по словам авторов, имеют своеобразные знаки: «на внутренней стороне черепицы довольно часто встречаются процарапанные по сырой глине различные знаки, вероятно, счетные[76]». Конечно, это сведение из далекого района, но оно относится к черепице, изготовленной мцхетским способом и тоже датируется первыми веками до н. э. и н. э. Следует отметить, что в Гори, Урбниси, Самтавро, у Армазисхеви, в Саркине, Цицамури и Багинети обнаружены черепицы почти с одинаковыми знаками и притом в довольно большом количестве. Возможно, эти знаки использовались для подсчёта выделанной черепицы, т. е. производили подсчёт готовой продукции так же, как в своё время подсчитывали кирпич в Уре[77]. Однако все это предположения, ибо что-либо определенное относительно конкретных видов учета черепиц сказать трудно.

Таковы, по нашему мнению, основные вопросы, связанные с изучением черепицы—одного из важнейших видов строительных материалов Мцхета столичного периода.

Важной отраслью строительной керамики являлось и производство кирпича. Эта отрасль в Мцхета представлена в основном сырцовым кирпичом или сырцом.

И. А. Джавахишвили установил, что термин «агури» (кирпич) в грузинских исторических памятниках не встречается до XI в. В XI в. оно являлось уже обычным словом. На основании этого И. А. Джавахишвили допускает возможность употребления этого термина в X и XI вв., но никак не раньше. Ранее вместо этого слова употребляли «ализи» (сырцовый кирпич, сырец). Слово «ализи» подразумевало оба вида — и

---

[76] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова, Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская авт. обл.) КС, XII, М., 1946, стр. 72—84.

[77] V. Scheil, Le calcul des volumes dans en cas particulier a l'epoque d'Ur. Revue d'assiriologie, XII, 1915, стр. 161—172.

[78] И. Джавахишвили, Строительное искусство в древней Грузии, Тб., 1946, стр. 150 (на груз. языке).

обожженный и сырой кирпич[78]. С этим термином мы встречаемся уже в «Мученичестве святой Шушаники». Как известно, она клала в своей темнице в изголовье сырцовый кирпич[79]. Во всяком случае, для строительного материала, распространенного в интересующий нас период, более подходящим является «ализи» (сырцовый кирпич), несмотря на то, что наряду с сырым мы встречаем и обожженный кирпич.

Сырцовый кирпич («ализи») в Мцхета применяется, в основном, в строительстве крепостных оград и башен (внутренняя крепость, Саркине, Цицамури, Саванетис Кеди, Гори, Уплисцихе и др.). Обнаружены два вида сырцового кирпича: квадратный и продолговато-четырехугольный. Продолговато-четырехугольный сырец представляет половину квадратного.

Мцхетский, уплисцихский и горисцихский сырцы имеют довольно много параллелей. Совершенно аналогичный сырец использован, например, в строительстве урартского города-крепости — Тейшебаини. Так например, длина сырца, обнаруженного при раскопках Кармир-Блура —0,51—0,52 м, т. е. почти совпадает с багинетским сырцом, длина которого в среднем достигает 0,52 м. В этом отношении урартский и картлийские сырцовые кирпичи значительно отличаются от ассирийского: продольные разрезы последних различны — колеблются в пределах 0,32—0,44 м[80]. Кармир-Блурский и картлийский сырец не даёт ни одного образца штамповки, тогда как для сырца Месопотамии она является характерной.

В картлийских городах, так же, как в Урарту и Передней Азии вообще, применялся сырец, изготовленный из глины с примесью самана; в кладке же для связки сырцов использовался глиняный раствор с примесью золы. Затем поверхность кладки оштукатурена глиной 1,5 — 2 см толщины.

---

[79] Хрестоматия древней грузинской литературы, 1, Состав. С. Кубанейшвили, Тб., 1950, стр. 41 (на груз. яз.); К. С. Кекелидзе Памятники древнегрузинской агиографической литературы, Тб., 1956, стр. 25.

[80] Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ер., 1944, стр. 256.

[81] Там же, стр. 256.

Как известно, распространённая в урартской архитектуре мера длины — «Урартский локоть» — использовалась и на Кармир-Блуре. Так, например, оказалось, что все тёсаные камни имеют одинаковую высоту, приблизительно 0,52 м. Такую же длину имеет и сырец. Таким образом, устанавливается равенство урартского локтя с «нипурским локтем» (нипурский локоть равняется 0,518 мм). Этим путем, как отмечает Б. Б. Пиотровский, вполне убедительно подтверждаются тесные взаимоотношения между Урарту и Арменией[82].

Как отмечалось, картлийские сырцы и квадры заслуживают внимания именно в этом отношении. Длина сырца в среднем 0,52 м, значительная часть квадров в среднем также достигает 0,52 м. Таким образом, как будто, устанавливается определённая единица измерения, которую условно можно назвать «грузинским локтем», основной единицей измерения, равной 0,52 м. В этом отношении важно отметить, что длина «колонного зала» 20,82 м, — по существу, 40 локтей +2 см; ширина его — 8,87 м, т. е. 17 локтей+3 см; ширина дверей —1,56 м, т. е. 3 локтя; размеры антеобразных выступов этого здания также достигают 3 локтя и т. д. Внимания заслуживает и то, что эти измерения указывают на «грузинский локоть» в памятниках древнейшего слоя (квадры, сырец, «колонный зал»). Таким образом, выясняется, что почти равную с урартским локтем (и вообще с переднеазиатским) грузинскую меру длины — грузинский (картлийский) локоть —использовали в строительстве столичного периода Мцхета, в сооружениях, характерных для Армазцихе 1. Здесь, по нашему мнению, также проявляется нечуждая по существу для грузинских племен переднеазиатская строительная традиция. Надо полагать, что эта традиция укоренилась в городах Картли в середине 1 тысячелетия до н. э., когда процесс этнической консолидации грузин поднимается на новую ступень, возникает Картлийское царство. В этом отношении особенно ха-

---

[82] Б. Б. Пиотровский, там же, стр. 258.

[83] И. Н. Цицишвили, О мерах длины, употребляемых в древней Грузии, Вестник АН ГССР, т. IX, № 5, Тб., 1948, стр. 330—332.

рактерным является то, что в становлении этой новой государственной единицы значительную роль должны были сыграть грузинские племена, имеющие традиции хеттско-малоазиатской культуры, в частности же месхи (мушки)[84].

Таким образом, значительное сходство в способах производства строительных материалов, характерных признаках архитектурного искусства и самих памятников должно указывать и на общность происхождения грузинско-переднеазиатских культурных традиций и на хронологическую их близость и последовательность.

Таким образом, мы вкратце ознакомились с многочисленными археологическими материалами, характеризующими строительное искусство, производство строительных материалов и вообще архитектурные памятники на всём протяжении столичного периода, т. е. эпохи могущества Картлийского (Иберийского) царства—конца IV в. до н. э. и последующих столетий, до вторжения в Иберию полководца Помпея, что, как известно, привело к разрушению картлийских крепостей (65 г. до н. э.).

К IV—III вв. до н. э. принадлежат древнейшие сооружения Армазцихе — возведённые на квадровых фундаментах грандиозные сырцовые стены, башни и контрфорсы, которые ограждали акрополь—Шида цихе с площадью около 30 гектаров. Высота крепостной ограды достигает 6 м, ширина же—2,6-4 м. Строительным материалом служат квадры и большие, большей частью обожжённые сырцы различной формы. Как выясняется, главные башни крепостных оград были перекрыты мцхетской красной черепицей. Производство последней, как видно, было связано со строительством грандиозных сооружений и вообще с периодом могущества Картли.

Среди сооружений этой группы особенно выделяются т. н. колонный зал и относящиеся к нему дома и здания дворцового комплекса, в числе которых имеются: а) сооружения более раннего слоя — Армазцихе I, для которых характерна сухая кладка связанных между собой специальными деревян-

---

[84] Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, Тб., 1954, стр. 421.

ными скрепами-шпонами — квадров и б) выстроенные уже на известковом растворе сооружения последующего периода (III—I вв. до н. э.), в отличие от древнего слоя, объединенные нами в группе Армазцихе II.

Синхронные и аналогичные с Армазцихе I сооружения обнаружены в Цицамури в 1953 г. (Цицамури I), в Саркине в 1954—1955 гг., а также в Горисцихе[85] и Уплисцихе[86]. Эти указания имеют особое значение для представления общей картины Картлийского царства. Как видно, правители Картлийского царства заботились не только об укреплении и застройке Мцхета, они в равной мере укрепляли и важные торговые города и необходимые в стратегическом отношении пункты[87].

Разумеется, особенное внимание уделялось столице Картлийского царства, ввиду ее хозяйственно-экономического, торгово-ремесленного и культурно-политического положения. Забота в отношении древней столицы хорошо отражена в грузинских исторических источниках; она подтверждается также и на основании археологических исследований.

Мы уже отмечали, что архитектурные памятники, относящиеся к периоду до рубежа старого и нового летоисчислений, обнаружены на территории внутренней крепости, в Саркине и Цицамури. Важнейшими, пока что, кажутся материалы Армазцихе. Здесь, на территории внутренней крепости, обнаружены: фортификационные сооружения, остатки сооружений дворцового типа, хозяйственные и погребальные сооружения. Выше мы постарались дать краткий обзор этих памятников, на основании которого становится, как будто, очевидным применение квадров и сырца в строительстве сооружений древнейшего слоя. К тому же выяснилось, что квадры ступенчато вставлены в выдолбленные в скале гнёзда; таким путем образована горизонтальная поверхность квадров, на которой воздвигнута сырцовая стена. Эта деталь выполнена

---

[85]. Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, Тб., 1952, стр. 120.

[86] Д. Хахутайшвили, Уплисцихе, 1, Тб., 1964.

[87] Ср. И. А. Джавахов, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, ТРАГФ, кн. VIII, СПб., 1905, стр. 41.

с таким усердием, что вставленные в гнёзда квадры местами создают впечатление ступеней большой лестницы, большая часть этих квадров опалена огнем. Такая картина наблюдается, например, на II участке и на нижнем отрезке III участка внутренней крепости. Кладка квадров местами состоит из одного слоя, большей же частью мы имеем довольно высоко возведенную кладку больших, великолепно тесаных квадров, в некоторых случаях со следами рустовки. Примерами могут служить кладки на III участке Багинети, у двух нижних башен и на гребне — в разведывательных раскопах. Здесь внимание привлекает способ скрепления квадров посредством пиронов в виде т. н. «ласточкина хвоста», т. е. применение вставленных в гнезда дубовых скрепов. До раскопок внутренней крепости наличие кладки такого типа в Картли не было известно. Единственный квадр, найденный Г. К. Ниорадзе при раскопках карсниехевских каменных ящиков и оказавшийся в стене погребения вторично использованным[88], не мог служить основанием для предположения наличия квадровой кладки.

Как отмечалось, на сухой кладке квадров возведены сырцовые стены. Сырец большей частью обожжён, но в большом количестве встречаются и высушенные на солнце сырцовые кирпичи. Сырцовая кладка выложена на глиняном растворе, им же оштукатурена и имеет монолитный вид. Таков, например, отрезок кладки в южной части крепостной ограды, на том месте, где она сворачивает к юго-западу и направляется к III участку. Здесь на сырцовых стенах хорошо заметны продольные следы досок и совершенно не видны ни отдельные сырцы, ни их слои. Как видно, невысушенный сырец и глиняный раствор помещались в формы, сколоченные из длинных досок. Доски снимались после высушки, благодаря чему стена сохранила монолитный вид и, если не всмотреться внимательно, заметить контуры сырца и имеющиеся в кладке прослойки глиняного раствора довольно трудно.

Крепостная ограда облицована каменными квадрами с двух сторон. Горизонтальных ступенчатых площадей между

---

[88] Г. К. Ниорадзе, Карсниехевский могильник, Тб., 1940.

облицовками не имеется, сырцы укладывались на голые покатые скалы. Облицовка возведённой таким образом стены, нужно полагать, должна была быть более прочной, чем основная масса сырцовой кладки, т. к. она сравнительно легко могла потерять устойчивость на скате и обрушиться. Строители ограды внутренней крепости, как показывают раскопки, предусмотрели это обстоятельство и укрепили сырцовую ограду частыми, сквозными контрфорсами. Примерно, каждые десять метров имеется горизонтальная кладка сквозных квадров и соответствующие контрфорсы. Контрфорсы прерывают некоторым образом сырцовую стену и придают большую прочность каждому ее отрезку. В этом заключается основное, конструктивное назначение контрфорсов крепостной ограды. Ознакомление с разными отрезками ограды внутренней крепости показывает, что строители хорошо справлялись с трудными работами на сложных рельефах, не дорожили ни строительным материалом, ни рабочей силой для того, чтобы на нужном месте, даже на покатых скалах, выдалбливать гнезда для тысяч квадров, доставлять бесчисленное количество тесаных камней, изготовлять, обжигать или высушивать десятки тысяч сырца, поднимать его на скалу и воздвигать грандиозные крепостные ограды.

В сырцовые стены вставлены большие продольные и поперечные дубовые балки, связывающие между собой части стены, контрфорсы, отдельные сырцы и, таким образом, способствующие приданию стене монолитности и защите ее от обвала. Укрепленная таким образом стена воспринимала силу удара довольно большим участком и уменьшала, нужно полагать, эффективность тарана — орудия, применяемого в античное время для разрушения крепостных стен.

При изучении сырцовой ограды внутренней крепости привлекает внимание одна деталь: после возведения и оштукатуривания сырцовой кладки вдоль всей крепости, как видно, разводили сильный огонь и таким путем опаливали и частично обжигали наружную поверхность стены, что, безусловно, придавало ей большую прочность и, в первую очередь, влагостойкость. Естественно, что обжигу подвергались штукатур-

ка, прослойка глиняного раствора между сырцами и, частично, сырцовые кирпичи.

К Армазцихе I относится, как отмечалось, и фундамент культового сооружения на восточной вершине Армазского хребта, выстроенный также из квадров. К этому же периоду принадлежит и известный колонный зал, открытый водопровод, составленный из тёсаных каменных желобов, и остатки других сооружений в южной и юго-восточной частях внутренней крепости.

Армазцихе II выделилось в связи с раскопками колонного зала и обнаружения развалин сооружения дворцового типа, выстроенного на известковом растворе. Небольшой отрезок одной стены этого сооружения проходит непосредственно над квадровой кладкой колонного зала; здесь фундамент сооружений второго слоя усилен, так как он перекинут через насыпь. Это не единственное сооружение второго слоя. На южном отрезке ограды выявлены фрагменты сооружений того времени. В одном месте в кладке, возведенной на известковом растворе, имеется и квадр с пиронами типа «ласточкина хвоста», т. е. строительный материал прежней кладки (Армазцихе I) использован здесь наряду с рваным камнем на известковом растворе. Часть крепостной ограды этого слоя виднеется и в юго-восточном углу внутренней крепости. Сооружения этого периода объединяются нами в группе Армазцихе II.

Армазцихе III представлено фрагментами многочисленных сооружений, среди которых более или менее хорошо сохранилась баня и двухкомнатное сооружение к северу от колонного зала. К этой группе должны относиться остатки сооружений «Марнис убани» и основание базилики к югу от колонного зала. Перечисленные сооружения по технике строительства напоминают армазисхевскую баню и т. н. «сооружение с порогом».

Для перекрытия сооружений всех трех слоев использована черепица. Поскольку среди сооружений древнейшего слоя, перекрытых черепицей, массовых жилых зданий не имеется, нужно полагать, что черепица и в то время изготовлялась для

сооружений общественного и государственного назначения. В последующую эпоху группа перекрытых черепицей сооружений постепенно увеличивается и с I в. до н. э. кровельная черепица используется даже для сооружения погребений.

Выявленные раскопками большие квадры с отличными от Армазцихских и более архаическими пиронами-скрепами и общий характер сооружений, обнаруженных в результате археологических исследований Цицамурской горы, дают основание предполагать здесь наличие памятников типа Армазцихе 1. Таким образом, археологические данные дают возможность определить местонахождение Сисаморы Страбона и считать сооружения Цицамурской возвышенности в основном синхронными с Армазцихе 1.

Обнаруженные на территории Большой Мцхета архитектурные памятники заслуживают внимания и с точки зрения истории строительного искусства.

Уже было отмечено, что здесь господствующим является строительство камнем и кирпичом, т. е. смешанным материалом. Соответственно основным строительным материалом на первом этапе столичного периода является камень и сырец; кровельным — черепица; на втором этапе столичного периода основным строительным материалом служит камень (рваный камень) и кирпич, выложенные на известковом растворе. Сооружения перекрыты также черепицей.

Черепица встречается двух видов: желобчатая и плоская, с загнутыми краями. На античных черепицах «Большой Мцхета», характерных для Армазцихе II, имеются такие же знаки мастеров или мастерских как и на черепицах Армазцихе I. Черепицы с одинаковыми знаками встречаются на различных участках столицы, а также в различных городах, что дает основание полагать наличие черепичных мастерских больших масштабов (царских или крупных рабовладельческих), возможно, цеховых и в эпоху Армазцихе II.

И сырец по своей форме встречается также двух видов: квадратный и полуквадратный, т. е. продолговато-четырёхугольный. Сравнительно многообразны квадры древнего слоя: в основном, распространена продолговатая, четырёх-

угольная форма, но встречаются кубовидные, а также трапециевидные (например, на Цицамурской горе).

Для тесания и резки камня применялись орудия различной формы. Одно из таких орудий обнаружено в кладке на Цицамурской горе. Это, как видно, своеобразное долото для резки большого квадра, которое случайно осталось в кладке. На применение разнообразных камнерезных или камнеобрабатывающих инструментов указывают различно обработанные поверхности квадров, выдолбленные отверстия, рустовка и т. д. Словом, судя по обнаруженным квадрам, имелись различные способы обработки камня и применялись орудия различного вида уже с IV—III вв. до н. э.

Как видно, специальными инструментами пользовались и резьборезцы. Орнаментированные фрагменты и украшенные волютами и пониками капители колонн из Саркине нельзя было высекать обыкновенной цапкой. Обнаруженные при раскопках Саркине фрагменты колонн и полуколонн указывают, что эти архитектурные детали выведены на круге. Подобные находки встречаются настолько часто, что приходится предполагать существование довольно древних традиций обработки камня на вращающемся круге. При рассмотрении изделий, найденных в железоделательных мастерских, мы указывали, что некоторые из них являлись орудиями камнерезов. Как видно, обнаруженный во внутренней крепости бронзовый циркуль тоже применялся в строительном деле, в частности, при выделке сложно-узорной резьбы.

Сооружения, раскопанные во внутренней крепости, на Цицамурском холме, в собственно Мцхета, в резиденции питиахшей и в Саркине, свидетельствуют о высоком уровне строительного искусства в Мцхета столичного периода. Первым долгом следует указать на «подготовку» и «выравнивание» строительной площадки. Яркими образцами применения указанного способа строительства являются фортификационные сооружения Армазцихе, колонный зал, развалины, обнаруженные при роскопках Цицамури и Саркине, квадровая кладка в Уплисцихе, Вани и т. д. Становится вполне очевидным, что отмеченная в средневековых грузинских письменных ис-

точниках «подготовка площадки», т. е. «выравнивание», находит свои истоки в древнейших слоях Армазцихе, Цицамури, Саркине, Уплисцихе, Вани и др.

Выше мы обратили внимание на одну деталь—на случаи усиления фундамента одного из сооружений внутренней крепости. Эта деталь нам кажется важной с точки зрения строительного искусства, ибо, как видно, строители древней столицы заранее изучали почву той местности, где надо было заложить фундамент; заметив, что почва рыхлая, они усилили фундамент, расширили и углубили его. Это происходит в III-II вв. до н. э. Так далеко уходят корни характерного в этом отношении сообщения Абусаридзе Тбели о том, что Болок-Басили начал строить церковь на болотистом месте и ввиду рыхлости почвы пришлось раскопать землю очень глубоко.

Рассмотренные выше сооружения привлекают внимание безукоризненным выполнением и дают основание предполагать существование традиции составления планов, схем и разнохарактерных чертежей задолго до начала строительства нужного объекта.

Как неоднократно отмечалось, знаменитый греческий географ С т р а б о н не без изумления отмечает построенные согласно архитектурному искусству дома, общественные сооружения и притом особое внимание обращает на черепичные крыши. Основание к изумлению можно проследить в каждом убани Мцхета. Если к перечисленным выше памятникам присоединить и Мцхетский склеп типа мавзолея I в. н. э., высокий уровень строительного искусства городов античного Картли станет совершенно очевидным. Яркой иллюстрацией этого нужно считать существование в древней столице должности главного художника (архидзографа) и архитектора. Эта должность, естественно предположить, учреждается в Мцхета не в конце ее столичного периода, а, по всей вероятности, еще в эпоху раннего эллинизма.

Характерные для раннего этапа строительной деятельности столичного периода грандиозность, квадровая кладка, своеобразная техника тески, широкое применение сырца, выдабливание в скале многочисленных гнезд и ступеней, добы-

вание, обтеска и транспортировка камня, по-видимому, представляли большую трудоемкую работу. Имеется в виду не только одна крепость или крепостная ограда и не только в самой столице. Археологические материалы показывают, что велось укрепление всех доступов царства, заграждение дорог и перевалов. Создавалась действительно грандиозная система крепостей. Такая работа требовала применения дешевой рабочей силы — рабского труда и, следовательно, наличия такой организации правления, которая могла обеспечить широкое использование рабского труда в строительном деле.

Засвидетельствованные в Мцхета античной эпохи показатели высокого уровня строительного искусства с своей стороны не могли возникнуть без наличия определённых традиций. В этом отношении интересный материал представляет высеченный в скале пещерный город Уплисцихе. Полагают, что здесь наряду с появлением населения городского типа осуществлялись большие работы по выравниванию мест поселения на скалах, естественно, не без помощи рабского труда.

Таким образом, архитектурное искусство Мцхета столичного периода питалось местной традицией более ранней эпохи и строители городов Картли надолго сохранили традицию, уходящую своими корнями в т. н. ахеменидскую и урартскую эпохи.

Итак, архитектурные памятники, обнаруженные в г. Мцхета и его окрестностях за последнее время, выявляют две главные ступени градостроительства. Первая ступень начинается с IV в. до н. э. Особого развития она достигает к III в. до н. э., когда происходит резкий перелом в строительной технике — начало широкого применения известкового раствора. Открытие известкового раствора следует объяснить большой потребностью городского строительства.

Вторая ступень совпадает с первыми веками н. э., т. е. временем, когда ведется восстановление и укрепление крепостей, разрушенных в результате походов римлян. В указанной деятельности, как видно из надписей, принимали участие

и римляне. Эта ступень знаменует новое усиление Картлийского царства (Иберии) и является следствием последнего. Но она отражает также и внешнеполитическую обстановку того времени.

Фортификационные сооружения внутренней крепости или Армазцихе, Цицамури и Саркине относятся, как отмечалось, к периоду усиления столицы и являются показателем этого усиления. В дальнейшем крепости «Большой Мцхета» должны были стать источником мощности и могущества Картлийского царства, ибо они были расположены на перекрестке главных торговых путей, направляющихся к Мцхета; так постепенно увеличивалось экономическое значение крепостей «Большой Мцхета», а соответственно все больше возрастало экономическое и социально-политическое значение самой столицы. Магистральные торговые пути Картли направляются к Мцхета и сосредотачиваются здесь, т. е. идущий по этой стране иностранец не может обойти эти крепости. Система крепостей Мцхета защищает сельскохозяйственные районы, т. е. сельские районы города, его окрестности, округа. Сельские районы города тоже тяготеют к этим крепостям, подчиняются им, ибо экономическая мощь города должна быть связана с усилением его сельских районов. Крепости «Большой Мцхета» и в этом отношении играли важную роль в деле экономического усиления города. Этим и объясняется рассмотрение грузинскими и иностранными историческими источниками городов всегда в связи их с окрестностями[89].

Крепости, защищающие «Большую Мцхета», хорошо показывают значение античного Мцхета как города. Было бы неправильно ограничить назначение этих крепостей защитой лишь той территории, которую связывала оказавшаяся внутри крепостной ограды Большая Мцхета. Поэтому, отмечая военно-стратегическое значение Мцхета и иберийских городов вообще, следует иметь в виду и экономическую сторону, ко-

[89] Ш. А. Месхиа, Из истории социальных отношений городов Грузии. «Обозреватель» («Мимомхилвели»), II, Тб., 1951, стр. 102. Ср. Г. А. Меликишвили, Вопросы происхождения классового общества и государства в Грузии. Тб., 1956, стр. 161—162 (на грузинском яз.); его же, К истории древней Грузии, Тб., 1959.

торая в большой степени была обусловлена наличием города, окруженного сложной системой крепостей. Система крепостей явилась важным орудием экономической мощности города. Она способствовала тесному экономическому взаимоотношению между городом и его сельскими районами, вне которого картлийский античный город не мог существовать. При таких обстоятельствах становится вполне очевидной особая роль крепости—одной из важнейших частей города античного времени: крепость притягивает к себе дорогу, сельские районы города; крепость привлекает ремесленников и купцов; крепость защищает торговые дома и т. д. Поэтому основные признаки и характер быта городов Картли античного времени невозможно понять без изучения крепостей этих городов. Когда речь идет о могуществе Мцхета, особое внимание следует обратить на крепости этого города. Нам кажется вполне закономерным то обстоятельство, что касаясь городов Картли (Иберии), источник Страбона в первую очередь указывает на города-крепости или укрепленные города (πὸλεις ἐρυμνὰς)[90] Армозике и Сисамора, т. е. на одну из основ экономической мощности города в широком смысле. В этом отношении отзвуком традиции античного времени следует считать указание грузинских исторических источников, где в связи с Мцхета упоминается Армазцихе, а с Тбилиси—Кала[91]. Результаты археологических раскопок картлийских городов античного периода показывают, что город не может существовать без крепости. Нам кажется, что именно это обстоятельство и отражено в сведениях грузинских исторических источников о передаче или подчинении крепостей городам (ср. например, «...город Саркине, Каспи, Урбниси и Одзрхе и их крепости: Большая крепость Саркине, Уплисцихе, Каспи, Урбниси и Одзрхе»[92].

При таких обстоятельствах всё больше возрастает значение обнаруженных в результате археологических раскопок архитектурных памятников для характеристики городской жизни Мцхета и вообще Картлийского царства.

[90] Страбон, География, XI, III 5.

[91] «Мокцевай Картлисай». Хроники, I, Тб., 1892, стр. 11.

[92] Ф. Жордания, Хроники, I, Тб., 1892, стр. 11.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Превращение Мцхета в столичный город Иберии, естественно, повлекло за собой значительный рост населения города и его окрестностей. Поскольку остатки древнего города археологически не исследованы на всей территории столицы, мы вынуждены судить о росте населения, главным образом, по результатам раскопок многочисленных могильников на территории «Большой Мцхета», в частности, по материалам многоярусного могильника Самтавро (табл. III), раскапываемого с семидесятых годов прошлого века, а также собственно мцхетского, армазисхевского, карнисхевского, мухатгвердского, земоавчальского, цицамурского (камерахевского), дзегвского и др. могильников античной эпохи. Кроме того, очень часты случаи обнаружения гробниц на населенной территории г. Мцхета, а также у железнодорожной станции и т. д. Всё это свидетельствует о значительном росте населения, вынужденного устраивать многочисленные и обширные могильники как вблизи от древней столицы (в ее окрестностях), так и непосредственно на ее территории. Если здесь же учесть, что гробницы часто построены одна над другой, т. е. многоярусно, предполагаемая нами большая плотность населения станет еще более очевидной.

В Мцхета и ее окрестностях столичного периода встречаются грунтовые (курганные и бескурганные) погребения, каменные гробницы, кувшинные погребения, черепичные гробницы и выложенные из кирпичей и больших керамических плит гробницы. Некоторые из указанных здесь типов погребальных сооружений являются распространенным и до и после античного времени, некоторые же из них характерны для всего столичного периода в целом. Так, например, грунтовые погребения и каменные ящики встречаются на всем протяжении столичного периода, кувшинные погребения—в III-I

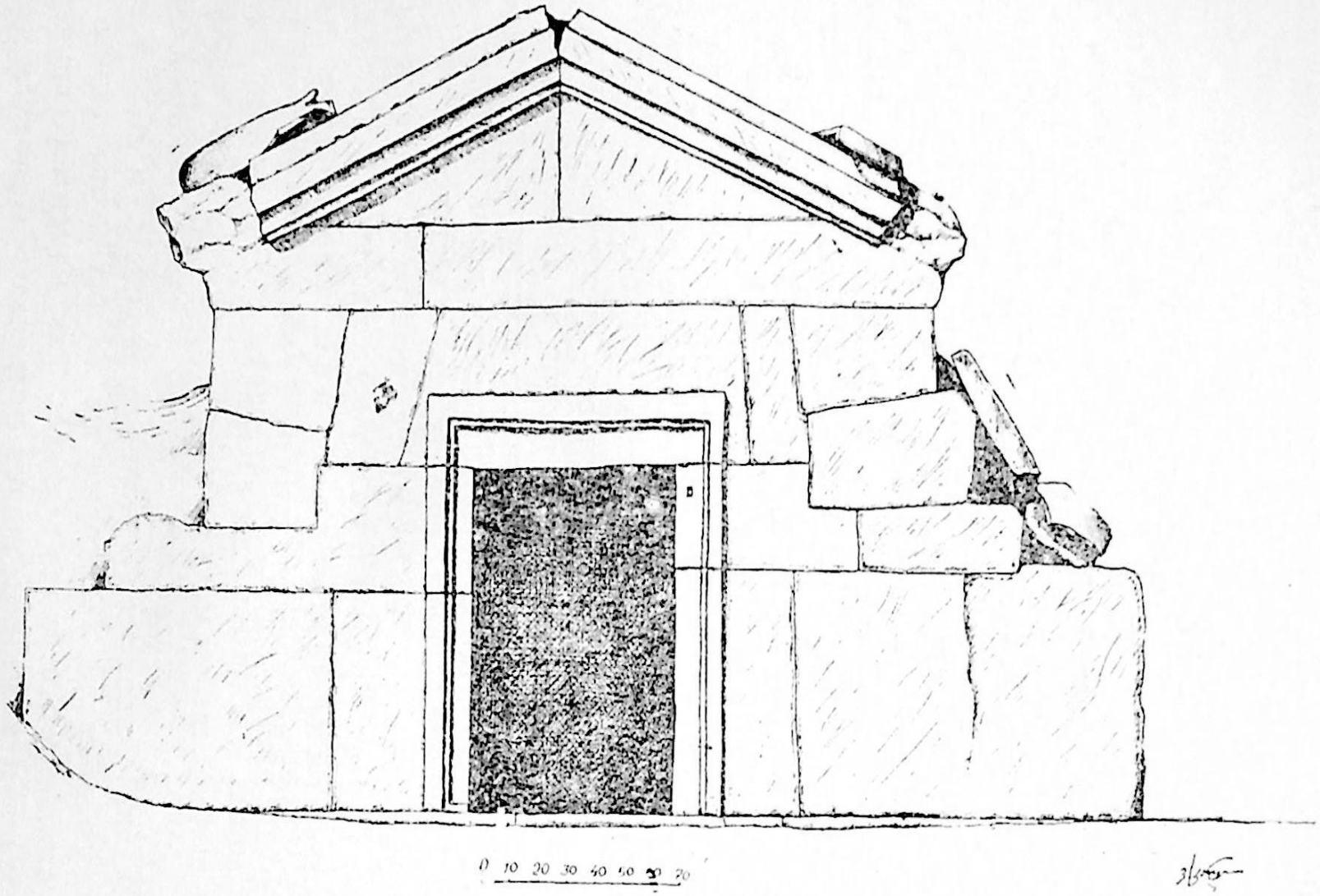


Рис. 34. Восточный фасад гробницы-мавзолея I в. н. э. в Мцхета

вв. до н. э., черепичные гробницы—в I в. до н. э. — III в. н. э., гробницы, выложенные из кирпичей и больших керамических плит —в I—III вв. н. э.

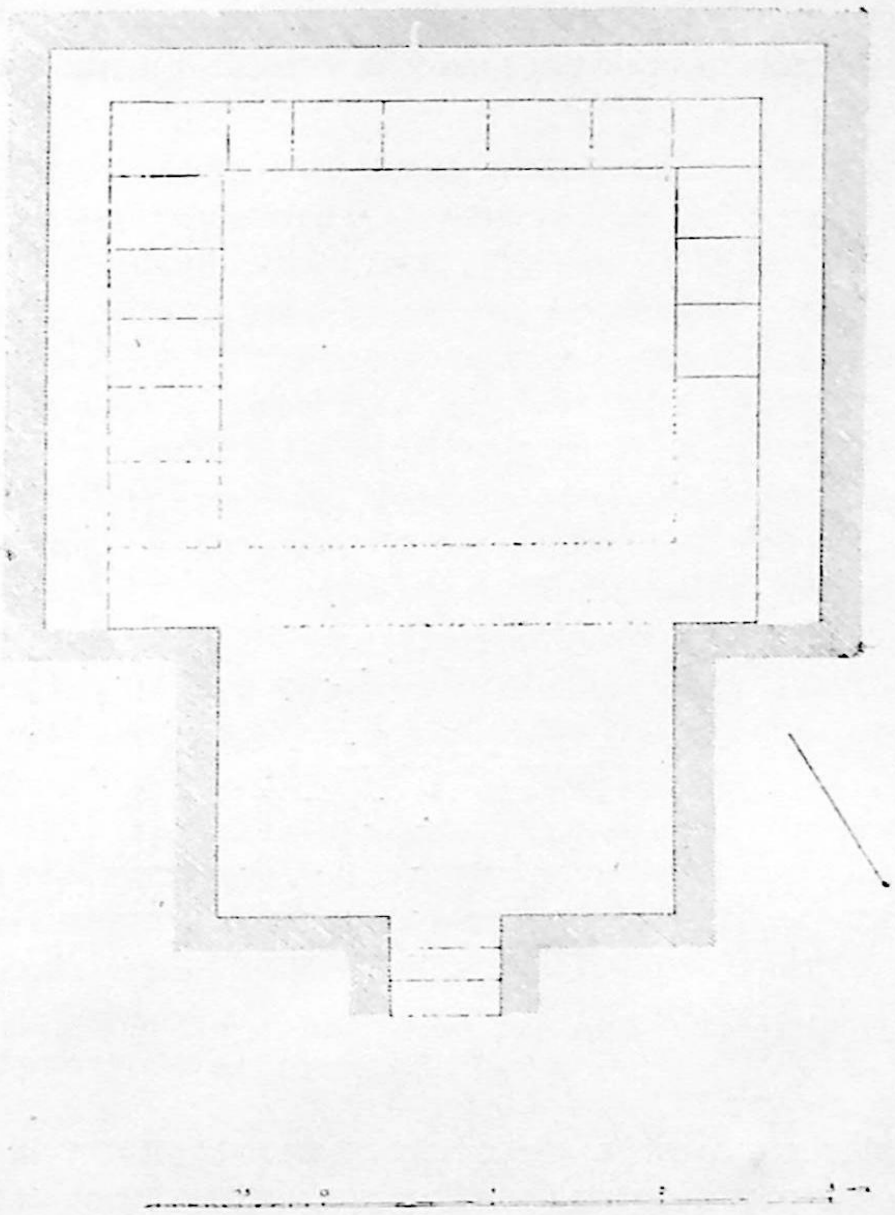


Рис. 35. План гробницы-мавзолея, обнаруженного в Багинети, I в. н. э.

Однако не следует, что погребальные сооружения того или иного типа оставались неизменными на протяжении веков; напротив, часто наблюдаются достаточно четкие их изменения. Так, например, в грунтовых погребениях античного

периода неизменной остается форма погребальной ямы (продолговато-прямоугольная и овальная), но они становятся короче по сравнению с погребальными ямами грунтовых погребений достоличного периода. Характерной особенностью грунтовых погребений столичного периода следует считать перекрытие погребальных ям одной или несколькими

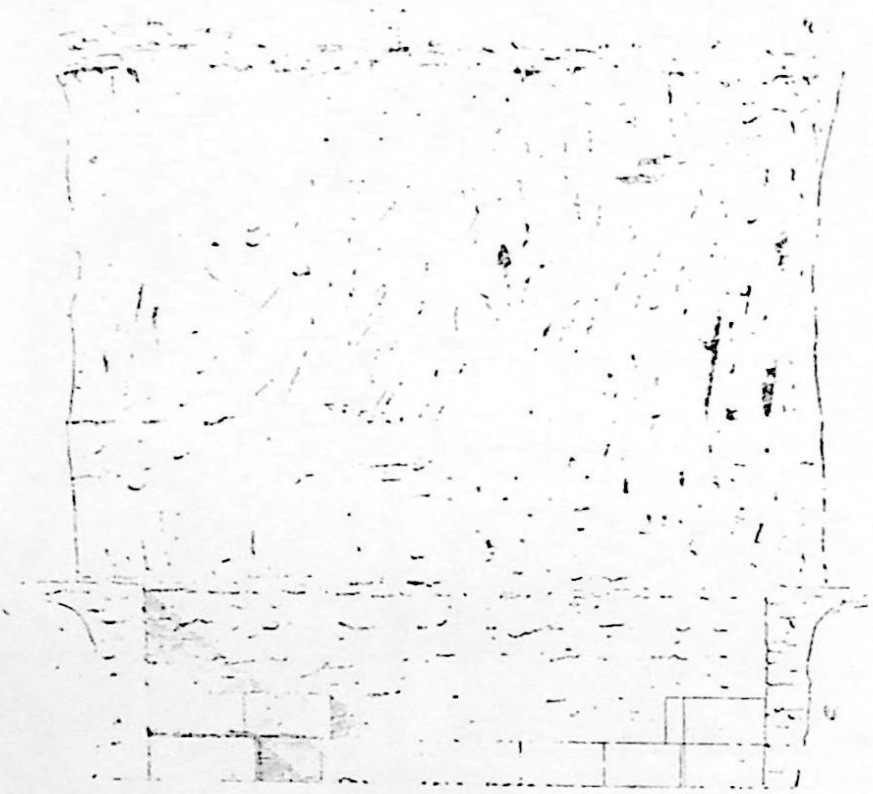


Рис. 35а. Вид западной стены гробницы-мавзолея Багинеты

каменными плитами; в некоторых же случаях погребальная камера перекрыта курганообразной каменной насыпью или же оставлена совсем без перекрытия. Различие между грунтовыми погребениями доантичного и античного периодов еще резче проявляется при сопоставлении погребального инвентаря: в грунтовых погребениях античного периода встречается сравнительно небольшое количество предметов, причем значительно отличных от характерных для ранних грунтовых погребений комплексов (например, отсутствует ору-

жие); помимо этого, в коротких погребальных ямах покойники погребены, как правило, в сильно скорченном положении.

Все это дает основание отделить позднюю группу грунтовых погребений столичного периода от грунтовых погребений эпохи бронзы и железа, т. е. от ранних грунтовых погребений.

Почти аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении каменных гробниц. В V—II вв. до н. э. каменные гробницы на территории Большой Мцхета встречаются сравнительно редко, за исключением могильников Камарахеви и Дзегви. К тому же раннеантичные каменные гробницы указанных могильников сложены без особого усердия и, что характерно, имеют небольшие размеры (в этом отношении они соответствуют синхронным каменным гробницам Триалети и Квемо Картли). Позднее же, а именно с I—II вв. н. э., встречаются каменные гробницы различного вида и более крупных размеров; в этом, по-видимому, своеобразно отразились новая ступень развития Картлийского царства, характеризующаяся и рядом других признаков.

Кувшинные погребения* появляются непосредственно вслед за широко распространенными грунтовыми погребениями и в течение некоторого времени встречаются наряду с так называемыми поздними грунтовыми погребениями. В первых веках до н. э. поздние грунтовые погребения и кувшинные погребения сосуществуют. Кувшинные погребения в Мцхета распространяются после III в. до н. э., т. е. примерно спустя три столетия после их появления в Западной Грузии (Дабла-Гоми и Парцханаканеви), и то в довольно ограниченном количестве; в результате больших полевых работ, проведенных в Мцхета на протяжении последних двадцати лет, найдено всего около ста кувшинных погребений. Если учесть то обстоятельство, что из указанных ста погребений только в двенадцати покоятся по два покойника, в одном—

* Имеются в виду использованные в качестве погребального сосуда большие кувшины для хранения вина — груз. к в е в р и или ч у р и (пифосы)—(табл. XXIV, 1,3,4).

три, а в остальных — по одному, то мы легко убедимся, что погребения этого типа далеко не многочисленны[1]. Видимо, новый тип гробниц прививался довольно медленно и поэтому в Мцхета того времени нередко встречаются грунтовые бескурганные погребения, а в первых веках распространяются и черепичные гробницы. Как и следовало ожидать, использованные для захоронения человеческих останков кувшины находятся в лежачем положении; покойника укладывали обычно в скорченном положении. Это, как известно, является распространенным обрядом трупоположения в грунтовых погребениях, обусловленного также размером и формой самого погребального кувшина.

В вопросе о происхождении и распространении т. н. кувшинных погребений в Закавказье среди ученых имеются разногласия. По-видимому, имеющийся на сегодня материал не дает достаточного основания для окончательного решения этого вопроса, но тем не менее можно проследить хотя бы хронологическую последовательность распространения кувшинных погребений в Закавказье.

Как было отмечено выше, положение покойника в кувшинных погребениях обусловлено формой погребального сооружения (в данном случае — квеври), причем это, нужно полагать, является продолжением хорошо известного в синхронных грунтовых погребениях трупоположения. Следовательно, поза покойника, скорченного и лежащего на боку, может быть показателем продолжения традиционного обряда погребения, а также обусловленным формой квеври положением покойника (табл. XXIV, 1, 3, 4).

На большое значение, придаваемое в древности традиции, указывает камарахевский могильник, где скорченное положение зафиксировано наряду с грунтовыми погребениями

---

[1] Подробнее о кувшинных погребениях Восточной Грузии см. работу В. А. Толордава, Материалы к истории Иберского царства.., МАГК, III, Тб., 1963.

и в каменных ящиках, т. е. на одном и том же (притом синхронном) могильнике[2].

Таким образом, одна из характерных сторон погребального обряда является издавна распространенной и традиционной. Однако, нам кажется, для решения вопроса о происхождении кувшинных погребений эта сторона все же не имеет существенного значения, ибо скорченное положение покойника характерно не только для Грузии и Закавказья.

Остается исследовать вопрос о распространении использования кувшина в качестве погребального сооружения. Как известно, на территории Западной Грузии кувшинные погребения появляются с VI—V вв. до н. э.; в Картли же они распространяются после III в. до н. э.; позже, в конце I в. до н. э. и в начале II в. н. э., встречаются кувшинные погребения на территории современного Азербайджана[3]. При таком положении вещей естественно предполагать распространение кувшинных погребений из Колхети к Каспийскому побережью — из Западной Грузии к Азербайджану[4].

Разумеется, нашей целью сейчас не является рассмотрение путей распространения кувшинных погребений в Азербайджане, но нам кажется, что исследуя вопрос о происхождении и распространении кувшинных погребений на Кавказе, необходимо учитывать материалы, обнаруженные в Грузии.

Что касается Картлийского царства и соответственно Мцхета, то сложившиеся здесь обстоятельства подробно рас-

---

[2] А. М. Апакидзе, — *Σευσάμορα* Цицамури античных источников, Тр. Ин-та истории АН ГССР, т. IV, вып. I, Тб., 1958, стр. 138 (на груз. яз.); А. М. Апакидзе, Мцхета — древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 58—61 (на груз. яз.); Р. Рамишвили, Камарахевский могильник, Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. II, Тб., 1958, стр. I—II (на груз. яз.).

[3] Ср. М. М. Иващенко, Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии. ИАНАз ССР, № 1, 1947; С. Казиев, Об археологических памятниках Мингечаура. Труды Объединенной научной сессии по общественным наукам. Баку, 1957, стр. 359—360.

[4] С. Казиев, Указ. соч., стр. 359, 377, 378, 392.

смотрены М. М. Иващенко[5]. Автор первым указал, что как в Мцхета, так и в Бори в качестве погребальных сосудов были использованы хозяйственные, но уже непригодные для хранения вина кувшины; так было в Пархаьакаеви, Дабла-Гоми, Мцхета, Сагареджо, Урбниси, Гори, Бандза, Кутаиси и т. д[6]. При рассмотрении вопроса о происхождении кувшинных погребений этот момент может иметь определенное значение. Дело в том, что в Иберии, как полагают, виноделие имело характер товарного производства еще до эллинистической эпохи[7], чем, должно быть, было обусловлено расширение производства больших кувшинов для хранения вина — квеври; а расширение производства квеври со своей стороны является убедительным доказательством развития товарного виноградарства в окрестностях Мцхета в IV—III вв. до н. э.[8]

Учитывая широкой масштаб производства квеври наряду с расширением и развитием виноградарства, естественно предположить, что непригодные для хранения вина кувшины могли быть использованы в разных целях, в том числе и в качестве погребальных сосудов.

Замена одного типа погребального сооружения другим в данном случае не является следствием отражения в религиозных представлениях изменений, происшедших в хозяйственной жизни. Ввиду распространения производства кувшинов, обусловленного в свою очередь развитием виноделия, квеври, а тем более поврежденные, непригодные уже для хранения вина, должны были стать доступными для неиму-

---

[5] М. М. Иващенко, Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии, ИАНАз. ССР, № 1, 1947; его же, Кувшинные погребения Самтавро.

[6] А. М. Апакидзе, Древнейшая культура Грузии в свете новейших археологических открытий, Тб., 1956, стр. 25 (на груз. яз.);

А. М. Апакидзе, Археологические материалы в экспозициях краеведческих музеев, Тб., 1955, стр. 71 (на груз. яз.).

[7] С. Н. Джанашиа, Грузия на пути ранней феодализации. Труды, I, Тб., 1949, стр. 202 (на груз. яз.).

[8] Мцхета I, 1958, стр. 187 и послед. А. М. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, I, Тб., 1963, стр. 89—91.

щих слоев населения. Известно, что по крайней мере на некоторых использованных для погребения кувшинах хорошо видны следы кожуры: стенки кувшинов с внутренней стороны потерты. Насколько нам известно, по сей день не засвидетельствовано ни одного случая применения совершенно нового кувшина в качестве погребального сосуда.

Надо полагать что негодные для хранения вина кувшины в первую очередь использовались лицами, имеющими непосредственное отношение к виноделию. В таком случае предположение о захоронении в кувшинных погребениях виноградарей, виноделов или же людей, имевших непосредственное отношение к этой отрасли хозяйства, следует считать весьма вероятным.

Обнаружение в Мцхета всего лишь около ста кувшинов, использованных в качестве погребальных сооружений, на протяжении почти трех столетий, указывает на то, что распространение этого типа погребений не имеет какого-либо религиозного основания и связано с возможностью использования негодных для вина кувшинов для погребения; позже для сооружения гробниц применялись даже обломки черепицы, однако говорить о каком-либо обряде и в этом случае нет оснований.

Вышеотмеченное, конечно, не означает того, что возможность распространения кувшинных погребений из соседних территорий исключена: ведь по большому торговому пути Фазис-Мтквари могло распространиться любое достижение культуры[9], следовательно, и обычай захоронения в больших кувшинах.

Мы полагаем, что вышесказанное подтверждается и хронологической последовательностью распространения кувшинных погребений в Закавказье: с VI—V в. до н. э. они встре-

---

[9] З. И. Ямпольский, К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю, ТИИ, II, Тб., 1956, стр. 173.

чаются в Колхети, в III—I вв. — в Картли*, во II в. до н. э.— I—II вв. н. э. — в Азербайджане.

В Мцхета I в. до н. э. и I—II вв. н. э. встречаются черепичные гробницы (табл. XXV—XXVI). Для устройства гробниц используются два вида античной Мцхетской черепицы: плоская, с загнутыми бортиками и желобчатая. В черепичных гробницах I в. до н. э. покойник уложен на боку в скорченном положении, позднее же распространяется вытянутая на спине поза. По своему устройству выделяются четырехгранные и шестигранные черепичные ящики. Встречаются черепичные гробницы с плоским и двускатным перекрытиями.

Черепица являлась, нужно полагать, дорогим строительным материалом, поэтому неимущим слоям мцхетского населения нелегко было добывать черепицу для устройства погребальных сооружений; видимо, именно этим можно объяснить не особенно широкое распространение этого типа погребений в Мцхета и, конечно, далеко не господствующее положение черепичных ящиков по сравнению с каменными.

Выше мы уже отмечали, что инвентарь черепичных погребений, как правило, свидетельствует о богатстве погребенного, но обнаружены и черепичные гробницы с малочисленным инвентарем. В инвентаре черепичных погребений, в первую очередь, выделяется стеклянная и бронзовая посуда, явное новшество по сравнению с погребальным инвентарем предыдущего времени, подтверждающее, быть может, к тому же и богатство погребенных в них горожан — впечатление, усиливающееся найденными в черепичных ящиках богатыми украшениями (золотой диадемой, золотыми пластинками от погребальных венков и т. д.).

Случаи парного захоронения наблюдаются и в черепичных ящиках. Новизна проявляется в положении покойников. В Большой Мцхета, как правило, обнаружены черепичные гробницы сравнительно большого размера, для устройства

* Пока что единственным исключением является небольшая группа кувшинных погребений Тетрицкаро VI—V вв. до н. э. (А. Бохочадзе, Погребения античной эпохи около Тетрицкаро. МАГК, III, Тб., 1963, стр. 27—37).

некоторых из них использовано около 50 черепиц. В устроенных таким образом больших гробницах покойник находится в вытянутой на спине позе, головой к западу, т. е. четкое изменение в обрядах погребений впервые наблюдается в черепичных ящиках Мцхета. Изменение это заключается в том, что покойник захоронен не скорченным и лежащим на боку, а, наоборот, в вытянутом на спине положении. Эти изменения в обряде захоронения довольно четки, ибо, как уже было отмечено, в I в. до н. э. соответственно древним традициям покойники в черепичных ящиках покоились на боку и в скорченном положении. Таким образом, выясняется, что эта сторона обряда не всегда зависела от формы и устройства погребальных сооружений и преимущественную роль, по-видимому, играла древняя традиция.

Кувшинные и черепичные погребения являются некоторой переходящей ступенью между широко распространенными, можно даже сказать, господствующими в Мцхета погребальными сооружениями, а именно между грунтовыми погребениями досто личного и каменными ящиками столичного периодов.

Вполне естественно, что в «Большой Мцхета» в наибольшем количестве обнаружены каменные гробницы, т. е. погребальные сооружения, распространенные здесь, в основном, с I в. н. э., т. е. в эпоху, когда население Мцхета и ее окрестностей, по всей видимости, было довольно многочисленным. О многочисленности городского населения можно судить хотя бы по огромному количеству каменных ящиков, обнаруженных на одном из участков древней столицы, а именно у Арагвискари, на Самтаврском поле. Результаты исследования погребальных сооружений первых веков нашей эры делают совершенно очевидным, что для Мцхета столичного периода наиболее характерными являются каменные гробницы, точно так же, как грунтовые погребения — для Мцхета досто личного периода.

Каменные ящики не только количественно превосходят все другие погребальные сооружения столичного периода, но выделяются также своим многообразием, бытуют и,

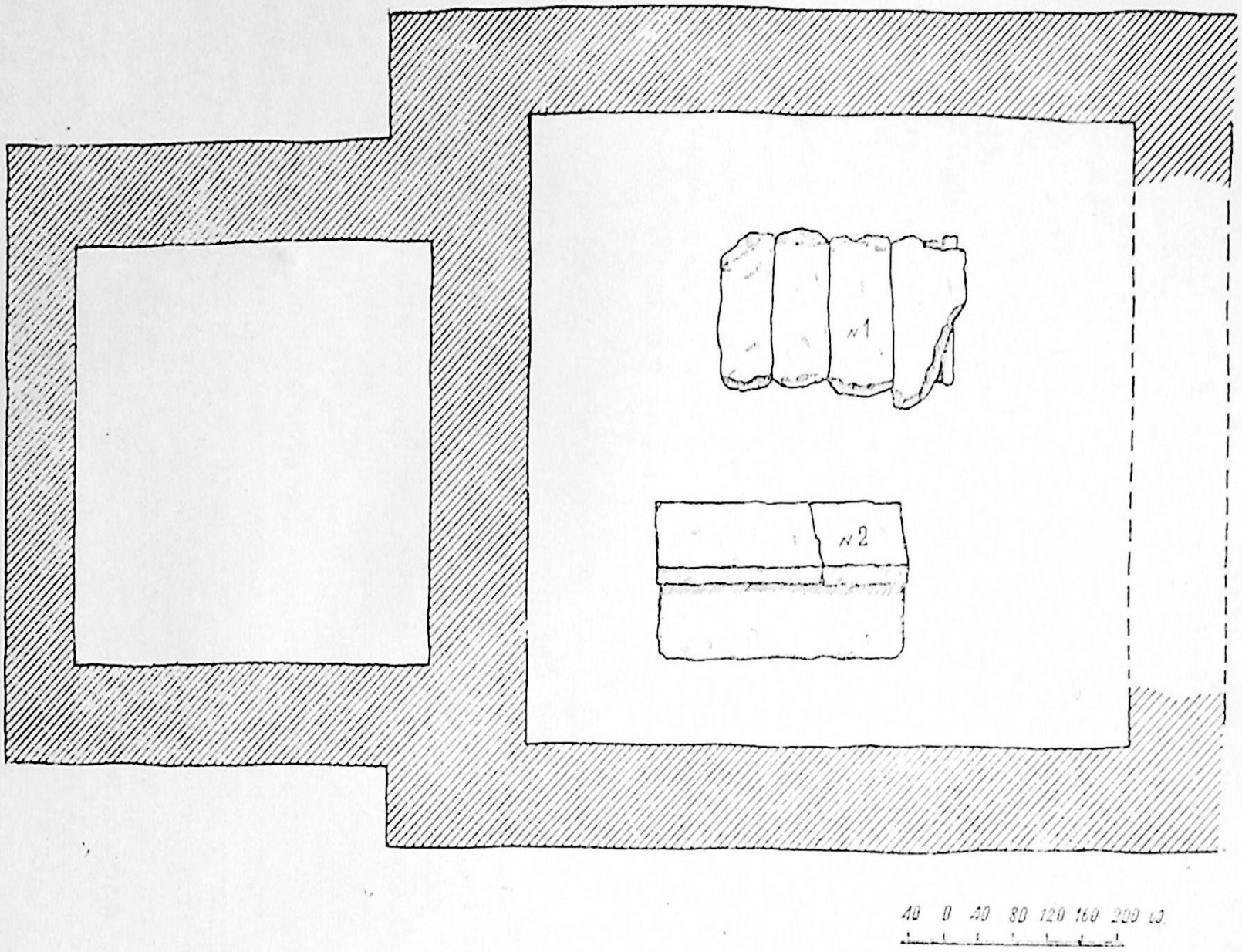


Рис. 36. План сооружения типа мавзолея над гробницами №№ 1, 2 фамильной усыпальницы питиахшей Армазисхеви

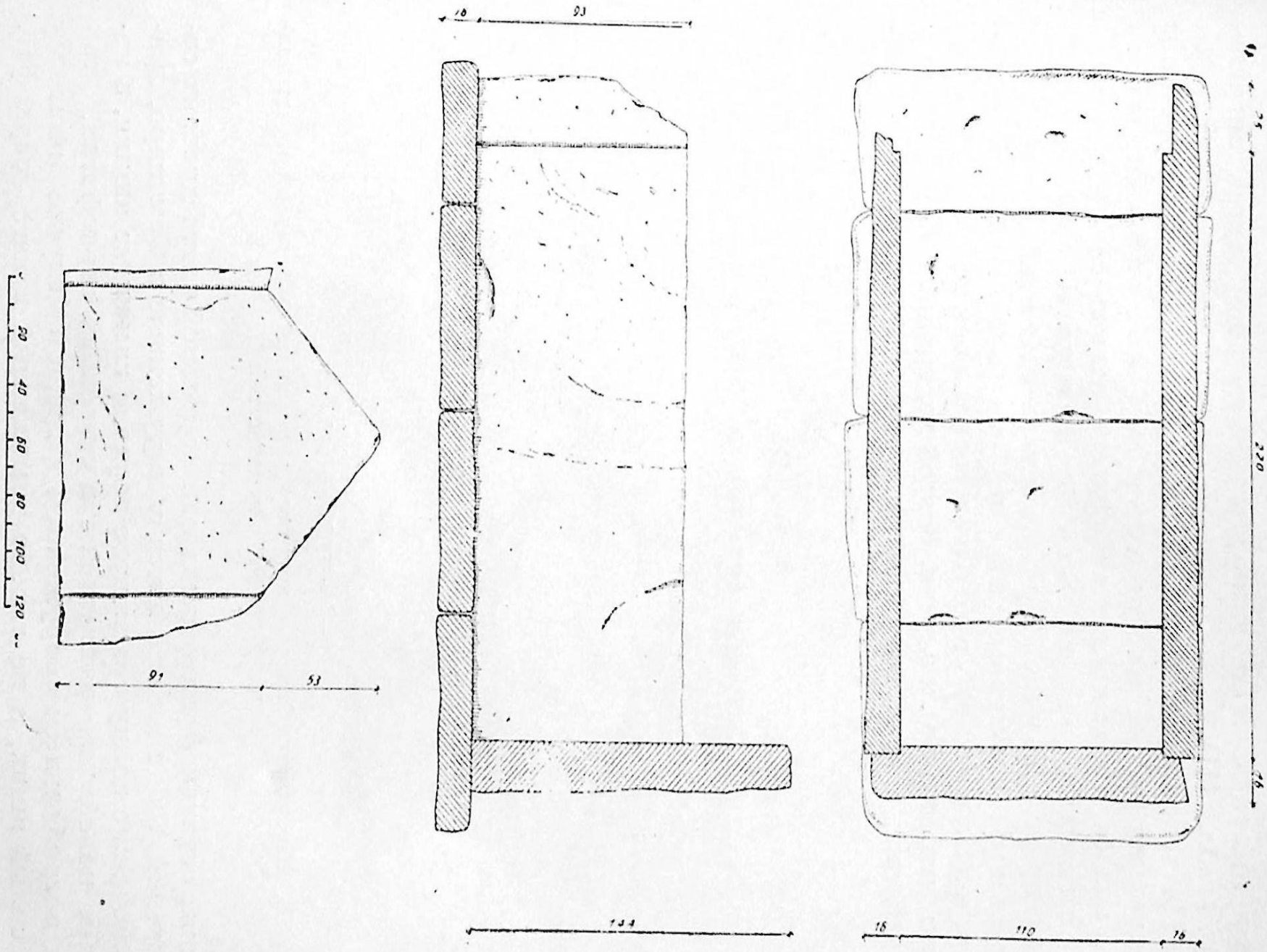


Рис. 37. План и разрезы второй гробницы фамильной усыпальницы питахшей Армазисхеви

можно сказать, даже господствуют дольше других погребений (табл. III).

На территории Мцхета обнаружены каменные гробницы следующих видов: а) гробницы, составленные из больших плоских каменных плит; б) гробницы, высеченные из цельного камня — саркофаги; в) погребальные сооружения типа мавзолея (склепы), выстроенные из хорошо обработанных квадров; г) гробницы, выложенные из мелкого рваного камня. К этой же группе следует отнести погребения, в качестве одной или двух стен которых исполь-

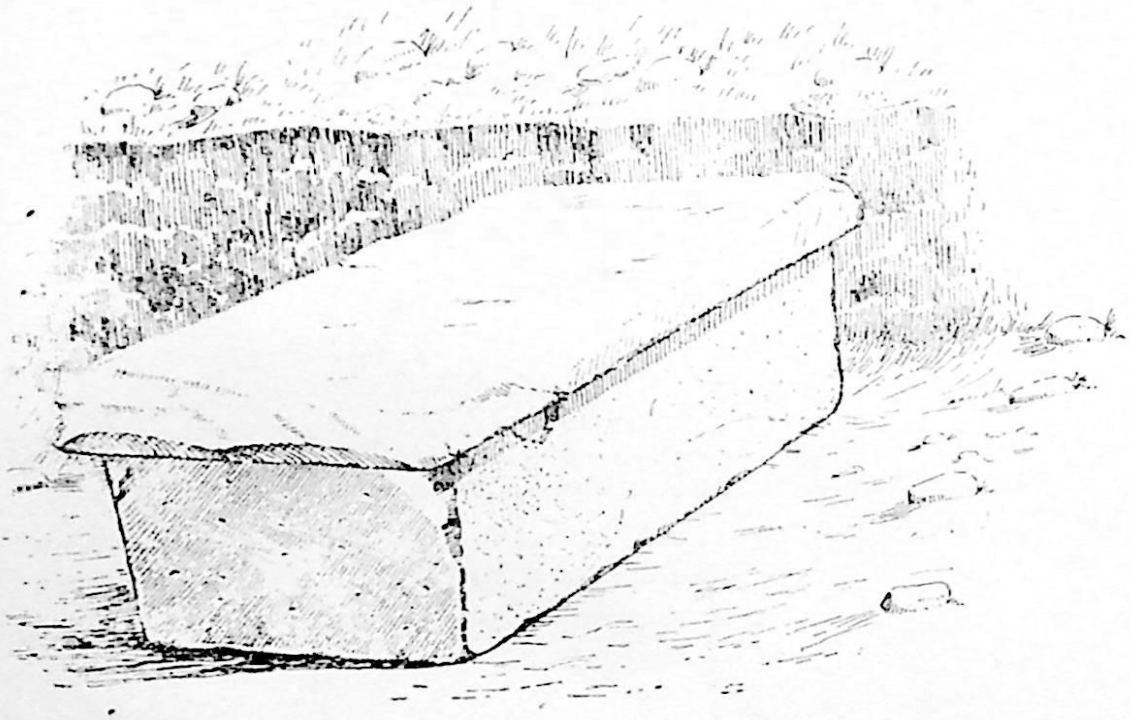


Рис. 38. Шестая гробница (саркофаг) фамильной усыпальницы питиахшей Армазисхеви

зованы остатки фундаментов или цокольной части древних сооружений. Сюда же относятся обнаруженные в Самтавро, принадлежащие концу столичного периода каменные ящики, в которых покойники захоронены в глиняных саркофагах, так как погребальным сооружением в данном случае является каменный ящик, а не только помещенный в него саркофаг.

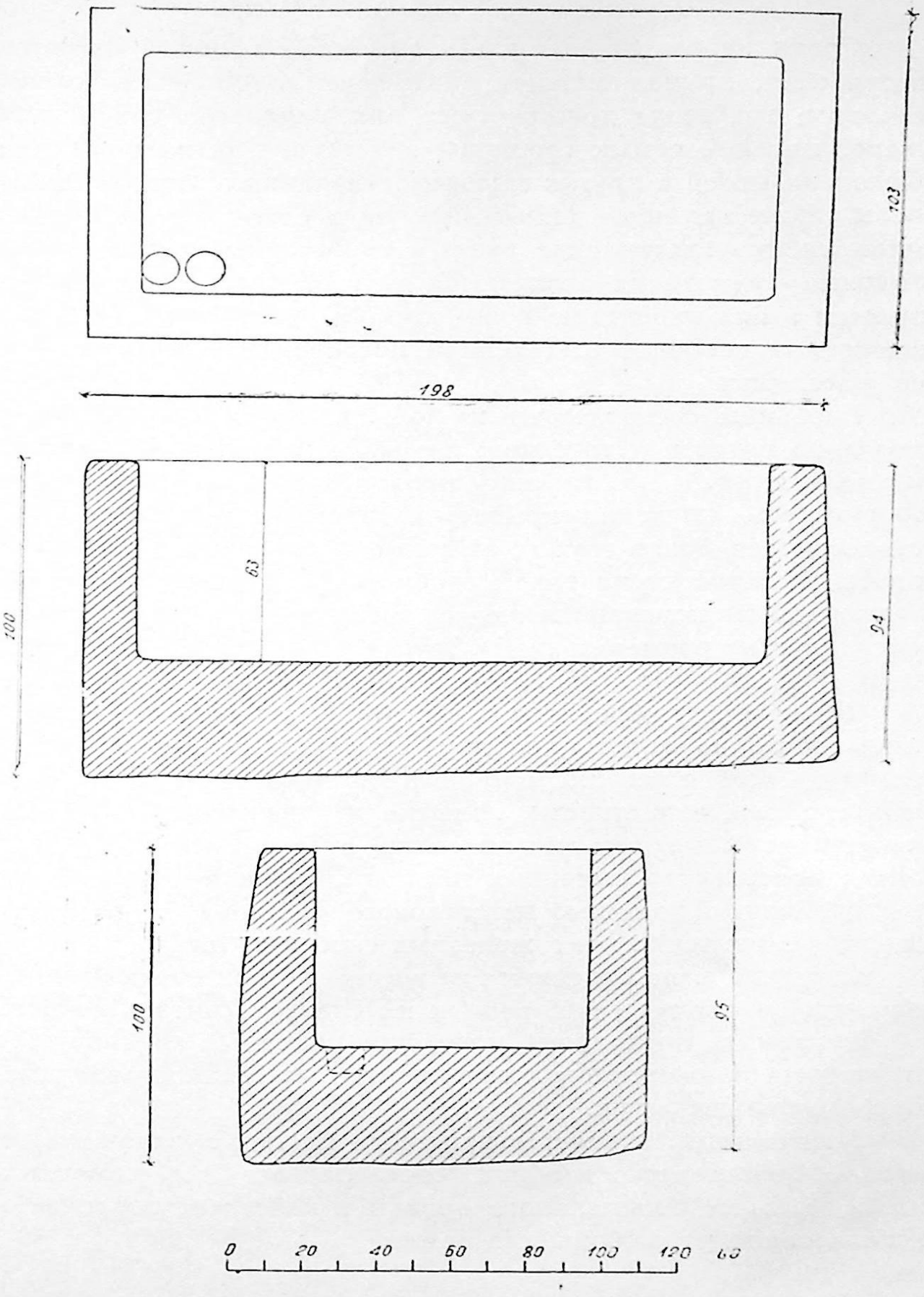


Рис. 39. План и разрезы того же саркофага

Среди перечисленных здесь каменных гробниц имеются погребения, принадлежащие различным социальным слоям столицы: гробницы должностных лиц царского двора или членов царской семьи; гробницы эриставов (питиахшей) или членов их семей и других высокопоставленных лиц. Обнаружены также каменные ящики неимущих слоев населения. Разумеется, принадлежащие разным социальным слоям погребальные сооружения отличаются друг от друга и по имеющемуся в них инвентарю и по своему устройству. В этом отношении особенно выделяются погребения неимущих слоев населения.

Гробницы, составленные из больших плоских плит, имеют довольно простое устройство: из более или менее хорошо тесаных камней составлено продолговатое прямоугольное сооружение—ящик, перекрытием которого служат в большинстве случаев более грубо отесаные и невзрачные на вид плиты. Каждая стена такой гробницы состоит из одной каменной плиты, перекрытие же—из трех (а редко и из четырех), последние по размерам почти всегда уступают боковым плитам (рис. 36, 37; табл. III, XXX, XXXII).

По качеству обработки и способу соединения плит гробницы почти не отличаются друг от друга, однако нетрудно заметить особое усердие, проявленное при устройстве отдельных гробниц, в частности, попытка исключительно точного выдалбливания краев для пригонки, а также искусная обработка поверхности каменных плит; тщательная отделка углов гробниц с помощью известкового раствора, использование для скрепления плит железных скоб и т. д.

Эти детали наблюдаются не всегда, но они очень распространены в столичный период и их следует считать вообще характерными, по крайней мере, для каменных гробниц, сооруженных в качестве усыпальниц для высокопоставленных и состоятельных лиц.

Менее распространены каменные ящики с выложенным полом. Большинство гробниц, составленных из каменных плит, не имеет специального пола и в качестве последнего использована утрамбованная земля.

В редких случаях дно каменного ящика покрыто плоскими черепицами, кирпичами или специально для этого приготовленными керамическими плитами. Плиты для покрытия пола имеют неодинаковую величину и, соответственно, в гробницах обнаружено различное количество плит (в больших— 6—8 штук, малых — 10—12 штук). На этих плитах, так же, как и на дне глиняных саркофагов, имеются расположенные в два-три ряда небольшие отверстия. Нередко встречаются каменные гробницы с полом из плоских каменных плит; такова, например, 212—ая гробница с двускатным перекрытием, обнаруженная в 1940 г. на южном участке Самтаврского могильника; гробница с двускатным перекрытием, случайно обнаруженная перед женским монастырем Самтавро; гробница № 1 с двускатным перекрытием, обнаруженная в 1947 г. во время закладки фундамента для здания водного хозяйства[10]; гробницы №№ 1, 2, 3, 5, 8, 9, 28, 35, 40, 41, 43 с двускатным перекрытием, обнаруженные у устья Армазисхеви[11]; саркофаги из Армазисхеви (№ 6 и № 7); саркофаг из Багинети и, наконец, багинетский, а также найденный в 1951 г. напротив древнего мцхетского моста, на северном склоне Армазского хребта, у железнодорожной станции Мцхета склепы также являются погребениями с выложенными из плит полами. Правда, значительная часть перечисленных погребений имеет и другие, характерные для богатых гробниц признаки, но в настоящее время важно отметить, что все богатые погребения имеют особый настил (большие каменные или глиняные плиты).

Приведенные примеры вполне доказывают, на наш взгляд, что специально выложенный пол нужно считать одним из характерных признаков погребений знатных лиц.

Таким образом, среди каменных гробниц выделяется группа гробниц с особым полом, т. е. богатые погребания.

---

[10] А. Н. Каландадзе, Вновь обнаруженный могильник в Мцхета, «Мимомхилвели», I, Тб., 1949, стр. 261—262 (на груз. яз.).

[11] А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Археологические памятники Армазисхеви, Мцхета I, Тб., 1955, стр. 25—27, 40—47, 63 и др.

Типичными примерами построенных из каменных плит погребений с особым полом являются: на территории усыпальницы армазисхевских эриставов—гробницы № 1, № 3. Пол первой из них составлен из четырех больших каменных плит, во второй (гробница эристава Бересумы) пол был выложен большими керамическими плитами. Аналогичной является среди каменных ящиков Самтавро гробница № 212, выделяющаяся к тому же и двускатным перекрытием. Обособленно стоит 35-ый каменный ящик Армазисхеви, дно которого было покрыто прямоугольными продолговатыми кирпичами. Поскольку инвентаря в этой гробнице не оказалось, мы вынуждены по внешним признакам, т. е. условно, причислить ее к группе так называемых богатых гробниц.

Среди выложенных из каменных плит гробниц по устройству перекрытия выделяются две подгруппы: а) гробницы с плоским перекрытием и б) гробницы с двускатным перекрытием (табл. XXX). Причем большая часть составленных из каменных плит гробниц имеет плоское перекрытие, хотя распространены и двускатные перекрытия. Например, Самтаврский каменный ящик № 212; гробница, обнаруженная в 1942 г. перед Самтаврским храмом; гробница, найденная во дворе здания водного хозяйства, Армазисхевские гробницы №№ 2, 5, 18, 40, 43 [12] — имеют двускатные перекрытия. В выложенных из каменных плит гробницах рассматриваемой эпохи, как правило, покоится по одному покойнику. Таково общее правило, но из него имеются и исключения; во всяком случае, с III в. н. э. в каменных гробницах наблюдаются случаи захоронения двух, а то и больше покойников. Но и это обстоятельство не меняет общей картины, ибо после III столетия достаточно четко проявляются новые, более характерные для последующей эпохи столичного периода явления. Первым долгом это проявляется в постепенном распространении семейных или групповых гробниц и, следовательно, в случаях повторного использования погребальных сооружений. К примеру, можно назвать

---

[12] Мцхета I, стр. 40, 63, 102, 110, 119.

восьмое погребание Армазисхеви (1940 г.), где позднее были захоронены два покойника и, конечно, без всякого погребального инвентаря; при этом оставалось впечатление одновременности захоронения покойников.

Среди каменных ящиков, обнаруженных в Самтавро, Кодмани, Армазисхеви, Авчала, Карсани и Карнисхеви, имеется довольно большое количество групповых гробниц, в которых вполне ясно, что покойники захоронены в разное время, при этом останки ранее захороненного покойника оттеснены, отодвинуты в сторону, т. е. освобождено место для другого покойника. Использование гробниц для группового захоронения было предусмотрено, видимо, с самого начала. Групповые гробницы имеют значительно большие размеры, к тому же в них покойники хоронились с учетом возможных последующих захоронений. Иллюстрацией сказанному может служить 19-ая гробница, вскрытая нами у устья Армазисхеви в 1941 году.

Изучение инвентаря и устройства погребений, выложенных из каменных плит, показывает, что гробницы с богатым инвентарем почти всегда выложены из хорошо отесаных больших каменных плит. Следовательно, покойники из знатных и имущих кругов хоронились в каменных гробницах, построенных по правилам зодчества из хорошо обработанных и пригнанных друг к другу каменных плит, в построенных с таким усердием погребальных сооружениях рядом с покойником помещался подобающий его социальному положению инвентарь. Бедные же слои населения, наоборот, не имели возможности сооружать даже приличные каменные ящики, соответственно далеко не богат их погребальный инвентарь.

Ориентация составных каменных ящиков в настоящее время довольно хорошо изучена. В основном, каменные гробницы ориентированы от востока к западу с небольшими отклонениями (SOO—NWW), безусловно связанными с спределением востока или запада по восходу или заходу солнца, соответственно с временем года или месяцем сооружения гробницы. В этом отношении весьма своеобразно выглядит

лятая гробница Армазисхеви, ориентированная с юга на север, как и Багинетский саркофаг 1946 г. Эти два случая, конечно, не могут изменить общепринятую картину ориентировки каменных гробниц и вместе с некоторыми другими гробницами их следует считать исключением.

Высеченные из цельного камня гробницы саркофаги (табл. XXXI; рис. 38, 39, 40) в Картли обнару-

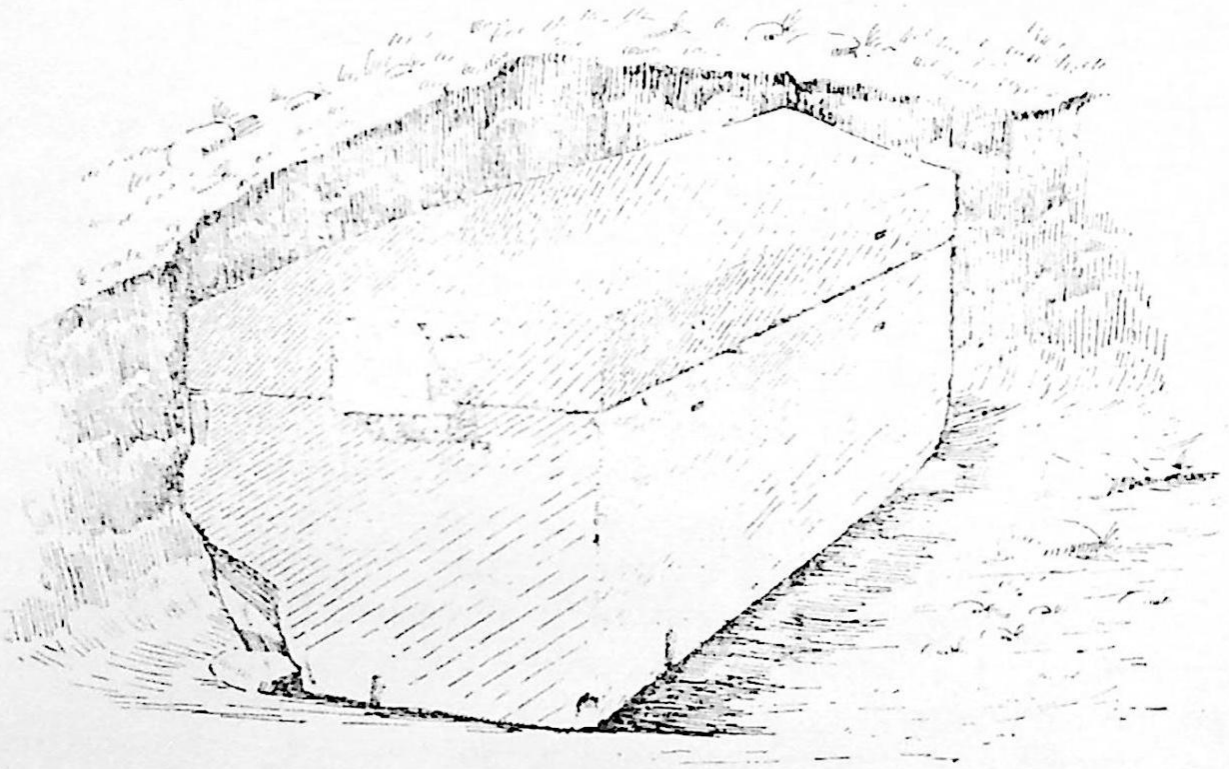


Рис. 40. Седьмая гробница (саркофаг) фамильной усыпальницы питиахшей Армазисхеви

жены в небольшом количестве, всего 5—6, и то не все из них найдены при археологических раскопках. В Большой Мцхета обнаружено четыре саркофага, высеченных из цельного камня; два из них были найдены у Армазисхеви в 1940 г., третий—в Багинети в сентябре 1946 г., четвертый—в собственно Мцхета в конце 1958 г. Кроме того, один саркофаг обнаружен в Дигоми и один будто опять-таки у устья Армазисхеви, примерно там же, где велись работы армазис-

хевской группой Мцхетской археологической экспедиции в конце 30-х и в первой половине 40-х годов[13].

Обнаруженные Мцхетской экспедицией гробницы-саркофаги составлены из двух частей: нижняя часть представля-

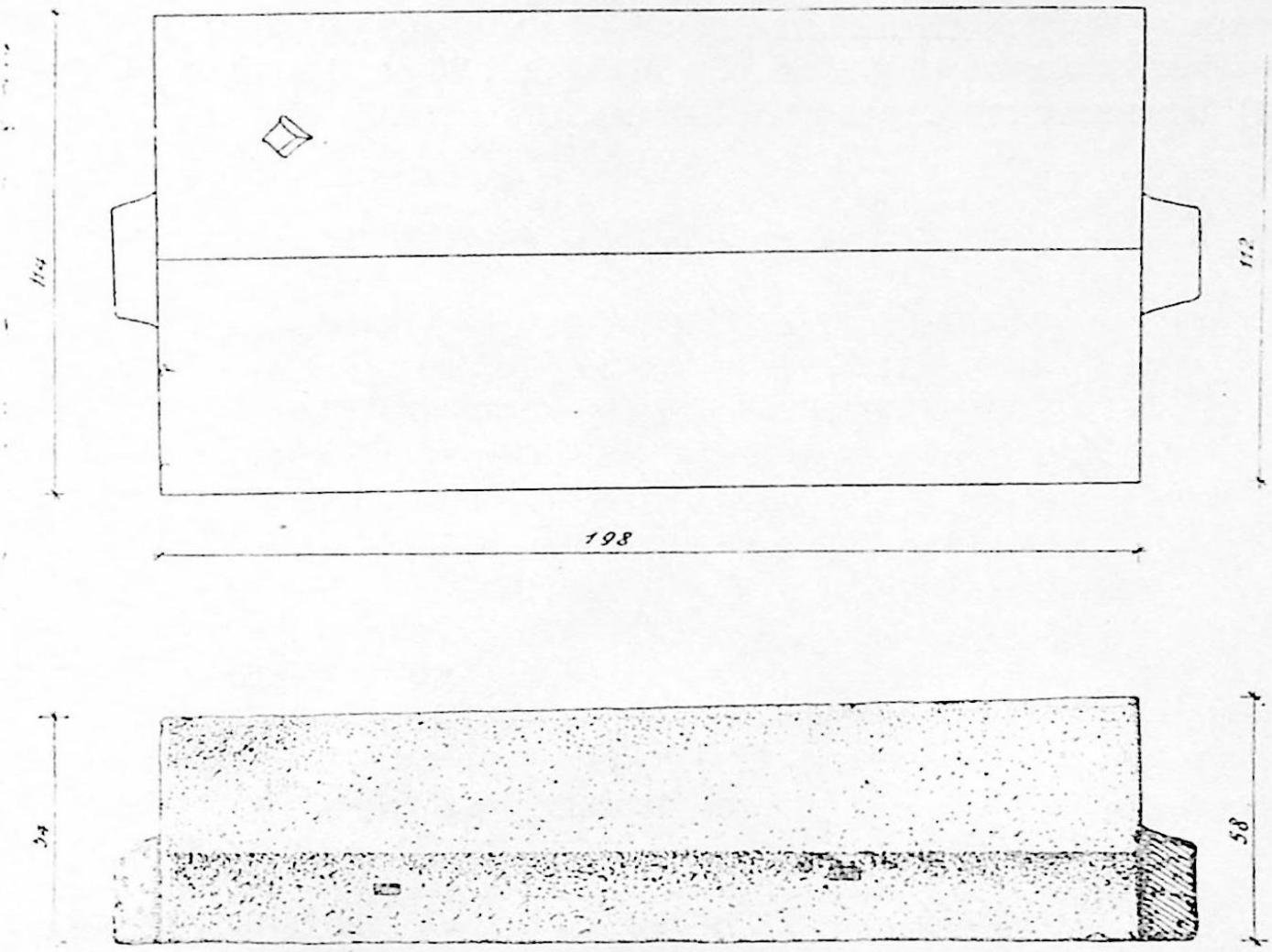


Рис. 41. План и вид сбоку двускатного перекрытия седьмой гробницы фамильной усыпальницы питиахшей Армазисхеви

ет высеченный из цельного камня прямоугольный, продолговатый, довольно высокий, выдолбленный и отесанный снаружи ящик — основная часть погребального сооружения, в котором помещался покойник с соответствующим инвента-

[13] С. Какабадзе, Город Мцхета — гор. Армази. Исторический сборник, III, Тб., 1928, стр. 7; ср. Мцхета I, Тб., 1958, стр. 1.

рем. Нижние части саркофагов несколько отличаются друг от друга только лишь по размерам.

Основные данные размеров мцхетских саркофагов таковы: 1) Погребение-саркофаг № 6 — внутренняя длина — 1,67 м; ширина — 0,69 м; глубина — 0,48 м; 2) Погребение-саркофаг № 7 соответственно: 1,70 м; 0,75 м; 0,63 м; 3) Саркофаг, найденный в 1958 г. в Мцхета 1 90 м; 0,80 м и 0,66 м; 4) Багинетский саркофаг: 1,85 м; 0,60 м; 0,65 м.

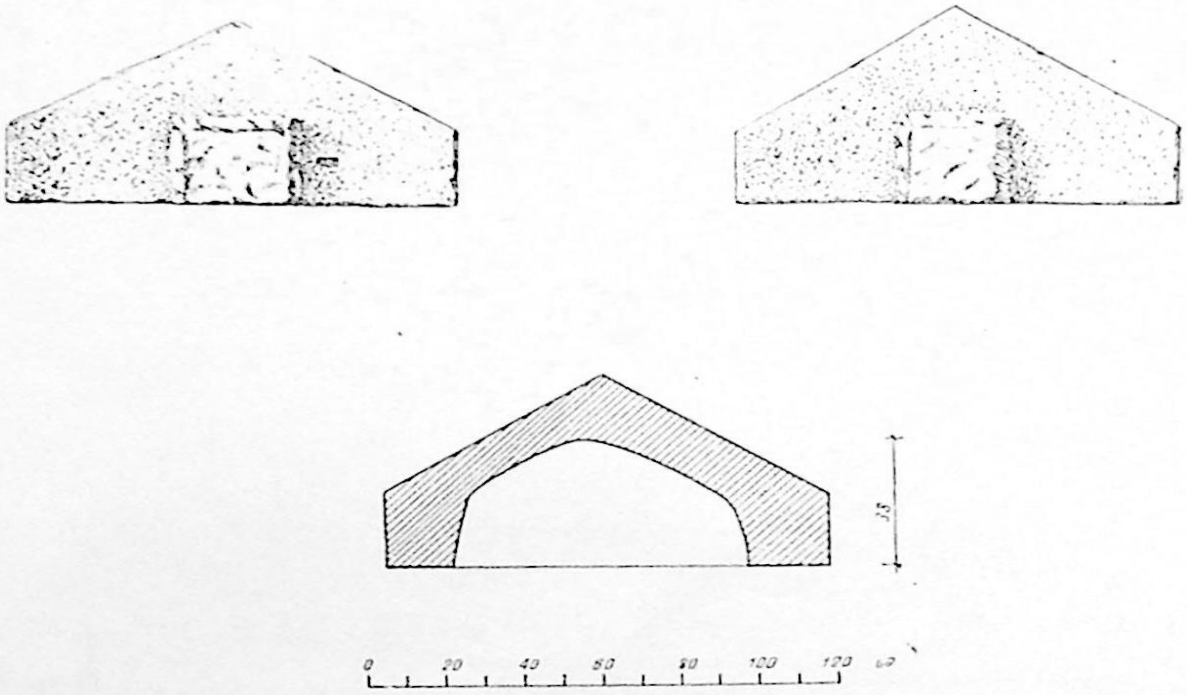


Рис. 42. Поперечный разрез и виды двускатного перекрытия седьмой гробницы фамильной усыпальницы Армазисхеви

Таким образом выясняется, что нижние, т. е. основные части гробниц-саркофагов, относящихся примерно к одному и тому же времени и имеющих одинаковую форму, часто не особенно значительно, но все-таки отличаются друг от друга. Сравнение публикуемых здесь измерений саркофагов с измерениями составленных из каменных плит гробниц дают довольно резкую разницу. Так, например, вторая гробница некрополя армазисхевских эриставов имеет внутреннюю длину 2,20 м, ширину 1,10 м, высота самого ящика без не-

рекрытия гробницы — 0,93 м. Сравнение внутренних измерений этой гробницы и багинетского саркофага дает следующую картину:

	Длина	Ширина	Высота
1. Внутренние размеры багинетского саркофага	1,85 м	0,60 м	0,65 м
2. Внутренние размеры II-ой гробницы некрополя армазисхевских эриставов	2,20 м	1,10 м	0,93 м
Разница между измерениями . . .	0,35 м	0,50 м	0,28 м

Приведенный материал дает вполне ясную картину и с очевидностью показывает, что внутренние размеры гробниц-саркофагов значительно уступают внутренним размерам составленных из каменных плит гробниц, а это очень важно при сравнении погребальных сооружений. Следует тут же учесть, что приведенная здесь в качестве примера гробница не особенно выделяется своими размерами и что так называемые семейные или групповые гробницы по своим размерам значительно превышают вторую гробницу Армазисхеви.

Сравнительно небольшие размеры саркофагов не являются, конечно, следствием какого-либо особого погребального обряда; небольшой внутренний объем саркофагов обусловлен размерами материала, т. е. величиной каменных глыб-монолитов, из которых высекался саркофаг; добывать очень большие плиты, очевидно, было нелегко, а перевозить их — небезопасно. Этим и объясняются небольшие размеры саркофагов по сравнению с составленными из каменных плит гробницами. Саркофаг не имеет больших размеров даже тогда, когда он предназначен для двух покойников. Таковым является, по нашему мнению, армазисхевский саркофаг — гробница № 6.

Малые внутренние размеры гробниц-саркофагов могут объяснить и своеобразное расположение в них некоторых предметов; имеются в виду случаи, когда в каменных гробницах или саркофагах находятся ножки от погребального

ложа, разобранного перед захоронением покойника; так, например, в багинетском саркофаге все четыре фигурные ножки с богатой резьбой лежали у южной стены гробницы. При учете внутренней площади саркофага становится очевидным, что именно ввиду малых размеров внутренней части гробницы родственники покойного были вынуждены ломать, разбирать и в таком виде опускать в гробницу кресло или изготовленное специально для похорон ложе[14] (табл. XLV, 2,3).

Следовательно, описанному факту не следует приписывать какого-либо магического значения, предполагаемого в тех случаях когда в погребениях находят умышленно положенную посуду, вложенную в погребение, конечно, не с той целью, что покойник использует ее «в загробной жизни»[15].

Характерно, что все четыре мцхетских саркофага, как видно, были еще при отделке повреждены: багинетский саркофаг имеет трещины; армазисхевский шестой — надтреснут в двух местах и укреплен железными скобами; верхняя часть армазисхевского седьмого саркофага великолепно обработана без всяких изъянов, но нижний угол саркофага на северо-западной стороне, как видно, обломался при обработке; также надтреснута и северная стенка мцхетского саркофага 1958 г. Использование для правителей и знатных лиц Картлийского царства саркофагов с дефектами указывает на большие трудности, связаные с сооружением погребений этого типа.

Высеченные из цельного камня гробницы-саркофаги, так же, как и выложенные из каменных плит ящики, по устройству перекрытия можно разделить на две группы: а) гробницы с двускатным перекрытием (багинетский саркофаг и армазисхевский седьмой саркофаг); б) гробницы с плоским перекрытием (армазисхевская шестая)*.

---

[14] Мцхета I, Тб., 1958.

[15] А. М. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, I, Тб., 1963, стр. 102.

* На найденном в Мцхета в 1958 г. саркофаге перекрытия не оказалось.

Как уже было отмечено, три саркофага имели перекрытие из цельного камня. Наружная поверхность двускатных перекрытий особо обработана. Это касается, главным образом, перекрытия армазисхевского седьмого саркофага, на котором хорошо видны следующие друг за другом следы зубчатого орудия (рис. 41—42). Перекрытие этого, а также багинетского саркофагов с внутренней стороны выдолблено, отчего внутренний объем саркофага несколько увеличивается. Багинетский и армазисхевский саркофаги с двускатным перекрытием внешне все же отличаются друг от друга. Перекрытие багинетского саркофага по сравнению с перекрытием армазисхевского имеет более округлый гребень и менее покатые скаты[16]. Относительно саркофагов, имеющих плоские перекрытия, мало что можно сказать. В качестве перекрытия армазисхевского саркофага использована большая каменная плоская плита, отесанная только на нижней поверхности, остальные же его части необработаны. Предполагают, что первоначально для этого саркофага тоже готовилось двускатное перекрытие, которое, видимо, сломалось во время высекания или, скорее, перевозки, ввиду чего его пришлось перекрыть плоским камнем.

Багинетский саркофаг имеет такую же ориентацию, что и армазисхевская пятая гробница — с юга на север. Оба армазисхевских саркофага, а также и мцхетский саркофаг 1950 г. ориентированы наподобие обычных каменных ящиков с востока на запад.

Заслуживает внимания способ присоединения двух частей саркофага: нижнего ящика и перекрытия. В случае багинетского саркофага с этой целью использованы довольно большие железные скобы. На каждой стенке саркофага имеется пара таких скоб, концы которых вставлены в выдолбленные для них гнезда и залиты свинцом. Таким образом, перекрытие и нижняя часть плотно и надежно связаны между собой (табл. XLV, 1).

---

[16] Мцхета I, стр. 83—84, рис. 45—48; А. М. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, I, Тб., 1963, стр. 103.

Как видно, точно так же намеревались соединить перекрытие и нижнюю часть армазисхевской седьмой гробницы (рис. 41). Для закрепления железных скоб здесь выдолблены четыре гнезда на южной стенке и два на западной. Но работа на этом прекращена, и железные скобы не вставлены, первоначальное решение по неизвестной нам причине было отменено[17]. Что касается армазисхевского шестого погребения, то следы такого способа скрепления здесь совсем отсутствуют.

Багинетский саркофаг и армазисхевская шестая гробница-саркофаг, по-видимому, треснули во время тески или перевозки; в соответствующих местах саркофаги укреплены специальными железными скобами: армазисхезский шестой саркофаг — четырьмя, а багинетский — всего двумя скобами.

При обкапывании армазисхевского седьмого погребения выяснилось, что уже высеченный саркофаг был спущен на место посредством довольно широкой траншеи — своеобразного «дромоса».

Как выясняется, в Мцхета столичного периода высеченные из цельного камня гробницы-саркофаги в отличие от обычных каменных ящиков являлись погребальным сооружением для захоронения только лишь представителей правящих кругов и членов их семейств. Основанием для такого заключения служат багинетский саркофаг, в котором была захоронена, видимо, царевна, и армазисхевские шестая и седьмая гробницы, где были, видимо, захоронены дочери питиахшей. Кроме того, следует учесть и небольшое количество саркофагов (пока что в «Большой Мцхета» найдено всего четыре саркофага), а также наличие в трех из них довольно богатого погребального инвентаря.

Так как все погребальные сооружения в свое время были покрыты землей, над погребениями, по-видимому, име-

---

[17] Мцхета I, рис. 45.

[18] Мцхета I, рис. 69.

лись различные опознавательные знаки, иногда даже стелы с надписью, например, над гробницей Аврелия, Серафиты и т. д. К концу столичного периода, нужно полагать, погребальные стелы были особенно необходимы, хотя бы для тех погребений, в которых захоронено несколько покойников, при этом в разное время.

Мы указывали, что каменные гробницы и саркофаги, точно так же, как и черепичные гробницы, являются характерными для столичного периода своеобразными архитектурными памятниками, малыми формами монументальной архитектуры того времени.

Склепы типа мавзолея до последнего времени не были известны на территории Мцхета и вообще Грузии. В настоящее время мы имеем три таких погребальных сооружения. Одно из них было обнаружено в Армазисхеви в 1940 г.; второе—(рис. 35) багинетским отрядом Мцхетской археологической экспедиции в 1947 г. на территории внутренней крепости (Шида цихе) столицы, третье было найдено в 1951 г. у мцхетской железнодорожной станции, у подножья крутой Армазской горы (табл. XXVII—XXVIII)[19].

Багинетский склеп обнаружен в северо-западной части внутренней крепости древней столицы между багинетским саркофагом и развалинами бани, севернее от «Марнис убани», на крутом скалистом выступе, там, где с правой стороны у высеченного в скале багинетского прохода виднеется пещера. Склеп вставлен в скалу. С этой целью гребень скалы выровнен и затем скала вырезана почти соответственно контурам склепа. На приготовленной таким образом площадке был построен сам склеп. Сооружение, нужно полагать, еще в древности было основательно разрушено; на месте оказалась лишь незначительная часть кладки. Как видно, после ограбления склеп был разрушен и тесаные камни были разобраны. Сохранившаяся часть все же дает возможность

---

[19] Г. А. Ломтатидзе, И. Н. Цицишвили, Вновь обнаруженный склеп в Мцхета. Известия АН ГССР, т. XII, № 10, Тбилиси, 1951, стр. 641.

представить план сооружения: выясняется, что склеп состоял из двух частей: передней части, площадь которой равнялась 5,4 м², и главной, представляющей погребальную камеру площадью почти в 7,4 м². Последняя имеет квадратную форму, передняя же — продолговатую; на восточной стене этой части в скале высечен узкий вход с тремя ступеньками.

Как уже было отмечено, непострадавшим оказалось основание склепа — возведенный на скале первый и, частично, второй ряд хорошо отесаных квадров различного размера. Сохранившаяся часть постройки дает некоторое представление об искусном мастерстве строителей. Камни отесаны исключительно хорошо, пригнаны друг к другу так плотно, что имеющиеся между камнями швы почти незаметны. Такая картина наблюдается почти по всей длине кладки, в том числе и в углах, где имеются специально вырезанные угловые камни (груз. — «сакидури»)[20].

Обработанные таким образом камни были соединены между собой металлическими скобами. Скобы были вставлены в выдолбленные на краях квадров углубления и залиты свинцом. Скобы эти не сохранились: грабители, как видно, вырвали и забрали их, но судя по углублениям, квадры были связаны между собой двумя скобами.

Скрепленные таким образом квадры являются облицовкой постройки; стены же склепа представляют то ли кладку рваного камня на известковом растворе, то ли забутовку пустого пространства, образовавшегося между скалой и облицовкой склепа. Эту деталь удалось проследить на юго-западной стороне, где толщина стены достигает 1 м; в этой части хорошо видны следы квадров верхних рядов до 1,5 м высоты, т. е. на высоте всей сохранившейся части каменной кладки, выложенной на известковом растворе. Возможно, это и есть приблизительная высота стен самого склепа.

Пол погребальной камеры довольно хорошо утрамбован

---

[20] И. А. Джавахишвили, Материалы к истории материальной культуры грузинского народа, I, Строительное искусство в древней Грузии, Тбилиси, 1946, стр. 146 (на груз. яз.).

и состоит из трех слоев: извести, песка и известкового раствора с примесью толченого кирпича или черепицы. Толщина пола равняется 4 см.

Исходя из сохранившейся части сооружения, можно представить план склепа, но для представления всего сооружения, в частности высоты стен склепа, общего вида фасада и, в особенности, перекрытия, нет достаточных оснований.

В склепе оказались: небольшие обломки серебряной и стеклянной посуды, золотые нашивные пуговицы, полудрагоценные камни, золотые оправы к ним и обрывки золотой канители, относящейся к I—III вв. н. э. Таким образом, для выяснения возраста склепа имеются незначительные материалы; помимо этого, строительная техника данного сооружения, в частности применение железных скоб, характерна для первых веков до н. э. В IV—III вв. до н. э. в Багинети и Цицамури железные скобы не употреблялись и были распространены пироны в форме «ласточкина хвоста» (груз. — «уцквети») и то не железные, а деревянные. Именно поэтому железные скобы багинетского склепа следует отнести скорее к первым векам н. э. Как известно, примерно этой эпохой датируются железные скобы багинетского саркофага (150—160 гг. н. э.), гробницы питиахша Берсумы (III в. н. э.) и армазисхевской пятой гробницы (приблизительно II—III вв. (табл. XXXII).

Таким образом, сооружение багинетского склепа можно отнести к I—II вв. н. э.

По поводу склепов типа мавзолея античной эпохи в специальной литературе, как известно, имеются весьма ценные сообщения. К примеру, назовем раскопанную Б. В. Фармаковским в Ольвии, в августе 1906 г. гробницу типа мавзолея — склепа Еврисивия и Ареты[21]. Эту постройку, как это установлено Б. В. Фармаковским и по архитектуре склепа и по обнаруженным в нем предметам, следует отнести к

---

[21] Б. В. Фармаковский, Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии. ИАК, вып. 3, 1902, стр. 1—20.

концу второго или к началу III веков н. э.[22], т. е. склеп сооружен примерно на одно столетие позже багинетского склепа. Планы склепов Ольвии и Багинети сходны во многом: они имеют квадратную в плане камеру для захоронения, переднюю, более продолговатую и узкую часть, соединяющуюся с основной частью склепа посредством еще более узкого проема со ступеньками для входа[23]; помимо этого, стены обоих склепов облицованы почти одинаково выведенными четырехугольными квадрами различного размера: ольвийские — более длинные[24], багинетские же имеют более ровные формы, они короче и шире. Кроме указанного сходства, между этими склепами имеется и значительное различие; так, например, Б. В. Фармаковский отмечает, что «склеп построен в два ряда камней. Только внутренняя сторона постройки сделана из тесаного камня. Наружная сторона, прилегающая к земле, не имеет правильной кладки и состоит из простых неотесаных камней разной величины, скрепленных между собой глиной. Плиты, облицовывающие стены и потолок склепа, пригнаны одна к другой без всякого цемента и, кажется, не имеют никаких скреп»[25].

Если на основе данных Б. В. Фармаковского сравнить ольвийский и багинетский склепы, выясняется, что они очень похожи друг на друга и, в основном, имеют почти одинаковый план; внутренняя часть постройки и в Багинети и в Ольвии облицована хорошо тесаными четырехугольными квадрами; основная часть стен багинетского склепа представляет кладку рваного камня на известковом растворе. В ольвийском склепе такой кладки вовсе нет. Наружная, т. е. прилегающая к земле часть стены, представляет кладку необработанных камней, скрепленных между собой глиной; багинетские квадры были соединены посредством железных

---

[22] Б. В. Фармаковский, Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, стр. 15.

[23] Там же, табл. I.

[24] Там же, стр. 7.

[25] Там же, стр. 8.

скоб, ольвийские же, как это отмечает Б. В. Фармаковский, видимо, вообще не имели скрепов или скоб.

Отмеченная разница убедительно показывает, с каким усердием и мастерством был выстроен багинетский склеп.

Весьма своеобразный склеп типа мавзолея, как уже отмечалось, был обнаружен в июне 1951 г. у мцхетской железнодорожной станции, южнее древнего мцхетского моста, у подножья северного склона Багинетского хребта (табл. XXVII—XXIX, рис. 34).

Мцхетский склеп представляет однокамерную постройку. Он выстроен из больших песчаниковых квадров, из таких же камней выложено и полукруглое сводчатое перекрытие склепа. Внутренняя поверхность стен и полукруглый свод оштукатурены известковым раствором с примесью толченого кирпича или черепицы. Ввиду этого стены имеют красноватый, точнее, розоватый оттенок. Из наружных частей склепа выделяется фасадная (восточная) часть, которая, видимо, долгое время была на виду и именно поэтому обработана она исключительно хорошо. Внутренняя площадь склепа достигает примерно 4,2 м^2 (длина — 2,33 — 2,37 м, а ширина — 1,75—1,80 м). Этот склеп, как и большинство каменных гробниц, ориентирован с запада на восток. Пол его выложен хорошо тесаными камнями. Восточный фасад склепа облицован различного размера квадрами из желтоватого песчаника, гробница стоит на низком одноступенчатом цоколе и завершается фронтоном, имеющим простой и изящно профилированный карниз. Фасад имеет неправильные края, так как боковые стены по направлению фронтона постепенно, ступенчато суживаются. В центре находится дверь с невысоким порогом и четко профилированным обрамлением. Дверь была плотно заложена большой четырехугольной плитой (1,03×0,69×0,20 м) известнякового песчаника (табл. XXVII).

Несмотря на то, что квадры фасада старательно пригнаны друг к другу, строй кладки местами нарушен (обломлены углы, имеются довольно широкие рубцы) и такие места заделаны или замазаны известковым раствором. В кладке

кое-где видны дугообразные швы, соответствующие очертанию свода. Заслуживает также внимания способ укрепления карниза фронтона: с обеих сторон нижний угол и лежащий под тимпаном фронтона квадр вырезаны из одного и того же, т. е. цельного камня, так что эти угловые камни укрепляют центральную часть фронтона с боков[26].

Склеп перекрыт плоской с загнутыми краями и желобчатой черепицей. Черепичное перекрытие значительно выступает от стен склепа. На полукруглом своде черепицы укреплены известковым раствором. За пределами же стен, нужно полагать, черепицы держались на деревянных брусьях.

Вокруг склепа имеется ограда, выложенная рваными камнями на глиняном растворе. С внутренней стороны ограда оштукатурена глиной; высота стен достигает 1,6—2,1 м.

Г. А. Ломтатидзе и И. Н. Цицишвили подробно рассматривают вопрос о том, был ли этот склеп в свое время покрыт землей или же он виднелся над поверхностью земли хотя бы частично? Учитывая параллельный материал, авторы считают бесспорным, что склеп был покрыт землей с трех сторон (с южной, западной и северной) до уровня основания свода или, вернее, до уровня черепичного перекрытия. Земля покрывала также края фасада. На них был оставлен ступенчатый профиль, как видно, с тем расчетом, чтобы они не были бы видны[27].

При решении этого вопроса особое внимание следует уделить перекрытию. По-видимому, эта постройка по форме перекрытия походила на известные в то время жилые помещения знатных лиц или на общественные здания. Можно полагать, что склеп был выстроен еще при жизни его владельца (так же, как склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии) и, следовательно, он не мог быть тут же засыпан землей. Обряд предварительного сооружения гробниц не чужд для Картли. Из одного сообщения Леонти Мровели мы узнаем, что пос-

---

[26] Г. А. Ломтатидзе, И. Н. Цицишвили, Вновь обнаруженный склеп в Мцхета, Сообщения АН ГССР, т. XII, № 10, Тбилиси, 1951, стр. 642.

[27] Там же, стр. 643.

ле обращения царя Мириана, спустя 25 лет умер сын его Рев, которого возвел на престол Мириан еще при своей жизни. И захоронили его в склеп, который выстроил он же сам, Рев[28].

Помимо этого, поскольку склеп мог довольно долго оставаться под открытым небом, видимо, решили перекрыть его черепицей, придать вид наземного сооружения (табл. XXVII—XXIX).

Сам склеп и уцелевший в нем несмотря на ограбление погребальный инвентарь ясно указывают, что мы имеем дело с гробницей довольно высокопоставленного лица. При таком положении вещей следует считать вполне законным выдвинутое авторами статьи предположение о том, что расположенный у мцхетской станции склеп принадлежит представителю правящих кругов[29]. В этом нас убеждает рассмотрение самого склепа и, особенно, обнаруженной в нем небольшой части погребального инвентаря.

Выше нами была выделена группа составленных из каменных плит гробниц — каменные ящики, сложенные из старательно пригнанных тесаных плит с плоским перекрытием, и такие же ящики с двускатным перекрытием; на основании анализа погребального инвентаря мы предположили, что гробницы эти принадлежали правящим кругам Картлийского царства. Такое же заключение было сделано и в отношении саркофагов. С бо́льшей уверенностью то же самое можно сказать относительно склепов типа мавзолея и одновременно попытаться выяснить, какому социальному слою или кругу они принадлежали.

Решению этого вопроса частично способствует то обстоятельство, что в Мцхета имеется большое число составленных из каменных плит гробниц, одновременных с указанными склепами. Большинство из них не отличается богатством по-

---

[28] Леонти Мровели, Обращение Картли Святой Нино. Картлис цховреба, т. I, Тбилиси, 1955, стр. 129.

[29] Г. А. Ломтатидзе, И. Н. Цицишвили, Вновь обнаруженный склеп в Мцхета, Сообщения АН ГССР, т. XII, № 10, Тб., 1951, стр. 647 (на груз. яз.).

гребального инвентаря и сопоставление их со склепами типа мавзолея делает очевидным, что эти последние должны были принадлежать кругу богатейших или высших должностных лиц Картлийского царства. Это предположение станет, на наш взгляд, еще более убедительным, если иметь в виду что показателем богатства является, в первую очередь, характер сооружения: не только грандиозно задуманный план, но также и характерные для государственных зданий, исключительно точно пригнанные друг к другу квадры, специальные железные скобы, концы которых вставлены в углубления, вырезанные в соответствующих квадрах, и залиты свинцом; выложенное с большим усердием перекрытие, а также столь характерное для сооружений государственного и общественного назначения черепичное перекрытие, покрытие внутренних поверхностей стен склепа специально приготовленным розоватым раствором; редкость гробниц этого типа (в Мцхета, как уже было отмечено, найдено всего два-три таких погребения); сооружение склепа на видном месте и общий характер погребального инвентаря, что, конечно, является непосредственным показателем богатства погребенного в нем представителя картлийской знати.

Все это дает достаточное, на наш взгляд, основание считать склепы типа мавзолея погребальным сооружением богатейших и высших должностных лиц Картлийского царства. Это положение поддерживается и тем обстоятельством, что багинетский склеп обнаружен на территории акрополя бывшей столицы, т. е. там, где должна была быть царская резиденция и где, по мнению С. Н. Джанашиа, следовало предполагать наличие царских погребений. Аналогичную картину наблюдаем и в других периферийных центрах Римской империи. Выше, при сравнительном обзоре багинетского и ольвийского склепов, мы отмечали, что склеп Еврисивия и Ареты связан с именами исторических лиц, социальное положение которых известно: Еврисивий и Арета принадлежали к старинному, богатому и знатному роду[30]. И для таких

[30] Б. В. Фармаковский, Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, ИАК, вып. 3, 1902, стр. 18.

знатных людей сооружение склепов типа мавзолея при жизни и притом за короткий срок считалось почетным[31].

Б. В. Фармаковский установил, что сооружения такого назначения строились более добротно и были лучше оформлены в художественном отношении, чем дома для живых[32]. То же самое положение наблюдается и в Мцхета, где, естественно, жилые дома неимущих слоев населения тем более не могли сравниться с погребальными сооружениями представителей знати.

Как известно, и В. В. Латышев считает Еврисивия и Арету знатными и богатыми лицами. Он полагал, что «срок в 17 дней для такого сооружения, каким является описанный Фармаковским великолепный склеп, нельзя не признать весьма коротким и потому требовавшим значительного количества рабочих рук и большой затраты денежных средств»[33].

Следовательно, как в Ольвии так и в Мцхета склепы типа мавзолея, по всей вероятности, сооружались для захоронения покойников из знатных кругов, включая и представителей царского двора.

Погребальные сооружения знатных лиц Мцхета находят аналогии не только в Северном Причерноморье. Проф. Г. Капанцян полагал, что найденным в Армази гробницам грузинских властелинов, их огромным размерам, может быть, и формам погребения вторит описание могил армянских царей в городе Ани на Евфрате[34]. Г. Капанцян имел в виду то место из «Истории Армении» Фавстоса Бузанда, где рассказывается о необычайных размерах неимоверно крепкого и искусного сооружения гробницы Санатруки[35]. Правда, указанное сообщение не является описанием гробниц армянских царей, и, следовательно, трудно согласиться с Г. Капанця-

---

[31] Б. В. Фармаковский, Указ. соч., стр. 18.

[32] Там же, стр. 20.

[33] В. В. Латышев Надписи, найденные в 1901 г., ИАК, в. 3, 1902, стр. 56.

[34] Г. Капанцян, Историко-лингвистические работы, Ер., 1957, стр. 107—109.

[35] История Армении Фавстоса Бузанда, Ер., 1951, стр. 112.

ном в вопросе об однородности армазских и аниийских царских гробниц. Однако в данном случае немаловажно и то обстоятельство, что автор считает возможным приравнять погребения армазисхевских питиахшей к царским погребениям г. Ани.

Таким образом выясняется, что для захоронения покойников из правящих, знатных или богатых кругов Картлийского царства в древней столице строились склепы типа мавзолея, высекались гробницы из цельного камня, т. е. саркофаги и сооружались гробницы, составленные из каменных плит. В этих гробницах вместе с покойником хоронились и подобающие его положению богатства, разнообразный погребальный инвентарь (табл. XXVII—LI; рис. 34—42).

На основании изучения погребальных сооружений и обнаруженного в них погребального инвентаря нетрудно представить себе картину социальной и имущественной дифференциации горожан и на этом фоне положение высших правящих кругов Картлийского царства. Для более полной характеристики указанного социального круга следует рассмотреть и погребальный инвентарь некоторых типичных, на наш взгляд, погребений, т. е. познакомиться с погребальным инвентарем тех гробниц, в которых, нужно полагать, покоились члены царской семьи, питиахши, члены семейств питиахшей или равные с питиахшами должностные лица царского двора, что со своей стороны дает возможность для сравнительного анализа погребального инвентаря представителей других социальных слоев. Все это окажет нам услугу для выяснения общей картины социальной дифференциации населения Мцхета столичного периода и всего Картлийского царства.

Для характеристики погребений высших правящих кругов и членов их семейств нам представляется возможным использовать материалы багинетского склепа, найденного в 1951 году у мцхетской железнодорожной станции, армазисхевских гробниц Аспаруга и Берсумы, армазисхевских сар-

кофагов (№ 6, 7), второй и девятой гробниц Армазисхеви и т. д. Из них типичными для питиахшей гробницами нужно считать: для членов семейств питиахшей и семейств равных с ними должностных лиц — а) т. н. погребение питиахша Аспаруга и б) погребение питиахша Берсумы, армазисхевские гробницы №№ 2, 6, 7 и 9.

Отдельную группу составляют т. н. богатые гробницы конца III и первой половины IV вв. н. э., являвшиеся своего рода памятниками переходного периода, т. е. характерными скорее для эпохи зарождения феодальных отношений в Грузии. Таковы обнаруженные в 1941 г. в Армазисхеви 13-ое, 18-ое, 19-ое погребения, найденные в 1944-46 гг. погребения №№ 40 и 43, 12-ое погребение Самтаврского могильника и т. д.

Ввиду того, что в первом томе трудов Мцхетской археологической экспедиции[36] наряду с другими подробно рассмотрен погребальный инвентарь вышеперечисленных погребений, здесь нами будет дана только общая их характеристика.

Для захоронения, как полагают, питиахша Аспаруга, также выстроен склеп; это—двухкамерное сооружение из рваного камня на известковом растворе. Передняя — западная часть —представляет небольшую камеру (18 м²), к востоку от которой находится основная часть склепа — большая (38 м²) квадратная в плане камера для погребения. В северо-западном углу погребальной камеры помещалась составленная из каменных плит гробница, перекрытая четырьмя большими каменными плитами, находящимися на глубине 80 см от поверхности земли, т. е. погребальный ящик был опущен в землю и довольно глубоко, так что фундамент надмогильного сооружения начинался на уровне перекрытия первой гробницы, надмогильное сооружение находилось над поверхностью земли.

План армазисхевского надмогильного сооружения дает основание сравнить его с багинетским и ольвийским склепами типа мавзолея. Все три сооружения имеют одинаковую и,

---

[36] Мцхета I, Тбилиси, 1958.

как видно, характерную для II—III вв. форму, но отличаются друг от друга по расположению погребальных камер; так, например, погребальная камера армазисхевского склепа расположена к востоку от передней камеры; у багинетского склепа — к юго-западу, а у ольвийского — к западу от маленькой камеры. Помимо этого, в резиденции питиахшей склеп был выстроен над каменными ящиками, составленными из каменных плит; в обнаруженном у мцхетской железнодорожной станции склепе предполагается наличие деревянного гроба или ложа. То же самое следует предполагать и в случаях багинетского и, наконец, ольвийского склепов. Для объяснения довольно резкой разницы между указанными погребальными сооружениями определенное значение могут иметь два обстоятельства: а) время сооружения гробниц и склепов, т. е. если армазисхевский склеп выстроен после сооружения второй гробницы, то его нужно считать сооруженным после 60-х годов III в. н. э., а склепы Багинети и Мцхета следует отнести к середине II в.; как известно, и склеп Еврисивия и Ареты датируется концом II и началом III вв. н. э.; б) социальное положение погребенного, т. е. следует учесть, что несмотря на большую знатность питиахшей, они не приравнивались к верховным правящим лицам и в отношении погребального обряда. Гробницы питиахшей большей частью опущены глубоко и покрыты землей, погребальные сооружения более высоких должностных лиц являются гробницами-склепами типа мазволея, в них останки покоятся или на специально украшенном и окованном ложе или же в деревянном гробу.

Если согласиться с вышеуказанными соображениями, тогда, быть может, мцхетские склепы типа мавзолея следует отнести к группе царских погребений: это в первую очередь, видимо, можно сказать относительно Багинетского склепа и Мцхетского мавзолея.

Само первое погребение, как отмечалось, выстроено из 13 хорошо тесаных больших каменных плит, четыре из которых служат полом, из четырех плит составлено плоское перекрытие, из двух связанных между собой железными скоба-

ми каменных плит собрана северная стена гробницы, а южная, западная и восточная стены состоят каждая из одной каменной плиты. Помимо этих 13 плит, на полу гробницы оказалась еще одна большая плита, но она, так сказать, не участвует непосредственно в составлении гробницы. Под нее были подложены два обломка и таким образом указанная большая плита несколько возвышалась над каменным полом. На этой плите находилась большая часть найденных в первой гробнице предметов (табл. XXXIII, 1).

В гробнице почти не сохранилось более или менее целых фрагментов костяка. Однако судя по обнаруженным у западной стены осколкам черепа, покойник лежал в гробнице головой на запад и, надо полагать, в вытянутом на спине положении[37].

Из внешнего описания указанной гробницы следует, что она принадлежит к группе составленных из каменных плит гробниц, но не является типичной для этой группы, поскольку она составлена из специально отобранных, отесаных плит и имеет более крупные размеры по сравнению с другими каменными ящиками.

В гробнице оказались предметы, без сомнения, принадлежащие высшему правящему лицу царства. Таковыми, на наш взгляд, являются: золотой питиахшский перстень с овальной вставкой из сердолика, на котором вырезан профиль питиахша и вокруг его изображения имеется негативная греческая надпись, на отпечатке которой читается: ΑΣΠΑΥ-ΡΟΥΚΙΣ ΠΙΤΙΑΞΗΣ — Аспаруг питиахш[38].

Как уже неоднократно отмечалось, этот перстень представлял собой эриставскую печать и являлся, видимо, вещественным знаком власти[39] — инсигнией; следовательно, перстень Аспаруга является самым важным предметом в первой гробнице Армазисхеви. Инсигниями являются укра-

---

[37] Мцхета I, стр. 22—23.

[38] См. подробно: Мцхета I, стр. 23—25; там же дана литература по поводу надписи, высеченной на вставке этого перстня. О надписи см. ниже, в главе „Эпиграфические памятники".

[39] Мцхета I, стр.24.

шения и золотые части питиахшского (эриставского) пояса, среди них: большая массивная золотая пряжка; язычок от пояса, представляющий усеянную камнями и золотыми украшениями плоскую «коробку» продолговато-прямоугольной формы; и 8 блях, усыпанных драгоценными каменьями и золотыми украшениями, семь из них имеют круглую форму, одна же —прямоугольную; среди остальных выделяются две прямоугольные бляхи — одна имеющимися на ней украшениями, а вторая высеченным на ней парным изображением с надписью. ZEYAXHC ZOH MOY КАРПАК — Джавах, жизнь моя — Карпак. С. Н. Джанашиа предполагал, что Джавах и Карпак могли быть родителями Аспаруга[40]. В настоящее время это предположение широко распространено и его разделяют многие[41].

Впервые эту надпись опубликовал С. Г. Каухчишвили[42], затем Г. В. Церетели[43], H. S. Nyberg,[44] B. M. Metzger[45], Т. С. Каухчишвили[46] и др. В 1955 г. вместе с археологическими памятниками Армазисхеви в «Мцхета I»[47] была опубликована и эта надпись (она опубликована также и в русском издании «Мцхета I» в 1958 году).

Несмотря на то, что содержание надписи не вызывает

---

[40] С. Н. Джанашиа, Мцхета—древняя столица Грузии. Доклад, сделанный на I сессии АН ГССР 9 марта 1941 г.

[41] Мцхета I, стр. 25.

[42] С. Г. Каухчишвили, Греческие надписи, обнаруженные в Армази, Вестник АН ГССР, т. II, № 1—2, Тбилиси, 1941, стр. 169—170, (на груз. яз.).

[43] Г. В. Церетели, Армазская билингва, 1941, Г. В. Церетели, Армазская билингва, Вестник ИЯИМК, т. XIII, Тб., 1943, стр. 34 (на груз. яз.).

[44] Nyberg H. S. Quelques inscriptiones antiques découvertes récemment en Georgies. Eranos, Acta philologica suecana. XLIV, 1946, p. 231

[45] Bruce M. Metzger, A Greek and Aramaic inscription discoverid at Armazi in Georgia. Journal of Near Eastern studies; vol. XV, 1956, p. 18.

[46] Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи в Грузии, Тб., 1951, стр. 260—261 (на груз. яз.).

[47] См. Мцхета I, стр. 25 (на груз. яз.).

никаких разногласий, последовательность слов в переводах неодинакова. Так, например, в трудах С. Г. Каухчишвили, Г. В. Церетели и Т. С. Каухчишвили опубликован следующий перевод: Карпак, Зевах, жизнь моя. Мы предпочли следующую последовательность: Джавах, жизнь моя — Карпак[48].

Отдавая предпочтение той или другой последовательности, следует иметь в виду что рассматриваемая портретная пара и надпись вокруг неё высечены на камне большой бляхи эриставского пояса. На этом украшении, вернее, на большом камне украшения, с правой стороны изображён молодой человек, с левой же стороны — женщина — друг против друга. Под изображением мужчины начинается позитивная надпись, направляемая в противоположное часовой стрелке направление, и обводит изображение снизу вверх. На этом отрезке, читается: «Джавах, жизнь моя». Здесь к ней присоединяется часть второй надписи, начинающаяся у нижнего края портретной пары, почти в центре и представляющая направленную по движению часовой стрелки негативную надпись: КАР ПАК — Карпак.

Итак, надпись не читается связно, беспрерывно: она разбита на две части таким образом, что если её прочесть на камне бляхи (а не на отпечатке, как это делают иногда), она является позитивной, т. е. читается вверх и слева направо, вторая же часть надписи — негативная, т. е. читается справа налево. Такая картина, по нашему мнению, даёт основание отдать предпочтение последовательности: Джавах, жизнь моя — Карпак.

Кроме этого, следует учесть, что Ζοή μου — жизнь моя — является продолжением Ζευάχης — Джавах, т. е. это выражение относится к Джавах[49] и в таком случае также вполне естественно вслед за Ζευάχης прочесть то, что касается его. и именно поэтому непосредственно следует за ним (Ζοή μου), а не то, что не следует за ним и что, наоборот, написано в противоположном направлении, т. е. Καρπακ — Карпак,

[48] Мцхета I, Тб., 1958, стр. 28—30, рис. 6.
[49] Т.С.Каухчишвили, Указ. работа, стр. 260.

Предложенная нами последовательность более приемлема и в том случае, если допустить, что это изображение в своё время могло быть личной печатью Карпака[50].

Нам кажется, что опубликованная ранее последовательность — Карпак, Джавах — жизнь моя — могла иметь преимущество при условии, что камень этот принадлежал портретной паре или родителям одного из них. В таком случае Аспаруга следовало признать отцом Джаваха и полагать, что на бляхе отцовского пояса изображены сын и невестка с соответственной надписью. При таком положении надо полагать, что Аспаруг мог быть скорее отцом Джаваха, чем отцом Карпак, хотя бы потому, что имя Джавах является местным, грузинским, неоднократно зафиксированным в эпиграфических памятниках Мцхета; Карпак же, как это отмечает Ниберг[51], правда, первый раз встречается в этой надписи, но является именем иранского происхождения, к тому же на питиахшском поясе скорее можно ожидать изображение сына питиахша и невестки, чем дочери и зятя.

Последнее предположение нам кажется важным помимо того или другого варианта перевода надписи, ибо если ранее было высказано предположение о том, что Карпак и Джавах могли быть родителями Аспаруга[52], сейчас нами допускается и другое предположение: возможно, что Аспаруг был отцом Джаваха.

Г. В. Церетели считает допустимым идентифицировать этого Джаваха с Джавахом билингвы — с отцом Серафиты[53], но отождествлять его с Джавахом, упомянутым в первой надписи, по его мнению, совершенно невозможно, ибо они хронологически отделены друг от друга почти на целое столетие[54].

---

[50] Ср. Т. С. Каухчишвили, Указ. раб, стр. 260.

[51] H.S. Nyberg, Указ. работа, стр.231; ср. Т.С.Каухчишвили, стр. 260

[52] Ср. С. Джанашиа, Древние исторические памятники Грузии, газ. „Комунисти", 1940, I.VI; Мцхета I, стр. 25, Т.Каухчишвили, стр. 261.

[53] Г. Церетели, Армазская билингва, Тб., 1943, стр. 34.

[54] Там же, стр. 34.

Погребение, в котором найдена указанная бляха с надписью, принадлежит к середине или ко второй половине II в. н. э.[55], а билингву, в которой упоминается отец Серафиты — Джавах, следует отнести к концу II в., вернее, ко второй половине II в[56]. Таким образом, билингва и гемма с изображением Джаваха и Карпак оказываются синхронными, чем и подтверждается предположение Г. В. Церетели о том, что указанный в билингве Зевах может быть идентичным с Джагахом, изображённым на нашей гемме. В таком случае можно полагать, что упомянутый в высеченной на гемме надписи Джавах и есть питиахш царя Фарсмана, т. е. Джавах младший. Итак, получается, что на гемме напротив Карпак изображён Джавах младший.

Как отмечалось, имеется предположение о родственной связи между упомянутым в высеченной на гемме надписи Джавахом и Аспаругом. Теперь это предположение естественно следует распространить и на отношения Джаваха Младшего и Аспаруга, тоже связанных с царской линией, т. е. если принять наше предположение, то получится, что сын Аспаруга—Джавах младший был питиахшем царя Фарсмана.

Предложенная нами последовательность, как это показывают археологические материалы, не является неожиданной. Выше мы подчёркивали, что серединой или второй половиной II в. н. э. датируется погребение № 1; из этого конечно, вовсе не следует, что гемма с рассмотренной надписью также относится именно к этому времени: можно полагать, что последняя может быть и более ранней, как и сам перстень Аспаруга; возможно, что эти два предмета вовсе не являются одновременными. Во всяком случае, мы полагаем, что эриставский перстень Аспаруга может быть более ранним, чем гемма с надписью Джаваха и Карпак.

Мы полагаем, что эриставский перстень Аспаруга принадлежит ко второй половине I в. н. э., т. е. ко времени, ко-

---

[55] Мцхета I, стр. 45.

[56] Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 14.

торым датируют одноязыковую надпись Армазисхеви[57]. Следовательно, естественно допустить идентичность Аспаруга, упомянутого в надписи на камне эриставского перстня, найденного в первой гробнице, и Аспаруга, упомянутого в одноязычной надписи[58]. Таким образом, получилось бы, что в одноязычной надписи упомянут отец Джаваха Младшего — эристав царя Фарсмана — Аспаруг эристави, т. е. тот Аспаруг, имя которого до сих пор связывалось с первым погребением. В таком случае, мы бы нашли ещё один аргумент в пользу наследственного характера эриставства — сын эристава Аспаруга (Джавах младший) является также эриставом царя Фарсмана. Здесь нет никакого несоответствия, в том числе и хронологического. Но остаётся вопрос о первой гробнице Армазисхеви, вернее, вопрос о том, кому она должна принадлежать или может ли она принадлежать Аспаругу эристави? Вполне возможно, что первая гробница Армазисхеви не является погребением Аспаруга эристави и нам кажется более убедительным считать её гробницей Джаваха младшего. В таком случае наличие отцовского (эриставского) перстня в гробнице Джаваха младшего вовсе не должно быть неожиданным, поскольку аналогичные случаи мы наблюдаем в самой же Мцхета. Так, например, в багинетском саркофаге найдена ложка с надписью ц а р с к а я, но сам саркофаг мы считаем погребением царевны. Заслуживает внимания обнаруженный в 6-ом саркофаге Армазисхеви перстень, на камне которого высечена надпись: Ζευάχης — Д ж а в а х. Это погребение относится к концу II в. и не исключено, что оно принадлежит одному из сыновей или дочерей Джаваха младшего. В таком случае и здесь имя отца высечено на перстне, оказавшемся в погребении сына или дочери. Следует тут же указать на имеющееся предположение, согласно которому дочери Джаваха младшего — Серафите

---

[57] Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 14.

[58] Что в одноязычной надписи упомянут Аспаруг, давно отмечено и опубликовано Г.В. Церетели в труде: Эпиграфические находки в Мцхета— древней столице Грузии. ВДИ, 1948, №2, стр. 52.

— может принадлежать 7-ое погребение Армазисхеви[59]. Но не исключена возможность, что погребением Серафиты является 6-ой саркофаг. Как отмечалось, из всех безымянных гробниц эриставской усыпальницы, которые можно причислить по устройству и инвентарю к погребениям знатных женщин, два саркофага являются самыми подходящими для «бесподобно красивой» Серафиты — дочери эристава и супруги двороуправителя и военачальника. Литологическое сходство камней шестого и седьмого погребения с камнем, использованным для стелы армазской билингвы, как будто тоже служит одним из аргументов в пользу этого предположения. Но самым важным является то, что оба эти саркофага датируются тем же временем — II в. н. э. — что и билингва. Правда, на той же странице авторы склонны считать погребением Серафиты скорее 7-ой саркофаг, однако, как уже отмечалось, не исключена возможность того, что Серафите принадлежала 6-ая гробница.

В настоящее время для нас всё же важно то, что в 6 гробнице обнаружен перстень с надписью: Ζηυάχης—Джавах.[60]

Высказанное в «Мцхета I» предположение о принадлежности Серафите 7-ой гробницы подразумевает, что исключается её принадлежность Джаваху; отмечается также, что носить перстень с именем «Джавах» подобало скорее супруге Джаваха, чем его дочери, т. е. авторам не показалось невозможным нахождение перстня с надписью «Джавах» в гробнице, не принадлежащей Джаваху. Следовательно, в наличии перстня эристава Аспаруга и бляхи с изображениями Джаваха и Карпак в гробнице наследника Аспаруга и, возможно, старшего его сына — Джаваха младшего — нет ничего неожиданного.

Конечно, при интерпретации этой надписи возникает много вопросов, но сейчас мы не имеем возможности подробно останавливаться на них. Для нашей цели в настоящее время особенно важны наблюдения, о которых шла речь вы-

---

[59] Мцхета I, стр. 112.

[60] Там же, стр. 79.

ше и на основании которых интерпретация этой короткой надписи приобретает немаловажное историческое содержание.

Предположение о том, что Джавах младший, вероятно, является сыном Аспаруга, дает некоторые указания относительно родителей последнего; надо полагать, что сам Аспаруг, возможно, был сыном упомянутого в одноязычной надписи Джаваха владыки. В таком случае получается, что отец и сын Аспаруга носили одно и то же имя — Джавах; т. е. в последней четверти I в. н. э. в Иберии был питиахш Аспаруг — сын Джаваха владыки, а во второй половине II в. был питиахш Джавах младший, сын питиахша Аспаруга, т. е. внук Джаваха владыки и, нужно предположить, поэтому названный Джавахом младшим.

Возможно, что потомком Джаваха младшего был упомянутый у Аммиана Марцеллина Аспаруг, хотя не следует допускать непосредственную их последовательность.

Одноязычная надпись указывает, что Джавах Владыка имел и другого сына. тоже питиахша; это был Шарагас, сын Джаваха владыки, питиахш царя Митридата. Таким образом получается, что племянником Шарагаса был Джавах Младший, следовательно, внучкой Аспаруга являлась Серафита. Так переплетаются родственные связи при царском дворе Картли.

Нам кажется, что против вышесказанного мало что говорит смешение омеги и омикрона, что не могло иметь место до II в. н. э. Даже в таком случае, эта надпись, выполненная в начале II в., могла позже попасть в гробницу. Таким образом, характерные для II в. языковые явления также не противоречат предложенной нами схеме взаимоотношения Аспаруга — Джаваха. Морфологический признак, а именно смешение окончания ος с окончанием ης, как это следует из вышесказанного, не мешает нам отнести перстень Аспаруга ко второй половине I века.

Среди многочисленных предметов, найденных в первой гробнице, вещественными знаками власти эриставов приня-

то считать золотую диадему и кинжал. Диадема состоит из двух основных блях украшенных разноцветными камнями, гладкой пряжки и цепочки[61].

От железного кинжала остались одни лишь обломки, но заслуживает внимания выкованная из довольно толстого золотого листа обкладка кинжала, украшенная разноцветными вставками различной формы. К кончику обкладки припаяно овальное гнездо, в которое вставлен медальон из перегородчатой серовато-голубой, видимо, выцветшей эмали. В центре медальона, в огражденном тонкой золотой перегородкой овале весьма схематично изображён правый профиль головы бычка, украшенной с двух сторон составленным из перегородок и тончайших пластинок орнаментом[62].

К этой же группе можно отнести ожерелье, состоящее из пяти круглых шаровидных полых бусинок и семи подвесок, каждая из которых снабжена ушком и язычком. У указанных шаровидных полых бус имеются близкие параллели опять-таки в Грузии в виде полых, украшенных полудрагоценными цветными камнями бус, найденных в VIII триалетском кургане, и головок серебряных застежек, обнаруженных в XXXVI кургане[63], показывающих глубокие корни и длительную местную традицию изготовления подобных предметов полихромного златокузнечества.

Нам кажется, что даже перечисленная группа ясно указывает на особое положение эристава в Иберийском царстве II века, его государственную власть. Однако эта сторона не могла не оттенить в погребальном инвентаре питиахшей весьма видное имущественное состояние последних.

Какова в этом отношении картина, наблюдаемая в первой гробнице? Если даже не принимать во внимание перечисленные выше предметы, показателем богатства питиахшей могут служить предметы, не являющиеся вещественны-

---

[61] М ц х е т а I, стр. 29—30, рис. 10, табл. 1,7.

[62] М ц х е т а I, стр. 28, рис. 9, табл.1.

[63] Б.А.К у ф т и н, Археологические раскопки в Триалети, Тб., 1941, рис. 97.

ми знаками власти и, следовательно, указывающие на их богатство; таковы, например, золотые браслеты из крупной массивной проволоки; золотые нашивные пуговки; драгоценная накидка, украшенная нашивными пуговками разной формы и золотой канителью; золотые и серебряные монеты, серебряные чаши, серебряные сосуды для вина, серебряные обкладки от фигурных ножек погребального ложа, украшенные разнообразными изображениями, и много других предметов[64]. Даже краткий перечень найденных в I гробнице предметов, по нашему мнению, достаточно ясно свидетельствует о весьма знатном положении погребенного в первой гробнице питиахша (табл. XXXIV, XXXVII).

Однако не следует считать сказанное характерным лишь только для одного из питиахшей, похороненного в первой гробнице.

Чтобы убедиться в этом, необходимо хотя бы вкратце ознакомиться с погребальным инвентарём гробниц других питиахшей. Здесь мы рассмотрим погребальный инвентарь питиахша Берсумы, ибо в данном случае имеется письменное указание относительно того, кому принадлежали в действительности указанная гробница и, надо полагать, находящийся в ней инвентарь. Одновременно следует иметь в виду, что перед нами весьма своеобразный случай «вторичного захоронения». В гробнице Берсумы обнаружен железный кинжал[65] с золотой, украшенной красными альмандиновыми вставками разной формы рукояткой, на которой имеется 77 альмандиновых вставок, а также 5 бирюзовых пластинок[66]; золотой перстень, на тёмной вставке которого изображен правый профиль мужчины и вырезано, как полагают, имя резчика: πλάτων; 25 золотых пластинок от погребального венка: золотые серьги, золотые подвески, цветные нашивные

[64] Мцхета I, стр. 23—40.

[65] Мцхета I, стр. 48, табл. III.

[66] Там же, рис. 24; М. Лордкипанидзе, Произведение Платона—резчика III в.н.э. Вестник Музея Грузии, т. XVIII-В, Тб., 1953, стр. 243—250; М. Лордкипанидзе, Геммы государственного музея Грузии, II, Тб., 1958, стр. 52.

пуговки разной величины, обрывки золотой канители; золотые и серебряные монеты; украшенное каймой и медальоном большое серебряное блюдо, на поддоне которого выведена надпись владельца блюда — питиахша Берсумы: Ἐχὼ Βασιλεὺς φ—λ Δάδης ἐχαρισάμην βερσουμᾶ πιτιάξη «Я, царь Ф-л Дадес подарил питиахшу Берсуме»[67]; серебряные чаши, на которых выгравированы изображения коней перед жертвенником; серебряная чаша с позолоченным изображением орла; серебряные обкладки фигурных ножек погребального ложа и т. д[68].

Даже перечисленные выше предметы с очевидностью указывают, что несмотря на «вторичность захоронения» в гробнице Берсумы всё же имеется характерный для питиахша инвентарь.

Итак, инвентарь погребения двух и то не одновременно живших питиахшей создает в общих чертах, примерно, одинаковую картину имущественного состояния питиахшей Иберии. Имеющийся в нашем распоряжении археологический материал дает возможность судить об имущественном положении указанного круга и по инвентарю, обнаруженному в гробницах, принадлежащих членам семейств питиахшей; примером может служить шестая гробница усыпальницы питиахшей. Выше мы отмечали, что найденные у устья Армазисхеви две гробницы — саркофага (№ 6,7) должны принадлежать женщинам, т. е. в данном случае для иллюстрации интересующего нас вопроса будет использован погребальный инвентарь, обнаруженный в женских погребениях. Из богатых погребений Мцхета наибольшим количеством предметов выделяется шестой саркофаг. Среди золотых и серебряных предметов, обнаруженных в этой гробнице, выделяются: золо-

---

[67] Мцхета I, стр. 53; С. Г. Каухчишвили, Греческие надписи, обнаруженные в Армази, Тб., 1941, стр. 170—171 (на груз.яз.); Т.С.Каухчишвили, Греческие надписи в Грузии, Тб., 1951, стр. 264—265 (на груз. яз.); Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета—древней столице Грузии, ВДИ, №2, М., 1948, 50.

[68] Мцхета I, стр. 48—59.

тое ажурное ожерелье с круглой коробочкой в центре, усыпанной разноцветными миндалевидными драгоценными камнями, кончики которых обращены к центру коробочки; украшенная многочисленными цветными камнями и золотой зернью поверхность крышки представляет высокохудожественное с характерной полихромией изделие. Стенки коробочки поражают сотканной из тонкой золотой проволки вязью. Такой же ажурностью отличаются и остальные части ожерелья — правая и левая большие дуги и дужки, украшенные красными конусообразно заостренными альмандинами,—нижняя же их часть припаяна сверху к золотой пластинке с гладкой поверхностью; золотая диадема, состоящая из 18 более или менее овальных, связанных между собой гнездышек, в каждое из которых вставлен крупный альмандин с гладкой золотой поверхностью. Пара золотых браслетов, состоящих из двух частей: одна (меньшая) представляет открывающуюся дугу браслета и снабжена специальной застежкой. Один из указанных браслетов снаружи имеет довольно резко граненую поверхность, браслеты украшены двумя камнями. От указанных резко отличается вторая пара браслетов, имеющих круглое сечение и гладкую без украшений поверхность. Два браслета от предплечий — дутые, имеющие гладкую поверхность, сечение в общем круглое, но внутренняя часть уплощена, на каждом из них имеется по одному гнёздышку; судя по большим размерам, они надевались на предплечья. Диаметр их достигает 9,5 см, в то время как диаметр найденных в том же погребении браслетов равняется 6 см. Пара золотых ножных колец, дутых, сделанных из пластинок, имеющих специальную застёжку, сечение шестиугольное; девять золотых перстней различной формы и различных размеров, украшенных полудрагоценными и в некоторых случаях резными камнями. Особенно выделяются маленькие перстни из дутой проволоки с сильно гранёной поверхностью. В один из указанных перстней вставлен алмаз (?), на камне одного из этих маленьких перстней вырезана

надпись Ζηυάχης Джавах[69]; три пары золотых почти однообразной формы серег, украшенных камнями и витыми, покрытыми зернью фигурками. Разнообразные золотые предметы: золотая круглая пластинка с приподнятыми краями и сетчатым дном; золотой медальон с тонкими перегородками, поверхность которого усеяна красными альмандиновыми пластинками и бирюзовидным веществом; золотая подвеска с изображением «кабана», три золотых амулетных футлярчика, имеющих форму цилиндра с напаянными на каждой коробке ушками. В одной из коробочек обнаружены пластинки с выцарапанными арамейскими буквами, как полагает Г. В. Церетели, магическим текстом заклинания[70] (таблица XXXIX).

Одно лишь количество перечисленных предметов указывает на значительное богатство погребённой. Для ясности необходимо отметить, что в 6-ой гробнице было найдено большое количество памятников торевтики, а именно: серебряная чаша с серебряными же медальоном горельефом, изображающим молодую женщину по пояс. В левой руке она держит большой, по всей вероятности кавказского горного козла рог, из устья которого свешиваются виноградные гроздья, яблоки, хлебные колосья и др. Изображение напоминает богиню — Фортуну с «рогом изобилия» в левой руке. Накидка, падающая с правого плеча молодой особы, часть козьей шкуры, рог, лента на лбу девушки и ее грудь позолочены. Горельеф отлит по восковой модели и затем тщательно и аккуратно обработан и отполирован; серебряная чаша, с круглым медальоном-бюстом, изображающим мужчину; два серебряных сосуда для вина, точно такие, как найденные в первой гробнице; серебряная патера, стенки которой украшены изображениями павлинов, ручка патеры напаяна на стенки при помощи толстой серебряной пластинки, имеющей очертания виноградного листа, состоит из четырёх частей и завершается изображением бараньей головки; серебряный канделябр, состоящий из множества частей; серебряные обкладки от

[69] Мцхета I, Тб., 1958, стр. 79.
[70] Мцхета I, стр. 73.

разных ножек погребального ложа (четыре — больших и четыре—маленьких); серебряные удила, бронзовые шпоры и пряжки от ремней; агатовая тарелочка, стеклянные сосуды и т. д. (табл. XLII—XLIV).

Кроме этого, в погребении оказалось большое количество мелких предметов, перечень и описание которых не является нашей целью[71].

Таким образом, вскрытое в 1940 г. на территории одного из убани древней столицы — Сапитнахшо шестое погребение вполне наглядно показывает имущественное состояние круга погребённых и ясно указывает, что в этом случае мы также имеем дело со средой высших должностных лиц Картлийского царства. Вывод этот остается в силе, несмотря на предположение, согласно которому в этом саркофаге мог быть захоронен не только один покойник и, следовательно, имеющийся в нем погребальный инвентарь мог принадлежать, возможно, двум лицам. Даже в таком случае необычайное богатство погребённых остаётся бесспорным фактом.

Однако посмотрим, какая картина создается на материале тех погребений, в которых захоронение одного лишь покойника не вызывает никаких сомнений. Такой является седьмая гробница фамильной усыпальницы эриставов Армазисхеви. В этом погребении, как известно, оказались блестящие образцы златокузнечества античной эпохи; золотое ожерелье, состоящее из трёх частей и известное под названием «ожерелья с головкой барана», центральная часть которого представляет золотую круглую коробочку с гладким дном. Верхняя и боковые стенки коробочки великолепно обработаны и украшены. В гнездо, имеющееся в центре коробочки, вставлена искусно вырезанная из аметиста и тщательно отполированная голова барана с загнутыми и ребристыми рогами, изображение, создающее общий колорит поверхности указанной коробочки и делающее ожерелье несравненным украшением. Вторая часть ожерелья представляет весьма сложную и сплетённую с большим мастерством цепочку, на

---

[71] Мцхета I, стр. 82.

которой висит золотая с каменьями коробочка. Третья часть — золотой флакончик, подвешенный к ожерелью посредством несколько иной цепочки. Флакончик имеет очень красивую форму, украшен аккуратно вырезанными и хорошо отполированными 38 альмандиновыми вставками и одной конической бирюзой, придающими флакончику изящный вид. Среди известного нам погребального имущества мы не имеем ожерелья, сделанного столь искусно, несмотря на то, что аналоги отдельных его частей хорошо известны. Золотые застёжки от накидки — крючок и ушко. Каждая из них напоминает стилизованную птицу с раскрытыми крыльями. В гнезда, напаянные на поверхности флакончика, вставлены альмандины и бирюза, а пространство между ними покрыто золотой зернью. Края застежки окаймлены то ли проволокой с легкой насечкой, то ли более крупной зернью. Золотая диадема из 23 связанных между собой и имеющих почти одинаковые очертания овальных гнезд с гладкими альмандиновыми вставками. Небольшой блюдцеобразный предмет, дном которого служит хорошо отполированный агат, загнутые же его края (фактически, рамка для агата) представлены золотой пластинчатой полоской, поверхность которой украшена альмандинами; пластинчатая полоска покрывает края дна агата треугольными зубчиками. Этот предмет считается частью головного украшения, видимо, дочери питиахша. Пара серег типа найденных в шестом погребении; пара золотых браслетов, состоящих из двух частей с граненой сложной поверхностью и с напаянным в центре основной дуги гнездом с выпуклой альмандиновой вставкой. Шесть небольших золотых перстней; в один из них вставлен аметист, на котором изображена сцена гибели Актеона; в другой перстень вставлена камея, изображающая женское лицо. Золотые розетки для украшения накидки, в центр каждой розетки вставлен конусовидный альмандин. Розеток всего 111 штук. Многочисленные золотые нашивные пуговки, разнообразные подвески и серебряные монеты, обрывки золотой канители и др. (табл. XL).

Кроме этого, в погребении обнаружены: серебряная чаша, стенки которой украшены изображениями виноградных лоз и гранатовых плодов; два серебряных кувшинчика и много других мелких вещей[72] (табл. XLVI).

Таким образом, обнаруженные в седьмой гробнице предметы бесспорно указывают, что в этой гробнице покоилась знатная женщина — ещё одна представительница семейного круга эриставов, личность которой пока что остается неизвестной. Однако среди сотрудников экспедиции уже при вскрытии гробницы возникло предположение о том, что указанное погребение, возможно, принадлежало Серафите[73]. Как видно, гробницы членов семейств эриставов (питиахшей) не уступали в отношении богатства гробницам самих эриставов. То же самое можно утверждать на основе изучения обнаруженного во второй гробнице погребального инвентаря, в частности, обнаруженных в нём золотых перстней, золотого браслета, золотой диадемы и т. д. Но нам кажется, что даже перечисленые выше предметы достаточны для воссоздания общей картины, для характеристики имущественного состояния питиахшей Мцхетского царства (табл. XXXVIII).

Следует отметить, что указанный правящий круг обильно сопровождает драгоценным инвентарём не только питиахшей, лиц ранга питиахшей или их жён, но проявляет такую же щедрость и в случаях захоронения детей. Для иллюстрации отмеченного факта назовём девятое погребение Армазисхеви. И здесь мы имеем обычную картину. Среди обнаруженных предметов: пара золотых браслетов, концами перевитых друг с другом, т. е. типа найденных в багинетском саркофаге; пара серег, сходных с серьгами, обнаруженными в гробнице питиахша Берсумы; золотые треугольные и зубчатые листья от погребального венка, всего 20 штук; два амулетных футлярчика; разнообразные золотые и серебряные предметы, серебряная посуда и т. д.[74]

---

[72] Мцхета I, стр. 84—96.

[73] Там же, стр. 112.

[74] Там же, стр. 98—102.

Такова общая картина богатого некрополя, обнаруженного на территории Сапитиахшо (саэриставо) древней столицы. Приведенный материал нам кажется вполне достаточным для представления о погребальных сооружениях и погребальном инвентаре питиахшей, близко стоящих к ним правителей и членов их семейств (среди них и детей). Ознакомление с типичными погребениями даёт довольно ясное представление об экономическом (и правовом) положении влиятельных должностных лиц Иберийского царства и о большой и глубокой социальной дифференциации. Восстановление указанной картины сыграет важную роль в деле изучения быта населения столицы и всего Картлийского царства[75].

Тем не менее, нарисованная выше картина отнюдь не является полной. Рассмотренный материал знакомит нас с особенностями погребений царского дома, членов царской семьи, питиахшей, их жён и детей и дает возможность представить имущественное состояние лиц, захороненных в указанных погребениях. Аналогичная картина наблюдается и на других участках древней столицы, например, в собственно Мцхета, где в разное время было обнаружено множество богатых погребений античного периода. То, что уцелело из найденных в этих погребениях предметов и попало в хранилище древностей, ясно указывает, что на левом побережьи Куры также имелись очаги богатых погребений античного периода[76]. Иллюстрацией к сказанному, помимо случайно обнаруженных

---

[75] А.М.Апакидзе, Древнейшая культура Грузии в свете новых археологических открытий, Тб., 1956, стр. 29—57 (на груз. яз.); Г.А. Ломтатидзе, К вопросу о социальной и культурной характеристике населения Грузии в I—III вв. Тр. Ин-та истории, т. I, Тб., 1955, (на груз. яз.); А.М.Апакидзе, Мцхета - древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 43—44.

[76] П.С.Уварова, Коллекции Кавказского музея, т.V, Археология, Тб., 1902, стр. 89—90; С.Макалатиа, Археологические открытия в Грузии, Вестник музея, Грузии, т. XII, (на груз. яз.); С. Макалатиа, К датировке некоторых некрополей, обнаруженных в Грузии в 1920 - 1924 гг. Вестник музея Грузии, т.IV, Тб., 1928, стр. 89 — 90 (на груз. яз.).

гробниц, могут служить материалы, добытые в разное время Мцхетской археологической экспедицией на Самтаврском поле и на территории самого города. Таковы, например, богатые гробницы на южном участке Самтаврского поля, во дворе здания водного хозяйства и др[77]. Особенно ярко выделился новый очаг богатых погребений осенью 1958 г. при закладывании фундамента универсального магазина на Арагвской улице, а также при археологических раскопках, развернутых в связи с этим под руководством А. Н. Каландадзе; здесь, нам кажется, достаточно отметить открытие великолепной, пока единственной в Мцхета высеченной из цельного камня гробницы-саркофага.

Следует предполагать наличие очага богатых погребений и у Авчала. Мы имеем в виду материалы, обнаруженные в связи со строительством «Загэса» и нового железнодорожного места[78].

Таким образом, в различных районах (Сапитиахшо, Багинети, собственно Мцхета, Авчалис Кари) древней столицы обнаружены очаги более или менее богатых погребений. Это, в свою очередь, показывает, что знатный и выделяющийся в отношении имущественного (и, соответственно, правого) положения круг владел всеми участками древней столицы и во всех могильниках выделялось гнездо богатых погребений.

На указанных участках имеются и небогатые, следовательно, почти без инвентаря, гробницы того времени. Конечно, такие погребения мало что могут сказать о жизни народа, о его экономическом и социальном положении. Самым важным в этом случае является некоторый имущественный контраст, проявляющийся в погребальных сооружениях, в особенности же, в характере погребального инвентаря. По нашему мнению, здесь немаловажно и то, что в большинстве из указанных случаев мы имеем дело с погребениями без погребального инвентаря.

---

[77] А. Н. Каландадзе, Вновь обнаруженный могильник в Мцхета, „Мимомхилвели", т. I, Тб., 1949, стр. 259—287 (на груз. яз.).

[78] Мцхета I, стр. 5.

Такие погребения более многочисленны в Самтавро, в Армазисхеви же они встречаются в единичных случаях. В первом томе трудов мцхетской археологической экспедиции, в котором представлен отчет проведенных у Армазисхеви раскопок, в одной из подглав рассмотрены небогатые погребения, синхронные с усыпальницей эриставов[79]. Среди них имеются два черепичных и два каменных ящика. Одно только это обстоятельство заставляет задуматься; из многочисленных гробниц авторы указанного труда к небогатым погребениям весьма условно отнесли всего лишь четыре. На исключительную условность этого отнесения указывает инвентарь черепичного погребения № 3. В нем оказались: динарий Августа; железный топор; пара бронзовых серег такого же типа, что и найденные в погребениях №№ 2 и 9; бусы из пасты и из гишера в виде низких цилиндров и др. Внимания заслуживает типичная античная керамика, в частности небольшой кувшинчик красноватого оттенка с круглым туловом, ребром вокруг горлышка и глиняный кувшинчик почти такого же цвета, трегубый, с высоким поддоном, с пропорциональным туловом, изящным высоким ушком, напоминающий найденные в погребениях питиахшей серебряные кувшины для вина.

Таким образом, в погребении обнаружены серьги типа найденных в погребении питиахшей, только не золотые, а бронзовые, а также кувшинчик для вина типа энохои, но не серебряный, а глиняный. В данном случае вполне ясно, что и серьги и кувшинчик следует считать подражанием и, одновременно, показателем синхронности. Нет сомнений, что эти гробницы не принадлежат богатым. Однако нельзя считать погребенного и представителем «мцхетского простонародья»; трудно допустить захоронение бедного и нищего мцхетского горожанина близ фамильной усыпальницы питиахшей, к тому же обнаруженный в этих гробницах погребальный инвентарь тоже не следует считать особенно бедным; ведь и в обнаруженном в июне 1951 г. склепе на-

[79] Мцхета I, стр. 129—134.

ряду с драгоценными предметами оказалась и типичная античная керамика.

В этой связи заслуживает внимания наличие в погребении железного топора, необычное само по себе явление для погребений античного периода. Этот предмет вряд ли может служить для характеристики небогатых погребений. Железное оружие вообще является редким явлением в гробницах античного времени, а тем более топор. Быть может, это указывает скорее на то, что в данном случае мы имеем дело не с типичным погребением рядового горожанина, а с погребением представителя того слоя, который старается походить на питиахшей и приблизиться к ним.

Во всяком случае, одно вполне ясно: перед нами имеются найденные в Мцхета, Самтавро, Армазисхеви и на других участках погребения рядовых мцхетских граждан, т. е., по существу, погребения представителей другого социального слоя. Возможно, к этому же слою принадлежит и 2-ое черепичное погребение, где найдены: небольшой кувшинчик с витой ручкой и выпуклинами на тулове; более крупный гладкий кувшинчик с розоватым оттенком; бронзовая пряжка; обломки трех железных перстней с резными камнями, на одном из которых выцарапано изображение хлебных колосьев, а на другом — жука-сороконожки; железное лезвие ножа и бусы из стекловидной пасты.

И в этом случае черепичный ящик принадлежит, видимо, представителю среднего достатка, тем более что черепичная гробница имеет необычную шестигранную форму с двускатным перекрытием, что следует считать характерным скорее для имущего слоя, чем для бедных.

Из указанных каменных ящиков один представляет детскую гробницу (№ 87). В ней оказались: кувшинчик бледнорозового оттенка, с одним ушком, ребром вокруг горлышка и около 40 мелких бус. Для детского погребения и это не является особенно явным показателем бедности; поэтому не исключена, нам кажется, возможность, что имеющийся в 87-ом погребении инвентарь принадлежит ребенку именно среднего социального слоя.

К явно небогатым погребениям следует отнести гробницу № 88. Захороненным здесь покойникам, вернее, первому из них, принадлежат три глиняных кувшинчика. Больше в этом погребении ничего не обнаружено.

Синхронность вышеуказанных погребений не вызывает сомнений. Однако мы считаем их погребениями, характерными скорее для граждан среднего достатка.

Такова картина, полученная на основании изучения погребальных сооружений и инвентаря рядовых мцхетских граждан. Важным является уже то, что наряду с погребениями правящих кругов столицы картлийского царства мы располагаем весьма интересным материалом для характеристики общего положения другого социального слоя. И если мы не ошибаемся, рассмотрение погребального инвентаря также подтвердило наличие значительно далеко ушедшей социальной дифференциации, наблюдаемой при изучении других (непогребальных) памятников.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Разбирая инвентарь погребений, мы рассмотрели значительные, с точки зрения нашего труда, предметы и, разумеется, отказались от их подробной характеристики. Так же поступаем мы и при рассмотрении надписей столичного периода, так как эпиграфические памятники Мцхета сами по себе имеют весьма большое значение и являются предметом изучения специалистов соответствующей области. Для нашего же труда надписи, разумеется не могут иметь решающего значения хотя бы в силу того, что все поныне обнаруженные в Мцхета надписи относятся ко второй половине столичного периода. Кроме того, публикация надписей сама по себе не является целью настоящего труда. Благодаря такому подходу, читатель не найдет в этой главе группы коротких надписей, например, вырезанных на вставленных в перстни драгоценных камнях (Κουάκ, Πλάτων, ηχαριστι, εὐτύχι) или выведенной на стеклянной пиале (πίεζήσης), которые собраны и рассмотрены в специальных исследованиях[1]. Это отдельные слова или имена, свидетельствующие о ввозе иноземных товаров, следовательно, и о торговых сношениях с античными центрами.

Первая надпись. В 1867 году на Военно-Грузинской дороге между Тбилиси и Мцхета, на расстоянии 6-ти верст от Мцхета, у поворота дороги, на скалистом и узком берегу Куры, где видны пещеры, взрывали скалу для расширения дороги. Во время этих работ обнаружили боль-

---

[1] Т.С.Каухчишвили, Греческие надписи в Грузии, Тб., 1951, стр. 257 и след. (на груз.яз.); М.Н.Лордкипанидзе, Изделие резчика по камню Платона, III. в. н.э., ВГМГ, т.XVII-B, Тб., 1953, стр. 245; Н.Н.Угрелидзе, Украшенная изображением павлина стеклянная посуда из Самтавро, „Обозреватель" Института истории, т.II, Тб., 1951, стр. 303—304; Мцхета I, стр.49,56.

шую темно-серую плиту из песчаника с высеченной греческой надписью (табл. LII,1).

И. А. Бартоломей, тотчас же осмотревший место обнаружения и получивший описание и зарисовки надписи, выполненные Хатисяном, 11 декабря 1867 года сделал доклад на заседании Кавказского отделения Русского Географического общества; он же впервые опубликовал эту надпись в 1868 году[2].

После 1868 года вышеуказанная надпись многократно публиковалась и довольно подробно отмечалось ее историческое значение. Заинтересованный читатель может найти в трудах А. И. Амиранашвили и Т. С. Каухчишвили соответствующие библиографические сведения, переводы и комментарий указанной надписи[3]. В последние годы Г. В. Церетели опубликовал специальное исследование, в котором дана новая интерпретация спорных мест этой надписи[4].

Как известно, надпись высечена на большой плите темно-серого песчаника, имевшего четырехугольную форму, но вследствие того, что верхняя часть камня обломана, о его первоначальной форме можно судить только предположительно.

Высота плиты с надписью 1,22 м, ширина — 1,15 м, а толщина — 20,5 см. По краям камень обведен высокой и довольно широкой полосой (13,5—16,5), а поверхность, покрытая надписью, углублена почти на 3,8 см. Буквы глубоко врезаны, но так как поверхность камня вообще значительно

---

[2] И.А.Бартоломей, Две классические надписи, найденные в Закавказском крае. Особые приложения к „Кавказу", 1868.

[3] А. И. Амиранашвили, Греческие надписи музея Грузии ВГМГ, т. IV, Тб., 1928, стр. 191—196.

А. И. Амиранашвили, О греческой надписи из окрестностей Мцхета, ИГАИМК, т. V, Л., 1927.

Т.С.Каухчишвили, Греческие надписи в Грузии, Тб., 1951, стр. 234—238 (на груз. яз.).

Г. В. Церетели Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета, Тб., 1958 (на груз. яз.).

[4] Г.В.Церетели, Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета, ВДИ, 1960, №2, стр.123—133, его же—Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ, 1948, №2.

смыта, некоторые буквы трудно разобрать, а некоторые — совершенно стерты (особенно в правом нижнем углу). Обломана, выветрена и повреждена верхняя часть плиты и поэтому не хватает начала надписи, а у плиты недостает верхней возвышенной полосы и верхних углов.

В верхних строках буквы более крупные, а внизу они постепенно понижаются и становятся тоньше. Самая высокая буква имеет 5,5 см, самая низкая — 4 см. Ясно, что при выполнении надписи текст не был заранее точно сообразован с местом и распределен, вследствие чего мастер был вынужден высекать в нижней части более тонкие и низкие буквы.

Мы уже отметили, что надпись многократно издавалась и заинтересованный читатель может ознакомиться в названных нами трудах с историей расшифровки текста; особенно ценны в этом отношении труды И. Помяловского, А. И. Болтуновой, Т. С. Каухчишвили и Г. В. Церетели.

В последнее время Г. В. Церетели убедительно доказал, что в пятнадцатой строчке высеченное после имени Фарсмана собственное имя должно читаться. ΙΑΜΑΣΑΣΠΟΙ при этом выяснил, что Иамасаспой должно быть женским именем; следовательно, автор приходит к выводу, что Митридат (царь Иберии) был сыном царя Фарсмана и Иамасаспойи.

Надпись в целом переведена Г. В. Церетели следующим образом: «Император цезарь Веспасиан Август, великий первосвященник, семь раз облеченный властью трибуна, четырнадцать раз провозглашенный императором, шесть раз консул, седьмой раз десигнированный, отец отечества, цензор, и император Тит, цезарь сын Августа, трижды консул, четвертый раз десигнированный, и Домициан, цезарь, сын Августа, три раза консул, четвертый раз десигнированный, царю иберов Митридату, царя Фарсмана и Иамасаспой сыну, другу цезаря и римлян, и народу, укрепили стены»[5].

---

[5] Г.В.Церетели, Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета, ВДИ, 1960, №2, стр.129.

Незначительно отличающиеся варианты перевода опубликованы в указанных нами выше изданиях, но они, по нашему мнению, не имеют существенного значения, и поэтому мы задерживаем внимание лишь на переводе семнадцатой строки. Последние слова надписи переведены И. А. Бартоломеем так «...выстроили крепость»[6]; И. Помяловским — «укрепили стены». А. Натроев повторил переводы И. А. Бартоломея[7], а В. В. Латышев, не опубликовав полного перевода надписи, указал на ее большое значение и передал содержание ее, согласно которому в течении последней строки он согласен с И. А. Бартоломеем. В. В. Латышев сообщает, что обнаружен: «...камень с весьма интересной исторически важной надписью 75 г. по Р. Хр., гласящею о построении римским императором Веспасианом крепости для иверского царя Митридата, сына Фарсмана»[8]. П. С. Уварова в 1902 году опубликовала указанную надпись в каталоге Кавказского музея и интересующее нас место надписи перевела так: «Укрепили стены»[9]. И. А. Джавахишвили опубликовал в первой книге «Истории грузинского народа» полный перевод этой надписи, а интересующая нас строка переведена им так: «эту ограду укрепили»[10]. По мнению С. Н. Джанашиа, «В 75-ом году император Веспасиан заставил укрепить ограду Армази, а также высечь надпись... в ней сказано, что император и правительство Рима «укрепили эту крепость сыну царя Фарсмана Митридату... другу Цезаря и римлян и народу»[11]. Вскользь коснулась этой надписи К. В. Тревер при издании греческой надписи, обнаруженной в Гарни, она отмеча-

---

[6] И.А.Бартоломей, Две классические надписи...

[7] А.Натроев, Мцхет и его собор Свети-Цховели, Тифлис, 1900, стр. 16.

[8] В.В.Латышев, Заметки о кавказских надписях. ИАК, вып. 10, стр. 101.

[9] П.С.Уварова, „Коллекции Кавказского музея", т.V, Археология,Тб., 1902, стр.194, табл. 12.

[10] И.Джавахишвили, История грузинского народа, т. I, Тб., 1928, стр. 158.

[11] История Грузии, под редакцией акад. С. Н. Джанашиа Тб., 1946, стр. 82.

ет, что: «К тем же годам относится и известная греческая надпись 75 г об укреплении Веспасианом Титом стен Мцхеты для иверского царя Митридата, сына Фарсмана»[12]. К. В. Тревер, опираясь на издание Помяловского, признает, что в этой первой надписи речь идет об укреплении ограды (стен) Мцхета.

С вариантом перевода, подразумевающим укрепление стен, согласен и проф. Л. М. Меликсет-Беков[13].

О построении и укреплении крепости повествует эта надпись и согласно толкованию проф. И. Маркварта[14].

В последнее время, между прочим, об этой надписи упомянул Л. Ельницкий. По его мнению, «в правление Нерона для поддержки римского ставленника на армянском престоле Митридата (Tac. Апп. XII, 44) в крепости Горнее (Гарни) был помещен римский гарнизон. Подобная же связь Рима с Иберией иллюстрируется известной надписью из Мцхета, датируемой 75 г. н. э. (время Веспасиана) и сообщающей о постройке римскими военными силами оборонительных стен для иберийского царя Митридата, сына Фарсмана, в Гармозике»[15].

Изложение содержания первой Мцхетской надписи Л. Ельницким не точно. В надписи ничего не говорится о том, что в крепости Армази якобы помещался римский гарнизон, а также и о том, что стены были построены в Гармозике римскими военными силами; не упоминаются в надписи ни римские военные силы ни крепость Армази. Как видно из работы Л. Ельницкого, последний опирается на перевод Помяловского, в котором, как мы уже указывали, говорится об укреплении стен.

А. И. Амиранашвили, опубликовав в 1928 году новое чтение пятнадцатой строки, перевела и всю надпись в це-

---

[12] К.В.Тревер, Надпись о построении армянской крепости Гарни, Л., 1949, стр. 27.

[13] Л.М.Меликсет-Беков, Армазни, Тб., 1937, стр. 28.

[14] J. Marquart, Skizzen zur historishen Topographie und Geschichte Kaukasien. 1928, стр. 14 и 15.

[15] Л.Ельницкий, Северопричерноморские заметки; ВДИ, № 1, 1950, стр.193; ср. А.М.Апакидзе, Замечания по поводу нового издания Scythica et Caucasica. ВГМГ, ХУ-В, Тб., 1948, стр. 181—192.

лом, а последнюю строку дала в таком же чтении: «...укрепил стены»[16], а через 10 лет она предпочла говорить о том, что римляне «...построили крепость»...[17]

Почти такую же позицию занимает Ш. Я. Амиранашвили, снабдивший последние слова перевода И. А. Джавахишвили — «укрепили ограду» комментарием — «т. е. построили крепость»[18].

Таким образом, при переводе последней фразы первой Мцхетской надписи одна часть специалистов считает, что римляне у к р е п и л и ограду (стены) или крепость, а другая — утверждает, что они п о с т р о и л и стены, ограду или крепость.

Эта деталь пронбретает при переводе первой Мцхетской надписи существенное значение потому, что А. И. Болтунова видит в ней косвенное указание на неопытность иберов в строительстве крепостей и оград еще и во второй половине 1 в. н. э.; по ее мнению, «Иберы являлись важнейшими союзниками Рима к северу Парфии. Б у д у ч и н е о п ы т н ы в с т р о и т е л ь с т в е к р е п о с т е й, они (иберы—А. А.) нуждались в надежной защите со стороны Армении и Парфии»[19].

Таким образом, незначительная деталь превратилась в основание для вывода, который односторонне представляет нам историю развития строительного искусства Картлийского царства. Следует учесть и то, что автор приведенной нами цитаты хорошо знаком с археологией Грузии и указанную статью она опубликовала в 1948 году, т. е. в то время, когда был закончен весьма значительный этап работы Мцхетской археологической экспедиции и были известны

---

[16] А.И.Амиранашвили, Греческие надписи музея Грузии. Вестник музея Грузии, т. IV, Тб., 1928, стр. 193.

[17] А.И.Амиранашвили, Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Иберии), ВДИ, № 4,1938, стр.172.

[18] Ш. Я.Амиранашвили, Окрестности Тбилиси. Тбилиси—юбилейный сборник, Тб., 1946, стр. 206.

[19] А.И.Амиранашвили, Иберия и римская экспансия... ВДИ, №4, 1938, стр 172.

результаты раскопок в Мцхета, в частности на Багинети, выявившие замечательные образцы строительного искусства иберов по меньшей мере с IV в. до н. э. Это, в первую очередь, грандиозные оборонительные сооружения, т. е. группа сооружений, объединяемых в Армазцихе I (см. главу I, табл. IV—XVIII).

Древнейший слой Армазцихе I, как мы уже видели, относится к IV — III векам до н. э., т. е. обнаруженные в Армазцихе оборонительные стены и другие сооружения по крайней мере на 400 лет опережают первую Мцхетскую надпись, которая, как известно, высечена после 1 июля 75 г. н. э.[20]. Стало быть, хотя бы в силу этого не может быть, чтобы у иберов в I в. н. э. не было бы опыта в строительстве крепостей.

Как известно, описывая вторжение войск Помпея в Иберию, Дион Кассий Коккеиан отмечал, что римский военачальник овладел местом, которое считалось воротами ущелья и разместил в крепости свои войска. Весь ход повествования Диона делает очевидным, что столица иберов в то время уже имела крепости по правую сторону р. Куры[21]. Помпей нашел здесь крепости, в которых были размещены сторожевые войска иберов. Именно здесь, в этом укрепленном городе, согласно сведениям Плутарха[22], в борьбе с иноземными захватчиками — войсками Помпея — погибло 9 тысяч грузин. Впоследствии, как известно, Помпей разрушил и предал огню все укрепления. И это со всей очевидностью подтверждает, что намного раньше до Веспасиана у грузин имелись укрепления, т. е. они должны были иметь достаточный опыт строительства крепостей.

---

[20] Уже И. Помяловский отметил, что обнаруженная в Мцхета в 1867 году надпись высечена после 1 июля 75 г. н. э. (ср. И. Помяловский, Сборник греческих и латинских надписей Кавказа, СПб, 1881, стр. 68).

[21] Дион Кассий Коккеиан, Римская история, XXXVIII, 1, ВДИ, № 2, М., 1948, стр. 270.

[22] Плутарх, Сравнительное жизнеописание. Помпей, XXXIV, ВДИ, № 4, 1947, стр. 342.

Выше уже говорилось, что у Страбона имеется сообщение о том, что в Иберии «встречаются и черепичные крыши, и жилые дома, построенные согласно правилам архитектурного искусства, а также места для рынков и другие общественные здания»[23]. Эти сведения, согласно новому исследованию А. И. Болтуновой, отражают II век до н. э. Следовательно, за два-три века до первой Мцхетской надписи грузины имели не только опыт, но и обладали замечательным мастерством в деле строительства городских укреплений, как это видно в данном случае из сведений Страбона. Стало быть, и здесь не видно основания к тому, чтобы говорить о неопытности иберов. То же самое утверждает автор древнегрузинского исторического произведения «Жизнь царей», сообщающий о широком распространении по всей Грузии каменной кладки на известковом растворе еще в III в. до н. э[24].

Нужно иметь в виду, что упомянутое и в других надписях приблизительно того же времени слово αἵκτισεν аорист слова κτίζω «строю», «устанавливаю» не всегда подразумевает исключительно только новостройку, а часто означает восстановление или укрепление старого[25]. Так, например, ныне совершенно очевидно, что обнаруженная в Гарни греческая надпись 77 г. н. э. касается восстановления крепости, а не ее постройки, хотя в надписи совершенно бесспорно читается «построили», как это с предельной ясностью показала К. В. Тревер. По ее мнению, «Гарнийская надпись сообщает, что Тиридат строит в 77 г. крепость и усадьбу в Гарни, но уже в 52-53 гг., т. е. почти за двадцать лет до этого, в Гарни имелись и стены, и царское жилище, судя по рассказу Тацита (Анналы, кн. XII, гл. 45—46) и в этой крепости (castellum) сидел царь Михрдат и оборонялся от напавшего на него племянника, иберийского царевича Радамиста.

---

[23] Страбон, «География», XI, 3, 1. ВДИ, № 4, 1947, стр.217.
[24] Леонти Мровели, «Жизнь царей», «Картлис цховреба» I, Тб., 1955, стр. 8.
[25] С. Н. Джанашиа, К генеалогии Бараташвили, Труды II, Тб., 1952, стр. 472.

В этом сообщении Тацита для нас важно, что в 52—53 гг. Гарни была крепостью»[26].

Для иллюстрации высокого уровня строительного искусства Иберии античной эпохи наряду с раскопанными в Багинети памятниками следует учесть и характерные для Армазцихе I остатки укреплений и других сооружений, обнаруженные при раскопках в Цицамури, в окрестностях Саркине, Уплисцихе и на Горийской крепости[27].

Обнаруженные здесь остатки памятников IV-III вв. до н.э., т. е. типа Армазцихе и современных ей оград и башен, свидетельствуют еще о том, насколько сильно стали правители Картли укреплять не только столицу, но и другие города-крепости своего царства по обеим сторонам Куры. Саркине привлекало их именно потому, что здесь были западные ворота столицы, а Гори был большим городом и узловым центром, объединяющим долины Лиахви и Куры, т. е. он закрывал и контролировал важные торговые пути, проходившие через Иберию.

По нашему мнению, главным было не то, что иберы были неопытны и нуждались в помощи римлян при постройке крепостных сооружений; решающее значение имели, видимо, интересы самого Рима; укрепляя крепости и оборонительные стены, римляне хотели подчеркнуть так называемую дружбу с народом Иберии, которая интересовала их постольку, поскольку иберы в политической ситуации того времени представляли собой большую силу, как против персов, так и против римлян, и выглядели исключительно силь-

---

[26] К. В. Тревер. Надпись о построении армянской крепости Гарни, Л., 1949, стр. 29.

[27] А. М. Апакидзе, *Σευσάμορα* — Цицамури античных источников. Труды института истории, т. VI, часть I, Тб., 1958, стр. 131 и след.

А. М. Апакидзе, Мцхета — древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 58—61 (на груз. яз.).

Д. А. Хахутайшвили, Уплисцихе, I, Тб., 1964, табл. XXVI.

ными в свете бесконечной распри между персами и римлянами.

Шаг Веспасиана, естественно, был продолжением римской политики, особенность которой по отношению к Грузии, между прочим, заключалась в том, чтобы грузины оставались хотя бы нейтральными, если не сторонниками Рима в осуществлении его восточной политики. Именно поэтому во второй половине первого века, когда в Картли царствовал сын Фарсмана первого Митридат, римляне по-прежнему старались склонить на свою сторону царя и народ Иберии[28].

Именно с этой точки зрения характерно укрепление римлянами оборонительных стен столицы. Очевидно, император Веспасиан и его военачальники хорошо знали, что столице Иберии угрожала опасность больше с юга; вероятно, в них очень живы были воспоминания о вторжении Помпея. Поэтому разрушенное и преданное огню Помпеем в 65 г. до н. э. и столице враждебно относящихся к римлянам иберов через 140 лет восстановил и укрепил Веспасиан, который не щадил сил, чтобы завоевать расположение царя иберов и его народа, раз уж покорение их силой оружия оказалось безнадежным. Надо полагать, во взаимоотношениях Рима и Иберии отразилась довольно эластичная политика римлян в Грузии, и укрепление оборонительных стен Мцхета было скорее дипломатическим шагом Веспасиана, чем оборонительным мероприятием.

Учитывая вышесказанное, нам кажется, что при переводе последней фразы первой Мцхетской надписи следует отдать предпочтение «усилению — укреплению стен». Следовательно, нет основания для утверждения о неопытности иберов в деле строительства укреплений и крепостей в эпоху Веспасиана.

При общей характеристике надписи привлекает внимание то обстоятельство, что из 17 строчек 13 содержат перечисление титулов Веспасиана и его сподвижников. Между прочим, в ней отмечается и многое, не имеющее первосте-

---

[28] История Грузии. Тб., 1946, стр. 82.

ценного значения, тогда как титулы картлийских царей: «великий царь» или «царь великий» ни разу не упоминаются, хотя письменные источники (среди них и эпиграфические негрузинские) свидетельствуют, что картлийские цари носили титул великого царя — «царь иберов, царь великий». В связи с этим возникает вопрос, не является ли и это дополнительным показателем того, что надпись составлена определенно настроенным иноземцем?

Для топографии древней столицы Картлийского царства важно выяснить место обнаружения указанной надписи, так как упомянутая в надписи оборонительная стена, нужно полагать, ограничивала территорию города Мцхета с юго-восточной стороны. Сообщения И. А. Бартоломея о том, что камень с надписью был обнаружен на шоссе Тбилиси — Мцхета, на расстоянии 6-ти верст от Мцхета, на повороте дороги, на берегу р. Куры, где в крутых скалах виднеются пещеры, по нашему мнению, достаточно точны. Приступая к рассмотрению надписи, мы в начале же указали, что, видимо, имеется в виду район Земо-Авчальского нового железнодорожного моста.

Своевременно пытался определить место обнаружения надписи проф. Л. М. Меликсет-Беков. По его мнению, плита с надписью была обнаружена в 1867 году при прокладке железной дороги от Тбилиси до Мцхета, во время взрыва скалы у подножия хребта Армази или Багинети[29], что противоречит достаточно убедительному сведению И. А. Бартоломея потому, что: а/ от подножия горы Армази или Багинети до Мцхета не 6 верст, а около одного километра по теперешней дороге, которая приблизительно на сто метров длиннее по сравнению со старой дорогой, благодаря тому, что новый Мцхетский мост построен выше, чем старый, т. н. Помпейский мост, действовавший в 1867 году; б/ у подножия хребта Армази или Багинети нет нескольких пещер, а имеется только одна единственная.

Так как относительно места обнаружения первой Мцхет-

---

[29] Л. М. Меликсет-Беков, Армазни, Тбилиси, 1937, стр. 28.

ской надписи высказаны противоречивые соображения и при этом для дальнейших суждений Л. М. Меликсет-Бекова о границах Иберийского царства место обнаружения надписи приобретает принципиальное значение, необходимо коснуться этого вопроса подробнее.

Выяснение места находки первой Мцхетской надписи имеет существенное значение и потому, что надпись была вставлена в стену на территории Картли (Иберии); т. е. следует допустить, что место, где в мае 1867 г. нашли эту надпись, в 75 г. н. э. принадлежало Картли (Иберии). Совершенно очевидно и то, что крепость, в ограду которой была вставлена надпись, была крепостью города Картли, т. е. к 75-ому году н. э. окрестности столицы Картли — Восточно-Грузинского царства простирались во всяком случае до того места, где в 1867 году был обнаружен камень с надписью. А это, со своей стороны, имеет существенное значение для локализации крепости Армази — акрополя столицы.

Мы уже указывали, что И. А. Бартоломей упоминает пещеры и притом на шестой версте от Мцхета. Где должна находиться шестая верста от Мцхета, нетрудно определить. В то время исходным пунктом при определении расстояния являлись почтовые станции. Так было и в Мцхета. Следовательно, надо считать шестую версту от Мцхетской почтовой станции, местонахождение которой довольно хорошо известно. Так, например, в «Путеводителе по Кавказу» Е. Вайденбаума, изданном в 1888 году, говорится: «Мцхетская почтовая станция находится на правом берегу Куры, близ станции Поти-Тифлисской железной дороги»[30]. Сообщение Е. Вайденбаума подтверждается и архивными материалами. В техническом описании шоссейной дороги Тбилиси — Мцхета указано, что от Тбилиси до Мцхета по плану 19,5 верст и сюда входят длина ветки от Мцхетского каменного моста до Почтовой станции, всего 65 саженей[31].

---

[30] Е. Вайденбаум, Путеводитель по Кавказу, Тб., 1888, стр. 302.

[31] Центр. Историч. архив ГССР, фонд 333, описание I, лист 16.

В то время, как это видно из архивных документов, расстояние измерялось только от почтовых станций. В делах начальника строительства шоссейной дороги Тифлис — Мцхета Якубовского от 1807 года, а также и в материалах последующих лет ясно видно, что при расширении дороги, прокладывании новой или ремонте ее расстояние указывалось между почтовыми станциями — это подтверждается и чертежами[32].

То же самое подтверждают материалы, хранящиеся в архиве С. Эсадзе, где по поводу интересующего нас вопроса сказано следующее: «От Мцхета шоссе идет по ущелью Куры, все более и более суживающемуся, и у подножья правобережных гор: с первой же версты, подойдя к полотну железной дороги, идет подле него до 6-ой версты, где близ прекрасного железного моста пересекает его. Тут железная дорога переходит на левый берег Куры, а шоссе остается на правом.

На крутых обрывах хребта, возвышающегося над уровнем Куры на 650 — 808 ф., у вершины утесов, в диком камне высечены пещеры, имеющие четырехугольные отверстия»[33]...

Из этой выписки ясно, что с первой же версты от Мцхета шоссе идет вдоль полотна железной дороги, т. е. отсчет дороги начинается где-то у того места, где шоссе приближается к полотну железной дороги; это должна быть почтовая станция, следовательно, не подлежит сомнению, что отсчет расстояния велся от Почтовой станции. Перекрещивались шоссе и железная дорога у старого железнодорожного железного моста, согласно вышеприведенной справке, да и фактически это так; иначе говоря, это происходит на шестой версте от Мцхетской почтовой станции: таким образом, установлено, что отсчет шоссейной дороги начинался с Мцхетской почтовой станции и шестая верста приходилась на окрестности нынешнего Земо-Авчальского моста.

---

[32] Центр. Историч. архив, фонд 333, 317 и др.

[33] Там же, фонд 1438, лист 54, № 540.

Итак, указанная И. А. Бартоломеем шестая верста проходит по Накулбакеви, где имеются упомянутые им пещеры; не случайно С. Эсадзе после упоминания шестой версты от Мцхетской почтовой станции повествует историю обнаружения камня с надписью и указывает, что «При разработке шоссейной дороги в 1867 году на 6-ой версте от Мцхета случайно найден песчаниковый камень, скатившийся с вершины от крепости, с надписью 75 г. по РХ»[34]. Ясно, что С. Эсадзе в обоих сообщениях подразумевает одну и ту же местность: на шестой версте от Мцхета к Тбилиси шоссейная дорога пересекает железную, там, где железный мост[35], и на шестой версте от Мцхета к Тбилиси был найден камень с надписью[36].

Архивные материалы строительства Поти-Тифлисской железной дороги достаточно ясно свидетельствуют, что в мае 1867 года между Мцхета и Тбилиси железнодорожники не разрушали скалы. Об этом же говорит и труд А. Аргутинского-Долгорукова — «История сооружения и эксплуатации Закавказской железной дороги», а на шоссейной дороге с апреля 1867 года интенсивно проводилась работа и по взрыванию скал. Об этом свидетельствуют и архивные материалы начальника работ по сооружению шоссейной дороги Тифлис—Мцхета. Десятое дело открывается просьбой, отправленной неким Ишхановым начальнику VIII округа, и повествует о недовольстве, возникшем на почве расчетов с начальником работ Якубовским. С интересующей нас точки зрения, на первой странице прошения указывается следующее: В настоящем году в апреле месяце я заключил условие с инженером штабс-капитаном Якубовским, который взял на себя обязанность разработать от Дигомского поля до Мцхетской почтовой станции дорогу и в скалистых местах по утвержденным и составленным во время

---

[34] Центр. Историч. архив, фонд 333, 317 и др., лист 55.
[35] Там же, лист. 54.
[36] Там же, лист 55.

производства работ профилям скалы в 5/ т. к. с.»[37]. Таким образом, документально подтверждается, что главные работы по взрыву скал с целью расширения и перетрассировки шоссейной дороги производились после апреля 1867 года от Дигомского поля до Мцхетской почтовой станции.

В своем ответном рапорте Якубовский пишет следующее: «С разрешения Вашего Высокоблагородия, для более выгодной операции работ по устройству Тифлисско-Мцхетского шоссе, мною было заключено и представлено на рассмотрение Ваше условие, от 25 апреля сего года, с турецкоподданным греком Феодором Ишхановым на следующие работы: а/ на разработку скалистых мест дороги от белого духана до Мцхетской почтовой станции, б/ постройку поддерживающих стенок и с/ устройство каменных парапетов и фундаментов под оные»[38].

После этого Якубовский довольно подробно описывает ход работ, из чего явствует, что в мае многочисленные группы рабочих взрывали скалы, а затем Ишханов не выполнил условия — сначала ослабил работы, а потом совершенно прекратил их. Для нас интересно то, что в мае 1867 года производилась интенсивная работа по взрыванию скалы между Тбилиси и Мцхета. Если теперь вспомним, что и камень с надписью был найден в мае 1867 года, тогда станет ясно, что надпись была обнаружена при строительстве шоссейной дороги, а не при прокладке железной дороги, как это полагал Л. М. Меликсет-Беков. Раз надпись была обнаружена при строительстве именно шоссейной, но не железной дороги, это обстоятельство, наряду с другими документами, говорит в пользу того, что эта надпись была найдена не у подножья горы Армази, около Багинети, а у Накулбакеви, где необходимо было взорвать скалу для шоссейной дороги, но не для железнодорожного полотна, которое в этом месте пролегало по левому берегу Куры, по ровному полю; у Накулбакеви железнодорожники приступили к скальным работам только в

---

[37] Центр. Историч. архив, фонд 333, дело 10, лист 7.

[38] Там же.

1939 году, в связи со строительством нового моста и переносом железной дороги на правый берег Куры.

До публикации работ Л. М. Меликсет-Бекова не было никакого разногласия относительно места нахождения первой Мцхетской надписи. После того, как Л. М. Меликсет-Беков определил границу Иберии и Южного государства близ Мцхета, на Куре, он, как видно, усомнился в определении места обнаружения надписи 75-го года, это место согласовал со своим положением относительно границы Северного и Южного государств и таким местом объявил подножие горы Армази; так что он даже не упомянул достаточно точные и прямые сведения И. А. Бартоломея и П. Иоселиани относительно места обнаружения этой надписи, не говоря уже об архивных материалах.

Кроме того, что И. А. Бартоломей достаточно точно указывает расстояние от Мцхета, он описывает то место, где, по его мнению, должна была стоять эта крепость. «В настоящее время на площадке, где надо предполагать место крепости, видны остатки не так давно бывшей здесь грузинской деревни — осатки саклей и развалины маленькой церкви»[39]. По просьбе Бартоломея, в 1867 году П. Иоселиани сделал примечание к этому месту его труда, которое Бартоломей тут же опубликовал. П. Иоселиани разъясняет: «Местность эта известна в географии и истории Грузии под именем Накулбакеви, т. е. бывшее торговое место. Древнее слово «кулбаки» „ქულბაქი“ и «кула» — „ქულა“ значит лавку, ряд лавок, рынок. Древняя Армастика Плиния и Страбона, как город древний, оканчивалась в Накулбакеви»[40].

Таким образом, правильное определение места находки Мцхетской надписи 75-го года было дано впервые И. А. Бартоломеем и П. Иоселиани. Это — окрестности Земо-Авчальского нового моста, т. е. Накулбакеви. Определение И. А. Бартоломея и П. Иоселиани подтверждается и соответствующими архивными материалами.

---

[39] И. А. Бартоломей, Две классические надписи, стр. 5.

[40] Там же, примечание П. Иоселиани, стр. 5.

На основе данных И. А. Бартоломея, П. Иоселиани, С. Эсадзе, К. Вайденбаума и неопубликованных архивных материалов, а также учитывая новые археологические открытия, можно считать установленным, что первая Мцхетская надпись была обнаружена в мае 1867 года, во время расширения Военно-Грузинской дороги, при взрыве скал у Накулбакеви.

Уточнение места обнаружения этой надписи важно и для определения юго-восточной границы древней столицы Картли, где была воздвигнута оборонительная стена, об укреплении которой повествует нам надпись 75-го года[41].

Вторая надпись. В 1872 году, во время раскопок на Самтаврском поле, была обнаружена надгробная еврейская эпитафия, использованная вторично, в качестве одной из стен для сооружения каменной гробницы позднеантичного времени.

В 1875 году, в I томе научных статей Общества любителей Кавказской археологии, И. Черным был опубликован первый перевод найденной надписи. Позже, а именно в 1884 г. Д. А. Хвольсон посвятил этой надписи специальное исследование в своем «Сборнике еврейских надписей».

Д. А. Хвольсон подробно рассматривал обстоятельства обнаружения надписи, вопросы существования еврейского квартала в Мцхета, а также сложность перевода и расшифровки надписи.

Д. А. Хвольсон впервые признал найденную в Мцхета в 1872 году еврейскую надпись эпитафией и предложил следующий ее перевод: «Это гроб дорогого (почтенного?) отца Иегуды, прозванного Гурк. Место его покоя да будет с благочестивыми, его воскресение с (в общении) праведными»[42].

---

[41] А. Апакидзе, К вопросу о локализации Армазцихе, Труды Института истории, IV, Тб., 1958, стр. 71—98. Там же дан разбор соответствующей литературы.

[42] Д. А. Хвольсон, Надгробная надпись из Мцхета, Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест..., СПб, 1884, стр. 132.

По мнению Д. А. Хвольсона, ни содержание надписи ни языковые данные не содержат никакого указания о дате упомянутой эпитафии, но сама форма надписи, а также упоминание имени Гурк, не встречающегося позже, дает основание относить эту надпись к IУ — У вв. н. э.

С точки зрения исторического значения надписи, можно сказать лишь одно: она подтверждает сообщения древнегрузинских письменных исторических источников о том, что в Мцхета (и в некоторых других городах) имелись еврейские кварталы и в столице, наряду с другими иноземными языками, пользовались и еврейским. Все это может иметь некоторое значение при характеристике городского населения Картли с точки зрения его этнического состава.

Третья надпись. В октябре 1938 года в Мцхета, на правом берегу р. Арагви, к западу от Военно-Грузинской дороги, на Самтаврском поле при закладывании фундамента для здания были обнаружены каменные ящики. Гробницы были раскрыты рабочими, внимание которых было привлечено использованными для сооружения ящика песчаниковыми плитами с надписями. На одной из них была высечена греческая надпись, а на другой — еврейская.

Греческая надпись высечена на большой песчаниковой плите — надмогильной стеле главного живописца и зодчего города Мцхета — впоследствии использованной в качестве стены гробницы. Греческая надпись состоит из 15 строк. Плита разломана между 11 и 12 строками, в результате чего повреждены, главным образом, эти строки, но помимо этого не хватает начала и конца в 9-ой — 12-ой строчках; особенно пострадала 11-ая строка. Сама по себе вся надпись плохо сохранилась вследствие выветривания песчаника. Исполнитель надписи, видимо, не был искусным мастером своего дела, поскольку буквы неравномерные, некоторые строчки искривлены.

Стела достигает в высоту 64 см, а в ширину от 34 до 37,5 см. (табл. LIV, 1).

Проведя палеографический анализ надписи, тщательно разобрав и изучив текст, С. Г. Каухчишвили опубликовал следующий перевод надписи: «Здесь покоюсь, главный художник и архитектор Аврелий Ахолл с моей супругой, Бевразурией, прошу друзей и прохожих следить (.....), чтобы никто не по (вредил?...) или кто-либо (не посмел похоронить) вместе с нами или из наших соплеменников или других иноземцев, понесут ответственность во время своего воскрешения»[43].

Позднее перевод этой надписи опубликовала Т. С. Каухчишвили. Ее перевод заметно отличается от первого и поэтому мы приводим и ее текст: «Я, Аврелий Ахолл, главный художник и архитектор, здесь покоюсь вместе со своей супругой Бевразурией. Прошу друзей и прохожих следить .....так, чтобы кто-либо не захотел (захоронить?) с нами вместе или (нашего) племени и другой чужеземец, будет нести ответ в день своего воскресения»[44].

При восстановлении-дополнении и переводе заслуживают внимания и некоторые археологические наблюдения; так, например, известно, что на Самтаврском поле (как и вообще в Большой Мцхета) в одно погребение хоронили несколько покойников и притом не в одно время. Нередко останки ранее умершего сдвинуты вплотную к одной из стен, а в середине гробницы похоронен другой. Обычай этот, получивший, видимо, широкое распространение в IV веке н. э., сказывается и во II и III веках н. э., но значительно реже.

Судя по надписи Ахолла, видимо, считалось возможным, чтобы в одной гробнице были похоронены не только члены семьи покойника, его близкие или соплеменники, но

---

[43] С. Г. Каухчишвили, Новооткрытая в Мцхета—Самтавро греческая надпись, САН ГССР, т. IV,1943, № 6,Тб., стр. 581—582 (на груз. яз.).

[44] Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи в Грузии, Тб., 1951, стр. 255 (на груз. яз.).

даже и чужеземцы. Именно об этом говорит последняя часть надписи.

С. Г. Каухчишвили выяснил, что упомянутый в тексте Аврелий Ахолл по профессии был ἀρχιζωγράφος и ἀρχιτέκτων, т. е. Ахолл был главным художником и архитектором, старшим, старейшим зодчим. В этом случае, мы, должно быть, имеем дело не с обычным греческим пониманием слова ἀρχιτέκτων, когда под этим термином подразумевался начальник строительных работ. В Мцхета так называли не рядового зодчего, а общего руководителя зодчих («галатозтухуцеси», «хуротмодзгвари» или «хуротмодзгвартухуцеси») столицы—главного зодчего города; следовательно нужно полагать, что ἀρχι является греческой передачей грузинского — „უხუცესი“ «ухуцеси» — главный, старший зодчий. Таким образом, Ахолл, видимо, был и главным архитектором города Мцхета[45].

С. Г. Каухчишвили отмечает, что «второй термин ἀρχιζωγράφος не встречается в греческих письменных памятниках, ни в древнегреческих, ни в византийских до XII века; не встречается потому, что понятия, выражающего этот термин, в греческой действительности, по мнению С. Г. Каухчишвили, не существовало. А поскольку такой должности и звания в Греции не было, следует полагать, что термин — архидзографос был создан для местных нужд — для обозначения звания, существовавшего в Мцхета должностного лица («мхатварухуцеси» — «главный художник» — «художников старейшина»[46]).

Мы выше отмечали, что Ахолл должен был быть главным архитектором столицы. Это соображение подкрепляется определением второго термина. В самом деле, трудно допустить, чтобы главный художник столицы был бы на-

---

[45] История Грузии, под редакцией акад. С. Джанашиа. Тб., 1946, стр. 72.

[46] С. Г. Каухчишвили, Новооткрытая в Мцхета — Самтавро греческая надпись, стр. 582.

чальником одной из строительных работ. Ясно, что на могиле каждого мцхетского строителя не ставили подобной стелы — Ахолл выделяется и этим.

Датировка надписи, данная С. Г. Каухчишвили, не должна указывать на то, что до IV века эти должности не были известны в столице Иберии. Наоборот, развитая городская жизнь должна предполагать длительную традицию руководителей этого ранга. Широкое поприще для деятельности главного художника и главного архитектора имелось в Мцхета в предшествующие века, а именно, начиная по крайней мере с IV—III вв. до н. э. и до IV—V вв. н. э.[47]

Существование в древней столице Иберии должности и звания главного художника и архитектора является показателем высоко развитой городской жизни. Очевидно, наряду с главным художником, должны были быть и рядовые художники, старейшина — руководитель которых Ахолл, согласно надписи, носил титул главного художника; то же самое можно сказать и о мцхетских строителях-мастерах и старейшине зодчих — главном архитекторе столицы.

Ахолл не считает себя чужеземцем, он, видимо, местный, коренной или давнишний житель Мцхета; т. е. в крайнем случае он мог быть огрузинившимся иноземцем. Он называет местных жителей, нужно предполагать, иберов людьми «нашего племени» и хорошо различает их от «других чужеземцев». Имя супруги главного художника — Бевразуриа, по мнению С. Г. Каухчишвили, возникло на грузинской почве[48]. В. Абаев связывает имя Бевразурии с кавказским миром, он признает его аланским и сравнивает его с осетинским «многоречивая» — «беур» — много и «зурн» — разговор[49].

---

[47] А. М. Апакидзе, Мцхета — древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 32.

[48] С. Г. Каухчишвили, Новооткрытая в Мцхета — Самтавро греческая надпись, стр. 583.

[49] В. Абаев, Вокруг Армазской билингвы, Сообщ. АН Грузии, № 8, Тб., 1944, стр. 823.

Интересную параллель отыскала этому имени Т. С. Каухчишвили в «Сванских исторических памятниках», где акты XIУ—XУ веков называют Бевраза Бечиани, а в памятнике второй половины XIII века — «Летописи сванского собрания» упоминается Беураз Гажаниани. Таким образом, — заключает Т. С. Каухчишвили, — «Бевраз» и «Бевразурна» нужно считать именем местного, кавказского, грузинского, а не греко-римского происхождения[50].

Если же учесть и то, что в надписи указаны чужестранцы и прохожие, быть может, не будет лишено основания предположить, что в то время на Самтаврском поле, т. е. по правому берегу Арагви, пролегала дорога на север, по которой ходили «чужестранцы» и «другие прохожие». Разумеется, мы указываем на это, как на новый документ о дороге, идущей из ущелья Арагви к столице, вместе с тем мы подчеркиваем, что путь был проложен по правому берегу Арагви. С другой стороны, существование дороги и большое ее значение не раз были засвидетельствованы и гораздо более ранними авторами (напр., Страбоном).

Четвертая надпись была открыта в 1938 году вместе с надписью главного художника и архитектора и в совершенно такой же обстановке, вследствие чего ясно, что плита с надписью не принадлежит тому погребению, стеной которого она позже была использована.

Размеры плиты с надписью таковы: длина — 82 см; ширина более широкой верхней части — 46 см; нижней, более узкой части — 36 см; толщина камня — 12 см. На поверхности плиты, ниже надписи высечены изображения круглого хлеба (21×21 см), чаши высотой 10 см и кувшина — 19 см. Кроме этого, в верхней части плиты имеется изображение блюда, в рамках которого размещена надпись[51].

---

[50] Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи в Грузии, Тб., 1951, стр. 256.

[51] Г. В. Церетели, Мцхетская новооткрытая еврейская надпись. Сообщения ИЯИМК-а, т. V—VI, Тб., 1940, стр. 419.

На плите высечена еврейская надпись из пяти строк, занимающая небольшую площадь (21х28 см). Строчки неодинаковой длины; первые две — 24 и 23 см, а третья — 22, четвертая — 16, а пятая — 12 см.

Г. В. Церетели опубликовал следующий перевод текста[52]:

1. Эта могила (есть) Иосифа
2. Бар Газана (?) (будь он) помянут
3. Блаженным; а также Шаллум,
4. Брат его, (будь) помянут
5. С миром.

Гробница, обнаруженная случайно, не поддается точной датировке, так как специалисты с запозданием были извещены о ее вскрытии. Не будь этого, материал погребения мог пригодиться только для сравнительной датировки, раз камень с надписью был использован вторично.

Несмотря на это, Г. В. Церетели считает возможным отнести эту надпись к IV—V вв. н. э., главным образом, на том основании, что найденную во Мцхета в семидесятых годах прошлого столетия еврейскую надпись проф. Д. Хвольсон относит к этому периоду. Наша надпись, — указывает Г. В. Церетели, — выполнена в те времена (или, возможно, еще раньше), к каким относится ранее открытый памятник. Во всяком случае, большой разницы со стороны хронологии между этими двумя надписями не должно быть. Однако здесь же надо отметить, что и для ранее найденного памятника дата точно не установлена, и пока мы не располагаем новыми материалами, трудно более приближенно датировать эти памятники[53].

Язык и содержание надписи не говорят ничего существенного о том, кому принадлежит плита с надписью. Упомянутые в надписи имена не дают достаточного материала, чтобы определить, было ли евреем то лицо (или лица), для которого был изготовлен могильный камень[54].

---

[52] Г. В. Церетели, Мцхетская новооткрытая еврейская надпись, стр. 420.

[53] Там же, стр. 424.

[54] Там же, стр. 422.

Примечательным в этой по содержанию очень бедной надписи является сам факт обнаружения в Мцхета еврейской надписи, подтверждающей сообщения древнегрузинских исторических источников о существовании в столице еврейского квартала с еврейским этническим элементом, говорившим, естественно, на еврейском языке. Об этом говорит, в частности, упоминание наряду с Иосифом Бар Газаном брата его Шаллума, а также почтенного отца Иегуды[55].

Пятая надпись. В первой гробнице родовой усыпальницы армазисхевских эриставов, вскрытой 21 октября 1940 года, среди других предметов был обнаружен большой золотой перстень, в овальную оправу которого вставлен полудрагоценный камень с выгравированным нагрудным изображением бородатого мужчины, обведенного почти кругом греческой негативной надписью (табл. XXXIV).

На оттиске надпись начинается у лба изображенного здесь мужчины по направлению часовой стрелки. Таким образом, на оттиске читается: ΑΣΠΑΥΡΟΥΚΙϹ ΠΙΤΙΑΞΗϹ — Аспаруг питиахш; первое слово — имя одного из правителей Иберийского царства, придворного чиновника, а второе — должность его. Итак, нам стало известно еще одно высокопоставленное должностное лицо Иберии.

Упоминание в надписи имени Аспаруга весьма важно, так как по письменным источникам Аспаруг Эристави (питиахш) нам не был известен. В надписи Шарагаса, питиахша царя Митридата, упоминается имя «Аспарука», знакомое нам по греческой надписи на вышеуказанной гемме из Армази, а также на основании сведений Аммиана Марцеллина[56], несколько раз упоминавшего Аспакура (Aspacurae)

---

[55] «Картлис цховреба», I, 1955, стр. 11.

Ср. А. М. Апакидзе, Древнейшая культура Грузии в свете новых археологических открытий, Тб., 1956, стр. 50; А. М. Апакидзе, Мцхета — древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 110—112; Мцхета I, Тб., 1955, стр. 206.

[56] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии. ВДИ, № 2, М., 1948, стр. 52.

в книге XXVII, при описании войны между римлянами и персами в 368 году, главным образом, можно полагать, из-за Армении и Иберии. Этот тот Аспарук, которому, по Аммиану, было поручено Шабуром управлять грузинскими племенами после изгнания римского ставленника Саурмага.

Марцеллин, как известно, довольно подробно описывает борьбу между приверженцами Саурмага и Аспаруга и указывает, что Аспаруг предложил подошедшему уже к берегам р. Куры Саурмагу мирное разделение царской власти. Это предложение было принято Саурмагом и признано Римом.

Однако персы не мирились с этим и требовали от Рима, чтобы власть в Иберии принадлежала только одному Аспаругу — ставленнику Персии[57]. Этот Аспаруг известен и по грузинским историческим источникам. И. А. Джавахишвили полагал, что «вероятно, этот Аспаруг подразумевается в летописи «Мокцевай Картлисай» под именем «Варза-Бакура»[58].

Несмотря на это, на наш взгляд, нет основания отождествить Аспаруга, упомянутого Аммианом и автором «Мокцевай Картлисай», ни с упомянутыми в надписи Шарагаса «Аспаруком», ни с Аспаругом Эристави, изображенном на вставке перстня первой гробницы, вследствие того, что упоминаемый в армазисхевских надписях Аспаруг, как выясняется, жил в I—II веках, а указанный Марцеллином Aspacurae и Аспаруг грузинских источников — это деятели второй половины, вернее, последней трети IУ века н. э. В «Жизни царей» упоминаются Асфагор, Аспагур, грузинский царь, сын Митридата[59].

Факт находки эриставского именного перстня-печати имеет большое значение, так как перстень являлся знаком

---

[57] Аммиан Марцеллин, История, XXVII, 12, 15; 12—17; ВДИ № 3, М., 1949, стр. 295, 297, 301.

[58] И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I, Тб., 1928, стр. 216 (на груз. яз.).

[59] Сравн. «Картлис цховреба» I, 1955, стр. 36—39.

власти. При освещении значения находки эриставского перстня-печати следует иметь в виду, что до его обнаружения «питиахшат» считался по происхождению не местным институтом, возникшим значительно позднее; в частности, отрицалось существование этого политического института до V в. н. э. Обнаружение эриставского перстня Аспаруга дает основание предполагать местное происхождение института эристави, для передачи которого в греческом, пехлевийском и т. д. языках использовался широко распространенный в то время термин «питиахш».

Негативный характер вырезанной на вставке перстня надписи подтверждает, что мы имеем дело действительно с эриставской печатью Аспаруга и, стало быть,—инсигнией[60].

При издании этой надписи С. Г. Каухчишвили было отмечено, что форма собственного имени Ασπαυρούκις характерна для I—III веков; в частности, имеется в виду распространение в это время укороченного окончания «ις» вместо «ιος»[61]. Археологический материал дает возможность уточнить предложенную С. Г. Каухчишвили дату, поскольку в первой гробнице вместе с эриставским перстнем были обнаружены монеты, не выходящие за пределы 138 г. н. э., т. е. первую гробницу можно относить к середине II в. н. э.

После находки перстня Аспаруга Эристави особенно интересным стал вопрос о втором перстне-печати грузинского происхождения, хранящимся и ныне в Луврском музее, на камне которого выгравировано изображение эристава с более поздней надписью, чем на эриставской печати первой гробницы Армазисхеви.

---

[60] М ц х е т а I, стр. 27. Там же литература по этому вопросу.

[61] С. Г. К а у х ч и ш в и л и, Греческие надписи, найденные в Армази, Сообщения АН Грузии, т. II, № 1—2, Тб., 1941, стр. 169.

В последнее время Луврский перстень вновь стал предметом обсуждения Е. С. Такайшвили[62], Г. В. Церетели[63], К. С. Кекелидзе[64] и Б. А. Куфтина[65].

На гипсовом оттиске указанной печатки, хранящемся в Государственном музее Грузии, ясно читается: OVCAC ΠΙΤΙΑΞΗC ΙΒΗΡΩΝ ΚΑΡΧΗΔΩΝ. Г. В. Церетели первое слово читает как AC/OVCAC и считает его именем питиахша Иберии — А Р Ш У Ш А, эристава Картли[66]. В начале V века в Грузии известен один-единственный питиахш и он назначается правителем империи сасанидов, в качестве правителя вассальной территории или соправителя грузинских царей. Вероятно, именно в эту эпоху приобретает господствующее положение в грузинской письменности иноязычное слове «питиахш», так как подобным образом именуют себя сами носители этого титула, в большинстве случаев, персы[67], что и отразилось, по-видимому, в позднейших многочисленных сведениях о «питиахшах Картли».

Посланный персами «начальник страны» — правитель, «питиахш» — является новым питиахшем в Картли[68]. Ни по своим правам и обязанностям, ни по своему происхождению он не является каким-либо преемником эриставов, питиах-

---

[62] Е. С. Т а к а й ш в и л и, Когда государство иберов было заменено государством грузин, Журн. «Мнатоби», № 8, Тб., 1948.

[63] Г. В. Ц е р е т е л и, О некоторых неясных случаях древней этно и топонимики Грузии, Сообщения АН Грузии, т. 10, № 6, Тб., 1949, стр. 377—384.

[64] К. С. К е к е л и д з е, К пониманию надписи перстня Ашуши-питиахша, Этюды I, Тб., 1956, стр. 147—154.

[65] Б. А. К у ф т и н, О некоторых неясных случаях древней этно и топонимики Грузии по иностранным источникам, Сообщения АН Грузии, т. X, № 6, Тб., 1949, стр. 318—321.

[66] К. С. К е к е л и д з е считает слово надписи «καρχηδων» спорным. В указанном слове реально должно быть название одной из династий Ирана В связи с этим, смысл надписи будет таков: «Ашуша, питиахш иранских (персидских) иберов».

[67] Г. В. Ц е р е т е л и, Армазская билингва. Известия ИЯИМК АН ГССР, т. XIII, 1943, стр. 41 (на груз. яз.).

[68] История Грузии, под ред. акад. С. Н. Джанашиа, Тб., 1946, стр. 104.

шей) Картлийских царей античной эпохи. Питиахшами царей Картли являлись, разумеется, местные знатные лица. В Картли их именовали эриставами (груз. «эристави» — букв. «глава народа», или «упали» — «владыка»), следовательно, для обозначения местного по происхождению политического института пользовались местным термином эристави. Наряду с термином эристави, как об этом свидетельствуют исторические источники и новые археологические находки, был распространен и негрузинский термин «питиахш», используемый для обозначения соответствующего понятия в греческом или других иноязычных текстах[69].

Такова, на наш взгляд, история института «эристави» или питиахша в Картлийском царстве в I—III вв. н. э. и позже, когда картлийский царь стал вассалом Сасанидов.

Как видно, изучение рассматриваемой надписи оказалось важным во многих отношениях: нам стал известен соправитель властителя Картлийского царства Аспаруг; выясняется, что в I—II вв. н. э. у картлийского царя были эристави (питиахши). Эристави был первым лицом после царя в своей области, был облечен знаками власти.

Шестая надпись. При рассмотрении эриставского пояса Аспаруга привлекает внимание золотая прямоугольная массивная и украшенная полудрагоценными камнями бляха, обведенная по краям сплетенной из тонкой золотой проволоки, заметно рельефной полоской, видимо, широко распространенной в Картли античного времени, в бронзовую, железную и позднее, в феодальную эпоху (табл. XXXIV). Посередине, в крупное овальное окаймленное зернью гнездо, вставлен большой овальный прозрачно-красный альмандин, на котором выгравирована портретная пара с обведенной вокруг греческой надписью, полностью покрывающей края камня, разделенной на две части: первая — ΖΕΥΑΧΗΣ ΖΟΗ ΜΟΥ — читается слева вверх и направо, т. е. следует по овальному камню в направлении часовой стрелки;

---

[69] Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 41.

вторая же, вырезанная под изображением, — читается против движения часовой стрелки и состоит из одного слова — КАРПАК; в переводе: «Джавах — жизнь моя, — Карпак»[70] (табл. XXXIV, 1; XXXVI, 2).

Предложенный нами перевод отличается от перевода первого издателя этой надписи С. Г. Каухчишвили только иной последовательностью слов и передачей греческой «Z» грузинским „ჯ" дж. У С. Г. Каухчишвили мы читаем: «Карпак, Зевах, моя жизнь»[71]. В этой же последовательности предложили свои переводы Г. В. Церетели: «Карпак — Зевах, моя жизнь»[72] и Т. С. Каухчишвили, последняя с той разницей, что вместо З е в а х, пишет Д з е в а к — ძვეაკი и, соответственно, дает следующий перевод надписи: «Карпак, Дзевак, моя жизнь»[73].

При разборе надписи С. Г. Каухчишвили указал на смешение омеги с омикроном, которое наблюдается со второго века н. э., следовательно, надпись нужно относить ко II веку н. э.[74]

Предложенную дату отчасти уточняет нумизматический материал. В гробнице найдены золотые монеты Тита (79—82), Траяна (93—117) и Адриана (117—138). Следовательно, и монетными находками гробница датируется первой половиной II века н. э.

Рассмотренная здесь надпись познакомила нас с двумя неизвестными дотоле лицами — эриставом Джаваҳом и его супругой Карпак, которые, по-видимому, находились в близких отношениях с правящими кругами Иберийского царства, как это выясняется из других надписей (см. стр. 157—164).

---

[70] М ц х е т а I, стр. 25; ср. А. М. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, I, Тб., 1963, стр. 141.

[71] С. Г. К а у х ч и ш в и л и, Греческие надписи, открытые в Армази, САН ГССР, IV, 3, стр. 169.

[72] Г. В. Ц е р е т е л и, Армазская билингва, стр. 34.

[73] Т. С. К а у х ч и ш в и л и, Греческие надписи в Грузии, стр. 260.

[74] С. Г. К а у х ч и ш в и л и, Греческие надписи, открытые в Армази, САН ГССР, IV, 3, стр. 170.

Седьмая надпись. 21 октября 1940 года в Армазисхеви была вскрыта вторая гробница фамильной усыпальницы питиахшей. Она имела двускатное перекрытие, т. е. подразумевалось женское погребение. В юго-западной части гробницы обнаружена была большая серебряная чаша, на дне которой, в медальоне, выгравировано погрудное изображение мужчины с царским головным убором и облачением (табл. XLI).

На внешней поверхности чаши, ниже золоченого края, выведена точечная надпись (табл. LVI).

Г. В. Церетели опубликовал следующий перевод этой надписи: «Питиахш божественного Ардашира, сына божественного (Папака)». Затем повторяется слово питиахш и указана страна, возможно, Иберия (Грузия)[75]. В конце указан вес — 53 драхмы. Надпись найденной во втором армазисхевском погребении серебряной чаши в отличие от других надписей выполнена на средне-персидском (сасанидском — фалайском) языке, персидскими (парсийскими) буквами[76].

Г. В. Церетели обратил внимание на упомянутое в надписи имя царя и указал, что это должен быть Ардашир I, основатель империи Сасанидов. Высказано предположение о том, что на внутренней поверхности чаши (на медальоне) должен быть изображен сам Ардашир I, следовательно, чашу следует датировать второй четвертью III века и дата надписи должна быть выделена от даты второй гробницы, так как в последней вместе с этой чашей найдены золотые монеты (среди них Валериана — 253-260), определяющие нижнюю хронологическую границу захоронения.

Если допустить, что на нашей чаше изображен Ардашир I, серебряная чаша второй четверти третьего века попала в погребение 50—60-х годов того же века, тогда допус-

---

[75] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии, ВДИ, № 2, 14, 1948, стр. 55.

[76] Г. В. Церетели, Армазская сасанидская надпись. Тезисы 23-й сессии отделения общ. наук АН ГССР, Тб., 1948, стр. 9.

тимо и то, что тот питиахш картлийского царя, которому, возможно, Ардашир I подарил серебряную чашу, жил до 50—60-х годов III века[77].

Из надписи, по нашему мнению, выясняется, что Ардашир I подарил серебряную чашу эриставу картлийского царя в то время, когда Иберия была в дружеских отношениях с Римом и, разумеется, не являлась вассалом Сасанидской империи. Если это так, то указанный шаг Ардашира I надо расценивать, как шаг дипломатический, — показатель того, что, стараясь оторвать Иберию от Рима, захватить в свои руки нити правления этой страной и превратить ее в своего вассала, Ардашир I в то же время пытался, в первую очередь, расположить к себе эриставов (питиахшей) царя Картли. Поэтому нам кажется, что при интерпретации надписи необходимо учитывать сложную политическую ситуацию III в. н. э.

Симптоматично, что соправитель иберийского царя, армазский эристави (питиахш) Берсума, сторонник римской ориентации, получает подарок от царя римской ориентации, а позже, в царствование Ардашира I, этот последний посылает соправителю царя Иберии почти аналогичный подарок с сасанидской надписью и с изображением, возможно, самого Ардашира I. Ардашир I, несомненно, должен был ускорить этот шаг, ибо он, видимо, знал о помощи, оказываемой Иберией Риму в борьбе против Персии, и, следовательно, как старались римские правящие круги, так и Ардашир I должен был стараться расположить к себе царей и питиахшей Иберии.

Со дня воцарения Ардашира I постепенно начинает возрастать его влияние на Иберию, а после 368-го года положение резко изменилось, персидский царь Шабур вторгся в Иберию и, изгнав иберийского царя Саурмага — сторонни-

---

[77] Об этом иного мнения Г. В. Церетели. Видимо, главным образом из-за того, что надпись персидская, он отмечает: «Это, по-видимому, объясняется тем, что владелец чаши является питиахшем не иберийского, а сасанидского царя» (см. Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, стр. 56).

ка римлян, царем Картли посадил родственника Саурмага — Варза-Бакура — Аспарука[78].

Интересам Персии больше соответствовало воцарение Варза-Бакура, чем Саурмага. Следует думать, что в эпоху Шабура появление при царском дворе Иберии вельможи — сторонника Сасанидов не должно было быть неожиданным; уже в течение длительного времени при дворе картлийского царя, нужно полагать, увеличивалось число вельмож—приверженцев Сасанидов. Самым ярким выразителем их желаний кажется Варза-Бакур, однако, возможно, что самым первым вельможей сасанидской ориентации был именно тот эристави, которому Ардашир I подарил упомянутую выше чашу. Эта деталь в некоторой степени может пролить свет и на внутреннее положение царского двора Картли, указывая на намечавшиеся стремления Сасанидов, в частности, на дипломатическую борьбу между ними и римлянами за Иберию.

Иначе трудно было бы объяснить обнаружение в Армазисхеви серебряной чаши с изображением Ардашира I, надпись на которой также напоминает об Ардашире. С этой точки зрения естественно увязать чашу из второй гробницы с иранским культурным миром. Исходя из вышесказанного, кажется совершенно естественным заключение Г. В. Церетели о том, что на памятниках, связанных с иранским культурно-политическим миром, обычно надписи выполнялись на персидском языке, тогда как надписи царей и вельмож Иберии (Картли) выполнены на армазском языке. Отсюда ясно, что армазское письмо и язык, на котором писались надписи, являются носителями своеобразных местных традиций и не могут представлять собой модификацию средне-персидского[79].

Совершенно иная картина вырисовывается позднее, когда Картли стала вассалом Сасанидов. Сасанидам были хорошо известны права и обязанности эриставов картлийского царя и поэтому своих представителей — питиахшей они

[78] Аммиан Марцеллин, История, XXVII, 12, ВДИ, № 3, М., 1949, стр. 295.

[79] Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 9.

послали не в Мцхета, а в Тбилиси: «Тогда Крам-Хуар-Бор-Зард, питиахш персидского царя, вступил в город-крепость Тбилиси, и Картли (Сомхити, Сивнети и Гуаспураган) подпали под его дань»[80]. По мнению И. А. Джавахишвили, это должно было произойти в первой половине V века, а по Г. А. Меликишвили, речь идет о событиях IV века н. э.[81]

Примечательно, что одна из найденных в этой гробнице римских монет использована как украшение. При этом симптоматично, что у этой монеты (Септимия Севера — 193—211)ушко проделано так, что изображение императора стоит вверх ногами.

Таким образом, надпись серебряной чаши, обнаруженной во второй гробнице Армазисхеви, и предполагаемая принадлежность чаши к иранскому культурному кругу способствуют лучшему представлению борьбы Сасанидов за Иберию, ослабления связей и даже разрыва отношений между Иберией и Римом, начатого с первых же лет воцарения Ардашира I. По-видимому, вначале эта борьба была тайной и дипломатической, но ей, возможно, уже сочувствовала некоторая часть членов царского двора Картли.

По рассмотрении этой надписи и чаши нам ясно, что когда Ардашир I не смог прибрать к рукам сильную и дружественную Риму Иберию, он прибег к другим мерам: начал вербовать сторонников сасанидов при дворе царя Иберии, в частности, среди эриставов; впоследствии количество его сторонников в Иберии постепенно увеличивалось. Возможно, у некоторых из них зародилось желание и надежда получить с помощью сасанидов титул царя Картли. Таким образом, есть основание думать, что в Иберийском царстве была подготовлена почва для разрыва дружбы с Римом и расширения союзных отношений с Персией. Это движение име-

---

[80] Е. С. Такайшвили, Описание рукописей Об-ва распространения грам. среди груз. населения, т. II, стр. 720; Ф. Жордания, Хроники I, Тб., 1892, стр. 42—43; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тб., 1959, стр. 460.

[81] И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I, Тб., 1938, стр. 257; Г. А. Меликишвили, Указ. соч., стр. 460.

ло и местную основу, но способствовали ему и усиливали его мероприятия Ардашира I и его преемников. Впоследствии же оно приняло характер явного и вооруженного нападения, превратилось в настоящее насилие персов, и с конца IV века Картли не смогла освободиться от насилия сасанидов ни собственными силами, ни стараниями Римской империи помешать Персии покорить Иберию.

В результате судьба Иберии оказалась предопределенной и она временно превращается в вассальную страну Сасанидской империи.

По-видимому, «питиахши» сравнительно рано взяли персидскую ориентацию; безусловно, не случайно, что первым представителем Персии в Иберии был именно питиахш и и притом очень скоро эта должность оказалось в руках картлийской знати наследственной.

Расшатанное внутреннее единство Иберии и общая слабость римского влияния открыли путь сасанидам, еще больше ослабили царскую власть в Иберии. В первое время это, видимо, казалось благоприятным для эриставов — питиахшей Картли.

В последние годы Ш. Я. Амиранашвили опубликовал новое исследование относительно серебряной чаши, найденной во второй гробнице усыпальницы армазисхевских питиахшей. По утверждению автора, на армазской чаше мы имеем изображение человека, занимавшего в Сасанидском государстве высочайший пост и, несомненно, принадлежащего к кругу вельмож, по-видимому, из рода правящей династии[82].

Одновременно, Ш. Я. Амиранашвили публикает свой следующий перевод точечной надписи, выведенной на чаше: «Попак-питиахш божественного Ардашира, сына божественного Попака преподносит (эту чашу) Арзамесу, питиахшу страны Гурзан»[83].

---

[82] Ш. Амиранашвили, Серебряная чаша раннесасанидской эпохи, найденная при армазских раскопках, См. сборник: Тбилиси — 1500 лет, Тб., 1958, стр. 89 (на груз. яз.).

[83] Там же, стр. 90.

Следовательно, по мнению Ш. Я. Амиранашвили, согласно этой надписи, Попак — питиахш Ардашира I, сына Попака, жалует чашу питиахшу Грузии (в этом случае, Восточной Грузии). На чаше изображен не властелин Ирана Ардашир I, а сам Попак, который, несомненно, принадлежал к родовитым кругам, возможно, находился в родственных отношениях с основателем династии. Название «Гурзан» является наиболее ранним упоминанием (относящимся к первой половине III века н. э.) в такой форме Восточной Грузии[84].

Восьмая надпись. Серебряное широкое блюдо, обнаруженное 23 ноября 1940 года в третьей гробнице армазисхевских эриставов, привлекло внимание не только уложенными на нем человеческими останками, декором, но и надписями. На поддоне выведена точечная надпись—шесть слов и отдельно выцарапано еще одно. Кроме этого, в середине дна выцарапано еще два знака (лигатура) (табл. LIV, 2).

Надписи блюда выполнены на греческом языке и читаются легко: Ἐγὼ Βασιλεὺς Φ—λ Δάδης ἐχαρισάμην Βερσουμᾶ πιτιάξῃ

«Я, царь Флавий Дадес подарил (это блюдо) эриставу Берсуме». С. Г. Каухчишвили, впервые подробно разобрав эту надпись, установил в ней признаки характерные для I—III веков н. э.[85]. Эту дату значительно уточняет археологический материал, а именно, найденные в третьей гробнице золотые монеты Гордиана, Филиппа Старшего, Траяна Деция и др. Самая поздняя монета (Гостилиана) не выходит за 253-й год и, таким образом, дает достаточно твердое основание к датировке гробницы серединой или началом второй половины третьего века н. э.

---

[84] Ш. Я. Амиранашвили, там же, стр. 90—91. Еще в 1948г. Г. В. Церетели отмечал, что в этой надписи «упоминается страна, возможно, Иберия (Грузия); последние буквы rgn дают возможность восстановить слово vrg vrkn (см. Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ, 1948, № 2, стр. 55).

[85] С. Г. Каухчишвили, Греческие надписи, найденные в Армази, стр. 170—171.

Последний издатель надписи П. Ингороква опубликовал почти совершенно аналогичный перевод «Я, царь Флавий Даде пожаловал (это блюдо) тебе питиахшу Берцуме»[86]. Различие, в основном, заключается в следующем: а) С. Г. Каухчишвили передает имя царя. Δὰσης как «Д а д е с», а П. Ингороква—„Д а д е“; б) имя же эристава Βερσούμα С. Г. Каухчишвили передал как „Берсума“, а П. Ингороква — „Берцуми“; в) греческое слово ἐκαρισάμτν С. Г. Каухчишвили переводит —„подарил“ ვაჩუქე, а П. Ингороква —„пожаловал тебе“ გიწყალობე. С. Г. Каухчишвили пополнил перевод надписи двумя словами („эту чашу“); а П. Ингороква—словами: „это блюдо“[87].

С. Г. Каухчишвили указал что в слове Δὰδης имеется обычное для собственных имен окончание ης и в грузинском ему соответствует „Дади“. Последнее же напоминает имена древнегрузинских царей — Тр-дати, Бал-дади и др.[88] П. Ингороква полагает, что собственное имя Βερσούμα должно читаться— „Берцуми“, так как в древнегрузинском засвидетельствована следующая разновидность этого имени Борцоми и Барацмани[89].

Г. В. Церетели считает, что имя этого эристави арамейского происхождения: «Здесь всплывает имя иберийского царя «Флавий Дадес» и какого-то питиахша, носящего хорошо известное имя — Барсаума. (Bor Sauma).

Несмотря на то, что между опубликованными переводами этой надписи отмечается незначительное различие, большое историческое значение надписи признается всеми специалистами. Эта маленькая надпись познакомила нас еще с двумя высокодолжностными лицами Восточно-Грузинского цар-

---

[86] П. И н г о р о к в а, Памятники грузинской письменности античного времени, Сообщения ИЯИМК, т. X, Тб., 1941, стр. 411.

[87] Ср. М ц х е т а I, стр. 52—54.

[88] С. Г. К а у х ч и ш в и л и, там же, стр. 171.

[89] П. И н г о р о к в а, там же, стр. 411.

[90] Г. В. Ц е р е т е л и, — Эпиграфические находки в Мцхета, стр. 50.

ства: царем Флавием Даде или Флавием Дади и эриставом Берсума[91].

Мы выше отметили, что данные надписи и нумизматический материал датируют эту гробницу пятидесятыми годами третьего века н. э. Эту дату надо пока что принять условно для гробницы, но не распространять ее на все найденные в ней предметы и, среди них в первую очередь, на блюдо с надписью.

При разборе основной надписи данного большого серебряного блюда П. Ингороква подробно разобрал и два знака, выцарапанные в центре поддона блюда и попытался раскрыть и объяснить их.

Автор считает, что эти знаки являются инициалами владельца блюда, написанными по-грузински, и отмечает, что лигатура, согласно естественному титлованию букв, раскрывается как ՀՍ. Раскрыв лигатуру таким образом, П. Ингороква полагает, что первый знак — это «Հ (б), а второй — архаический вид грузинской буквы «Ս» (п). В последующем рассуждении автора выясняется, что эти две буквы (б, п) должны быть грузинскими инициалами: «Б[ерсум] п[итиахш]»[92].

Раскрытие лигатуры в такой последовательности имеет значение для восстановления существовавшего в древности порядка обозначения должности и личности: первым указывалось имя, а затем должность (титул)[93].

Это само по себе правильное, на наш взгляд, предположение, трудно доказать. Изучение последовательности выведения отдельных знаков лигатуры не подтверждает указанного П. Ингороква правила. Даже и невооруженным глазом легко заметить, что из двух линий, пересекающих друг друга, первой выцарапана вертикальная а затем горизонтальная, т. е. сначала выцарапана та буква, которую Ингороква считает буквой «Ս» (п), а после — вторая, т. е. «Հ» (б).

---

[91] Мцхета I, стр. 53—54.

[92] П. Ингороква, там же, стр. 414.

[93] П. Ингороква, там же, стр. 414.

По этой причине скорее следует предположить иную последовательность, а именно, «Питиахш Берсума», т. е. сначала должность, а затем имя, но и это не главное. Раскрывая лигатуру, П. Ингороква попытался установить личность Берсумы, отметив, что в третьем веке по древнегрузинским историческим источникам питиахш Берсума не известен, а почетное имя из-за уважения к римским императорам дома Флавиев картлийский царь мог получить только в последней четверти I в. н. э. П. Ингороква предположил вероятную дату жизни упомянутого в надписи царя Флавия Даде: это 70 — 92 гг. I в. н. э. По традиции грузинских национальных летописей, царь Кардзами был современником дома Флавиев, следовательно, именно Кардзами мог получить почетное имя Флавиев, а соправителем Кардзами в тех же грузинских источниках упоминается Барцоми[94].

Этого Барцоми автор считает соправителем царя всей Иберии — Армазским питиахшем и заключает, что упомянутый в надписи Берцум и известный в грузинских летописях Барцоми идентичны. Таким образом, по П. Ингороква, блюдо с надписью следует отнести к концу первого или же, в крайнем случае, к началу второго века.

Стало быть, как мы уже отмечали выше, дату погребения следует различать от даты выполнения надписи на блюде. Выходит, что царь Флавий Даде и Берсума эристави жили не в III веке или, иначе говоря, Берсума был похоронен не в пятидесятые годы III века, а гораздо раньше: или в самом конце первого века, или в начале второго. Пока что мы не можем отойти от этой даты. Однако, это не может служить основанием для датировки гробницы, в которой были обнаружены блюдо и другие предметы.

В свое время мы указывали, что останки покойника лежали на большом серебряном блюде, что считается доказательством вторичного захоронения, и в качестве иллюстра-

---

[94] П. Ингороква, Памятники грузинской письменности античного времени, стр. 417.

нии, объясняющей этот факт, мы назвали случай с царевичем Амазаспом[95].

Вторичное захоронение связанное с переносом покойника в Армазисхеви, быть может, имеет значение и с точки зрения изучения надписи третьей гробницы. Это, возможно, объяснит, как столь древний предмет, как блюдо Берсумы, могло попасть в погребение III века. Положение дела представляется приблизительно так: третью гробницу родовой усыпальницы армазисхевских эриставов можно датировать 50-ыми годами III века, но при этом следует предполагать, что царь Флавий Даде и Берсума эристави жили в конце I и начале II веков, т. е. надпись следует отнести к тому же времени. Обнаружение блюда Берсумы следует объяснить фактом вторичного захоронения в эту гробницу. Если допустить, что лежащие на блюде человеческие останки должны быть Берсумы эристава, тогда надо принять и вытекающее отсюда заключение, что перенос останков Берсумы следует отнести к 50-ым годам III века.

При переносе останков Берсумы блюдо было помещено в характерную для III века каменную гробницу вместе с современными вторичному захоронению монетами и многочисленными предметами.

Если мы примем опубликованное П. Ингороква положение и сочтем лигатуру за грузинские инициалы Берсумы эристава, тогда мы должны признать их за самый древний из известных нам памятников грузинской письменности, т. е. образцом грузинской письменности I—II вв. Однако для такого предположения, на наш взгляд, нет твердого основания и мы вынуждены обратить внимание на некоторые трудности для принятия предположения П. Ингороква.

Во-первых, трудно допустить, что в первом веке был известен вариант грузинской буквы «Ч» с раскрытой головкой.

---

[95] Ср. Мцхета I, стр. 48; Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи в Грузии, стр. 235—237; А. И. Амиранашвили, Иберия и римская экспансия, стр. 162; Г. В. Церетели, Греческая надпись из Мцхета эпохи Веспасиана, Тб., 1958, стр. 15; его же, Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ, 1948, № 2.

Правда, образцов грузинской письменности того времени мы еще не имеем, но согласно нынешнему состоянию грузинской палеографии, вариант буквы «Ч» с раскрытой головкой не является древнейшим. В труде И. А. Джавахишвили, к которому обращается И. Ингороква за поддержкой, достаточно убедительно доказано, что головка буквы «Ч» лишь постепенно расширялась и раскрывалась[96].

С сомкнутой головкой оказалась эта буква в Болнисской надписи 506 года. Из других надписей выясняется, что «Ч» остается с сомкнутой головкой до конца VI века. То же самое засвидетельствовано и в новооткрытых рукописях VI века. Таким образом, вполне понятно, что и в составленной И. А. Джавахишвили таблице буква «ჩ» с раскрытой головкой не указывается ранее VII—VIII в.[97] Аналогичного мнения придерживается и С. Н. Джанашиа[98].

Таким образом, нам кажется, нет достаточных оснований для принятия предложенной П. Ингороква расшифровки выцарапанного на блюде знака. По всей вероятности, этот вопрос потребует дополнительного изучения.

При разборе и первой публикации надписи блюда эриставa Берсумы не обратили внимания на выцарапанное на поддоне блюда слово Μακεδόνι — Македони.

По мнению Т. С Каухчишвили, слово Μακεδόνι должно быть именем Μακεδών или Μακεδόνις в дательном падеже, т. е. автор допускает, что здесь подразумевается некий «Македоний», которому, быть может, также было подарено (или, возможно, принадлежало) это блюдо, как эриставу Берсуме[99].

Сравнительное изучение способа выцарапывания этого слова показало, что оно должно быть выполнено позже и

---

[96] И. А. Джавахишвили, Грузинская палеография, Тб., 1929, стр. 207 (на груз. яз.).

[97] И. А. Джавахишвили, там же, табл. 1.

[98] История Грузии, под редакцией С. Джанашиа. Тбилиси, 1946, стр. 92—93 и таблица развития грузинской письменности.

[99] Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи в Грузии, стр. 265; Мцхета I, стр. 62.

паспех. Следовательно, пунктирная надпись является основной и она, вероятно, выполнена при изготовлении блюда по указанию заказчика. Ее текст—полный и существенный по своему содержанию. Разумеется, нельзя сказать того же относительно выцарапанных знаков и слов. Во всяком случае, следует предполагать, что выцарапанная надпись не была делом рук мастера-торевтика, изготовившего указанное серебряное блюдо.

Девятая надпись. Четвертая гробница, вскрытая 25 ноября 1940 года[100], внешне ничем не походила на погребения эриставов. После снятия перекрытия обнажились две большие тесаные плиты, использованные для южной и северной стен указанной гробницы. При снятии южной стены выяснилось, что на внутренней стороне этой плиты вырезана двуязычная надпись; на северной же стене обнаружилась надпись, выполненная арамейскими буквами, т. е. одноязычная. Таким образом, выяснилось, что двумя стенами четвертой гробницы служили стелы, очевидно, после того, как они потеряли свое первоначальное значение.

Греческий текст двуязычной надписи состоит из десяти строк и занимает площадь 61x62 см. Ниже этого высечен текст арамейскими буквами, состоящий из одиннадцати строк и занимающий почти такую же площадь 63x61,5 см. Верх плиты с двуязычной надписью закруглен.

Двуязычная надпись вообще хорошо высечена, буквы почти одинаковы, читаются легко. Слегка повреждена (обломана) девятая строка арамейского текста.

Греческий текст этой надписи уже несколько раз издавался. Еще 10 февраля 1941 г. акад. А. Г. Шанидзе представил в редакцию «Сообщения» — печатного органа грузинского филиала Академии наук СССР — статью, в которой он рассматривает армазскую двуязычную надпись в связи с определением термина ეზოსმოძღუარი (эзойсмодзгвари)[101]

---

[100] Мцхета I, стр. 68—73.

В том же номере Сообщений Академии наук Грузинской ССР напечатана статья С. Г. Каухчишвили о надписях, найденных в Армази[102]. В этой статье проф. С. Каухчишвили публикует текст, перевод и комментарии к надписи. Проф. Г. В. Церетели прочел специальные доклады 7 декабря 1940 года на заседании Ученого Совета Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала Академии наук Союза ССР и на первой сессии Академии наук Грузинской ССР (1 марта 1941 года). Впоследствии Г. В. Церетели опубликовал несколько исследований об этих надписях.

Как мы уже отметили, несколько отличающиеся друг от друга переводы этой двуязычной надписи опубликовали А. Г. Шанидзе, С. Г. Каухчишвили и Г. В. Церетели. Чтобы сделать ясным это различие, мы здесь же публикуем переводы названных исследователей. А. Г. Шанидзе в своем вышеназванном труде, опубликованном на русском языке, дает следующий перевод греческого текста: «Серапита, дочь нового питиахша Зеваха, жена Иодмангана (сына питиахша Публикия Агриппы), победоносного (буквально—одержавшего много побед) прокуратора великого грузинского царя Ксепарнуга, скончалась молодая, 21-го года, имея неподражаемую красоту»[103].

Перевод Г. В. Церетели: «Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша, жена сына питиахша Пупликия Ариппы, Иодмангана, одержавшего много побед эпитрона великого царя иберов Хсефарнуга. Скончалась молодая, 21 года, обладала бесподобной красотой[104]. Перевод С. Г. Каухчиш-

---

[101] А. Г. Шанидзе, Данные греко-пехлевийской билингвы из Армази для истории термина ვზოდსმოძღვარი — эзойсмодзгвари в древнегрузинском. Сообщения АН Груз. ССР, т. II, № 1—2, Тб., 1941, стр. 181—186.

[102] С. Г. Каухчишвили, Греческие надписи, открытые в Армази, САН ГССР, IV, 3, стр. 169—175.

[103] А. Г. Шанидзе, Указ. соч., стр. 185.

[104] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ 1948, № 2, стр. 50.

вили: «Серапита, дочь нынешнего питиахша Дзеваха, супруга сына питиахша Пупликия Агриппы — Иодмангана, одержавшего много побед эпитропа царя Иберов, великого Ксефаруга. Скончалась еще молодой, 21 года; обладала бесподобной красотой».

Как мы видим, разногласие вызвано переводом греческого выражения τοῦ νεωτέρου. С. Г. Каухчишвили переводит его как «нынешнего», А. Шанидзе — «нового», а Г. В. Церетели — «младшего». Сообразно с этим, различное значение приобретает это слово у каждого из названных авторов. Исключительное значение имеет оно при комментариях перевода, опубликованного Г. В. Церетели, так как автор предполагает существование института б о л ь ш о г о и м а л о г о п и т и а х ш е й.

Согласно В. Абаеву, термин τοῦ νεωΐτέρου означает «молодого», следовательно, речь идет о молодом питиахше. Как выяснил К. С. Кекелидзе, в древнегрузинских летописях упоминаются эристави трех степеней: ცოტაᲔრისთავი цтайэристави—малый эристави, ერისთავი эристави и ერისთავთ—ერისთავი эриставт-эристави—эристави эриставов[105]. Существовал и «порядок назначения малого эристави»[106]. Теперь для нашей цели особенно важно то, что К. С. Кекелидзе рассматривает сообщения древнегрузинских письменных источников в связи с армазскими надписями и замечает: «Из Мцхета-Армазских надписей известно, что существовали большие и малые питиахши. Если питиахш действительно соответствует грузинскому «эристави», как теперь полагают, следует допустить, что наряду с (большим) эристави существовал институт «малого» или «маленького» эристави — питиахша[107].

Второй текст двуязычной надписи, выполненный арамейскими буквами, впервые опубликовали Г. В. Церетели и А.

---

[105] К. С. К е к е л и д з е, Обычаи назначения «правителей» и «эриставов» в древнегрузинской литературе. Этюды, III, Тб., 1955, стр. 158 (на груз. языке).

[106] Там же, стр. 161, 165.

[107] Там же, стр. 159.

Г. Шанидзе. А. Г. Шанидзе рассмотрел и издал тексты двуязычной надписи, как уже отмечалось, в основном, с точки зрения восстановления истории одного термина «эзоисмодзгвар-и», поэтому он воздержался от подробного анализа всего текста. «Здесь, естественно, — отмечает А. Г. Шанидзе, — возникают большие проблемы исторического характера, но мы ограничиваемся освещением лишь одного вопроса»[108].

Г. В. Церетели, как уже отмечалось, посвятил много работ новым эпиграфическим памятникам Мцхета. В этих трудах автор дает не только чтение их и перевод, но и широко освещает их историческое значение и, выяснив ряд важнейших вопросов государственного строя Восточно-Грузинского царства, приходит к весьма значительным для грузинской письменности выводам.

В 1948 году Г. В. Церетели опубликовал новый русский перевод того же арамейского текста двуязычной надписи: «Я — Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша царя Фарсмана, жена Иодмангана — победоносца (военачальника) и много побед одержавшего (сделавшего) дворецуправителя царя Хсепарнуга — сына Агриппы, дворецуправителя царя Фарсмана. Горе, горе тебе, которая была молодая. И столь хорошая и красивая была, что никто не был ей подобен по красоте. И умерла на 21-м году (жизни)»[109].

В 1946 году H. S. Nyberg опубликовал следующий перевод спорного места: Serapeitis fille de Zeouakhes le plus jeune (ou: le second quant à son rang?) pitiaxe, femme du fils du pitiaxe Publicius Agrippa, Jodmanganos.., и т. д. [110]

В 1956 году билингву вновь опубликовал Bruce M.

---

[108] А. Г. Шанидзе, Данные греко-пехлевийской билингвы из Армази для истории термина эзоисмодзгвари в древнегрузинском. Сообщения АН Грузинской ССР, т. II, № 1—2, Тб., 1941, стр. 186.

[109] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии. ВДИ, № 2, М., 1948, стр. 50.

[110] H. S. Nyberg, Quelques inscriptiones antiques.., стр. 131.

Metzger. В его переводе спорное место читается так: [111] Serapitis, daughter of Zewah the younger pitiax, wife of the son of pitiax Publicius Agrippa, Iodmangan... и т. д.

На основе разбора греческого текста, С. Г. Каухчишвили приходит к следующему выводу: «Языковый анализ этой надписи приводит нас к заключению, что надпись должна быть отнесена к I—III векам (ведь имя Публикий Агриппа указывает на римскую эпоху)[112]. Там же С. Г. Каухчишвили отмечает: «В частности то, что последняя надпись не должна быть ранее II века, подтверждается употреблением термина: ἐπίροπος.“ Таким образом, общую дату греческих надписей, найденных в Армазисхеви (I—III в. н. э.) С. Г. Каухчишвили уточняет для двуязычной надписи и датирует последнюю II — III вв. н. э.

Археологическими материалами для датировки билингвы мы не располагаем. Это обстоятельство, конечно, не так уж усложняет датировку надписи. Упомянутый в надписи Фарсман, великий царь Картли, царствовал во II веке н. э., следующим за ним, видимо, был великий Ксефарнуг, также упомянутый в надписи, а это дает возможность «отнести двуязычную надпись ко второй половине II века или же к третьей четверти того же века»[113]. Эта дата согласуется с датой, установленной С. Г. Каухчишвили на основе языкового разбора надписи.

Зевах младший питиахш царя Фарсмана	Царь Фарсман	Агриппа-двороуправитель царя Фарсмана
↓	↓	↓
Серафита, дочь Зеваха младшего питиахша жена Иодмангана—двороуправителя	Царь Ксефарнуг	Иодманган, супруг Серафиты, сын Агриппы двороуправитель царя Ксефарнуга

[111] Bruce M. Metzger, A Greek and Aramais inscriptien... in Georgia.., стр. 18.

[112] С. Г. Каухчишвили, Греческие надписи, открытые в Армази. САН ГССР, II, № 1—2, Тб., 1941, стр. 173.

[113] Г. В. Церетели, — Армазская билингва, Тб., 1941, стр. 34.

[114] Там же, стр. 33.

После раскрытия текста надписи Г. В. Церетели представил взаимоотношения упомянутых в надписи лиц в следующем виде[114]: (см. схему на стр. 222).

Как показывает Г. В. Церетели, оба текста билингвы параллельны, но не соответствуют слово в слово друг другу. А. Г. Шанидзе отметил, что царь Фарсман упоминается только в фалайском тексте надписи[115], а царь Ксефарнуг упоминается, как царь Грузии, только в греческой. В греческой упомянуты два питиахша и один прокуратор; в фалайской же — один питиахш и два прокуратора. Таким образом, Агриппа в греческом тексте носит титул питиахша, а в фалайском — прокуратора[116].

Сравнение греческого и арамейского текстов делает очевидным, что автор надписи ни один из этих текстов не считал основным и не старался перевести с одного из них слово в слово на другой. Г. В. Церетели после расшифровки, датировки, перевода текста и рассмотрения композиции и действующих лиц пришел к выводу, согласно которому выделяется новая и самостоятельная ветвь семитической письменности — «армазская письменность», а памятники этого типа называются «армазскими надписями»[117]. Здесь же следует отметить, что Г. В. Церетели не признает пока окончательно установленным характер этой надписи. Об этом говорит один из его трудов, где отмечено, что в двуязычной армазисхевской надписи «текст изложен одновременно на греческом языке и на языке, характер которого окончательно еще не установлен»[118].

При рассмотрении двуязычной надписи вопроса о языке надписей коснулся проф. В. Абаев. Он отрицает иранский

---

[115] А. Г. Шанидзе считает второй текст билингвы фалайским-пехлевийским (ср. указанный труд).

[116] А. Г. Шанидзе, Данные греко-пехлевийской билингвы из Армази..., стр. 185—186.

[117] Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 5, 31.

[118] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ, № 2, 1948, стр. 50.

характер надписи и отмечает: «Говорить об иранском языке там, где нет ни одной иранской формы и только два иранских слова (из 32) было бы крайне рискованно. Мы не можем также удовольствоваться признанием, что надпись написана на «плохом» арамейском языке. Встает вопрос, почему на плохом, а не на хорошем? Не сказалась ли в дефектах языка надписи какая-то специфика местных условий, местной эпиграфической манеры. Выразим нашу мысль яснее: надпись исполнена в Грузии, и если допустить что писец был грузином, то не могло ли его грузинское языковое мышление выявиться невольно сквозь арамейский языковый инвентарь? И не отсюда ли проистекают если не все, то хоть некоторые из «несуразностей» надписи?»[119].

Мы полагаем, что соображения В. Абаева хорошо учитывают трудности, возникающие при письме на «чужом» языке. Такие соображения специалистов и вышеуказанные различия в двуязычной надписи дают основание предположить, что как греческий, так и арамейский текст переводились с общего оригинала. Таким оригиналом был, очевидно, местный грузинский текст. В этом отношении достойно внимания и то, что грузинские цари упоминаются с почетом и полным титулом (великий царь — царь великий), в отличие от греческой надписи 75-го года н. э., где грузинские цари ни разу не названы великими царями.

В других трудах Г. В. Церетели вопрос о происхождении грузинской письменности рассматривается в свете армазской письменности[112].

В частности, Г. В. Церетели устанавливает целый ряд совпадений между грузинской и армазской письменностью. Автор отмечает, что еще в 1926 году И. А. Джавахишвили выставил теорию о финикийско-арамейском происхождении гру-

---

[119] В. Абаев, Вокруг армазской билингвы. Сообщения АН Грузинской ССР, т. V, № 8, Тб., 1944, стр. 828.

[120] Г. В. Церетели, Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита II. Эпиграфика Востока, III, 1. 1949, стр. 59—71.

зинской письменности[121]. Однако И. А. Джавахишвили видел основную трудность в том, что грузинский и финикийско-арамейский хронологически очень отдалены друг от друга и далеки также и территориально. «Теперь, — замечает Г. В. Церетели,—это затруднение устранено, ибо появилось в виде армазского письма, промежуточное звено, к которому в хронологическом отношении непосредственно примыкают древнейшие памятники грузинского письма. Устранено также затруднение иного порядка. В Мцхета, древней столице Грузии, открыто своеобразное письмо, отличное от всех других, известных до сих пор алфавитов. Уже сам этот факт дает возможность предположить существование какой-либо связи этого алфавита с грузинским. Поэтому при установлении сходства той или иной буквы этого алфавита с грузинским будет больше оснований для утверждения о родстве между ними»[122].

Развитие этой точки зрения привело также Г. В. Церетели к очень важному заключению о том, что в официальных документах иберийских правителей использовалось, наряду с другими, и арамейское по происхождению, но совершенно своеобразное письмо, обнаруживающее определенное сходство с грузинским[123].

Десятая надпись (табл. LII,2). После обнаружения двуязычной надписи на внутренней стороне южной стены четвертой гробницы, наше внимание привлекла плита, использованная для северной стены гробницы. Судя по внутренней поверхности этой плиты, трудно было утверждать, что и на ней высечена надпись. След надписи был едва заметен[124]. Это обстоятельство и, вместе с ним, знак, высеченный ввер-

---

[121] И. А. Джавахишвили, Грузинская палеография, Тб., 1929, стр. 189.

[122] Г. В. Церетели, Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. II. Эпиграфика Востока, III, Л., 1949, стр. 63.

[123] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ, 1948, № 2, стр. 57.

[124] Там же, стр. 52

ху стены, еще более усилили интерес ученых к новой надписи. К изучению надписи тотчас же приступил Г. В. Церетели, который в конце того же 1940 года отметил, что в надписи упоминаются царь Митридат, сын царя Фарсмана великого эристав царя Митридата — тот же сын владыки Зеваха и др.[125].

В течение ряда лет Г. В. Церетели продолжал изучение надписи и в 1948 году опубликовал следующий перевод интересующей нас одноязычной надписи Мцхета: «Царь Михридат, царь великий, сын Фарсмана, царя великого. Я, Шарагас, сын Зеваха владыки, я, Шарагас, питиахш царя Михридата, слово и такое слово произнес»[126]... Затем,—отмечает Г. В. Церетели, — в тексте, как видно, изложено содержание речи Шарагаса; он рассказывает о тех победах, которые одержал «наш царь». В надписи перечислены победы, одержанные «нашим царем» над соседними с Грузией странами. Названы три укрепленных пункта, еще какие-то другие крепости, а также Армения. Рассказ о каждом походе или «победе» заканчивается словами: «эти победы наш царь одержал». Кроме этого, в надписи говорится о «волнениях народа» и упоминается Аспаруг[127].

С точки зрения языка и характера письма особенно интересно замечание Г. В. Церетели относительно того, что «царь» в одной и той же фразе обозначается различно: в одном случае, это понятие передано арамейским mlk, в другом — bzls или bzys, что, по мнению автора, должно быть сокращенной передачей греческого Βασιλεύς[128].

П. Ингороква считает, что надпись выполнена арамейским письмом[129]. Однако он обратил внимание лишь на спе-

---

[125] Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 42.

[126] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ 1948, № 2, стр. 52.

[127] Там же.

[128] Там же.

[129] П. Ингороква, Памятники грузинской письменности античного времени, стр. 418.

цифические знаки стелы, а основного текста он почти не коснулся. До расшифровки знаков П. Ингороква попытался восстановить первоначальный вид стелы и отметил, что эти знаки не могут быть и не есть какие-либо случайные по характеру знаки или орнамент (нельзя при этом забывать, что эти знаки представлены не на каком то случайном намогильном камне, а не стеле высшего правителя государства — питиахша)[130]. П. Ингороква считает, что в сохранившемся на камне изображении мы имеем два знака и что они являются грузинскими буквами[131], первая из которых древнегрузинская буква S и вторая также древнегрузинская ს.

П. Ингороква, пытаясь раскрыть этот вензель, высказывает соображение о том, что не скрывается ли в этом вензеле имя ჳევახოს («Тчевахос»), ранний вариант имени «Джевахос» ჯევახოს—ჯავახო «Джавахос» (II-Джавах)[132].

После ознакомления с началом арамейского текста П. Ингороква выясняет, какое имя должно было обозначаться вензелем, и считает возможным усмотреть в нем имя «ჭარგას" — Тчаргас, из которого в дальнейшем произошла форма ჩარგას — Чаргас, но в то же время он считает допустимой и другую возможность: «наш вензель — пишет П. Ингороква, — возможно, обозначает не личное имя самого Чаргас-Тчаргаса, а имя родоначальника новой ветви питиахшей ჳევახოს «Тчевахос».[133]

Г.В. Церетели предполагает, что в надписи подразумеваются события I века н. э. и упомянутый Фарсман, должно быть, знаменитый царь Иберии, сыгравший выдающуюся роль в войне римлян и персов за Армению. Указанные в надписи «волнение» и «войны», по мнению автора, подразумевают события времен сына Фарсмана Митридата[134]. Этим уточняется

---

[130] П. Ингороква, Памятники грузинской письменности античного времени, стр. 419.

[131] Там же, стр. 420.

[132] Там же, стр. 422; Мцхета I, Тб., 1958, стр. 72; А. М. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии I, Тб., 1963, стр. 152.

[133] П. Ингороква, Эпиграфические находки в Мцхета, стр. 58.

[134] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, стр. 53.

и дата надписи — она, по-видимому, I века н. э.[135]. Такую дату и интерпретацию надписи разделяют и другие специалисты.[136]

Заслуживает внимания попытка М. П. Инадзе связать переданный в рассматриваемой надписи рассказ о походах царя Митридата и большой победе со сведениями Леонти Мровели относительно похода иберов в Армению вместе в овсами в эпоху после царствования Фарсмана I (т. е. приблизительно, в 70—80-е годы I века[137]).

Такова основная часть найденных в Мцхета надписей, которые имеют исключительное значение для изучения истории древней столицы Иберии и вообще городов Картлийского царства.

Согласно обнаруженным в Мцхета надписям, выясняется, что правящие круги Картлийского (Иберийского) царства общались с иностранцами не на грузинском языке. Языком общения являлся греческий и та своеобразная ветвь арамейского, которая называется ныне армазским. Как выясняется, вследствие того, что языком для взаимного общения был греческий и армазский, эти языки были признаны правящими кругами Картлийского царства языками официальных документов. Поэтому неудивительно, что на эриставском перстне-печатке Аспаруга имя и титул эристава вырезаны на греческом языке. Анализ надписей показывает, насколько затруднялось письмо на «чужом» языке, несмотря на существование искусных «писцов», надписи не всегда выполнялись безупречно.

Армазская письменность, выделяемая Г. В. Церетели и являющаяся, по-видимому, письменностью официальных документов Картлийского царства, по происхождению должна была быть ближе всех других к грузинскому. Она (армазская письменность) являлась особой разновидностью ара-

---

[135] Г. В. Церетели, там же; Доклады на общем собрании АН СССР, М.-Л., 1948, стр. 360.

[136] Мцхета I, стр. 62.

[137] М. П. Инадзе, Взаимоотношения Иберии и Рима в первой половине II века. Труды института истории, I, Тб., 1955, стр. 316.

мейской письменности, переработанной на почве грузинской культуры и созданной, очевидно, в городах Картлийского (Иберийского) царства и, особенно, в его столице. Распространение армазской письменности и за пределами столицы подтверждается археологическими находками. При обзоре синхронных археологических материалов мы указали на серебряную чашу, найденную в Бори, с вырезанной армазской надписью, правильная расшифровка которой была осуществлена только при помощи армазисхевских надписей. На это же указывает и обнаружение арамейской надписи в Урбниси, Уплисцихе, Згудери и т. д.

После обнаружения надписи в Бори и Урбниси стало ясно, что армазская письменность была языком общения и официальных документов вообще, а не только для одной столицы.

Вообще же, на основе обнаруженных в Мцхета надписей, можно считать установленным, что языком международного общения и официальных документов в Картлийском царстве I—III веков были греческий и армейский языки. Возникает, по нашему мнению, достаточно твердое основание считать, что необходимые тексты надписей и документы переводились с грузинского на оба эти языка.

Мцхетские надписи имеют большое значение и с точки зрения истории грузинской письменности. Открытие в Мцхета памятников близко стоящей к грузинскому языку армазской письменности подкрепило основу теории, согласно которой происхождение грузинской письменности связывается с финикийско-арамейской.

Не раз уже отмечалось, что обнаруженные в Мцхета надписи имеют исключительное значение для изучения государственного строя Картлийского царства.

После расшифровки обнаруженной в Армазисхеви надписи, вырезанной на эриставском перстне - печатке, уже было ясно историческое значение находки эриставского перстня Аспаруга, но в те дни вопрос о происхождении института питиахшей не мог еще считаться выясненным, ибо на найденном перстне не было все же письменного указания, чьим питиах-

шем мог быть Аспаруг—питиахшем царя Иберии или Персии? Так стоял вопрос, и считалось принятым, что питиахшат являлся институтом персидского происхождения и питиахшем назывался представитель царя Персии в Иберии, как фактический правитель страны. По письменным источникам удалось датировать возникновение этого института, и считалось бесспорным происхождение питиахшата в Картли в конце IV или в начале V в. н. э.[138]. Эта концепция была настолько распространена и принята в грузинской историографии, что решить вопрос по-иному не помогла и находка перстня Аспаруга, хотя стало ясным, что И. А. Джавахишвили был готов при обнаружении соответствующего материала пересмотреть принятую им концепцию о происхождении института питиахшей в древней Грузии.

Вопрос о возникновении в Грузии питиахшата не решался окончательно и после обнаружения надписи на блюде питиахша Берсумы; хотя найденная в этом погребении надпись познакомила нас с еще одним, ранее неизвестным питиахшем, но и он был в положении Аспаруга, поскольку взаимоотношение с царем Флавием Даде не было выяснено и, стало быть, надпись эта оказалась недостаточной для решения вопроса о происхождении питиахшата в Картли. Но вопрос о целесообразности пересмотра принятой концепции был все-таки поставлен. В подобной же постановке вопроса вполне очевидно историческое значение надписей Аспаруга и Берсумы.

Вопрос о питиахшате в Картли был кардинально пересмотрен после того, как в Армазисхеви была найдена новая группа надписей, а именно, билингва и арамейская. В этих надписях, как мы уже указывали выше, не раз упоминаются питиахши: Шарагас, Джавах, Публикий Агриппа. При этом хорошо разъясняется и то, чьи питиахши упоминаются в надписях. (Ср. например,: «Я, Шарагас, сын Джаваха-владыки, Я, Шарагас питиахш царя Митридата», или же: «Я, Серафита, дочь Джаваха младшего, питиахша царя Фарс-

---

[138] Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ, 1948, № 2, стр. 57.

мана»; Серафита «жена сына питиахша Публикия Агриппы, Иодмангана, дворoуправителя (эпитрона) много побед одержавшего, великого царя иберов Ксефарнуга» и др.).

Из этих выписок ясно, что названные лица являются эриставами (питиахшами) царя Иберии; выясняется также и то, что эриставство было наследственным: Шарагас эристави — сын Джаваха-владыки. Это последнее обстоятельство, безусловно, имеет большое значение для истории государственного строя Картлийского царства.

При таком положении дел следовало думать, что и Аспаруг и Берсума должны были бы быть эриставами — питиахшами царя Картли.

Таким образом, расшифровка Армазисхевских надписей сделала очевидным, что с первого века н. э. эриставами царя Картли были Шарагас, Джавах, Берсума, Публикий Агриппа, Аспаруг и Арзамес. Самым ранним эриставом, согласно этой надписи, должен быть Шарагас, ибо в надписи он упоминается как эристави великого царя иберов—Митридата.

Раз выяснилось, что у царей Картли (Иберии) были свои эристави—питиахши хотя бы с I века н. э., естественно, возникает вопрос о том, какую же роль они выполняли и каково происхождение этого института в Картли?

При изучении вопроса о происхождении института эриставов, как мы указывали выше, следует учесть политическую ситуацию в Картли того времени, ее внутреннее и внешнее положение.

В I—III вв. Картли было одним из сильнейших царств Кавказа и, как известно, римляне и в дальнейшем все время говорили о «дружбе» с Иберией, ее царями и народом. Во взаимоотношениях Рима и Иберии главным в то время было, чтобы Иберия считалась военной союзницей Рима. Этот союз, как говорилось выше, был нужен Риму особенно против персов. Для Рима имели важное значение не только военный союз и «дружба», но и нейтральная позиция Иберии, ибо дружба Иберии или, в крайнем случае, ее нейтральность высвобождала римские военные силы для борьбы против персов. В этом

отношении особенно характерны, как видно из первой мцхетской надписи, дипломатические шаги Веспасиана.

По-видимому, цари Картли хорошо разбирались во внешнеполитических мероприятиях Рима и, уверенные в мощи своего царства, не безуспешно пытались проводить собственную внешнюю политику. Они хорошо пользовались «дружбой» с Римом и еще более усиливали и укрепляли свое царство. Особенно характерна в этом отношении деятельность Фарсмана I и Митридата. Известно, что Фарсман I в 35-ом году освободил Армению от вторгшихся в нее парфян и по соглашению с римлянами посадил в 36-ом году на трон Армении своего брата Митридата.

По первой Мцхетской надписи хорошо видно отношение римлян к Картлийскому (Иберийскому) царству. В этой надписи Веспасиан объявляет своим и всех римлян другом Митридата, сына Фарсмана. Это—тот Митридат, который в рассмотренной одноязычной надписи упомянут титулом: царь Митридат, царь великий, сын Фарсмана, царя великого[139].

В письменных источниках еще лучше освещена эпоха Фарсмана II. В его время Иберийское царство стало еще могущественнее. Известно что Траян и Адриан посылали множество подарков царям Картли, но все же ни одному из царей не посылал Адриан так много даров, как царю Фарсману II. Позже царь Фарсман дважды посетил Рим со своей семьей и большой свитой. Фарсман привез, оказывается, императору большие дары, между прочим, и украшенное золотом облачение. Взамен он получил от цезаря еще более богатые дары, среди них слона и 600 воинов. Кроме этого, Цезарь пожаловал Фарсману II новые земли и разрешил принести жертву в римском соборе Капитолии, что считалось большой честью для иноземца... По приказу императора была

---

[139] Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 42.

Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ, 1948, № 2, стр. 52.

изваяна статуя сидящего на коне грузинского царя и установлена на Марсовом поле[140].

И эти краткие указания дают нам достаточное представление о положении Картли в I—II веках. Даже из привлеченных здесь материалов видно, что Иберия в то время была сильным царством, с которым считался Рим. На это и опиралось «дружеское взаимоотношение». Нужно иметь в виду и то, что Помпей в свое время был вынужден удовлетвориться чисто формальным признанием со стороны албанцев и иберов союза с Римом[141]. И на Иберию этого времени следует распространить слова Т. Моммзена: «Кавказ еще раз обнаружил свое всемирно-историческое значение; подобно персидским и греческим завоеваниям, и римское нашествие нашло здесь предел»[142].

Таково было положение в Картлийском царстве I—III вв. Дружеские отношения между Римом и Иберией, разумеется, не остались вне внимания Персии, но благодаря внутреннему положению своей страны и по причине могущества Рима они не могли обратить должного внимания на Иберию. Во всяком случае, следует думать, что в то время стремления Персии к Иберии исчерпывались лишь желанием ее захвата. Наиболее упорно устремил свой взор на Картли основатель династии сасанидов, однако и его шаги, по-видимому, ограничивались тайными, так называемыми дипломатическими приемами.

С интересующей нас здесь точки зрения взаимоотношения Иберии-Армении-Албании не имели решающего значения. Эти царства, невзирая на некоторые противоречия, и в то время часто совместно выступали против общего врага.

---

[140] Согласно Д. Бакрадзе, «Фарсман, по-видимому, подразумевается в следующем месте Юлия Капитолина: «в 91-ом прибыл Фарсман в Рим и с большим почетом и благожелательством отнесся к Антонину Пийю (усыновленному императором Адрианом), чем к Адриану (117—138)». (См. Вахушти, История Грузии, Тифлис, 1885, стр. 49, на груз. яз.).

[141] Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 273.

[142] Т. Моммзен, История Рима, том III, стр. 109.

Таким образом в I—III веках Картли представляется сильным и самостоятельным царством в чьи внутренние дела не могли свободно вмешиваться ни Рим, ни Персия[143]. Это особенно важно в связи с вопросом о возникновении в Картли питиахшата. Характерно, что в обнаруженных надписях I—II веков названы питиахши только лишь картлийского царя, и других, есть все основания полагать, в Картли I—II в. не было.

Упоминание в армазисхевской надписи питиахшей царей Картли имеет большое значение для истории государственных институтов Картлийского царства, ибо выясняется, что у царей Картли были собственные питиахши (эристави), которые являлись одними из главных государственных деятелей после царя. Установлено, что во главе Картлийского государства стоял царь, носящий титул «царь великий». При царе существовали институты: питиахша, дворэуправителя. У питиахшей были рабы, служители и помощники[144].

Эти питиахши царя Картли не похожи на питиахшей представителей Персии более позднего времени, которые уже из Тбилиси контролируют царя Картли, находящегося пока еще в столичном городе Мцхета.

---

[143] Совершенно непонятно и необоснованно опубликованное в 1950 году О. И. Севастьяновой толкование 7-го параграфа «Истории Рима» Аппиана, где он говорит следующее: «Вообще же, владея лучшей частью земли и моря, они, по мудрому решению, предпочитали сохранять уже приобретенное, чем распространять свою власть до бесконечности на варварские бедные народы, которые не могли бы принести им никакой выгоды, из которых некоторых я видел в Риме прибывших в качестве послов и отдававших себя в подданство, причем император не принимал их, так как видел, что ни в чем они ему не будут полезны» (стр. 266). О. И. Севастьянова думает, что в этой цитате подразумеваются Кавказские царства и, в частности, Иберия. Если бы она учла сведения классических авторов (например, Диона), то невозможно, чтобы в этом сведении Аппиана она бы разумела иберов и дала бы цитированному месту такое толкование: «Вероятно, имеется в виду, в частности, прибытие в Рим царя кавказских иберов Фарсмана, получившего из императорских рук свою корону с некоторым территориальным приращением» (там же).

[144] Ср. Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 46.

Своеобразное положение питиахшей картлийского царя делает возможным принять соображения С. Н. Джанашиа и Г. В. Церетели, согласно которым эти чиновники картлийских царей по-грузински должны были именоваться «эристави» или «эриемтавари». А на языке официальных документов эти эристави именовались п и т и а х ш а м и — термином, понятным и для грузин, и для римлян и персов и т. д.[145]

На основе вышесказанного, история питиахшата в Картлийском царстве должна рассматриваться с двух сторон. Иначе говоря, в возникновении и развитии питиахшата в Картли следует различать две ступени: на первой ступени налицо древнейшие питиахши Картли или эристави картлийского царя; в это время у царя Картли мог быть и не один питиахш. Это происходит с IV—III вв. до н. э. до IV—V вв. н. э.

Вторая ступень питиахшата начинается, быть может, с IV века и ясно видна в V веке, когда в Картли предполагаются питиахши — представители царя Персии, уже в его вассальной стране. Не исключено, что в это время, наряду с питиахшем—представителем персидского царя, пока еще существует институт эриставов картлийского царя, в отличие от которых, лицо, назначенное персидским царем, известно под титулом «питиахш всей Картли» или «питиахш Картли». С этого времени для питиахшей картлийского царя все больше укореняется звание эристава или эриемтавари.

Как отмечал С. Н. Джанашиа, характерным в этом отношении должно было быть то, что местопребыванием нового питиахша уже является Тбилиси, а не Мцхета. Как видно, питиахша — представителя Персии и этим отличали от одного из эриставов царя Картли, который, хотя и поодаль от двора царя, но все же пребывал в столице, как и царь Картли.

Таким образом, армазисхевские надписи дали нам основание для совершенно нового толкования происхождения института питиахшей и разъяснили, что питиахшат не является институтом персидского, вообще, иноземного происхождения.

---

[145] Нам кажется, что грузинское слово эристави переводилось на чужой язык известным термином питиахши, а не наоборот.

Он, надо полагать, местный по происхождению и должен был быть развит из института эристави или эриспатавари. Что же касается истории этого института, выясняется, что в Картли эриставство (питиахшат) существовало, во всяком случае, с IV—III вв. до н. э., эпохи Фарнаваза.

Слово «Упали» — «владыка» Г. В. Церетели считает техническим термином, в то время употребляемым, видимо, для обозначения определенного социального или политического института. На основании этого Г. В. Церетели счел возможным распространить на I—II века слова, сказанные И. А. Джавахишвили для характеристики общественной жизни V века: Если крупные дворяне были «владыками», то у них были свои рабы, свои слуги, свои дворяне, свита. Все это новое основание для положения, которое было выставлено задолго до обнаружения новой надписи, что в первом веке нашего летоисчисления в Грузии существовали классовые социально-экономические институты[146]. Это положение, как известно, выставил С. Н. Джанашиа задолго до обнаружения Мцхетских надписей. Раскопки и особенно рассмотренные здесь надписи выяснили, что указанные государственные институты были сильно развиты уже в первых веках. Это обстоятельство указывает на древнюю традицию вышеупомянутых институтов, и корни их происхождения следует искать гораздо раньше первого века до нашей эры.

Характеризуя значение найденных в Мцхета надписей, нельзя не отметить, что у нас создалась возможность пополнить список государственных деятелей Картли новыми именами. Не были нам известны цари Ксефарнуг, Флавий Даде; питиахши: Шарагас, Агриппа, Джавах, Арзамес, Берсума, Аспаруг. Стали известны также имена дворовправителя Иодмангана, дочери Джаваха Серафиты, супруги царя Фарсмана — Иамазаспой, резчика по камню Платона и др. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы о царствовании Фарсмана и Митридата еще более обогатились. Примечательно, что картлийские цари Фарсман, Митридат и Ксефарнуг носят титул «великий царь — царь великий».

---

[146] Г. В. Церетели, Армазская билингва, стр. 44.

Как выясняется из работ Г. В. Церетели, исключительное значение имеет надпись Шарагаса — питиахша царя Митридата, которую, как было отмечено, автор, хотя и не опубликовал полностью, но уже переведенная и опубликованная часть надписи делает очевидным, что надпись повествует о волнениях, имевших место в Иберии I века.

Чтобы обзор надписей столичного периода был полнее и значение этих надписей охарактеризовано лучше, необходимо вновь остановиться на обнаруженной в 1867 году надписи. Разбирая эту надпись, мы уже указали, что И. А. Бартоломей почти подробно охарактеризовал ее историческое значение, но теперь, в результате уточнения места обнаружения этой надписи, по нашему мнению, уточнилась и юго-восточная граница столицы Картлийского царства и выяснилось, что она проходила в окрестностях нового моста нынешнего Земо-Авчала, т. е. и этим путем также подтвердились указания грузинских исторических источников, согласно которым древняя столица Картлийского царства достигала Накулбакеви. Значение этого вывода станет яснее, если мы вспомним, что не раз высказывалось соображение, согласно которому до IV в. н. э. р. Кура около Мцхета являлась границей южного и северного, т. е. расположенных на правом и левом берегах реки, будто бы различных государств, стало быть, якобы правая сторона Куры не являлась территорией Иберии (Картли).

Все то, что мы здесь отметили, вовсе не является исчерпывающим, но и вышеозначенное дает нам весьма важный материал для изучения истории столицы Картли (Иберии) — Мцхета интересующего нас периода.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЫ КАРТЛИЙСКОГО ЦАРСТВА

Вопросы количества, социального и этнического состава жителей

Мы пока еще не располагаем достаточным археологическим материалом для характеристики городского населения Картли античной эпохи, в частности для определения его количества. Нынешний уровень изученности столицы и ее окрестных поселений вынуждает нас попытаться создать представление о количестве городского населения, главным образом, по материалам могильников. Материал, полученный из древних грунтовых погребений Самтаврского могильника, дает основание предположить, что на рубеже II и I тысячелетий до н. э. в Мцхета обитает довольно густое и развитое земледельческое население, имеющее сильные боевые навыки[1].

В результате непрерывного роста населения со второй половины II тысячелетия до н. э. Мцхета вскоре встала на путь городской жизни. Еще трудно сказать, к какому именно времени следует отнести зарождение в Мцхета городской жизни и возникновение в Иберии поселений городского типа, однако даже результаты первых лет археологических раскопок дали основание И. А. Джавахишвили считать, что Мцхета была, по-видимому, городом уже в эпоху бронзы и железа, притом городом достаточно большим и густо населенным[2].

В подтверждение своего заключения, сделанного на основе только лишь предварительного изучения материалов, И. А. Джавахишвили, указывая на результаты раскопок, отмечал, что уже исследованная часть Самтаврского могильни-

---

[1] С. Н. Джанашиа, Мцхета — древняя столица Грузии; ср. Мцхета 1, стр. 7.

[2] И. А. Джавахишвили, История грузинского народа. Книга 1, Тб., 1951, стр. 476 (на груз. языке).

А. Апакидзе, Древняя культура Грузии в свете новых археологических открытий, Тб., 1955, стр. 30 (на груз. яз.).

ка сделала очевидным, что в Мцхета было очень густое население, все Самтаврское поле полно могилами, так что между ними даже нет прохода. Если на остальной части могильника окажется такое же положение, тогда на площади в 14 гектаров должно быть несколько тысяч погребений, причем нужно иметь в виду, что это бесспорно является могильником только лишь одной части города — могильником Арагвис-карис убани древней столицы[3].

Сравнительное изучение количества погребений различных времен убедило И. А. Джавахишвили в том, что в эпоху «каменных ящиков» (подразумевается I в. н. э. и последующие века) население Мцхета по сравнению с предшествующим временем весьма значительно увеличилось[4]. Разумеется, процесс увеличения населения был связан с последующим усилением царства Картли, что, естественно, повлекло за собой рост и расширение его столицы, а значит, и увеличение ее населения.

Если в конце тридцатых годов заключение об увеличении количества населения Мцхета делалось на основе только лишь Самтаврских археологических находок, в настоящее время в нашем распоряжении имеются многочисленные материалы, добытые в результате раскопок в Мцхета, Кодмани, Камарахеви, Цицамури, Земо-Авчала, Карсани-Карнисхеви, Армазисхеви и на других могильниках «Большой Мцхета». Изучение многочисленных могильников подтверждает выводы, полученные И. А. Джавахишвили относительно множества, густоты и постепенного увеличения населения Мцхета интересующей нас эпохи.

Косвенным показателем множества населения Мцхета и его постепенного роста являются материалы многочисленных могильников, а также другие памятники, выявленные при раскопках главнейших кварталов (убани) древней столицы.

О столь значительной стороне городской жизни мы можем судить и на основании сообщений письменных исторических памятников. Так, например, как известно, римский полко-

---

[3] И. А. Джавахишвили, Указ. соч., стр. 443.

[4] Там же, стр. 459—460.

водец Помпей неожиданно напал на царя иберов Артока и пока об этом узнал сам Арток, он сумел дойти до акрополя[5]. Последующая борьба между римлянами и иберами развернулась по обеим сторонам Куры и несмотря на то, что иберы, не ожидая опасности, не были подготовлены к боям и, нужно полагать, у них не было времени для усиления гарнизона столицы, а вспомогательные части и не успели дойти до города, в столице римлянам было оказано сильное сопротивление. Однако, как сообщает Плутарх, Помпей разгромил иберов в их большом сражении, перебив девять тысяч и взяв в плен больше десяти тысяч человек[6]. Среди погибших, должно быть, подразумевались и те, кто пал на левом берегу реки в рукопашной битве, однако сомнительно, чтобы здесь имелись в виду и унесенные водой при переправе через реку Пелор (Арагви), а их было, видимо, немало, ибо Дион Кассий нашел нужным отметить и это[7]. Словом, следует предположить, что в этих битвах Мцхета потеряла не менее 20.000 бойцов.

То, что среди пленных и погибших подразумеваются воины, видно из тех же сведений Диона, где сообщается, что часть **войска** иберов погибла в бою, а другая часть утонула в реке, те же, кто спаслись, скрылись в лесах и оттуда бросали стрелы в римлян[8].

К числу погибших и попавших в плен в Мцхета (около 20000 человек) надо прибавить не меньшее количество оставшихся в живых воинов гарнизона, а также глубоких стариков, женщин и детей. Этим путем мы приходим к выводу о том, что в «Большой Мцхета» во II—I веках до н. э. насчитывалось несколько десятков тысяч жителей. А если учесть, что в Мцхета Помпею преподнесли дары и преложили провиант для всего войска, тогда мы сможем иметь некоторое представление и об экономическом положении древней столицы,

---

[5] Дион Кассий, Римская история, XXXVII, 2.

[6] Плутарх, Сравнительные жизнеописания, II, М., 1963, стр. 358—Помпей XXXIV.

[7] Дион Кассий, Римская история, XXXVII, 2, 4.

[8] Дион Кассий, Указ. соч., XXXVII, 2, 5.

которая могла содержать несколько десятков тысяч жителей и прокормить большую армию римлян и свой гарнизон.

Это лишь предположение, но оно как будто хорошо объясняет частоту могильников в Мцхета последующего периода. Теперь как будто становится понятнее отмеченная при археологических раскопках странная, на первый взгляд, картина, когда средневековая Мцхета кажется выстроенной почти полностью на древних могильниках.

Если наш вывод обоснован, тогда следует предполагать еще больший рост населения города в I—III веках н. э.

Учет письменных сведений (сообщений Страбона, Диона, Плутарха) и результатов археологических раскопок дает нам основание усомниться в предположении, согласно которому население всей Иберии времен Страбона будто бы составляло всего 100 тысяч душ обоего пола[9]. Как мы убедились, несколько десятков тысяч, надо полагать, жили в Большой Мцхета, т. е. только в одной столице Иберии (Картли).

При определении количества населения Мцхета мы считаем весьма важными сведения Плутарха потому, что были указаны 19000 воинов. Каким бы преувеличенным не было это сведение, оно все же остается примечательным в той ситуации, когда дело касается мирного населения Мцхета, т. е. тех, кто давно уже забросил боевые навыки и превратился в мирных горожан, когда ясно видно, что военное дело превратилось в привилегию определенного круга населения и воины отделились от народа, т. е. имеется основание для предположения наличия вновь выделившихся социальных слоев городского населения.

Сама по себе картина социальной жизни городского населения представляет большой интерес. Выше уже было отмечено, что три тысячи лет тому назад в Мцхета пребывало густое, развитое земледельческое население, имеющее сильные боевые навыки, но начиная с VII—VI веков до н. э. положение, видимо, меняется. С конца первой половины пер-

---

[9] Саргис Какабадзе, Число населения Иберии. Исторический вестник, 1, Тб., 1924, стр. 264.

вого тысячелетия до н. э. в Мцхетских погребениях, как правило, не видно оружия и доспехов. Это обстоятельство вызвано превращением древних поселений земледельческого типа уже к середине I тысячелетия до н. э. в поселения городского типа или города; сообразно этому, возник новый социальный слой — горожане, дальнейшая дифференциация которого должна была продолжаться в недрах городов и в условиях развитой городской жизни. На определенном этапе жители города не носили оружия не только потому, что превращались в горожан, но и потому, что им, оказывается, вообще строго запрещалось носить оружие; так, например, Леонти Мровели в связи с рассказом о походе Александра Македонского сообщает, что каждого грузина при обнаружении у него оружия римляне обязаны были убивать. Мровели сообщает, что так и поступали захватчики[10].

Такова вторая, видимо, немаловажная причина того, что оружие и доспехи уже не встречаются в могильниках Мцхета после VI—V веков до н. э. Разумеется, решающим по значению был процесс превращения Мцхета в город, однако немаловажную роль играла, нужно полагать, дороговизна нового железного оружия.

Одно из значительных мест среди мцхетских горожан занимали ремесленники. В первую очередь надо назвать гончаров, знаменитых во времена, предшествующие столичному периоду, внутренняя специализация которых отчетливо прослеживается с IV—III веков н. э., т. е. происходит то, чего мы так ясно не замечаем в поздне-бронзовую или вообще в эпоху бронзы и железа. Археологические материалы античного времени дают основания среди этого круга ремесленников выделить мастеров по изготовлению посуды (делающих собственно домашнюю посуду — собственно гончаров); мастеров, изготовлявших глиняные кувшины для хранения вина (квеври), черепицу (черепичники), кирпичи (кирпичники — плинфоделатели[11]) и глиняные водопроводные трубы.

---

[10] «Картлис цховреба», 1, 1955, стр. 20.

[11] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 357.

Домашняя посуда столичного периода явно отличается от продукции предшествующего времени как по ограничению разнообразия форм, так и по убранству и красоте[12]. Видимо, в корне изменена технология выделки домашней посуды, упрощены формы, исчезли украшения (остался почти единственный вид декора в виде шишек и едва заметных выемок); посуда этого времени розоватая, а не чернолощеная по старинному. Ознакомление с мцхетской керамической домашней посудой столичного периода делает очевидным, что в гончарном производстве произошли большие изменения, разумеется, связанные с социально-экономической дифференциацией, происходившей в соответствии с превращением Мцхета в город и образованием в Картли поселений городского типа. В этот период товарное производство глиняной посуды должно было принять более широкий характер: гончар готовил свою продукцию для широкого рынка, причем большая часть изготовленной продукции была рассчитана на бедное население, наибольшее количество однообразной продукции городских гончаров шло в деревню. В высших слоях городского населения употреблялась серебряная посуда, а с I—II веков заметную роль играет и стеклянная. Характер распределения или же назначение продукции гончарных мастерских должен был несомненно сыграть определенную роль в направлении изменения процесса производства,[13] однако наряду с этим решающим, по нашему мнению, было и другое обстоятельство.

Как видно, вместе с зарождением и развитием городской жизни дальнейшее развитие земледелия некоторым образом предопределило направление развития керамического производства. В этой связи исключительное значение, видимо, имело развитие виноградарства, ибо примерно с IV—III веков до н. э. виноградарство и виноделие должно было получить в Иберии товарный характер и культура виноградарства

---

[12] Г. Ломтатидзе. К социальной и культурной характеристике населения Грузии I—III веков н. э., Труды Института Истории, т. 1, Тб., 1955, стр. 354 (на груз. языке); О. Д. Лордкипанидзе. Ремесленное производство в Мцхета, стр. 23.

[13] Ср. О. Лордкипанидзе, Указ. соч., стр. 23—24.

должна была быть соответственно развита. Сведения Страбона дают основание предполагать распространение в Иберии низкоштамбовой культуры лозы[14]. Товарный характер виноградарства требовал дальнейшего расширения виноградников. Как известно, мы имеем определенные сведения об обстановке второй половины IV века до н. э. В источниках указывается, что Александр Македонский, царь всего мира, посадил виноградники к западу от Саркине, провел оросительный канал из р. Ксани и поставил людей смотреть за каналом и от «стаги» канала называется указанное место Настагиси[15].

Рассматривая вопрос о развитии виноградарства, С. Н. Джанашиа считал эту культуру настолько рентабельной, что рабский труд, использованный, видимо, здесь первоначально, мог экономически вполне оправдать себя[16].

С развитием этой отрасли хозяйства должно было быть связано, как показывают раскопки, расширение производства больших кувшинов для хранения вина в эллинистическую эпоху, в частности с III в. до н. э., что со своей стороны явилось показателем развития виноградарства и виноделия в Картли.

Как в крупных хозяйствах, так и в городах, нужно полагать, возросла потребность в посуде для хранения сельской продукции, потому что «мцхетский земледелец» или «отделился» от города или стал горожанином. Так же «отделился» от земледельца гончар, и в новой обстановке его продукция изменила свое лицо. С этого времени налаживается массовое изготовление почти стандартной продукции гончарного производства, рассчитанной, в основном, на массового потребителя.

Рост потребности в посуде должен был вызвать расширение производства кувшинов для хранения вина (квеври), что естественно, требовало использования в гончарном производстве дешевой рабочей силы. Таким образом, и в гончарном производстве возникает возможность использования рабского

---

[14] С. Джанашиа, Грузия на пути ранней феодализации, Труды, 1, Тб., 1949, стр. 203 (на груз. яз.).

[15] Хроники, 1, Тифл., 1892, стр. 12; Е. С. Такайшвили, Опис..., II, 4, стр. 708.

[16] С. Джанашиа, Труды, 1, стр. 202—203 (на груз. яз.).

труда; однако и здесь при определенном условии — только под специальным надзором и, в основном, на тяжелых работах (выкапывание глины, подвоз, замешивание и др.).

Использование рабского труда в гончарном деле должно было повлечь за собой ограничение разнообразия продукции. В такой обстановке нельзя ожидать многообразия художественных форм и украшений, что и предопределило, в конце концов, однородность, стандартизацию керамической продукции и вызвало резкое изменение в производстве глиняной посуды — подчинило почти одинаковой технологии все керамическое производство в целом.

Это обстоятельство дает нам некоторое основание думать, что в ведении крупных землевладельцев, возможно, были и специальные керамические мастерские, в частности, мастерские по изготовлению больших кувшинов для хранения вина (квеври) и посуды для вина, а также производство строительной керамики.

Таким образом, согласно археологическому материалу, намечается возможность для предположения об использовании рабского труда в виноградарстве и вместе с ним в гончарном производстве, в частности, в изготовлении квеври.

Характерно, что массовое изготовление квеври прослеживается в Мцхета с III века до н. э. и до III—IV веков н. э.; т. е., как будто, соответствующее керамическое производство расширяется вместе со сравнительно широким распространением рабского труда и, что весьма симптоматично, изживается вслед за сокращением последнего.

Добытый материал показывает, что одну большую часть продукции керамического производства составляет то, что связано с сельским хозяйством: квеври (кувшины для хранения вина), корчаги, кувшины для вина; другая часть керамической продукции (черепица, кирпич, водопроводные трубы, керамические плиты и т. д.), предназначенная для города, представляет собой важнейшую продукцию городского керамического производства, созданного на основе широкого использования труда свободных ремесленников и рабов в Мцхета с эллинистического времени.

Таков краткий обзор занятий значительной части мцхетских ремесленников—гончаров — столичного периода. Попытка более подробной характеристики деятельности черепичников и кирпичников дана нами в другом месте, при рассмотрении вопросов производства строительной керамики.

Археологические материалы дают основание для создания более или менее полного представления о развитии обработки камня столичного периода и, соответственно, для выделения среди мцхетских ремесленников весьма значительной группы каменщиков (каменотесов, каменосечцев).

Так же, как и в раннефеодальной Грузии, отрасль каменного строительства и в античной Мцхета охватывала строительство камнем и кирпичом. Сообразно этому, следует предположить, что в столичный период Мцхета «мастером по камню» назывался тот, кто строил камнем и кирпичом»[17].

В соответствующих местах нами было отмечено, что, как показывают археологические раскопки в Мцхета, Армазцихе, Саркине и Цицамури, в городах раннеантичного Картли при сооружении общественных, фортификационных и культовых зданий широко применяли разнообразный строительный материал, каменные квадры и сырцовые кирпичи, т. е. велось смешанное строительство. Следовательно, среди ремесленников, занятых в строительстве городских сооружений, в первую очередь должны были выделяться каменщики и кирпичники (мастера, работавшие по изготовлению сырцового кирпича).

Этот круг ремесленников должен был быть и многочисленным, и чрезвычайно дифференцированным с точки зрения специализации. Здесь должны были быть объединены те, которые выполняли различную работу, начиная с «добывания камня» вплоть до сооружения зданий, а именно: каменосечцы, каменотесы, резчики и полировщики камня, штукатурщики и др. вплоть до главного зодчего и главного художника города.

Исключительную роль должны были выполнять те, кто работал по изысканию необходимого строительного матери-

---

[17] И. А. Джавахишвили. Строительное искусство в древней Грузии, Тб., 1946, стр. 138 (на груз. языке).

ала и подготовке места для застройки, сооружал общественные, фортификационные и культовые здания и вообще работал по осуществлению «предварительно намеченного»[18]. Среди мастеров по камню надо подразумевать и тех, кто готовил сооружения для усопших, т. е. строил мавзолеи, высекал саркофаги, строил каменные гробницы, черепичные, кирпичные и каменные ящики.

В ряде отраслей городского строительства есть основание подразумевать использование рабского труда, естественно, не без руководства и надзора мастеров по камню и зодчих вообще.

Чтобы представить себе характер деятельности мастеров по камню, достаточно рассмотреть памятники, обнаруженные на территории Большой Мцхета, а именно:

а) раскопанные в Армазисхеви развалины сооружения типа дворца, о великолепии которого говорит наличие резных капителей, колонн, сложно профилированного архитрава, дверей, зубчатого карниза, профилированного порога, фрагментов мраморных статуй и т. д.; б) раскопанные в Армазисхеви и на Багинети бани, показывающие уровень коммунальной и санитарно-гигиенической культуры и свидетельствующие о высокой степени развития этой области в столице Иберии; в) раскопанные на Багинети, в Цицамури и Саркине сложные фортификационные сооружения, относящиеся к IV—III векам до н. э. и указывающие на глубокие корни высокой культуры создания общественных и оборонительных сооружений древней столицы Картли[19]; г) обнаруженные при раскопках Саркине и Армазисхеви архитектурные детали, одна часть которых должна быть отнесена к III веку до н. э. (найденная в Саркине капитель ионической колонны), другая же — к первым векам н. э. (капитель колонны, найденная внутри «сооружения с порогом»; фрагмент зубчатого карниза и др.), и являющиеся остатками, нужно думать, древнейших сооружений резиденции питиахшей.

[18] А. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, I, Тб., 1963, стр. 227 (на груз. яз.).

[19] А. Апакидзе, Древняя культура Грузии в свете новых археологических открытий Тб., 1956, стр. 34—35 (на груз. яз.).

Показателем высокого уровня строительной техники древней столицы являются погребальные сооружения, среди которых, как уже было отмечено, выделяются каменные гробницы, саркофаги, черепичные ящики, и, конечно, в первую очередь, склепы типа мавзолея, являющиеся своеобразными памятниками малого зодчества античной эпохи и более или менее пополняющие наше представление об архитектуре Мцхета столичного периода и о самих мастерах— строителях упомянутых выше сооружений.

Широко развернувшееся городское строительство должно было, несомненно, привести к умножению числа строителей. Эта часть ремесленников настолько увеличилась в древней столице, что к определенному времени в Мцхета была создана должность главного художника — архидзографа и архитектора, возглавлявшего строительное дело в Мцхета, как показывает обнаруженная в 1938 году на Самтаврском поле надпись, в которой упоминается коренной житель этого города, архитектор и главный художник столицы Аврелий Ахолл[20]. Правда, эта надпись датируется последними веками столичного периода Мцхета, но создание должности следует предполагать гораздо раньше. Помимо этого, не исключена возможность, что за строительством важнейших сооружений следили непосредственно дворовправители, хотя бы в отдельных районах города (в частности, в резиденции питиахшей). Вместе с этим, вполне возможно, что в их ведении находились комплексы сооружений общественных, фортификационных и царской или эриставской резиденции.

Так, приблизительно, представляется нам деятельность ремесленников-строителей, зодчих, архитекторов, живописцев и главного художника города Мцхета столичного периода.

Богатый инвентарь погребений, раскопанных в различных районах столицы, оказал нам соответствующую помощь в создании представления об имущественном положении чле-

---

[20] Мцхета, I, Тб., 1958, стр. 29, 69, 210; С. Г. Каухчишвили, Новая греческая надпись из Мцхета-Самтавро. САН ГССР, т. IV, № 6, Тб., 1943; Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии, Тб., 1951, стр. 255.

нов царской семьи, питиахшей и членов их семей. В погребальном инвентаре вельмож этого города преобладающими являются золотые и серебряные вещи. Так обстоит дело, например, в саркофаге, найденном в Багинети, в №№ 1, 2, 3, 6, 7 и 9-ой гробницах усыпальницы армазисхевских эриставов, в склепе, обнаруженном около древнего моста Мцхета, в каменных гробницах южного участка Самтаврского могильника, в богатых каменных гробницах собственно Мцхета и т. д. Довольно многочисленные образцы златокузнечества обнаружены в погребениях среднеимущих горожан. Словом, земля Мцхета высвободила из своих недр множество блестящих образцов чеканки по золоту и, вообще, дала большое количество золотых и серебряных предметов. Вышесказанное иллюстрируется обнаружением в некоторых гробницах тысяч золотых предметов, если считать также золотые пуговки и звенящие подвески (гробница-саркофаг 6 в Армазисхеви).

В золотых и серебряных предметах, найденных в «Большой Мцхета», представлены произведения искусства, возникшего и органически развившегося на традициях древнейшего грузинского златокузнечества[21] полихромного стиля, ведущего начало из Триалетских золотых курганов ранней поры средне-бронзового периода и сохранившегося благодаря «Ахалгорийскому кладу», испытавшего также эллинско-римское влияние, но сохранившегося как утонченное искусство, органически развившееся на родной почве, вполне достойное древних традиций грузинского златокузнечества[22]. К ряду таких предметов относятся: украшения парадного оружия (золотая обкладка ножен кинжала Аспаруга и рукоят-

---

[21] Мцхета I, Тб., 1958, стр. 214. .

[22] Г. Чубинашвили. Опыт художественной характеристики предметов, найденных в погребениях армазских питиахшей. Тезисы XVII сессии ООН АН ГССР, Тб., 1944; Мцхета I, стр. 214. А. Апакидзе, Древнейшая культура Грузии... Тб., 1956, стр. 37 (на груз. яз.); Г. Ломтатидзе. К социальной и культурной характеристике населения Грузии, стр. 346 (на груз. яз.); А. Джавахишвили. К истории грузинского художественного ремесла, «Сабчота Хеловнеба», № 6, 1956 (на груз. яз.).

ка кинжала Берсумы); золотая пряжка эриставского пояса и бляхи; диадемы, ожерелья и кулоны; бусы, кольца, браслеты, серьги, застежки для накидок, серебряные блюда, колечко с перегородчатой эмалью (из 13-ой гробницы); перстни; плоские, усыпанные драгоценными камнями серьги (из 19-ой гробницы) и многое другое[23].

Особую группу составляют найденные геммы, представляющие собой иногда портретные изображения.

Здесь мы не ставили себе целью охарактеризовать памятники златокузнечества столичного периода. Это мы попытались частично сделать при рассмотрении погребального инвентаря, а более подробно заинтересованный в этом читатель сможет познакомиться с этими памятниками в специальных изданиях[24].

Важнейшей для характеристики уровня развития златокузнечества в древней Картли, видимо, следует считать группу найденных при раскопках предметов, возникших на традициях древнейшего грузинского златокузнечества. Ознакомление с этой группой делает очевидным поразительное искусство мцхетских золотых дел мастеров: утонченная чеканка или ковка, штамповка или вырезывание по штампу, пайка, выдавливание, растяжка, накладка зерни; массовое применение полихромии: украшение золотых предметов разноцветными драгоценными или полудрагоценными камнями, или эмалью и т. д. оказалось вообще характерным для интересующей нас группы предметов местного златокузнечества[25].

Все это дало основание выделить в кругу мцхетских ремесленников еще один весьма характерный слой — золотых дел мастеров.

Для характеристики слоя чеканщиков по золоту имеют значение и указания исторических источников, а именно,

---

[23] Мцхета I, стр. 27—83, 208 и посл.; А. Апакидзе, Мцхета — древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959 (на груз. яз.).

[24] Мцхета I, стр. 27—83, 208—233.

[25] Мцхета I, Тб., 1958, стр. 222.

сведение о том, что в 65 году до н. э. царь Иберии (Картли) преподнес римскому военачальнику Помпею золотой трон, стол и ложе. А еще позднее, во II веке н. э., согласно другому сведению, царь Фарсман принес в дар римскому императору золотое кресло и украшенное золотом облачение[26]. Сведение, отражающее обстановку еще более раннего времени, сохранилось у Леонти Мровели в рассказе о находке Фарнавазом во время охоты пещеры, вход в которую был заложен в древности и где Фарнаваз узрел неисчислимый клад, золото и серебро неисчислимое[27]...

Следует полагать что основным гнездом ремесленного производства была Большая Мцхета не только потому, что в раскопанных здесь гробницах обнаружено наибольшее количество предметов златокузнечества, но и потому, что в Саркине, в слоях III века до н. э. и последующего времени, раскопками были обнаружены инструменты золотых дел мастеров—металлические орнаментированные штампы, а также образцы незаконченной художественной продукции, части тиглей, многочисленные остатки производства и т. д. Помимо этого, как выяснилось при раскопках Самтаврского могильника, в Мцхета и после того, как столицей стал Тбилиси, еще долгое время существовали мастерские златокузнецов. Видимо, об этом свидетельствуют найденные в одном из погребений на Самтаврском поле захороненные вместе с покойником —весы и разновески и несколько отшлифованных драгоценных камней, т. е. его профессиональные атрибуты. Словом, обнаружено погребение золотых дел мастера. Учитывая большое количество обнаруженных при археологических раскопках предметов местного златокузнечества и, что главное, товарный характер этой отрасли городских ремесел, можно предположить наличие в Мцхета крупных мастерских золотых дел мастеров. Именно такие мастерские могли удовлетворить потребности местных имущих слоев населения и изготовлять продукцию, которую можно было выво-

[26] Дион Кассий, Historia romana, XXXVII, 2; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 446.

[27] «Картлис цховреба», список царицы Анны, Тб., 1942, стр. 47.

зить за пределы государства, даже в столь известный в то время Рим[28].

Для более полной характеристики деятельности золотых дел мастеров необходимо хоть в общих чертах ознакомиться с найденными в Мцхета памятниками торевтики, в первую очередь с точки зрения техники их изготовления.

Как выяснилось, серебряные предметы изготовлялись из различных по толщине кованых листов серебра. При этом установлено, что изготовление серебряной посуды желаемой формы производилось путем выдавливания в условиях быстрого вращения ее на станке. Предполагают, что давильный инструмент мог быть изготовлен из дерева, кости или рога[29]; т. е. обработка серебряных предметов предполагает использование инструмента, изготовленного из мягкого материала. Этот способ не мог обеспечить нанесение желаемого декора, поэтому во многих случаях намеченные образцы, например, рельеф бортиков блюда, найденного в третьем армазисхевском погребении, должны были вырезаться острым инструментом или же выводиться специальным штампом (на это указывают обломки штампа, найденного при раскопках в Саркине).

В процессе выдавливания деревянная оправка, предварительно выточенная в соответствии с формой изготовляемого изделия, устанавливается на главной вращающейся части станка (возможно, того же, но усовершенствованного гончарного круга). Заготовка прикладывается плотно к торцу оправки, прижимается прижимом и затем приводится во вращение, причем на поверхности вращающейся пластинки вручную прижимают давильник и перемещают его от прижима

---

[28] Л. Апакидзе, Древнейшая культура Грузии, Тб., 1956, стр. 41 (на груз. яз).

А. Апакидзе, Мцхета—древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 93 (на груз. яз.); А. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, Тб., 1963, стр. 154.

[29] Ф. Н. Тавадзе, В. Ф. Баркая, Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии, СА, XX, М., 1954, стр. 365.

к периферии. Под воздействием давильника пластинка превращается в оболочку и в дальнейшем принимает форму оправки[30].

Указаный способ выдавливания, нанесения украшений или штамповка, как видно, являлся широко распространенным и характерным, естественно, не только для местной торевтики. Таким же распространенным кажется и позолота серебряных вещей, чеканка, пайка, встречающиеся повсеместно на серебряных блюдах, чашах, кувшинах и т. д. античного и особенно позднеантичного времени.

Более сложным является процесс изготовления ножек погребального ложа, обнаруженных в гробницах правящих слоев в Армазисхеви, Багинети и Мцхета. Как показывают археологические раскопки, диваны, кресла, столы и погребальные ложа имели покрытые серебряными пластинками, сложно орнаментированные ножки. В Армазисхевских I,II, VI, VII погребениях питнахшей найдены ножки с резьбой более или менее сложного орнамента. Исключительно сложно орнаментированные резные ножки обнаружены в Багинетском саркофаге. Выясняется, что ножки вытачивались из дерева, на котором при помощи стамески вырезали рельефные мотивы. Затем их обкладывали серебряным листом и вновь вращали на станке. Лист, в результате применения давильника, перенимал форму и крупные выступы деревянной ножки, а детали орнамента отпечатывались на обкладке уже без вращения, путем нажима и чеканки[31]. Этот процесс настолько блестяще выполнен, что обнаруженная в багинетском саркофаге часть вырезанных из орехового дерева ножек трона или погребального ложа (стилизованные головки орла) может быть признана самостоятельным скульптурным изображением (табл. XLIX).

Ознакомление с техникой изготовления золотых и серебряных вещей делает очевидным высокое мастерство золотых

---

[30] Ф. Н. Тавадзе, В. Ф. Баркая. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии, СА, XX, М., 1954, стр. 364—365.

[31] Мцхета I, стр. 223.

дел мастеров Мцхета столичного периода; им удавалось создавать местные шедевры чеканки и изготовлять отражающие известные вообще и широко распространенные сюжеты того времени и, часто из-за этого носящие иноземный оттенок, блестяще выполненные предметы златокузнечества и торевтики[32].

Совершенно справедливо отмечают, что древние традиции грузинской чеканки по металлу — золоту хорошо видны в искусстве древнегрузинских племен тубалов, месхов и халибов, у которых, как сообщают письменные исторические источники, мастерство обработки металла стояло на более высоком уровне, чем в современных им Фригии и Урарту[33].

Рассматривая материалы Мцхета и вспоминая сведения письменных источников о том, сколько золотых вещей отправлялось из Иберии в дар различным государствам, Г. С. Читана совершенно справедливо предполагает существование в городах Картли больших мастерских, где работали мастера, изготовлявшие товарную продукцию местного златокузнечества. Также ясно, что к этому времени выделение ремесленничества в отдельную отрасль — второе великое общественное разделение труда — было уже пройденным этапом и что значительная часть многочисленных предметов златокузнечества и торевтики, обнаруженных в Мцхета, является ярким показателем высокого уровня развития городского ремесленного производства Картли античной эпохи[34].

К профессиональному слою горожан-златокузнецов можно причислить и тех, кто вырезывал разнообразные изображения на драгоценных и полудрагоценных камнях — украшениях перстней, ожерелий, браслетов, диадем и т. д., ибо продукция мастерских резьбы по камню обычно составляет значительную и неотъемлемую часть в изделиях зо-

---

[32] Мцхета I, стр. 223.

[33] Г. Читана — По поводу издания «Мцхета I». Журнал «Дроша», № 6, Тб, 1956, стр. 17 (на груз. яз.).

[34] Там же, стр. 17—18.

лотых дел мастеров. Во всяком случае, всевозможные темы, найденные в Мцхета, украшают изделия златокузнечества и, только частично, торевтики.

Изо всех пока что найденных в собственно Мцхета гемм самая ранняя датируется VII—VI вв. до н. э.[35], т. е. распространение гемм совпадает примерно с развитием городской жизни во Мцхета, но исключительной широты достигает их распространение в I—II вв. н. э. и в последующие времена.

На основе изучения гемм, найденных на территории Мцхета, проф. М. И. Максимова пришла к выводу о возможности существования в Мцхета камнерезных мастерских. М. И. Максимова в свое время писала по этому вопросу, что в 1940 году в Мцхетском могильнике найдены геммы античного стиля, на которых вырезаны и соответствующие надписи. Надписи выполнены греческими буквами, но имена владетелей перстней явно не греческие, а местные. Отсюда с полной очевидностью следует, что эти перстни изготовлены для определенных местных заказчиков, что со своей стороны подразумевает близкое соседство между потребителем и мастерской. Поэтому имеются все основания считать, что в древней Мцхета в первых веках н. э. существовали мастерские резчиков по камню, где наравне с пришлыми греческими ремесленниками, вероятно, работали и местные мастера[36]. Такой вывод имеет теперь (после 1940 года), благодаря новым археологическим находкам, еще более твердую основу. В последнее время высказано соображение, согласно которому на камне одного из перстней, найденных в армазисхевском третьем погребении, как полагают под идеализированным изображением Александра Македонского, выведена надпись Πλατων —имя, по-видимому, мастера-резчика по камню, по всей вероятности, работавшего в местных мастерских[37].

---

[35] М. И. Максимова. Геммы из некрополя Мцхета-Самтавро. Вестник Гос. музея Грузии, XVI-В, Тб., 1950, стр. 231.

[36] Там же, стр. 226.

[37] Мцхета I, стр. 56, рис. 24.

Археологический материал дает основание предполагать существование таких мастерских и гораздо раньше. Рассматривая многогранные стеклянные печати, М. И. Максимова отмечала, что потребность в печатях (в перстнях с печаткой или штампах) у племен, населявших территорию Грузии, породила местное производство литья многогранных стеклянных печатей, пользующихся здесь большой популярностью. Каменные печати, являющиеся оригиналом для литья, как полагает М. И. Максимова, ввозили в северо-западное Закавказье из Малой Азии, что, со своей стороны, указывает на постоянные торговые связи между этими странами, начиная с V—IV веков до н. э. Таким образом, весьма тесные связи отмечаются между Грузией и мало-азиатским очагом. Путем торговли-обмена с Малой Азией в Грузию попадали культурные и художественные веяния и из более далеких округов, а именно, из Греции. Ассимиляция внешнего влияния способствовала в древней Грузии росту собственной материальной и духовной культуры[38]. В одном из своих отчетов М. И. Максимова признавала большое значение глиптического материала для истории Мцхета, начиная с IV века вплоть до эпохи сасанидов[39], и вместе с тем указывала на несомненные связи с центрами Малой Азии раннеэллинистической эпохи[40]. Позднее М. И. Максимова выделила одну группу гемм, встречающуюся только на территории Грузии и благодаря этому имеющую большой научный интерес[41].

Как выясняется, местные ремесленники, наряду с литьем многогранных стеклянных печатей, занимались и вырезыва-

---

[38] М. И. Максимова, Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии. Сообщения ИЯИМК, т. X, Тб., 1941, стр. 92.

[39] М. И. Максимова, Отчет о работе над геммами из раскопок Мцхета-Самтавро; опубликован в качестве приложения в труде И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I книга, Тб., 1951, стр. 460.

[40] Там же, стр. 461.

[41] Там же, стр. 462.

нием инталиев. По отношению к Мцхета это можно сказать согласно находке эллинистического инталио в Самтаврском могильнике. Таким образом, накоплен более чем достаточный материал, показывающий, что население Мцхета (и вообще, городов Картли) было знакомо с памятниками глиптики и использовало их с начала второй половины I тысячелетия до н. э. столь широко, что вынуждены были приступить к местному изготовлению памятников глиптики.

Таким образом, в Картли поздне-ахеменидского периода, и в собственно Мцхета можно предположить существование местных камнерезных мастерских и, следовательно, наличие соответствующего слоя ремесленников-камнерезов на всем протяжении столичного периода Мцхета.

Как мы убедились, в Мцхета столичного периода золотых дел мастера представляли собой значительный слой ремесленников и притом были, по-видимому, значительно дифференцированы.

В кругу многочисленных городских ремесленников мы должны выделить *железоделателей*, или ремесленников, работавших в мастерских района Саркине.

Остатки производства железа или вообще металла, как было сказано, полностью еще не выявлены раскопками, поэтому мы вынуждены воздержаться от попыток подробной характеристики производственных процессов выплавки железа.

Поскольку в Саркине и вообще левобережной части большой Мцхета железной руды не было, ее, естественно, должны были доставлять с правого берега р. Куры. Следовательно, речь должна идти и о тех, кто занимался изысканием и добычей руды, возможно, и ее «обогащением» и, конечно, перевозкой. Следовательно, становится очевидным наличие среди ремесленников Саркине *изыскателей железной руды и исполнителей сложных работ по ее добыче и перевозке*.

В железообрабатывающем районе столицы предполагается осуществление сложных процессов: начиная от подготовки руды (не говоря о сооружении самих печей) до изго-

товления различных железных предметов. Отбор и размельчение железной руды с целью улучшения условий прямого восстановления железа, закладка в горн древесного угля и измельченной руды, выплавка железа, выемка и последующая проковка раскаленной крицы, а затем изготовление и ковка из этого сырья предметов (оружия, доспехов и т. д.) желаемой формы требовали от мастеров большой специализации.

Как уже говорилось, «Саркине город» должен был снабжать древнюю столицу оружием и доспехами, т. е. продукция этого района, видимо, являлась важнейшей основой могущества Мцхета[42]. Большое экономическое значение железообрабатывающего Саркине, видимо, было известно и раньше. Нужно полагать, что показателем весьма значительной роли Саркине является столь сильное его укрепление, что при Александре Македонском, по сведениям Леонти Мровели, осада Саркине ни к чему не привела. Ни один человек не смог проникнуть в крепость[43], несмотря на то, что Александр осаждал Саркине в течение одиннадцати месяцев[44].

Сам факт, что согласно грузинским историческим источникам, Александр Македонский будто бы был сильно заинтересован в овладении Саркине, не может быть объяснен только тем, что, согласно Мровели, бунтурки оскорбляли, ругали Александра[45]. Следует думать, что захватчикам было хорошо известно значение железообрабатывающего района древней столицы — экономической и производственной основы могущества Мцхета и всего царства Картли.

Естественно предположить, что значение района Саркине и обусловливало выдающуюся роль «железоделателей» среди ремесленников столичного периода Мцхета. Да и древнейшая традиция хорошо рисует значение кузнецов железа и меди.

---

[42] А. Апакидзе, Древнейшая культура Грузии..., стр. 31.
[43] «Картлис цховреба», 1, 1955, стр. 17.
[44] «Хроники», 1, Тифл., 1892, стр. 12, Опис. II, стр. 708.
[45] «Картлис цховреба», 1, 1955, стр. 18.

Мы уже отметили, что нынешний уровень раскопок Саркине не дает возможности исчерпывающе представить этот район и его мастерские. Потому-то мы воздерживаемся от указания узких специальностей ремесленников, хотя и то, что раскопано, дает для этого определенные сведения. Например, можно предположить работу литейщиков круглых скульптурных изображений малого размера, выплавку редких металлов (свинца) и т. д. Словом, выясняется, что Саркине снабжал столицу (и не только столицу) продукцией железного производства, свинцом для закрепления скоб и, возможно, также образцами малого искусства.

Множество мастерских на «Грдзели Миндори» и на Сабанис Кеди следует признать показателем товарного характера металлообрабатывающего производства. Здесь мы находим материальное подтверждение того, что сказано в письменных памятниках о табалах; автор, видимо, уверен, что кузнечное дело является ремеслом табалов и их изобретением. О товарном характере металлической продукции, нужно полагать, говорится в Библии, в частности, в сообщении Иезекииля о том, что «Иаван, Тубал и Мешех торговали с тобою, выменивая товары твои на души человеческие и медную посуду»[46]. В этом сведении Иезекииля хорошо видно, что кузнецы изготовляли, кроме предметов местного потребления, продукцию для меновой торговли. На основании указанного сведения Иезекииля, И. А. Джавахишвили считал, что грузинские племена изготовляли металлическую посуду и оружие не только для себя, но и вывозили их для продажи в такие дальние места, каким был город Тир[47]; т. е. товарный характер железного производства вполне очевиден и для более раннего времени, чем интересующая нас эпоха, причем выясняется и то, что металлическая продукция

---

[46] Иезекииль, XXVII, 13.

[47] И. Джавахишвили, История грузинского народа, I, Тб. 1928, стр. 20.

с успехом выменивалась и на «человеческие души» (рабов)[48].

Традиционный характер товарного производства мастерских Саркине, несомненно, определял роль кузнецов в кругу городского населения, в частности, среди мцхетских ремесленников.

При рассмотрении эпиграфических памятников столичного периода уже отмечалось, что существование в древней столице достаточно искусных «писцов» совершенно очевидно. Притом, отмечалось и то, что часто чувствуется трудность и сложность при выполнении надписей на «чужом языке».

Среди писцов можно различить несколько групп. Самыми выдающимися мастерами являлись мастера, вырезающие надписи государственного значения, т. е. те, кто высек билингву или текст одноязычной надписи на обнаруженных в Армазисхеви стелах или же вырезал надпись главного художника и архитектора столицы и т. д. Своеобразным «писцом» является мастер резьбы по камню, вырезающий надписи на драгоценных или полудрагоценных камнях и выводящий надписи на серебряных предметах. К кругу «писцов» можно условно отнести ту часть черепичников и каменотесов, которые вырезают на камне или выводят на черепицах своеобразные знаки, часто имеющие форму букв.

С первого века н. э. в Мцхета начинает распространяться стеклянная посуда. В первое время она, несомненно, ввозилась, но в дальнейшем появляются местные изделия, сначала изготовленные по завезенным образцам. Иллюстрацией к сказанному могут служить найденные в самтаврском 84-ом погребении как будто бракованные бальзамарии и обнаруженные в 1954 году урбнисской экспедицией стеклянные слитки позднеантичного времени, что должно указывать на

---

[48] Е. И. Крупнов, Древняя история Кабарды. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. VIII, Нальчик, 1952, стр. 23; его же. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 335.

существование стеклодувных мастерских и местное изготовление посуды желаемой формы[49]. В этом отношении более значительными кажутся материалы V—IVвв. до н. э., указывающие на местное литье стеклянных многогранников[50]. Литейщики многогранных печатей и, может быть, выделыватели посуды и позже стеклодувы должны предполагаться среди ремесленников столичного периода, притом надо отметить также, что первые, т. е. литейщики стеклянных многогранников, подвизались на первой ступени столичного периода (до рубежа старого и нового летоисчисления), а вторые—скорее на последнем этапе столичного периода, т. е. в течение первых трех-четырех веков н. э.

Развитое строительное дело, естественно, заставляет предполагать и выдвижение деревообделочников. Дворцы, храмы, бани, башни-крепости, склепы и т. д. не могли быть построены без участия ремесленников, обрабатывающих дерево. Одна часть деревообделочников должна была быть специализирована на постройке мостов. Об этом говорит существование в Мцхета мостов само по себе, а затем, сведения о том, что Артоак обещал Помпею восстановление моста через р. Куру. Работы по сооружению мостов, видимо, считались настолько важными, что были предусмотрены в условиях перемирия между римским полководцем и царем Картли. Как сообщает Дион Кассий, царь иберов Артоак направил своих людей к Помпею с просьбой о перемирии, при этом обещал восстановить мост и снабдить войска противника провиантом[51]. Мы не знаем, сопровождали ли Помпея в Иберию мостовики, но что у Артока были в Мцхета мастера по сооружению мостов — это очевидно. Не-

---

[49] Г. А. Ломтатидзе, К социальной и культурной характеристике населения Грузии..., стр. 352 (на груз. яз.); Н. Н. Угрелидзе, Стекло в древней Грузии, Тб., 1961, стр. 6 (на груз. яз.); Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Грузии, Тб., 1952, стр. 125 (на груз. яз.).

[50] М. И. Максимова, Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии, ИИЯИМК, X, Тб., 1941, стр. 92.

[51] Дион Кассий, Римская история, XXXVII, 2.

безынтересно отметить, что у Джуаншера, историка Вахтанга Горгасали, сохранилось указание о расширении царем Вахтангом Мцхетского моста в районе жрецов на шестьдесят локтей с целью обеспечения переброски своих войск через р. Куру[52].

Отдельную отрасль обработки дерева составляло, по-видимому, изготовление мебели, в частности, царских тронов, столов, ложа для покойников и т. д. Рассмотрение украшенных сложной резьбой ножек тронных кресел и ложа убедило нас в большом мастерстве деревообделочников и, вместе с тем, выявило своеобразное распределение труда в этом слое ремесленников и исключительную их специализацию.

Хотя бы поэтому среди мцхетских ремесленников мастера художественной резьбы по дереву или вообще деревообделочники должны были также пользоваться почетом.

Среди мцхетских ремесленников, как видно, выделялись и те, кто чеканил в большом количестве сначала так называемые подражания статерам Александра Македонского и Лисимаха, а позже динарам Августа и драхмам Готарза[53].

Как показывают археологические находки, интенсивное товарное производство способствовало широкому развертыванию торговых связей, а эти последние, со своей стороны, поставили страну перед необходимостью чеканки местных монет.

Находки заготовок монет со своей стороны указывают на местную чеканку и, следовательно, на существование в Картли в античное время «монетного двора». Таким образом, нам кажется, имеется достаточное основание для выде-

---

[52] Джуаншер, Жизнь Вахтанга Горгасала. «Картлис цховреба», Тб., 1955, стр. 180.

[53] Г. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, Тб., 1952, стр. 108; Д. К. Капанадзе, Монетные находки Мцхетской экспедиции. ВДИ, № 1, М., 1955, стр. 160—173; Г. Ломтатидзе, Указ. соч., стр. 356; А. Апакидзе, Древнейшая культура Грузии..., стр. 43; Мцхета 1, Тб., 1958, стр. 206.

ления среди мцхетских ремесленников античного периода чеканщиков монет.

Следует предположить, что ряды городских ремесленников пополнялись представителями других отраслей ремесленного производства, но для их характеристики нет достаточного археологического материала, а письменные сообщения скудны.

Таким образом, среди мцхетских ремесленников столичного периода выделяются: гончары (черепичники, кирпичники-плинфоделатели, посудники, делатели водопроводных труб), строители, железоделатели, кузнецы, золотых дел мастера, деревообделочники, стеклодувы, писцы, камнерезы, чеканщики монет и т. д.

Уже вышеперечисленное ясно показывает роль одного из важнейших слоев мцхетского населения столичного периода — ремесленников в городской жизни того времени.

Среди мирного населения Мцхета отчетливо вырисовывается слой торговцев, постепенному выделению и формированию которого способствовало создание крупных хозяйств и мастерских, ибо полученная этим путем продукция связывала с рынком как хозяйство, так и мастерские. В первое время и в городах Картли для большинства лиц, вышедших на рынок, базисом была все же продукция собственного сельского хозяйства, в результате чего группа местных, коренных жителей, занимавшихся только или преимущественно торговлей, была, нужно полагать, очень мала. В эллинистическую эпоху, особенно же, начиная с широкого развертывания взаимоотношений с римлянами, обстановка меняется и появляются, видимо, купцы-профессионалы. Показателем развития торговли является, в первую очередь, распространение в Мцхета иноземных монет. Следует думать, что большое количество римских и парфянских монет потрачено на продукцию крупных хозяйств и мастерских, что свидетельствует о постепенном расширении в Мцхета товарного производства. Приблизительно такой же должна была быть обстановка до рубежа летоисчисления, как это показывают находки так называемых подражаний и статеров Александра

Македонского и Лисимаха. Огромное множество сосудов и украшений высокого качества, а также памятников монументальной и погребальной архитектуры являются, в основном, продуктами дифференцированного ремесленного производства, которое питалось древнегрузинскими традициями.

Круг торговцев должен был завозить многое и из внешнего мира. Кое-что в этом отношении было известно в предшествующую столичному периоду эпоху[54], и в дальнейшем ввоз импортных товаров все больше и больше расширяется. Касаясь вопроса о возникновении одной группы глиптических памятников — производства многогранных стеклянных печатей, мы остановились на вопросе о взаимоотношениях Картли с Малой Азией поздне-ахеменидской эпохи. Разумеется, новая и притом сильная волна последовала за развертыванием взаимосвязи с римлянами и парфянами, начиная с времен Помпея. В первые века н. э. внешние торговые связи Мцхета достигают кульминационной точки, усиливается ввоз многочисленных памятников златокузнечества и торевтики, в частности, таких, как обнаруженная в Мцхетских богатых погребениях группа изображений (Менада, Актеон, Зевс или Посейдон, Антиной, возможно, Афина-Паллада, Эскулап); серебряные чаши с горельефными изображениями, серебряные кувшинчики для вина, серебряная патера, бронзовые сосуды италийского производства[55], золотые браслеты, ожерелья, одна часть колец и серег, стеклянная посуда, остатки обуви; золотые пластинки от погребального венка и многое другое.

Часть предметов этого рода, как отмечалось, возможно, ввезена в Мцхета по определенным дипломатическим каналам (например, серебряная чаша армазисхевского второго погребения или серебряная же чаша багинетского саркофага с позолоченным изображением, возможно, Септимия Се-

---

[54] Г. Г. Лемлейн, Каменные бусы Самтаврского некрополя. Материалы к истории Грузии и Кавказа. Вып. 29, Тб., 1951, стр. 184.

[55] О. Д. Лордкипанидзе, Италийские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии, СА, 1964, № 1.

вера), другие же могли быть изготовлены в местных мастерских по распространенным в античном мире сюжетам (например, золотой браслет второго погребения, на камне которого вырезано изображение Афины-Паллады, чаша с изображением фортуны из шестого погребения или же серебряная патера и т. д.). Но то, что большая часть из них является продуктом торговых взаимоотношений, не вызывает сомнения. К последней группе без колебаний следует отнести найденную в 1872 году в Мцхета (Самтавро) цилиндрическую посуду, на которой выведена латинская надпись: «Из мастерской Кальпурния»[56].

Как уже отмечалось, несомненным и, можно сказать, прямым показателем торговых связей с иноземными центрами являются обнаруженные в Мцхета монеты. В найденных монетах (числом до трехсот) различаются две основные группы: 1. римские — ауреусы и динары и 2. парфянские драхмы.

Хронологические рамки распространения монет таковы: в небольшом количестве встречаются монеты V—II вв. до н. э. —так называемые «колхидки», монеты гор. Амиса и статеры Александра Македонского. К концу этого хронологического отрезка можно отнести так называемые подражания, которые в одно время считались «колхидскими золотыми» монетами, в последнее же время находят возможным считать их иберийскими монетами (Г. Ф. Гобеджишвили, Д. Г. Капанадзе и др.)[57].

Рубеж II—I веков до н. э. считается периодом широкого развертывания денежного обращения в Иберии[58]. С этого времени ввоз в Иберию иноземных монет, а также предметов роскоши непрерывно возрастает и с I в. н. э. до конца III в. поступление монет римских императоров не прекращается.

---

[56] Н. Н. Угрелидзе, Стекло в древней Грузии, Тб., 1961.

[57] Н. В. Хоштария, Памятники античной эпохи в Западной Грузии. Археология Грузии, Тб., 1959. стр. 246.

[58] Д. Г. Капанадзе, Монетные находки Мцхетской экспедиции, стр. 170.

Следует учесть и тот факт, что монеты обнаружены, главным образом, в богатых погребениях, во всяком случае, несомненно, так обстоит дело с ауреусами. Это обстоятельство свидетельствует, что все богатство собрано в руках представителей правящей верхушки и, вернее всего, позволяет предположить, что им подчинено дело торговли и обмена. А это со своей стороны показывает, что круг вельмож владеет и крупными хозяйствами и важными городскими мастерскими. В первую очередь, крупные хозяйства и мастерские, вероятно, составляли принадлежность царской династии (ср., например, «сепакана» — царские земли)[59]. Наиболее важным в этом отношении нам кажется существование крупного керамического производства около внутренней крепости (акрополя), почти непосредственно у Багинетского клдекари — высеченного в скале прохода.

С точки зрения изучения внешней торговли и интенсивности взаимоотношений с зарубежными странами, интересно отметить, что в Мцхета имеются, с одной стороны, римские ауреусы и динары, с другой стороны —парфянские драхмы. А если вспомнить и то, что при раскопках в Мцхета обнаружены надписи, соответствующие этим двусторонним связям (греческие и арамейские), тогда еще яснее представится роль столицы Картли на международной арене.

При ознакомлении с погребальными сооружениями Большой Мцхета мы убедились в том, что устройство погребальных сооружений и погребальный инвентарь со всей очевидностью рисуют имущественное неравенство мцхетского населения интересующей нас эпохи. Гробницы аристократического круга, и территориально отделенные от общего могильника, не имеют почти ничего общего с каменными ящиками, столь тесно примыкающими друг к другу в мцхетских массовых некрополях. Тенденция к изолированности ясно видна у Армазисхеви, где выделяется гнездо богатых

---

[59] С. Н. Джанашиа, Грузия на пути ранней феодализации, Труды, 1, Тб., 1949, стр. 159 (на груз. яз.); Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тб., 1959, стр. 422.

гробниц эриставов; на Багинети, где, как видно, хоронили членов придворного круга (ср. надпись, выведенную на серебряной ложке, найденной в саркофаге «царевны»); у Мцхетской станции, где обведенный оградой, т. е. выделенный и в этом отношении, великолепный склеп типа мавзолея отчетливо обособлен от массовых погребений, обнаруженных ниже него. Картина столь же явного различия видна и на самтаврском могильнике. Здесь наиболее богатые гробницы, ясно выделяющиеся своим устройством и еще более погребальным инвентарем, совершенно отделены от массового могильника и значительно—друг от друга.

В круг аристократов древнего города, по-видимому, входили представители царского двора, питиахши, дзороуправители, представители духовного сословия, рабовладельцы и, возможно, крупные купцы. Знакомство с погребальным инвентарем убеждает нас в том, что в Мцхета различались также среднеимущие, малоимущие и вовсе неимущие слои населения[60]. Достаточно напомнить, что в погребениях массового некрополя лишь иногда находили один-два незначительных предмета, а в погребениях аристократов обнаруживали десятки, а если считать мелкие золотые пуговки и звенящие подвески, то и тысячи золотых и серебряных предметов. Такой резкий имущественный контраст в большей или меньшей степени характерен, в общем, для могильников «Большой Мцхета».

Картина, обрисованная на основе изучения устройства погребальных сооружений и погребального инвентаря, показывает, что круг аристократов и богачей, видимо, и при жизни был резко отмежеван от остальных горожан. Аристократы не только селятся изолированно (представители царского двора — в Акрополе, питиахши — у Армазисхеви и т. д.), но и живут в великолепных, построенных по архитектурным правилам зданиях, в таких, как сооружение «типа дворца» в Армазисхеви.

---

[60] Мцхета I, Тб., 1958, ср. А. Апакидзе, Мцхета — столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 105—106 (на груз. яз.).

Наряду с этим, следует предполагать, что в результате многократных вражеских набегов разрушалась большая часть именно богатых зданий, дворцов и храмов столицы.

Совсем неудивительно, что до нашего времени не сохранилось следов жилищ—мазаных глиной хижин и землянок—бедного населения Мцхета; едва ли можно ожидать, чтобы бедные горожане жили лучше, чем некий «сторож царского сада», имевший маленький домик у входа в царский сад Мириана в IV в. н. э.[61].

Правда, у нас нет прямых указаний, но безинвентарные погребения, вероятно, следует отнести к тому слою населения, который вместе с многочисленными рабами создавал материальные блага и делал все для господствовавшего класса: строил ограды, башни, дворцы, бани, рынки, водопроводы, склепы; высекал саркофаги и квадры для облицовки стен; выжигал известь, вырезал кирпичи, черепицы, чеканил монеты; выполнял работы, связанные с чеканкой по золоту и с добычей золота; работал на разработках железной руды и переносил руду до Саркине, где выплавлял железо и изготовлял оружие-доспехи или другую продукцию[62]. Словом, это погребения бедняков, которые обслуживали царский род всем тем, что необходимо для жизни, выполняли все работы по добыванию жизненных средств[63]. Самим же представителям этого социального слоя представлялась нищенская жизнь, а после смерти, в лучшем случае, жалкие погребения (сколоченные наспех каменные ящики или обломки черепиц).

Выше уже не раз отмечалось, что на территории «Большой Мцхета» найдено множество археологических материалов, указывающих на возможное применение рабского труда. Хорошие возможности для использования рабского труда имелись в виноградарстве (возможно, в царских виноград-

---

[61] «Картлис цховреба», 1, Тб., 1955, стр. 93.

[62] А. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, 1, Тб., 1963, стр. 238 (на груз. яз.).

[63] Страбон, География, XI, III, 6; ср. А. Апакидзе, Указ. соч., стр. 238.

никах), крупных хозяйственных мастерских (черепичных, кирпичных, для производства больших кувшинов-квеври и др.); на железных рудниках и в мастерских для выплавки и ковки железа, в каменоломнях, на трудоемких работах по изготовлению сырцового кирпича, по проведению оросительных каналов и орошению полей и т. д. Арена для использования рабского труда имелась в «Большой Мцхета» уже с IV века до н. э., где создавались грандиозные фортификационные сооружения IV и последующих веков (Багинети, Саркине и Цицамури); крупные поливные виноградники, черепичное и кувшинное производство, производство металлов и др. были чрезвычайно трудоемкими с точки зрения организации производства, хорошо налаженными работами, что указывает на существование сильной государственной организации. Иначе и нельзя представить себе столь многостороннее использование рабского труда.

Таким образом, есть основание предположить существование в Мцхета столичного времени значительного числа рабов, выполнявших самые тяжелые работы в городах Картли и в ее сельских районах.

Следует думать, что в слой рабов входили и так называемые «лаои», т. е. «царские рабы» Страбона[64], и просто рабы[65]. С. Н. Джанашиа предполагал, что основным источником возникновения этого слоя населения было покорение иноземных племен и превращение их в рабов царя, как представителя высшей военной власти и владетеля фонда земель покоренных стран[66].

По мнению Г. А. Меликишвили, впоследствии, разумеется, этот слой мог быть пополнен и другим путем, например, переселением жителей из покоренных областей на царские земли и т. д.[67]. Зарождение и развитие городской жизни, как уже

---

[64] Страбон, География, XI, III, 6.

[65] Г. Меликишвили, Вопросы возникновения в Грузии классового общества и государства, Тб., 1956, стр. 155 (на груз. яз.).

[66] С. Джанашиа, Ранний феодализм. Труды, II, Тб., 1952, стр. 166 (на груз. яз.).

[67] Г. Меликишвили, Указ. соч., стр. 155.

отмечалось, имело результатом возникновение слоя «мирных горожан» или горожан вообще. Уже это обстоятельство показывает, что имевшие сильные боевые навыки мцхетские землевладельцы социально расслаиваются, чему, как было сказано, соответствует исчезновение оружия и доспехов в раскопанных в городах Картли погребениях античного периода. В свете археологических раскопок, по нашему мнению, не должно вызывать сомнения сообщение Страбона о том, что на Иберийской равнине обитает население, более склонное к земледелию и миру, горную же страну, напротив, заселяют простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием[68].

Таким образом, источник Страбона хорошо различает население долины и горной части страны. Характерные особенности этих двух частей населения Иберии, указанные в «Географии» Страбона, подтверждаются и археологическими находками. Сообщение Страбона о том, что третий разряд населения Иберии состоит из воинов и земледельцев, следует понимать как результат длительного процесса дифференциации прежнего слоя «воинов-земледельцев». Разумеется, в этом сообщении Страбон судит о различных категориях, т. е. он не отождествляет воина и земледельца. Если это так, то мы имеем основание видеть у Страбона указание на выделение слоя воинов[69].

Таким образом, прежний слой земледельцев-воинов, начав расслаиваться, должен был породить, кроме ремесленников и земледельцев, и другие слои, одним из которых, несомненно, являлись воины. Следовательно, можно говорить об определенной, постоянной группе воинов, т. е. о необходимой для защиты всего царства и, в частности, столицы военной силе. Это не есть вся боевая возможность царства, выставлявшего в случае каких-нибудь тревожных обстоятельств

---

[68] Страбон, География, XI, III, 3.
[69] Страбон, География, XI, III, 6.

много десятков тысяч воинов как из своей среды, так из числа скифов и сарматов[70].

Существование постоянных войск доказывает наличие фортификационных сооружений «Большой Мцхета», обнаруженных при археологических раскопках, в частности, не подлежит сомнению наличие гарнизона в Акрополе и в других крепостях и в городах-крепостях. Помимо этого, имеются указания письменных источников о создании «мона-спа», т. е. царской гвардии.

Таким образом, налицо слой, нужно полагать, профессиональных воинов, возникший в результате несомненного социального распада слоя воинов-земледельцев. Разумеется, это не единственный путь пополнения вновь выделившегося слоя воинов. Древнегрузинские исторические источники сообщают о наличии наемных войск еще в III в. до н. э.[71]; у Страбона сохранились также сведения о привлечении воинов-скифов и сарматов в большом количестве в необходимых случаях. Словом, источники подобного рода убедительно, по нашему мнению, подтверждают появление нового слоя воинов в Мцхета и, нужно полагать, во всей Картли.

Значительная часть этого слоя, видимо, вышедшая из аристократии, занимала в армии привилегированное положение. Как отмечалось выше, Г. В. Церетели обратил внимание на то, что в двуязычной надписи из Армази упоминается дворовуправитель Иодманган, одержавший много побед[72], т. е. дворовуправитель, надо полагать, исполнял по неизвестной нам причине и обязанности военачальника. Эту мысль разделяет и К. Г. Григолиа, утверждая, что при царском дворе Картли античного времени военачальник был известен и как дворовуправитель. Военачальнику (спаспету)—второму лицу после царя, с одной стороны, подчинялось войско, а с другой—он, видимо, начальствовал над эриставами[73]. Ра-

---

[70] Страбон, География, XI, III, 3.

[71] «Картлис цховреба», 1, Тб., 1955, стр. 22 (на груз. яз.).

[72] Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тб., 1943.

[73] К. Григолиа, Новая история Картли, Тб., 1955, стр. 22 (на груз. яз.).

зумеется, сказанное не значит, что военачальство не подведомственно, не подвластно было царю, наоборот, указание о том, что военачальник (спаспет) Фарнаваза был вторым лицом после царя и в качестве старшего (или начальника) управлял всеми эриставствами[74], по нашему мнению, ясно указывает и на высокое положение, и на права царя Иберов — царя великого.

В этой связи следует указать на судьбу одного из знатных вельмож и военачальников Берсумы, погибшего по всей вероятности, далеко за пределами Картли и поэтому захороненного вторично в Армазисхеви. Это тем более допустимо, что случаи ухода вельмож в далекие военные экспедиции вовсе не были редкостью на протяжении всей истории Грузии и, в частности, в интересующую нас эпоху—в первые века н. э.[75].

Видимо, в случае Берсумы мы имеем дело с эпизодом, аналогичным с описанной в греческой эпитафии, найденной в Риме, историей, повествующей о гибели Амазаспа, славного отпрыска царя Картли (Иберии), прибывшего сражаться с парфянами, но погибшего прежде, чем он успел обагрить руки. Правда, остается неизвестной дальнейшая судьба останков Амазаспа, но уход вельможи (в данном случае, брата царя Митридата) на помощь римлянам (надо полагать, Траяну, в 114—115 гг.)[76] является достоверным показателем того, что военное дело и особенно-же военачальство превращается в предмет привилегии представителей правящей верхушки. Ведь нельзя считать случайным и тот факт, что в одноязычной надписи Армазисхеви (т. н. «Надпись Шарагаса») питиахш Шарагас торжественно повествует о больших победах великого царя иберов[77]; в этой связи немаловажное

---

[74] «Картлис цховреба», 1, Тб., 1955, стр. 25 (на груз. яз.).
[75] Мцхета I, Тб., 1958, стр. 55.
[76] Мцхета I, Тб., 1958, стр. 55 (там же см. литературу).
[77] Г. В. Церетели, Армазская билингва.

значение имеет упоминание гегемонов иберов, находящихся среди пленных и заложников у Помпея[78].

Таким образом, судьба Амазаспа, история вторичного захоронения питиахша Берсумы, торжественная речь Шарагаса и, что главное, упоминание в билингве двороуправителя Иодмангана в качестве военачальника (много побед одержавшего вельможи) показывают, что представителям аристократии, возможно, поручалось не только управление царским двором и хозяйством, но и начальство над царской гвардией и военачальство, следовательно, как предполагал С. Н. Джанашиа, они могли занимать как военные, так и светские государственные должности[79].

Таким образом, ознакомление с эпиграфическими находками и рассмотрение письменных источников дают основание предположить, что в Мцхета интересующей нас эпохи военная аристократия играла большую роль в жизни города и вообще в политической жизни страны[80].

Процесс распада земледельцев, как видно, впоследствии еще более углубился, главным образом, в результате дальнейшего совершенствования обработки железа; видимо, не всякий мог приобрести железные орудия, а кому это удавалось, тот еще более развивал свое хозяйство. Только представители состоятельных кругов имели возможность приобретения железного оружия, весьма дорогого, следует думать, в те времена. Таким образом, своеобразные экономические факторы все больше расслаивали прежних земледельцев—воинов на новые социальные группы[81], из которых одну, весьма важную в Мцхета столичного периода, представляли воины—слой, неоднородный ни по происхождению, ни социально.

---

[78] Дион Кассий, Римская история.

[79] С. Джанашиа, Грузия на пути ранней феодализации Тб., 1949, стр. 199 (на груз. яз.).

[80] Г. Меликишвили, Вопросы возникновения в Грузии классового общества и государства, стр. 182 (на груз. яз.).

[81] Ш. Месхиа. Симон Джанашиа, Тб., 1950, стр. 62 (на груз. яз.).

Таким образом, археологические исследования, осуществленные в Мцхета и ее окрестностях, дают основание предполагать деление жителей древней столицы на следующие, выделенные вслед за зарождением и развитием городской жизни новые социальные и профессиональные группы, объединенные в «мирных горожан»:

а) ремесленники, а именно: гончары (изготовляющие посуду, квеври, черепицу, кирпичи), строители (каменщики и каменотесы), деревообделочники и золотых дел мастера, кузнецы, мастера по чеканке монет, стеклодувы, писцы, «железоделатели» или металлисты, мостостроители, водопроводчики и т. д.; б) торговцы; в) члены царского рода и другие вельможи (среди них: питиахши, двороуправители, члены семей царедворцев и питиахшей, крупные землевладельцы и т. д.); г) военно-служилая знать; д) значительную часть городского населения составляли отряды, охраняющие крепости и укрепления; е) многочисленные рабы; ж) важную роль во всех кварталах города и вообще в городе должны были играть служители культа.

Знакомство с археологическими материалами дает возможность коснуться вопроса и об этническом составе населения древней столицы. Сообщение о появлении в Мцхета иноземцев сохранено в первой Мцхетской надписи, найденной в 1867 году и относимой к 75-му году н. э.[82] Позднее на территории столицы были обнаружены еврейские эпитафии, указывающие на существование в Мцхета еврейской этнической группы. Как выясняется, мы имеем дело не с единственным евреем, в этом случае с Иосифом Бар Газаном, а возможно, с его семьей, ибо, как известно, в одной из эпитафий упоминается брат Иосифа Бар Газана—Шаллум[83].

Греческая надпись, найденная в 1938 году на Самтаврском поле, представляющая собой эпитафию главного художника и архитектора города и его супруги, указывает на

---

[82] Г. В. Церетели, Греческая надпись из Мцхета эпохи Веспасиана, Тб., 1958.

[83] Н. В. Цѐретели, Новооткрытая еврейская надпись в Мцхета. ИИЯИМК, V—VI, стр. 419—425.

наличие иноземцев в районе собственно Мцхета, так как несмотря на то, что главный художник, по-видимому, считает и себя и свою супругу коренными жителями Мцхета, он упоминает о «других иноземцах» и прохожих. Жизнь чужеземцев в Мцхета кажется столь обычной, что, видимо, существовала возможность захоронения чужеземца в гробницах, принадлежавших местным коренным жителям. В таких условиях нет оснований считать иностранцев временно прибывшими сюда для торговли; мы, видимо, имеем дело с определенной этнической группой или колонией, считавшей Мцхета или один из ее убани местом своего постоянного жительства.

Предположительные материалы о третьей этнической группе были найдены сравнительно недавно. Обнаруженные в 1940 году в Армазисхеви двуязычная и одноязычная надписи по новому поставили вопрос об определенной роли в Мцхета восточного этнического элемента.

В условиях широко развернутой торговли и внешних взаимосвязей, которым, естественно, способствовали проходящие через Мцхета торговые магистрали, появление иноземных этнических элементов в городах Картли античной эпохи следует считать вполне закономерным.

Есть все основания считать, что в камнерезных мастерских городов Картли первых веков н. э. наряду с местными работали и греческие мастера[84]. Аналогичное и, думается, достаточно обоснованное соображение высказано и по отношению некоторых более ранних групп предметов златокузнечества и глиптики. Яснее эта тенденция прослеживается со времени распространения в Картли стеклянных многогранных печатей (по крайней мере, с IV века до н. э.)[85].

К сожалению, результаты палеоантропологических исследований соответствующего археологического материала

---

[84] Ср. А. Апакидзе, Мцхета — древняя столица Картлийского царства, Тб., 1959, стр. 111, там же, литература по этому вопросу.

[85] Ср. М. И. Максимова, Геммы из некрополя Мцхета-Самтавро, ВГМГ, XVI-В, Тб., 1950, стр. 226.

античной эпохи, несмотря на их большое значение вообще, не дают нам достаточного основания для решения вопросов этнической принадлежности[86].

Как мы видели, согласно археологическим материалам, среди жителей Мцхета столичного периода, кроме основного — грузинского населения, встречаются хотя бы небольшие группы греков (римлян), персов и евреев, а если принять во внимание, что некоторые, засвидетельствованные в надписях имена связываются с североиранским (осетинским) миром, тогда, естественно, подразумевать среди иноземных этнических групп и представителей североиранских племен, в частности овсов[87].

При таком положении вещей естественно принять во внимание и показания письменных источников. В древнегрузинских исторических источниках, например, имеются указания о переселении овсов, расселении по разным городам турков и бунтурков; о том, что Картли дружелюбно принимала беженцев из разных стран, в частности, ассирийцев, греков, хазаров, евреев и др[87]. Такова наблюдаемая с IV в. до н. э. картина этнического состава населения Мцхета и, видимо, вообще городов Картли.

Этническую пестроту подразумевает, естественно, указание «Картлис цховреба» о том, что в Картли говорили на шести языках: армянском, грузинском, хазарском, ассирийском, еврейском и греческом, ими владели все цари Картли[89]. Характерно, что на территории столицы обнаружены эпиграфические памятники на трех языках из тех пяти негрузинс-

---

[86] М. Г. Абдушелишвили, К палеонтологии Самтаврского могильника, Тб., 1954, стр. 111—113 (на груз. яз.).

[87] В. Абаев, Вокруг Армазской билингвы. САН ГССР, V, 8, Тб., 1944, стр. 828.

[88] Картлис цховреба», 1, 1955, стр. 15 (на груз. яз.). Опис. II, стр. 708 и посл.

Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 447—450.

[89] «Картлис цховреба», 1, Тб., 1955, стр. 16; ср. А. Апакидзе, Города и городская жизнь в древней Грузии, I, Тб., 1963, стр. 241—243.

ких, которые, как отмечает «Картлис цховреба», были распространены в Картли.

Одно сравнительно позднее сведение заставляет думать, что иностранные письменность и речь должны были быть более доступны для правящих кругов города (и царства). При этом нужно полагать, что при царском дворе должны были быть и переводчики, на что указывает, по нашему мнению, эпизод встречи придворной дамы Шрошаны со святой Ниной. Источник сообщает, что беседа между ними состоялась лишь после того, как Шрошана привела к Нине женщину, говорившую по гречески[90]. Здесь кроме привлечения переводчицы (т. е. возможно существование такого института) привлекает внимание и то, что придворная дама не знает греческого языка; больше того, оказывается Шрошана не знала ни армянского, ни еврейского языка, иначе ей бы не понадобилась женщина, говорящая по гречески, ибо святая Нина немного знала армянский[91], владела еврейским языком.

Здесь, мы полагаем, выясняются очень интересные детали. Главари государства при общении с иностранцами широко пользуются греческим и арамейским языками, но этот официальный язык не принят даже в их семьях. Тем более недоступны должны были быть языки международного общения для низших слоев населения[92]. Как будто иное, в этом отношении, положение предполагается в соседней Армении, высший слой населения которой в II—IV веках, как видно, пользовался и греческим письмом и греческой речью[93]. При этом выясняется, что и в области управления городов в III—IV вв. н. э. языком царской канцелярии являлся греческий[94]. Пример Шрошаны, нужно ду-

---

[90] «Картлис цховреба», 1, Тб., 1955, стр. 93.

[91] Там же, стр. 85.

[92] А. Апакидзе, Древняя культура Грузии..., стр. 51.

[93] К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, 1, 1953, стр. 240.

[94] Г. К. Саркисян, Из истории городской общины в Армении, ВДИ, № 3, М., 1955, стр. 55.

мать, говорит о том, что даже высший — правящий слой тогдашней Картли не испытал до такой степени греческого влияния.

Таким образом, то обстоятельство, что при раскопках Мцхета и ее районов найдены негрузинские надписи, не говорит ничего против широкого распространения грузинского языка. С. Н. Джанашиа, рассматривая этот вопрос, указывал на один исторический аналог. Как известно, в Картли V века была широко распространена грузинская письменность и мы даже располагаем блестящим художественным произведением того времени — «Мученичеством Шушаники» и известным эпиграфическим памятником—рельефно выведенной надписью Болниси; с другой стороны, мы имеем именную печать-перстень питиахша того же времени, в надписи которой, так же как в Армазисхевской билингве, прямо говорится, что на камне перстня изображен питиахш Картли, но сама надпись — греческая. Этот факт должен указывать на то, что даже в V веке в официальных сношениях с иноземцами мог быть использован и греческий язык.

Древнегрузинские письменные исторические источники свидетельствуют, что этническая пестрота была вообще характерна для городов Картли античной эпохи, в частности, в источниках сохранилось сообщение о том, что в еврейском святилище города Урбниси св. Нина провела месяц[95]. Как известно, и в Урбниси был найден фрагмент арамейской надписи; аналогичная картина наблюдается в Уджарма, Тбилиси. Еще более прямые письменные указания имеются у нас для представления этнического состава населения городов античной эпохи Грузинского Причерноморья. Это—подробные сведения о сложном этническом составе городов Грузинского Причерноморья, сохранившиеся в классических источниках. Таким образом, имеются основания считать, что этническая пестрота являлась одним из характерных

---

[95] «Картлис цховреба», I, 1955, стр. 88; Опис. II, 750; Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 448.

признаков городского населения Грузии античной эпохи; быть может, более характерным, чем для городов стран Эгейского мира. Особенность эта, видимо, обусловлена была, с одной стороны и главным образом, местным субстратом, сложным этническим составом населения Кавказа, с другой—заинтересованностью греко-римского и восточного мира в развитии сношений с Грузинским Причерноморьем и городами внутренних областей страны, в том числе и Картли.

Как мы видим, археологические находки дают основание представить социальную картину городов Картлийского царства античного периода более отчетливо, чем это удавалось на основе анализа письменных источников; говоря иначе, возникает археологическое основание для иллюстрации процесса социальной дифференциации «э р и», предложенного в результате анализа письменных источников, проделанного до развертывания археологических раскопок в Мцхета и совершенно по новому С. Н. Джанашиа.

Теперь, после разбора археологического материала, можно обрисовать древнюю столицу Картлийского царства и создать определенное представление о городской жизни.

Возникновение города Мцхета и вообще городов Картлийского царства античного периода является закономерным продолжением жизни развитого и густого поселения эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа. В городах Картли, а среди них и в Мцхета, можно предположить наличие более или менее густого населения с начала II тысячелетия до н. э. В этом отношении города Картли и, в частности, Мцхета явно отличаются от ряда синхронных им городов, например, от Ольвии, в которой городская жизнь зародилась в VI веке до н. э., когда там поселились греки, и Ольвия не стала городом, как только исчез внешний фактор[96]. Следовательно, городская жизнь в Картли возникла на местной почве; многочисленные внешние факторы, разумеется, оказывали влияние на городскую жизнь Картлийского цар-

---

[96] Л. М. Славин, Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1937 годах. Ольвия, 1, Киев, 1940, стр. 49.

ства, но ни на одной ступени они не определяли полностью ее развития; многое иноземное перерабатывалось сообразно местным традициям и приспособлялось к ним. При знакомстве с археологическими памятниками городов Картли античной эпохи чувствуется так называемая «античность», но ни римская, ни греческая, ни эллинистическая, а местная — картвельская. Археологические памятники городов Картли и, в первую очередь, Мцхета указывают, что античность, в частности эллинистическая культура, не оказалась чуждой по существу для городов Картли, поэтому и протекала безболезненно ее переработка—сочетание ее с традициями древнекартвельской культуры. Дальнейшее ее развитие, преимущественно на основе местных корней, но весьма значительно обогащенных т. н. ахеменидской, классически эллинистической и вообще античной традициями, является картвельской античностью, картвельским эллинизмом. Новые археологические находки дают нам основание распространить, хотя бы частично, и на античную эпоху характеристику Грузии ранне-феодального периода, данную Г. Н. Чубинашвили: Грузия в культурном отношении стояла в ряду тех стран, которые первенствовали и давали тон мировой культуре[97]. В первую очередь это можно сказать относительно Мцхета—древней столицы Картли и вообще о городах, ибо, как доказывают письменные источники и археологические памятники, история «Большой Мцхета» есть, по существу, история всего царства античной Картли. Ознакомление с археологическими находками показывает, что процесс разложения и распада первобытнообщинного строя в Грузии, начавшийся еще в конце III тысячелетия до н. э., особенно углубляется в эпоху бронзы и широкого освоения железа, способствуя прогрессу в жизни племен, населявших территорию Картли.

В свете анализа археологических материалов и письменных источников можно заключить, что Картлийское царство

---

[97] Г. Чубинашвили, История грузинского искусства, Тб., 1955, стр. 7 (на груз. яз.).

античного периода характеризуется развитой городской жизнью. В этом отношении, в первую очередь, выделяется «Большая Мцхета», территория которой дала самый большой и наиболее красноречивый материал для истории городов Картли и вообще Картлийского царства эллинистического и римского периодов. Следовательно, на примере Мцхета можно составить определенное представление о городах Картли античной эпохи. Выясняется, что:

а) Города Картли античного периода являлись торгово-ремесленными, хозяйственными, административными и военно-стратегическими центрами. Определенная часть городов (например, Уплисцихе, Мцхета) благодаря местонахождению в них царской резиденции были и политическими центрами царства.

б) Город, по-видимому, состоял из трех главных частей: 1. собственно город (населенная территория со строениями соответствующего вида и назначения), 2. система крепостей и укреплений и 3. округа (внешние— сельские районы города).

в) В каждом городе заметно характерное для него расположение и членение его на кварталы или убани. Мцхета, например, состояла из двух основных частей, отделенных друг от друга р. Курой. Соответственно этому, грузинские письменные исторические источники указывают, что на правом берегу р. Куры был «город армазской стороны», а на левом — «город мухнарской стороны».

г) Древние города Картли зародились на основе развития древнейших поселений, поэтому и после объединения в один город жизнь в них продолжается по поселениям, но в новой обстановке они формируются в отдельные районы или убани города. В каждом городе может быть несколько таких районов. Большая Мцхета, например, имела несколько районов (кварталов, убани), таких, как: Армазцихе, Цицамури, Саркине, Сапитиахшо. Собственно Мцхета, Джвари, Земо-Авчала, Мухатгверди — Карсани, Калоубан-Кодмани, Накулбакеви и т. д.

д) Районы (убани) городов защищались специальной оградой или крепостью. Крепость (ограда) убани является частью системы фортификационных сооружений всего города, поэтому об их укреплении заботится городская власть. В Мцхета, как в стольном городе, такая забота, судя по источникам, осуществлялась царской властью.

е) Каждый район — убани имеет свой «архитектурный облик», т. е. соответствующие архитектурные сооружения, свои ведущие отрасли хозяйства, ремесла или другие занятия и, согласно этому, определяется внешний облик каждого убани. Районы города имеют и свои общие признаки: жилые здания построены на возвышенностях; могильники устроены в низинах; культовые места сооружены на высоких холмах; хозяйства и мастерские — в низинах (на равнине); убани связаны друг с другом мостами (если их разделяют реки,—например, в Мцхета); почти все районы имеют свой водопровод, баню, крепость и т. д. Население убани внутри тоже дифференцировано — в этом отношении убани представляют собой «маленький город» и напоминают о своей прежней независимости.

ж) Население города пестро как социально и профессионально, так и этнически. Развитию ремесленного производства городов, его товарному характеру соответствуют профессионально и социально глубоко дифференцированные слои ремесленников, а развитым торговым взаимосвязям и вообще международным взаимоотношениям — сложный этнический состав. Характер производства в этих городах обусловливал отчетливое формирование различных слоев населения и их резкое взаимное противопоставление. Такую характеристику следует распространить и на население округов, так как по раскопкам хорошо видно «неразрывное единство» города и деревни Картли античного периода.

Самым большим городом Картлийского царства была Мцхета. Она была политическим центром царства и тогда уже называлась столицей («деда калаки»—«мать-город») и часто—«большим городом Мцхета». Соответственно, в жизни Мцхета наблюдается ряд признаков, которыми она выделя-

лась среди городов Картли античного периода. К таким внешним признакам можно отнести: величину города, многочисленность населения и, как было сказано, этническую пестроту; сравнительно большое скопление ремесленного прозводства, торговли и обмена и хозяйства, чему способствовали древние торговые магистрали, проходившие через нее; сложная и мощная система крепостных сооружений—внутренняя крепость (акрополь), культовые места царства и сама царская резиденция.

Исключительное положение Мцхета, нужно полагать, обуслозило такую концентрацию археологических памятников, что добытые материалы должны быть использованы для освещения истории не только Мцхета и вообще городской жизни Картли, но и для воссоздания истории самого царства Картли античного периода.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Археология Грузии — А. М. Апакидзе, Н. З. Бердзенишвили, Г. Ф. Гобеджишвили, О. М. Джапаридзе, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, М. В. Хоштария, Археология Грузии (университетский учебник). Тб., 1959.

ВАН ГССР — Вестник Академии наук Грузинской ССР.

ВГМГ — Вестник государственного музея Грузии.

ВДИ — Вестник древней истории.

ВООН АН ГССР — Вестник Отделения общественных наук АН ГССР.

ГЕОРГИКА — Сведения византийских писателей о Грузии. Греческие тексты с грузинским переводом и примечаниями издал С. Г. Каухчишвили.

ИАК — Известия археологической комиссии.

ИГАИМК — Известия государственной академии истории материальной культуры.

ИГМГ — Известия государственного музея Грузии.

ИИЯИМК—Известия института, языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР.

КАРТЛИС ЦХОВРЕБА — История Грузии. Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили.

КС, КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии АН СССР.

КС, КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры АН СССР.

МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа, Тбилиси.

МАЦНЕ — Вестник Отделения общественных наук АН ГССР.

МИМОМХИЛВЕЛИ — Обозреватель — Труды института истории АН ГССР.

МОКЦЕВАЙ КАРТЛИСАЙ — Обращение Грузии.

МЦХЕТА I—А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе—Археологические памятники Армазисхеви. Тбилиси, 1955 (грузинский текст) и 1958 (русское издание).

ОПИС — Е. С. Такайшвили, Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузинского населения.

СА — Советская археология.

САИСТОРИО КРЕБУЛИ — Исторический сборник.

САИСТОРИО МОАМБЕ — Исторический вестник.

ТИИ — Труды Института истории АН ГССР.

ХРОНИКИ—Ф. Жордания. Хроники и другие материалы истории Грузии. I, Тифл., 1892.

ARS GEORGICA — Грузинское искусство — орган Института истории грузинского искусства АН ГССР.

SCYTHICA ET CAUCASICA — В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

I. 1) Вид на храм VI века Джвари с запада.
2) Вид на Армазисхеви с востока.

II. 1) Вид на Багинети—Армазцихе с востока.
2) Вид на Бебрисцихе с юго-запада. Остатки средневековой крепости.

III. Самтавро, раскопки каменных ящиков (гробниц) верхнего яруса могильника.

IV. Армазцихе. Образцы сооружений Армазцихе I. «Колонный зал» после раскопок и частичной реставрации западной стены.

V. Армазцихе. «Колонный зал» в процессе раскопок.

VI. Армазцихе. Над основанием западной стены «Колонного зала» видны фрагменты сооружения Армазцихе II.

VII. Армазцихе. 1) Юго-западная часть «Колонного зала» после раскопок.
2) Внутренний вид стены «Колонного зала» и вход со ступеньками.

VIII. Армазцихе. 1) Вход в «Колонный зал» со ступеньками.
2) Квадровая кладка основания ограды на третьем участке Багинети со следами камнеобрабатывающих инструментов, а также рустовки. Над квадровым основанием виднеется сырцовая кладка.

IX. Армазцихе. 1) Основание большой четырехугольной башни. Кладка сухая. Армазцихе I.
2) Фрагмент стены «Колонного зала» в процессе расчистки.

X. Армазцихе. 1) Квадровое основание ограды акрополя на третьем участке Багинети. Над этой кладкой возвышалась сырцовая стена.
2) «Колонный зал» во время расчистки и частичной реставрации западной стены.
3) Фрагмент сооружения с глиняной водопроводной трубой.

XI. Армазцихе. 1) Одна из шести баз «Колонного зала» с остатками угля.
2) Квадры с гнездами для пиронов.

XII. Саркине. Грдзели миндори. Лагерь археологической экспедиции.

2) Сооружение группы Армазцихе II, при возведении которого использованы квадры древних зданий. (Армазцихе I).

XIII. Армазцихе. Фрагменты и детали сооружения, характерного для Армазцихе II (см. табл. XII, 2).

XIV. 1) Остатки склепа Багинети.

2) Фрагмент кладки, показывающий крепление квадров на третьем участке Багинети (Армазцихе I).

3) Квадровое основание ограды в Армазцихе.

4) Армазисхеви. Дверной проем «Сооружения с порогом».

XV. Армазцихе. 1) «Марнисубани» с остатками больших кувшинов для хранения вина — квеври.

2) Остатки сооружений Армазцихе II над основанием квадровой кладки «Колонного зала».

XVI. Цицамури. Остатки круглого в плане здания на «Цицамурис сери».

XVII. Цицамури. Основание круглого в плане сооружения. Детали иллюстрируют способы крепления больших квадров горизонтальными и вертикальными скрепами — пиронами.

XVIII. Цицамури. Образцы горизонтальных и вертикальных скрепов на отдельных квадрах со следами камнеобрабатывающих инструментов.

XIX. Армазцихе. Баня, раскопанная на окраине внутренней крепости.

XX. Общий вид той же бани после раскопки.

XXI. 1) Армазисхеви. Капитель, обнаруженная внутри зала «Сооружения с порогом».

2) Саркине. Капитель ионического ордера.

XXII. Саркине. 1—2) Фрагменты колонн и полуколонн, обнаруженные при раскопках на Грдзели Миндори.

3) Остатки сооружения железоделательных мастерских в районе Саванетис Кеди.

XXIII. Саркине. Продукция мастерских Саркине: детали бронзовых изделий (1), часть железного оборудования (2), железный топор 3)

XXIV. Мцхета. Самтаврский могильник: 1—3) Кувшинные погребения, 4) Черепичный ящик № 2.

XXV. Мцхета. Самтаврский могильник. Черепичные погребения до вскрытия (3) и после препарации (1—2).

XXVI. Мцхета-Самтавро. 1) Желобчатые черепицы, использованные для погребения малышей (1,2).

3) Черепичное погребение № 1 в Армазисхеви.

4) Черепичное погребение № 7 в Самтавро.

XXVII. Гробница, раскопанная в 1951 г. около ж.-д. станции Мцхета (до вскрытия).

XXVIII. Та же гробница после вскрытия.

XXIX. Деталь перекрытия Мцхетской гробницы.

XXX. Армазисхеви. 1 и 2 гробницы фамильной усыпальницы питиахшей — до вскрытия (1) и после (2).

XXXI. Армазисхеви. Саркофаги—гробницы № 6 и 7 (справа налево) до вскрытия (1) и после (2).

XXXII. Армазисхеви. 1) Гробница № 5 до вскрытия.
2) Часть перекрытия саркофага — гробницы № 7.
3) Деталь крепления плит двухскатного перекрытия.

XXXIII. Армазисхеви. 1) Первое и девятое погребение после вскрытия. 2) Саркофаг — гробницы 6 и 7 после вскрытия.

XXXIV. Часть инвентаря первого погребения фамильной усыпальницы питиахшей Армазисхеви: набор золотого пояса, ножны кинжала, золотой перстень с изображением питиахша Аспаруга и с надписью вокруг изображения, изображение питиахша Аспаруга (оттиск увеличен), портретная пара: Карпак и Джавах с надписью вокруг изображения (оттиск увеличен). Золотые бусы. Части золотой диадемы

XXXV. 1) Золотые ожерелья, браслеты и застежки из погребений № 2, 6 и 7 фамильной усыпальницы Армазских питиахшей. 2) Деталь — коробочка золотого ожерелья из саркофага-гробницы № 6, усыпанная драгоценными камнями, бирюзой и зернью.
3) Серебряный ковш из Багинетского саркофага. 4) Серебряная ложка из Багинетского саркофага с точечной арамейской надписью на ручке.

XXXVI. Армазисхеви. Оттиски изображений на драгоценных камнях ажурного браслета (1) из второго погребения (Афина Паллада), четырехугольного пояса первого погребения (2), золотого перстня из саркофага — гробницы № 7, с изображением легендарного Актеона (3) и перстня из третьего погребения.

XXXVII. Часть погребального инвентаря из первого погребения Армазисхеви.

XXXVIII. Часть погребального инвентаря из второго погребения Армазисхеви.

XXXIX. Одна группа золотых предметов из саркофага — гробницы № 6 Армазисхеви.

XL. Одна группа золотых предметов из саркофага-гробницы № 7 Армазисхеви.

XLI. Серебряная чаша с изображением Ардашира (?) с надписью ниже позолоченного края с наружной стороны.

XLII. Серебряная чаша с горельефом, изображающим богиню с рогом изобилия (1) и серебряная чаша с портретным бюстом мужчины (2) из саркофага — гробницы № 6 Армазисхеви.

XLIII. Детали горельефа — изображения богини с рогом изобилия (1) и портретного бюста мужчины (2) из саркофага № 6 Армазисхеви.

XLIV. Серебряная патера с гравированным изображением павлинов и бараньей головкой на рукоятке.

XLV. Багинетский саркофаг до вскрытия (3), после вскрытия (2) и деталь после препарации (1).

XLVI. Серебряные чаши с изображениями виноградных листьев, лоз и гроздей из Армазисхевского погребения № 7(1) и Багинетского саркофага (2).

XLVII. Серебряные чаши из Багинетского саркофага с арамейской надписью (1) и с изображением знаков Зодиака (2).

XLVIII. Серебряный кубок из Багинетского саркофага с изображением сцены охоты.

XLIX. Две серебряные ножки (из обнаруженных четырех) от погребального ложа с изображением стилизованных грифонов из Багинетского саркофага.

L. Серебряный кувшинчик — энохоя из саркофага № 7 Армазисхеви (1), стеклянный кувшинчик из Самтавро (2) и серебряный кубок из Багинетского саркофага.

LI. Деталь серебряной чаши с гравированным изображением коня перед жертвенником. деталь аналогичной чаши и увеличенное изображение коня перед жертвенником из третьего погребения Армазисхеви.

LII. Первая Мцхетская надпись (1) и десятая Мцхетская надпись (2).

LIII. Девятая Мцхетская надпись — Армазская билингва.

LIV. Третья Мцхетская надпись (1) и восьмая Мцхетская надпись (2).

LV. Знаки — греческие буквы на квадрах ограды Мцхета в районе Земо-Авчала, на левом берегу р. Куры.

LVI. Седьмая Мцхетская надпись из второго погребения Армазисхеви.

Таблицы

Таблица I

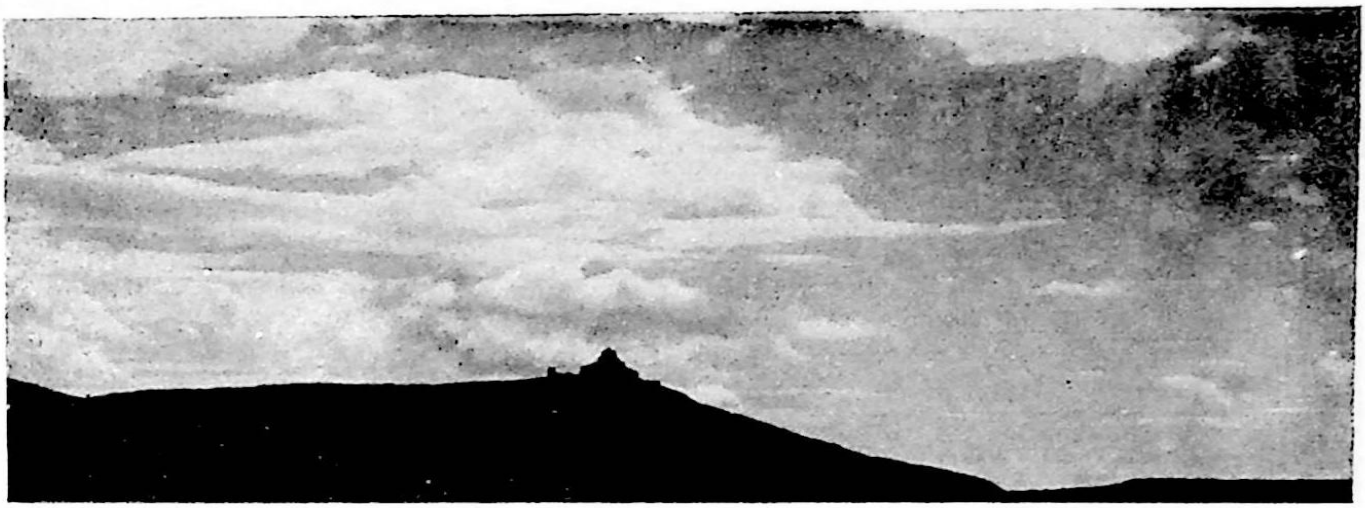
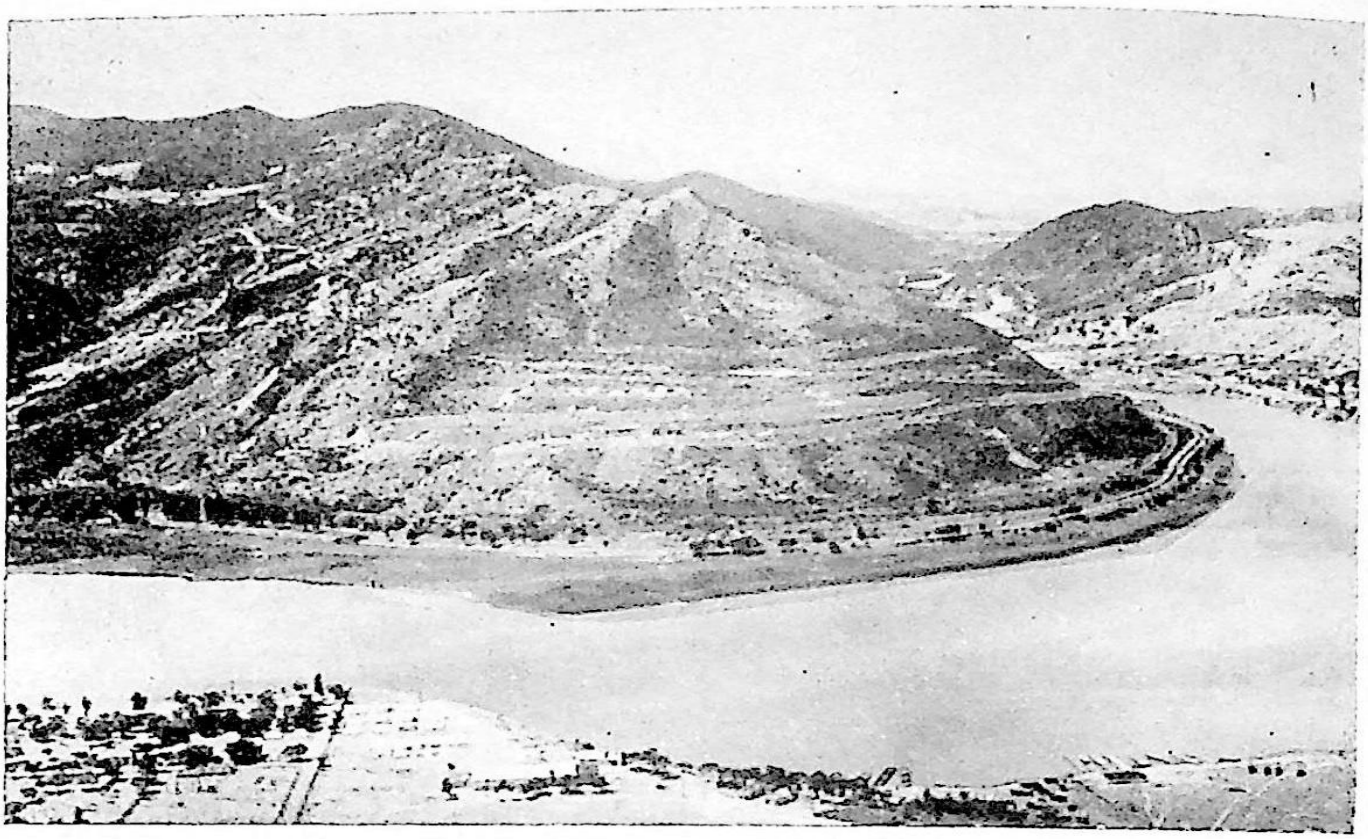


Таблица II



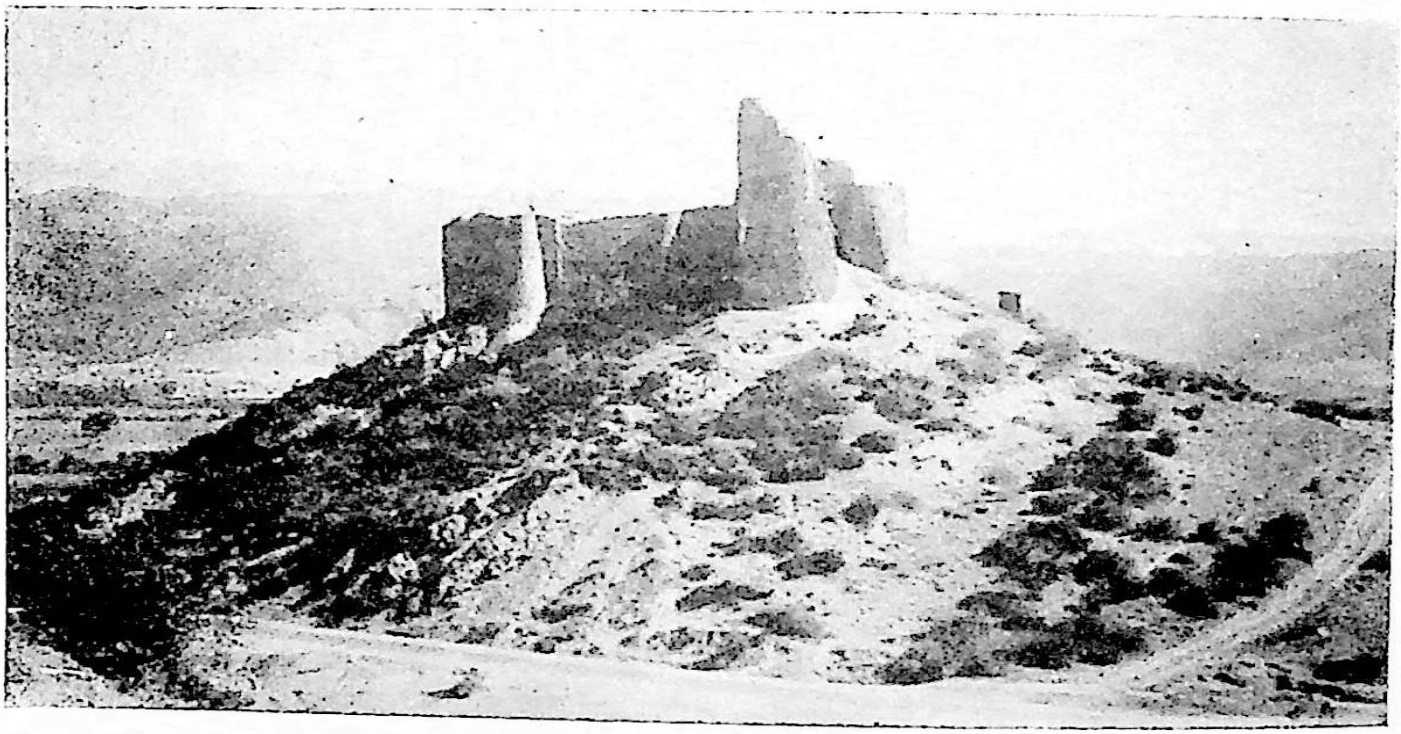


Таблица III

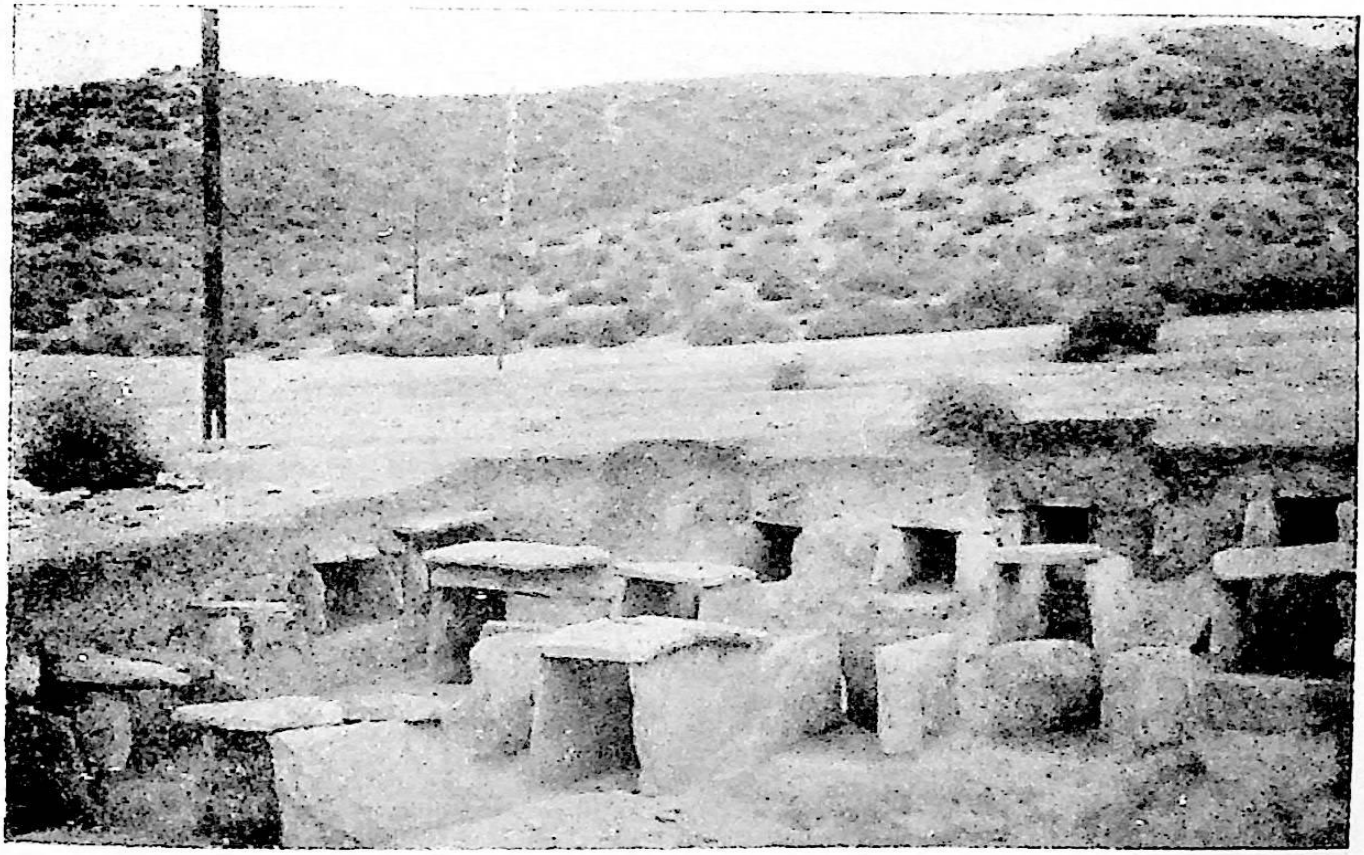


Таблица IV

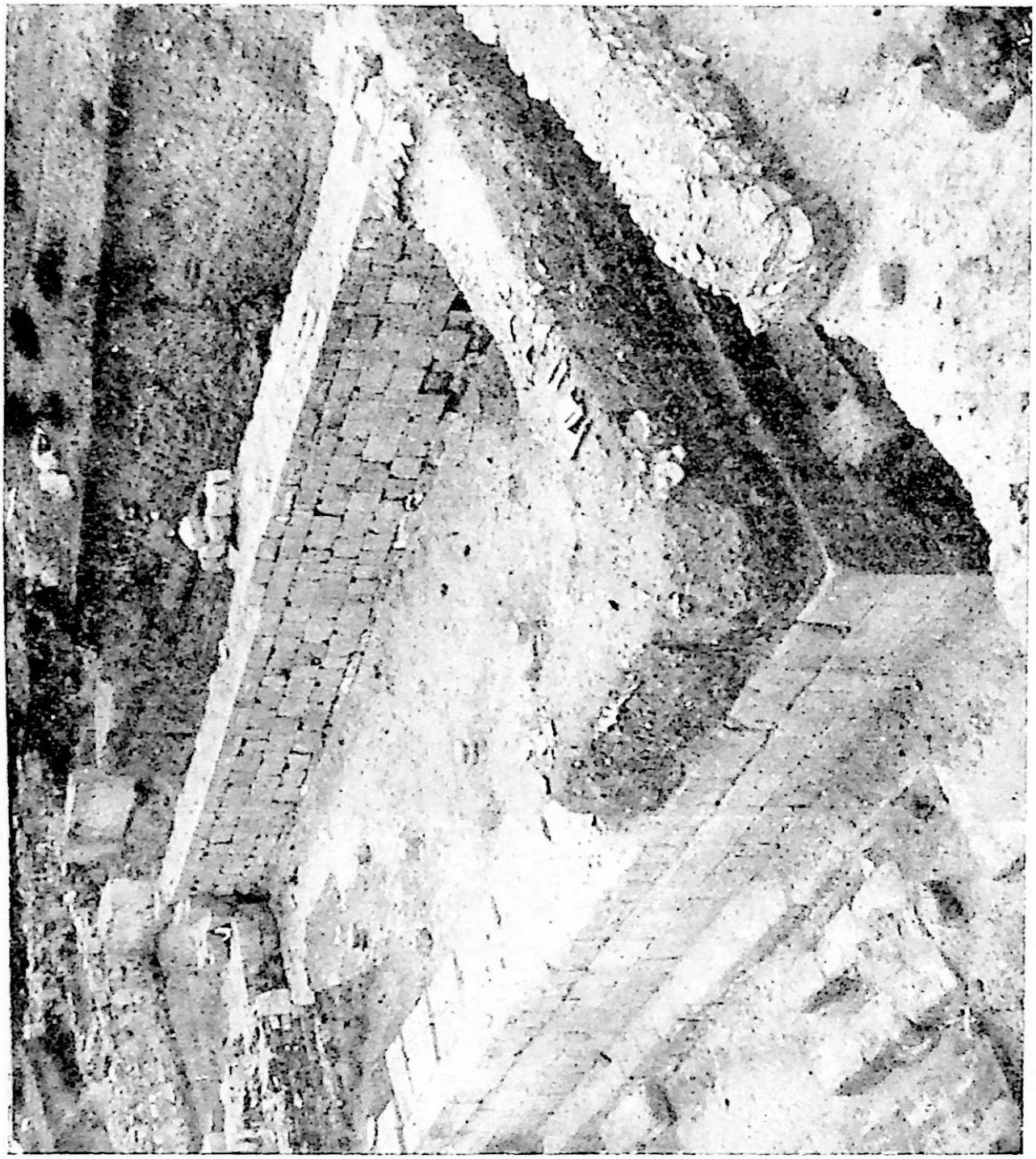


Таблица V

Таблица VI

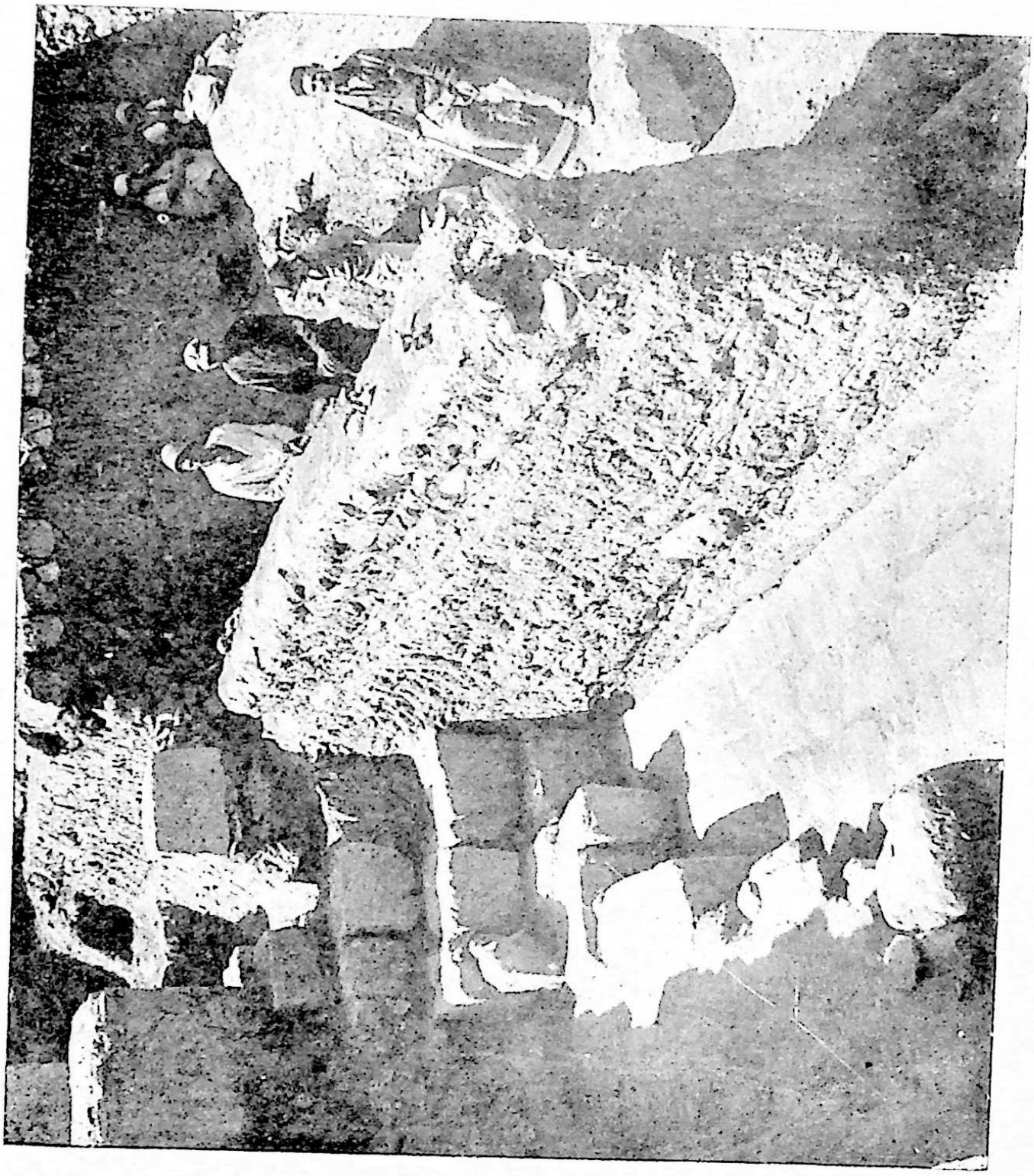


Таблица VII

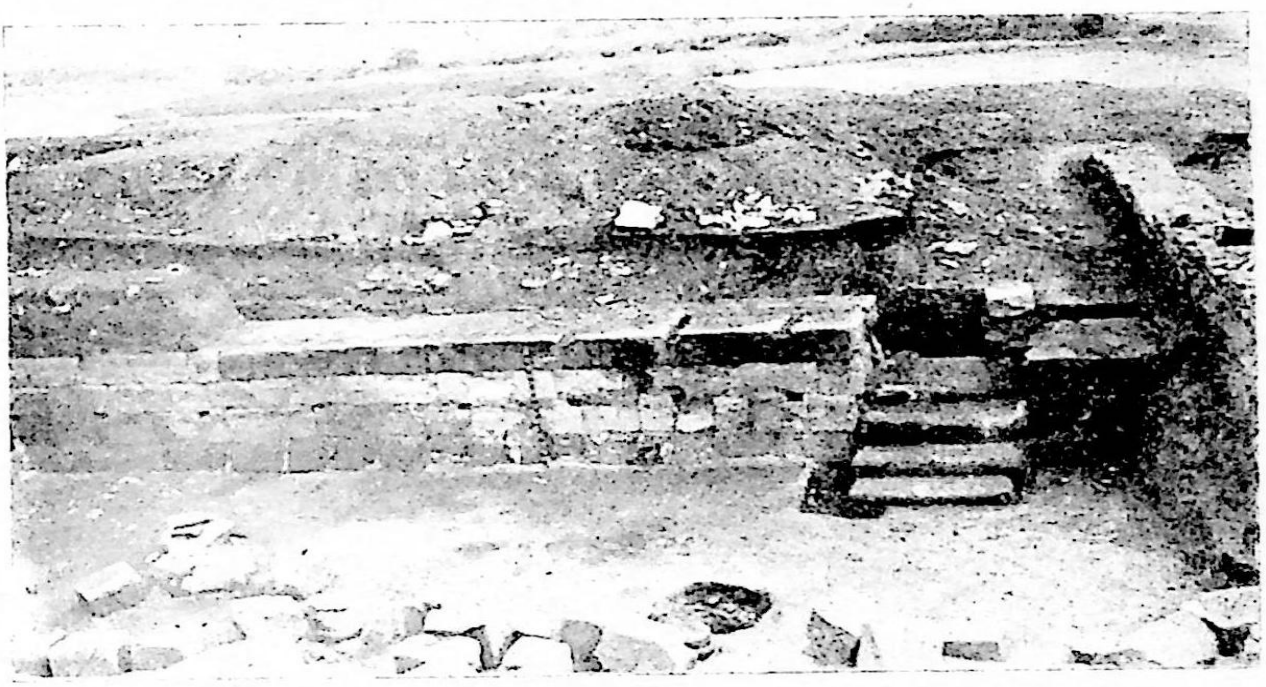
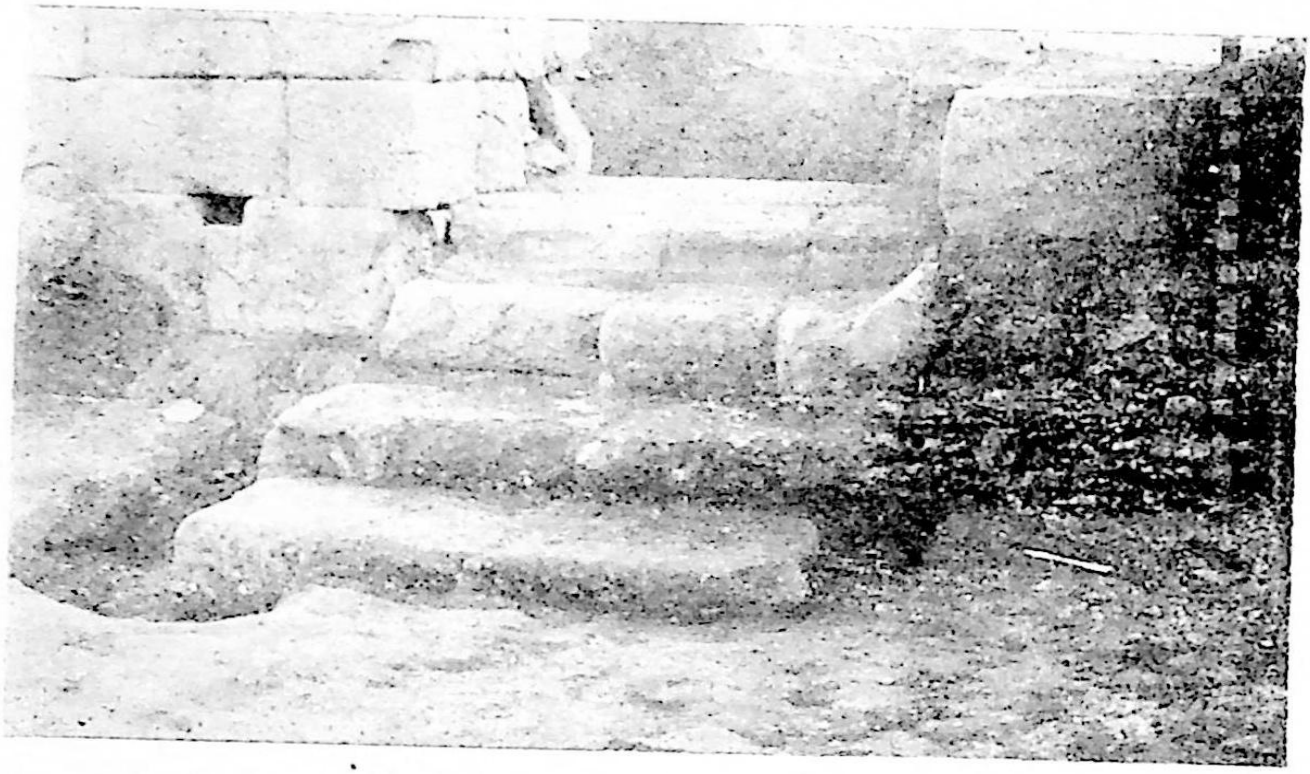


Таблица VIII



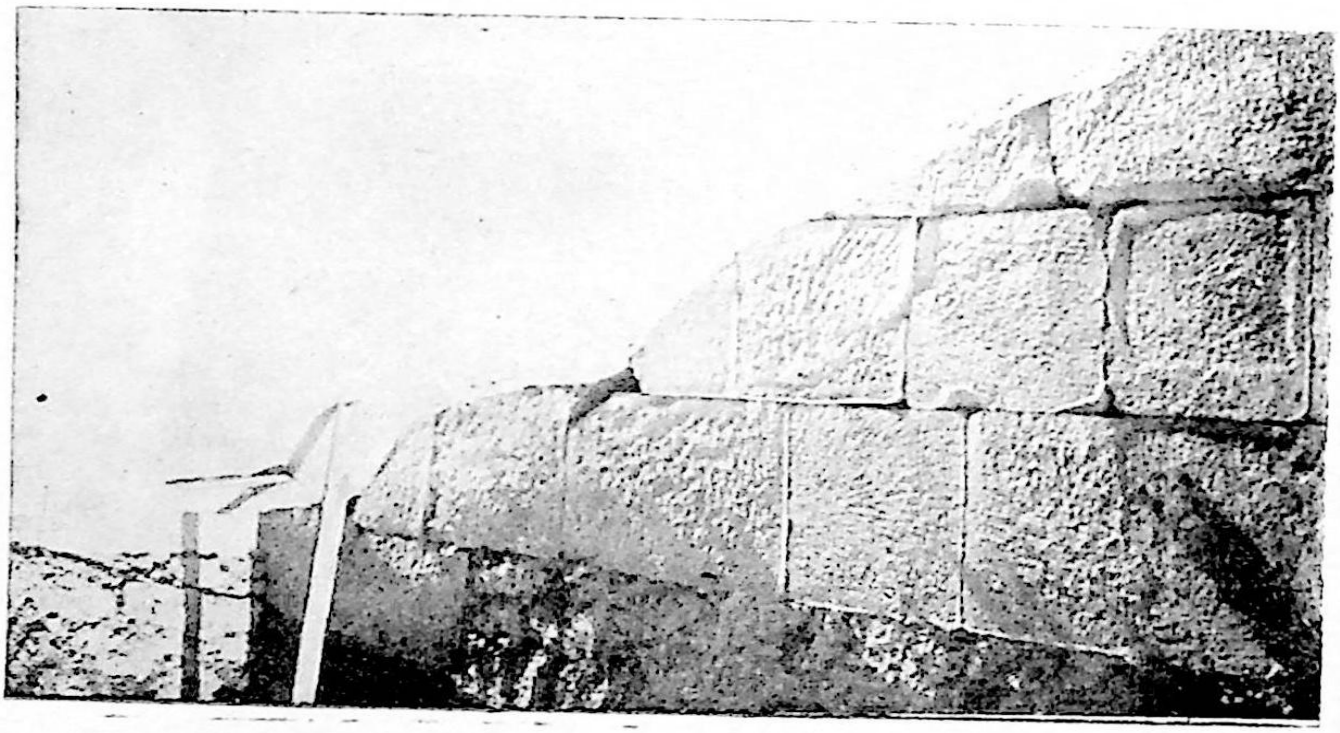
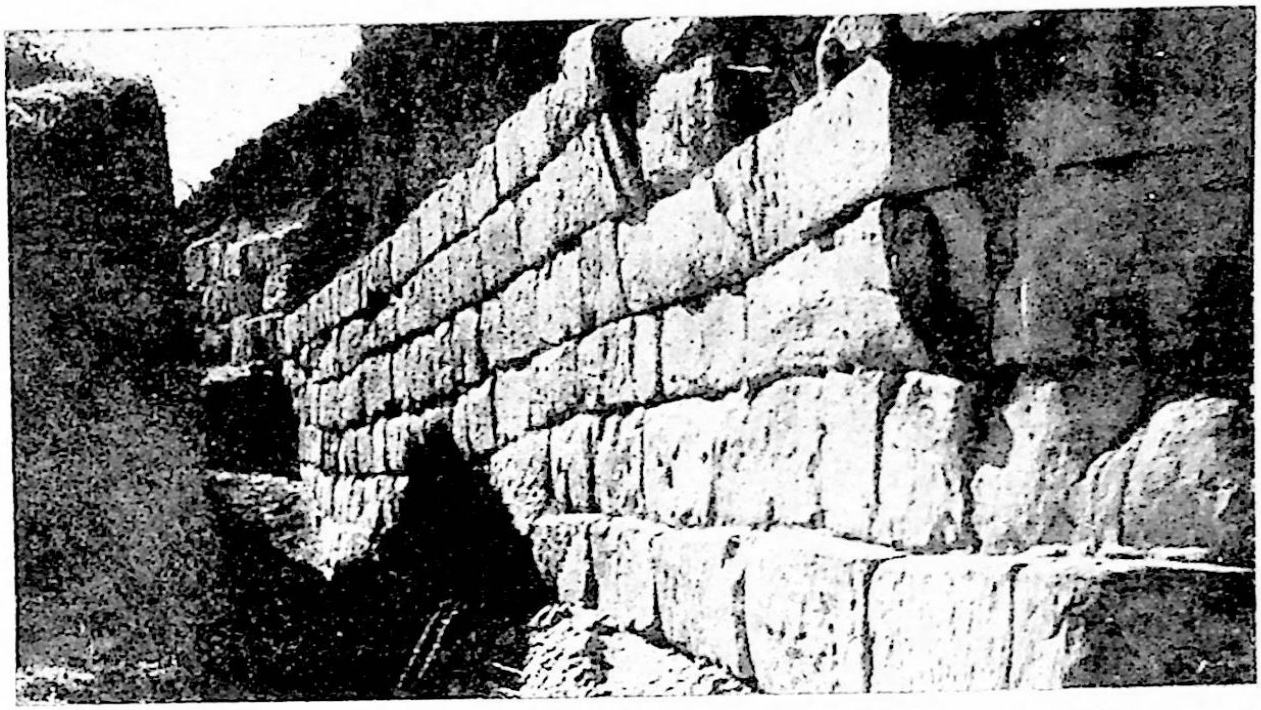


Таблица IX



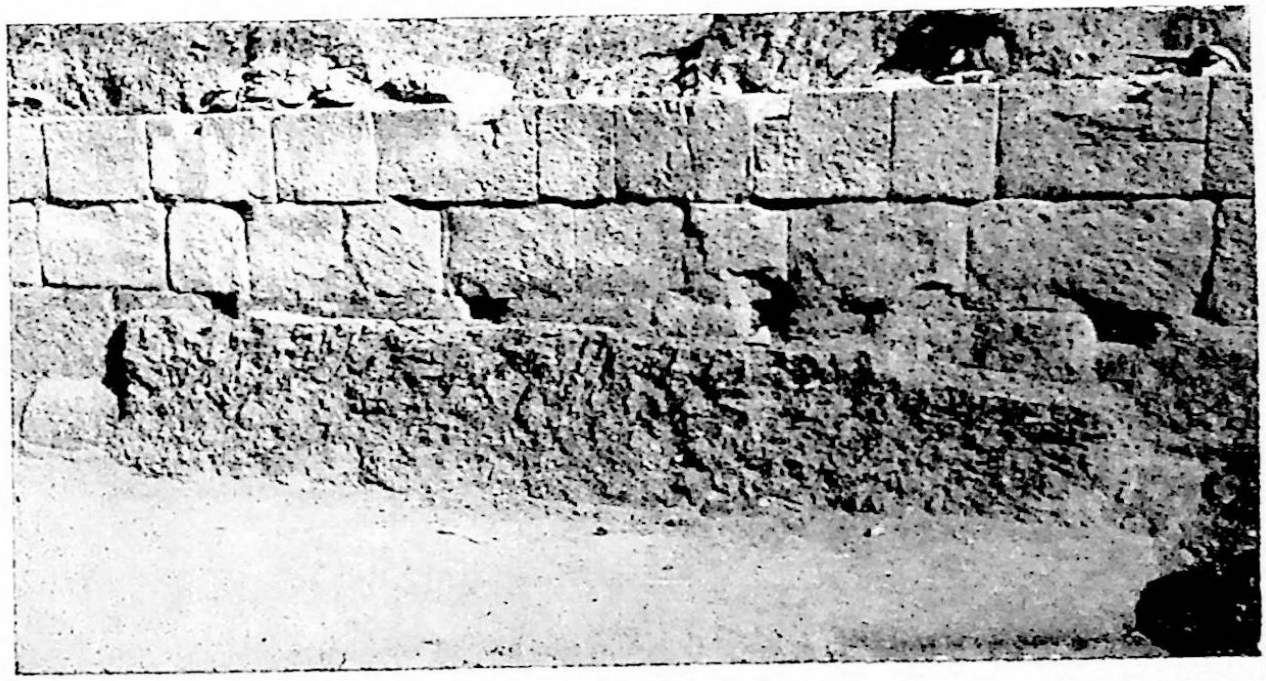
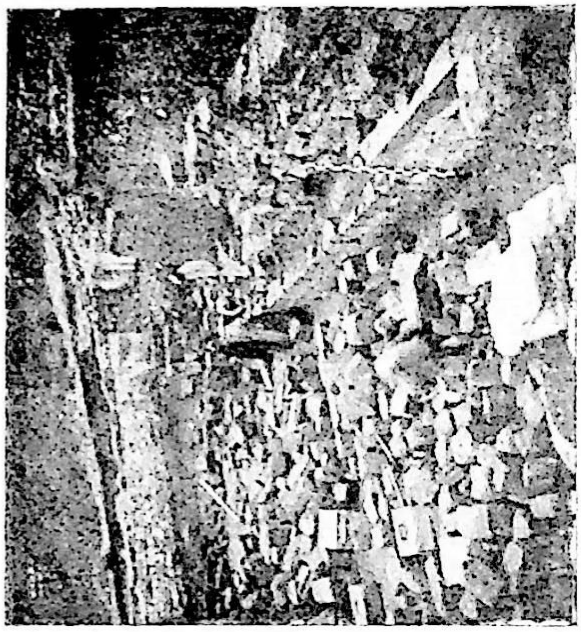
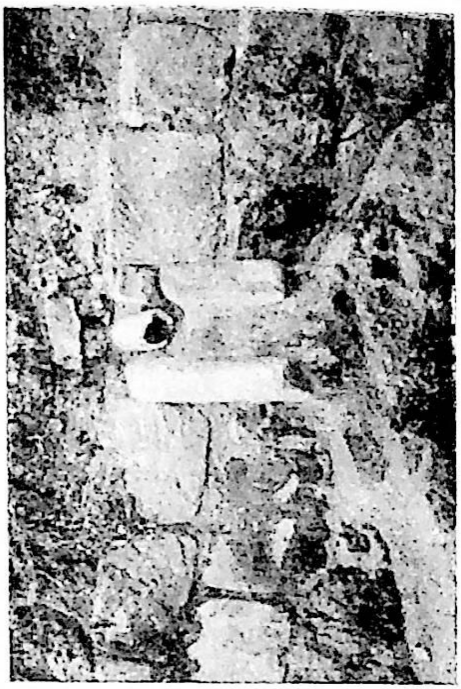


Таблица X





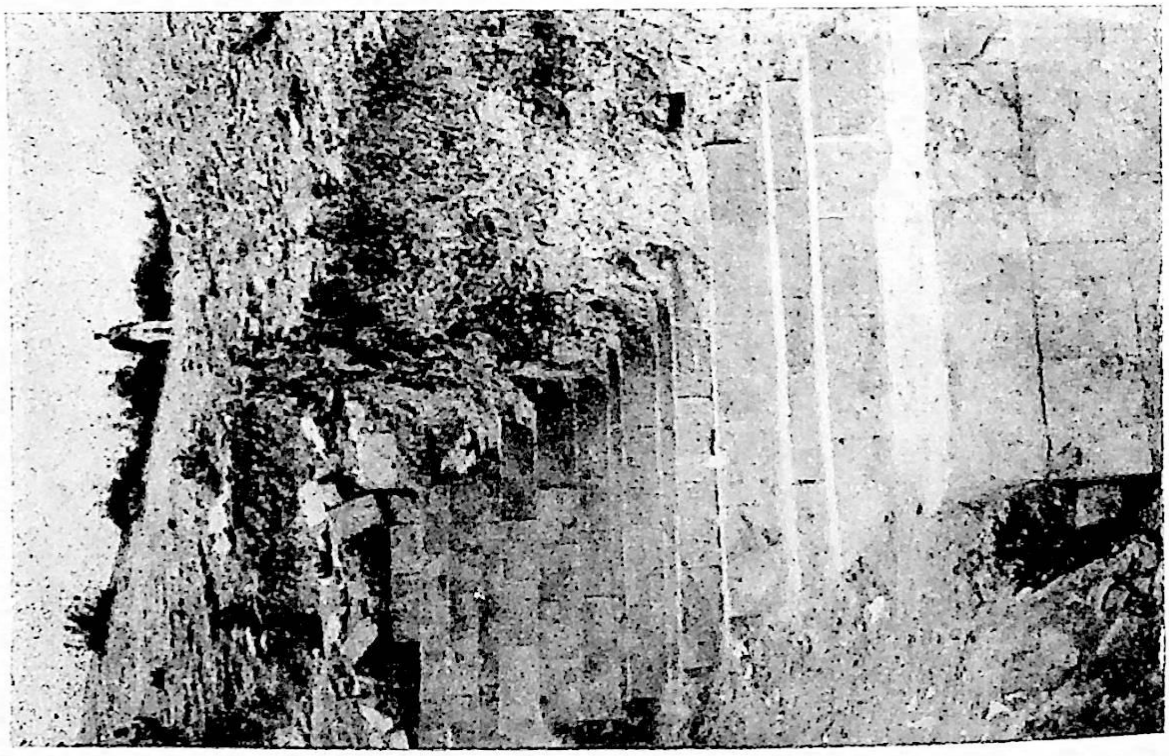


Таблица XI

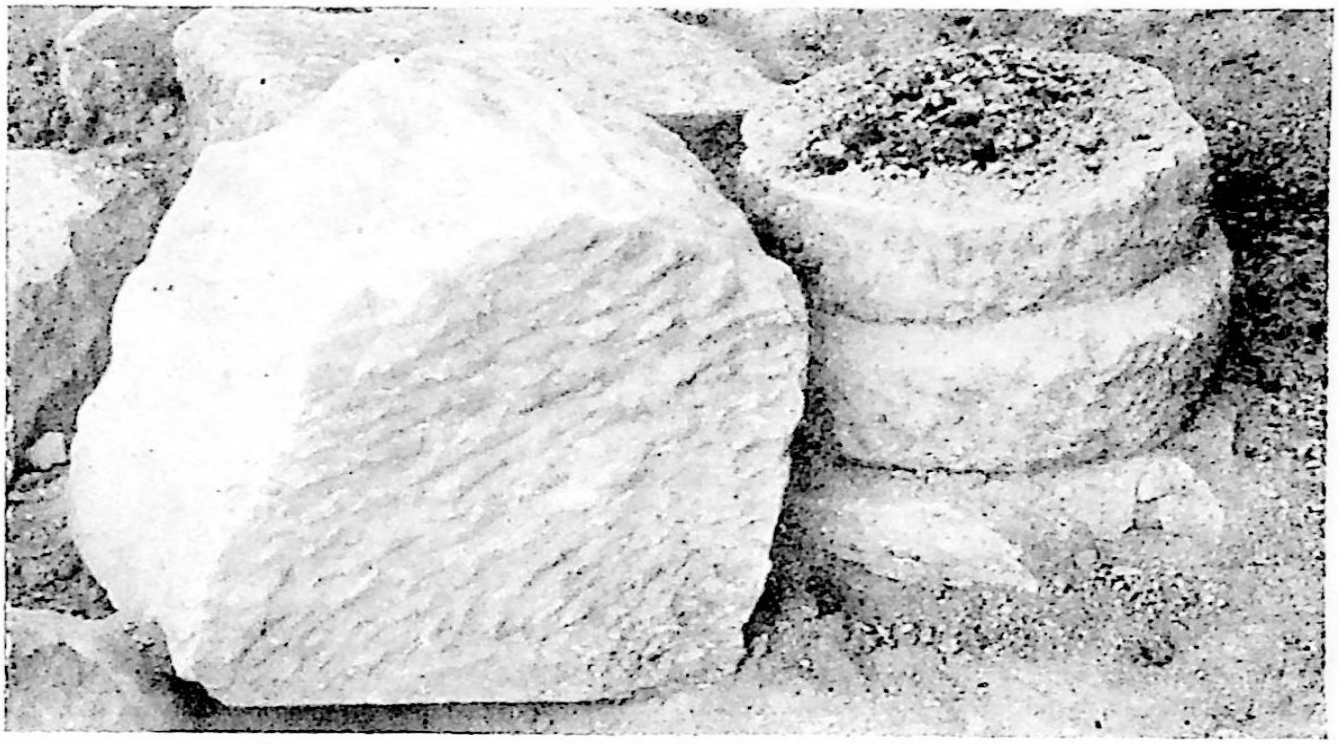


Таблица XII

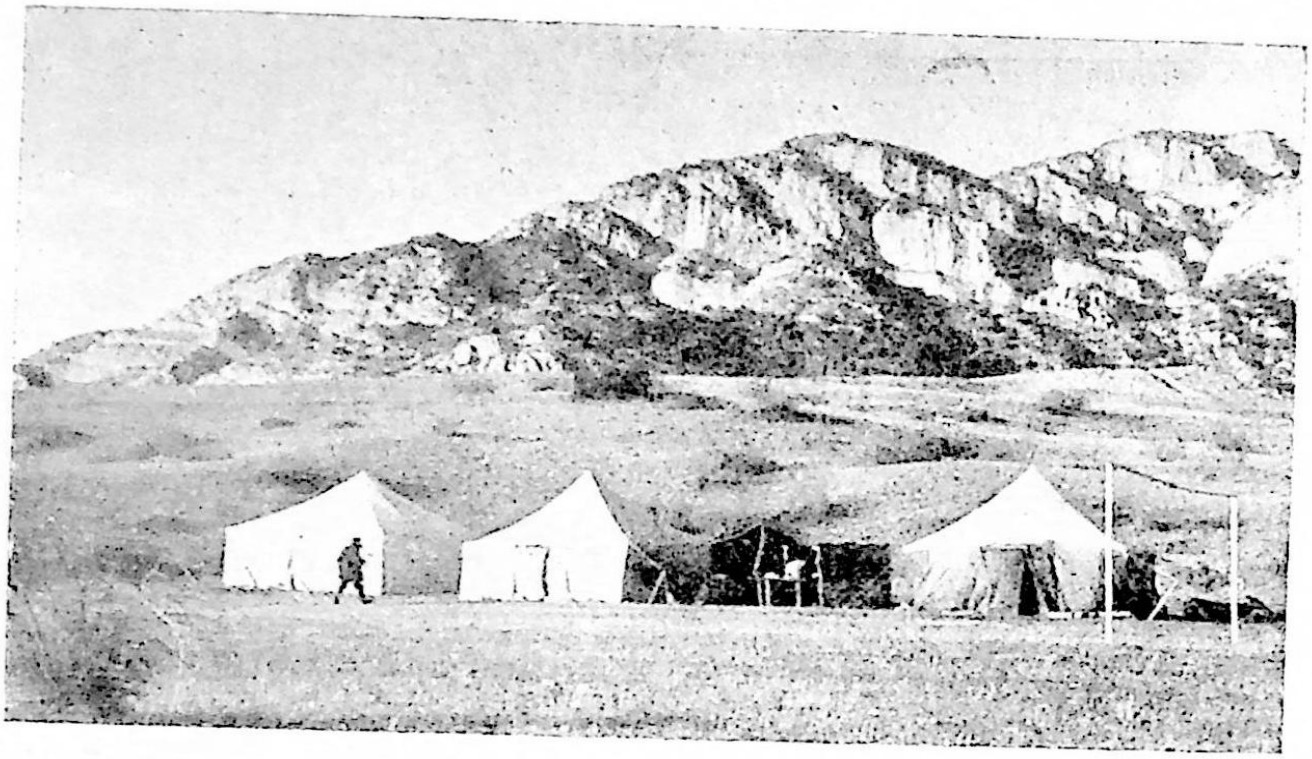


Таблица XIII

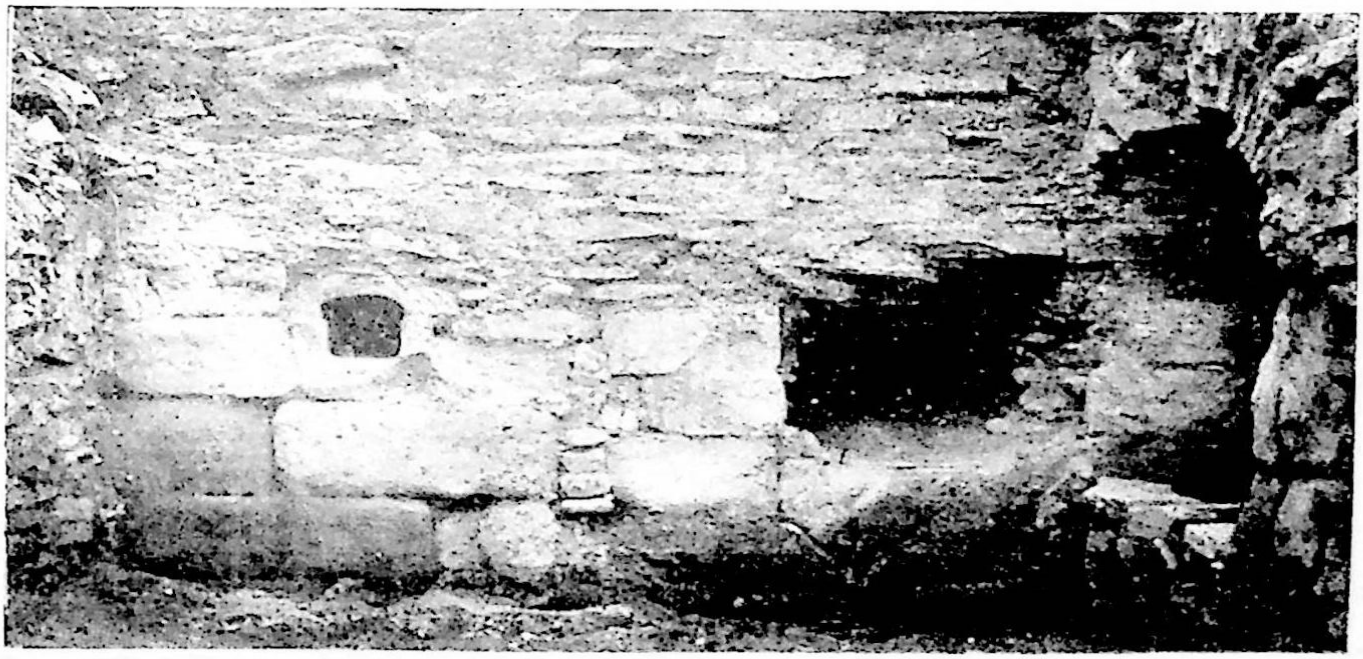


Таблица XIV

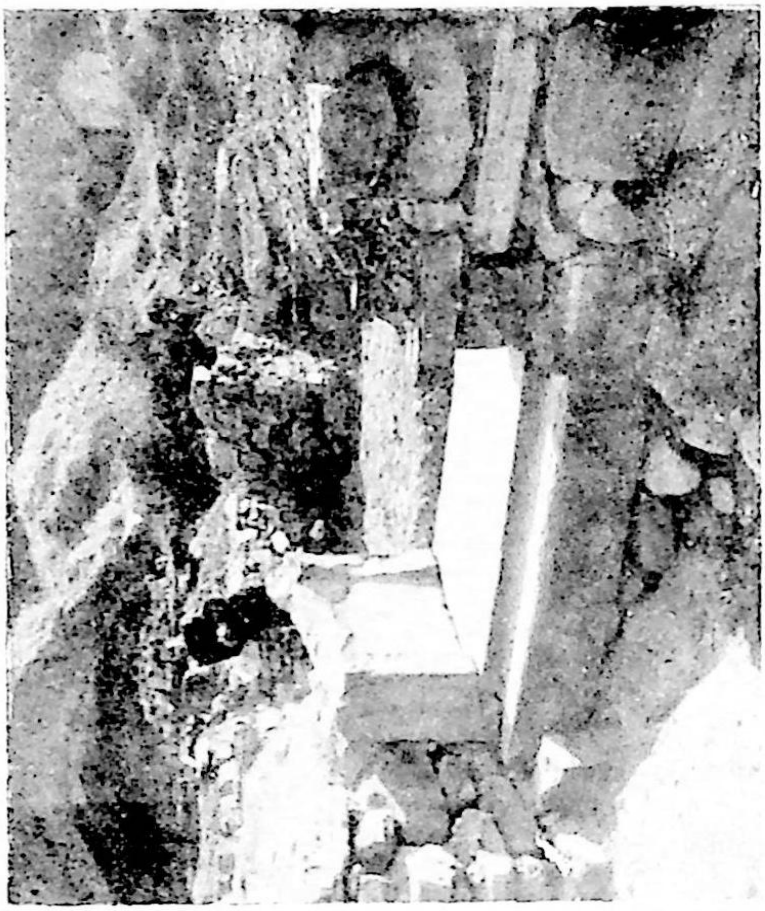
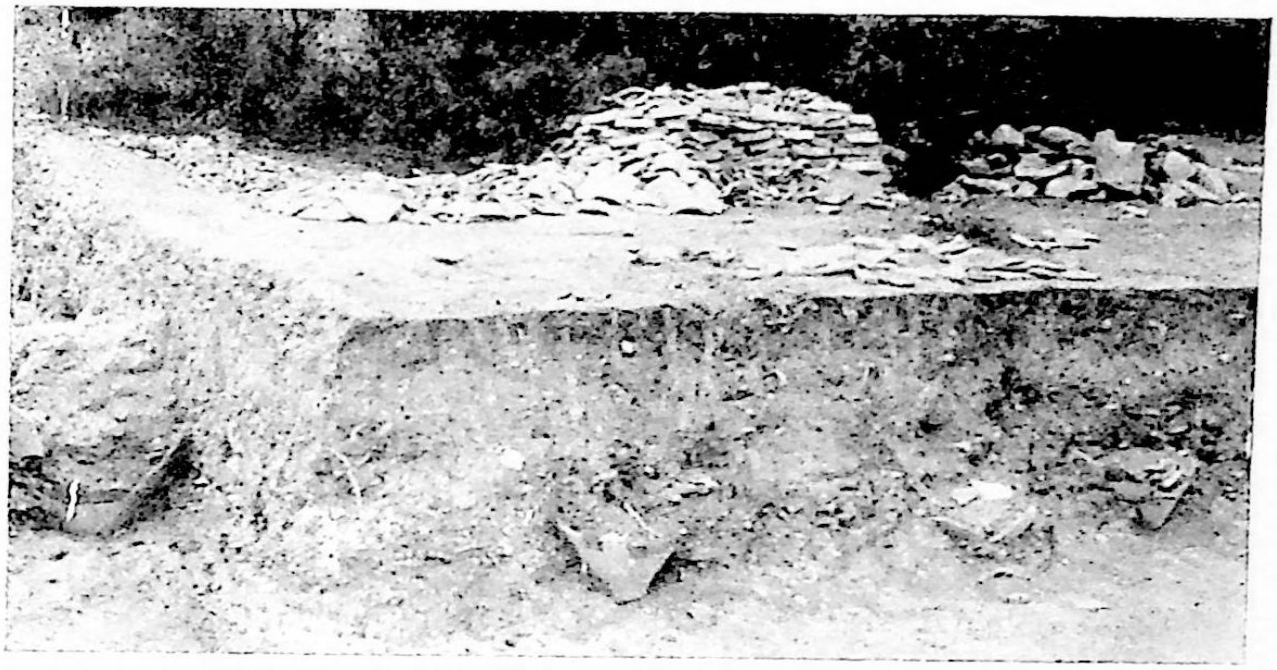


Таблица XV



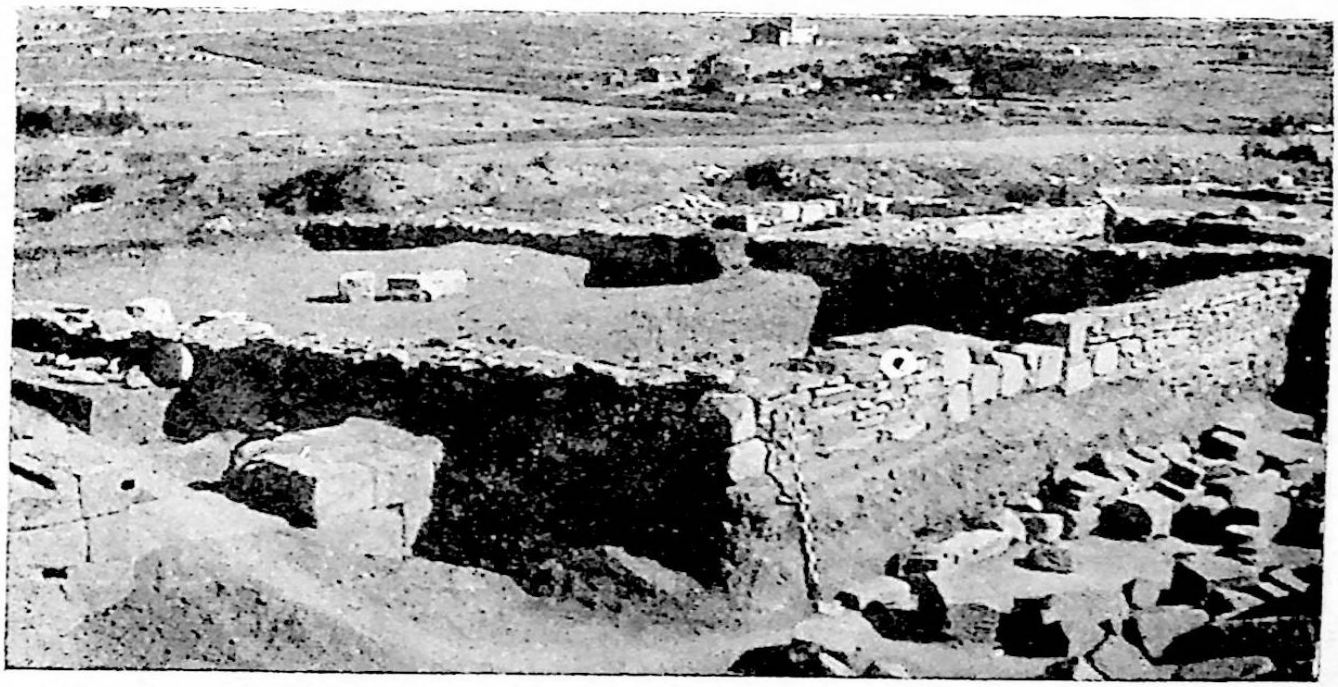


Таблица XVI

Таблица XVII

Таблица XVIII

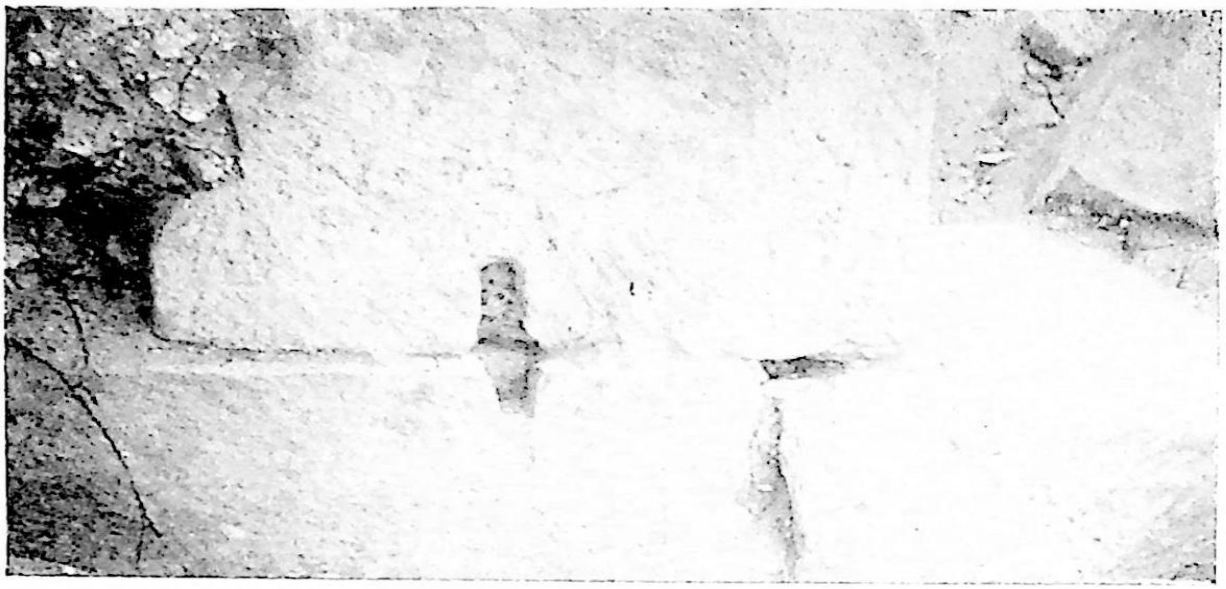


Таблица XIX

Таблица XX

Таблица XXI

Таблица XXII

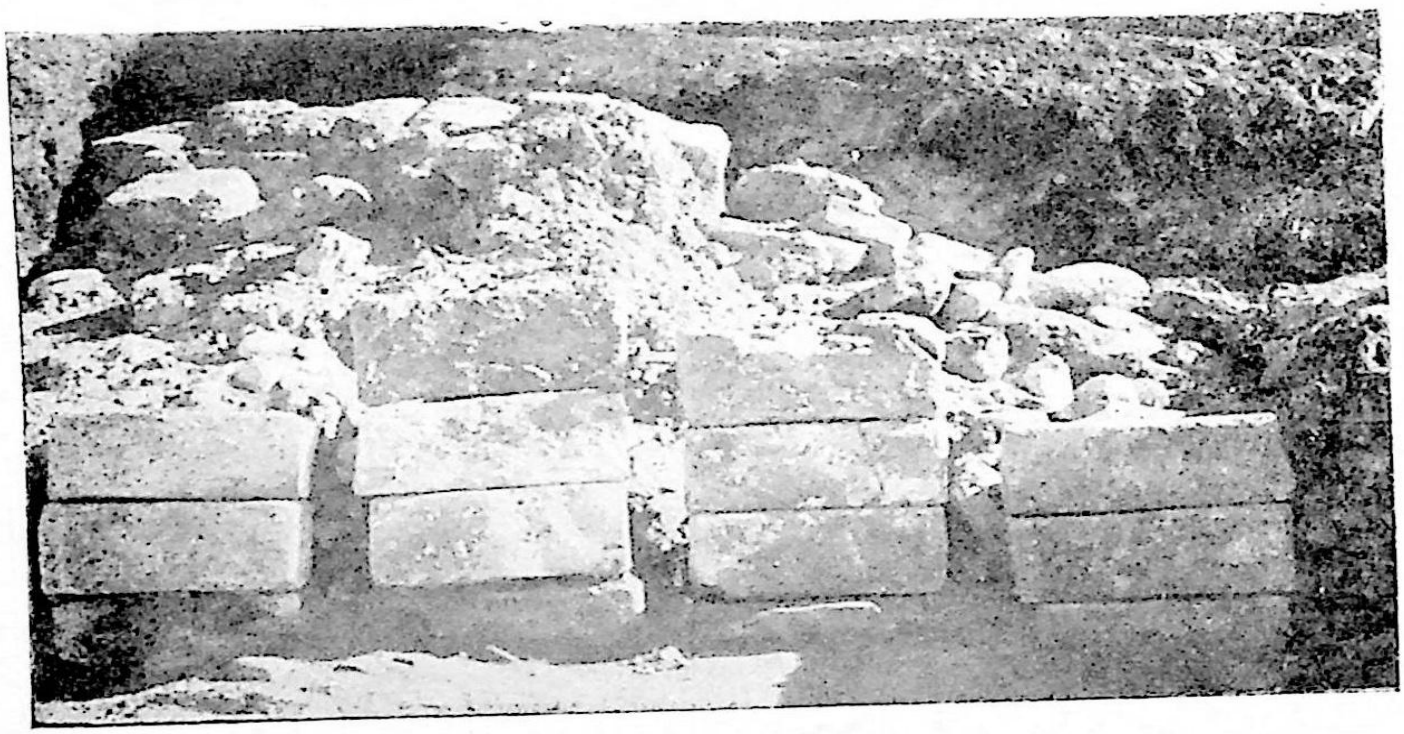


Таблица XXIII

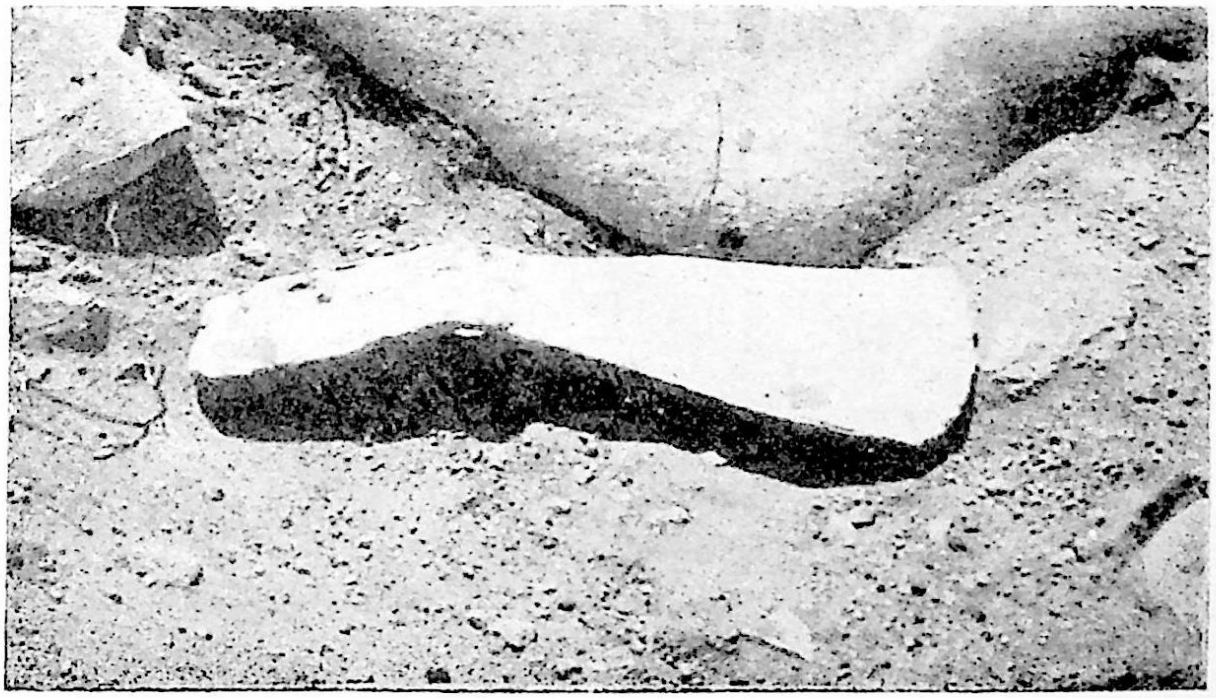
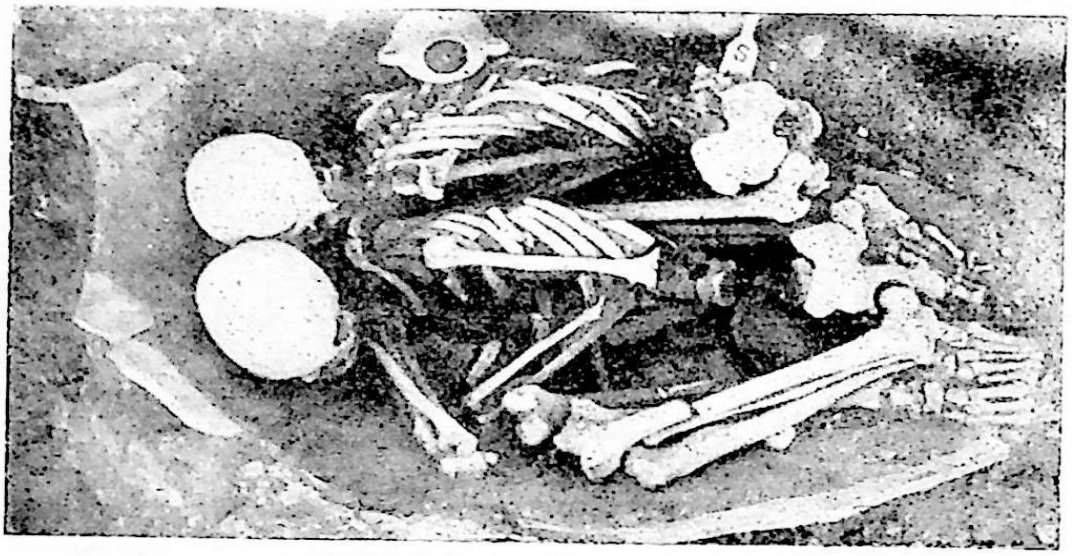


Таблица XXIV



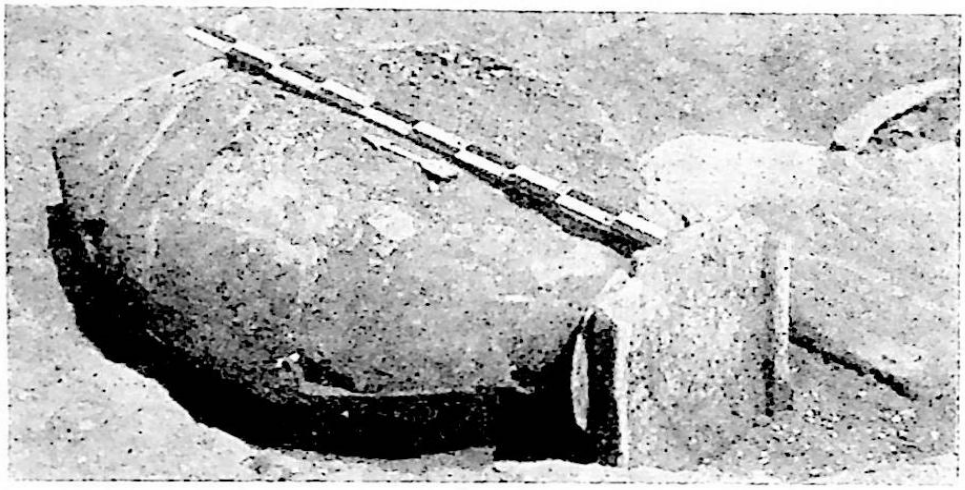
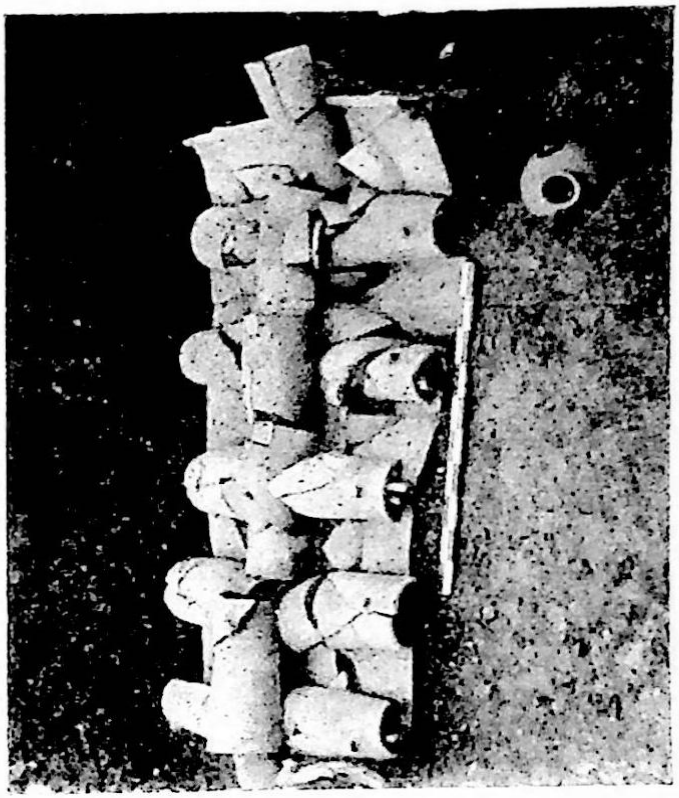


Таблица XXV



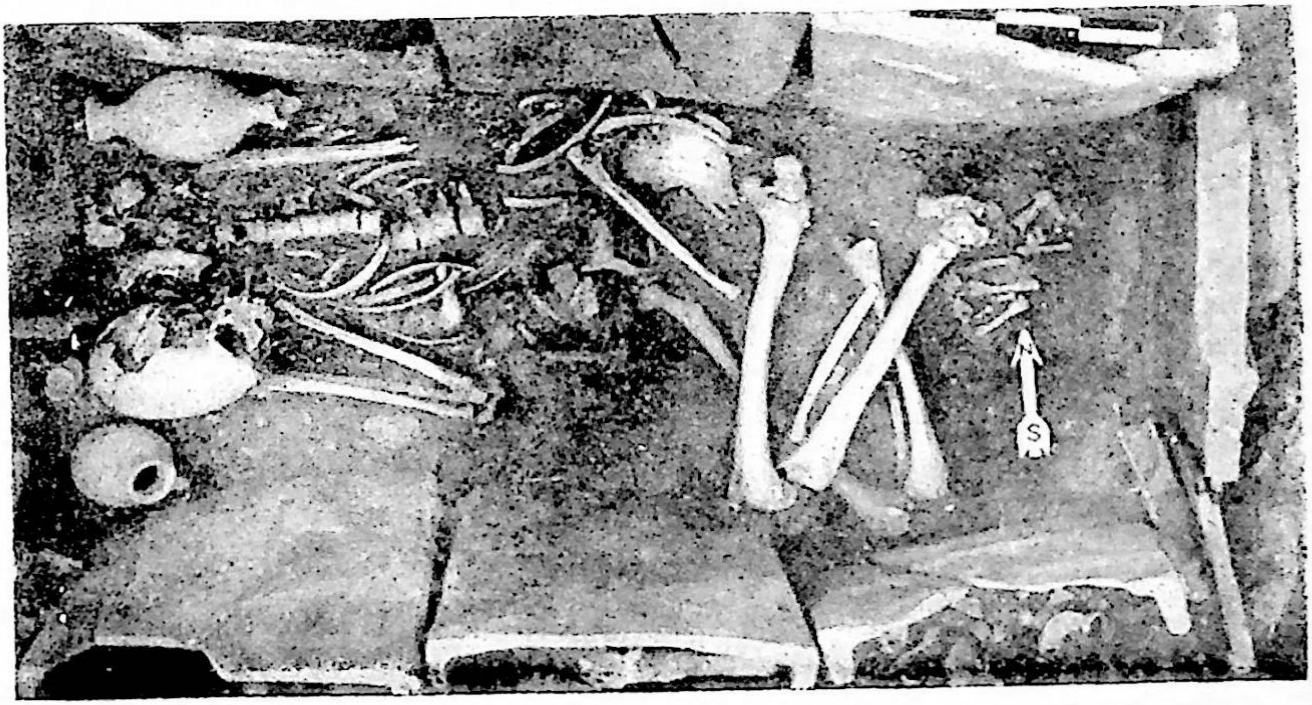


Таблица XXVI

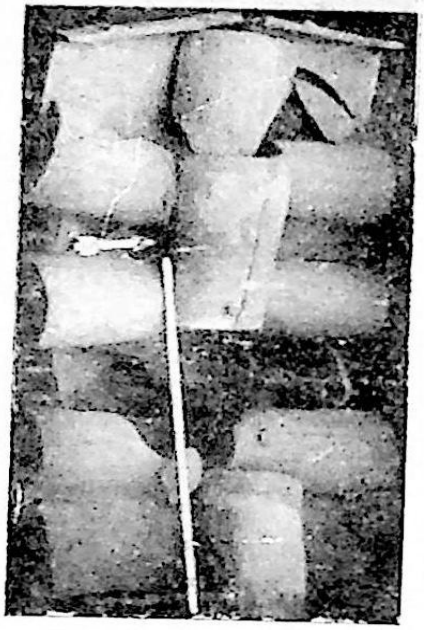


Таблица XXVII

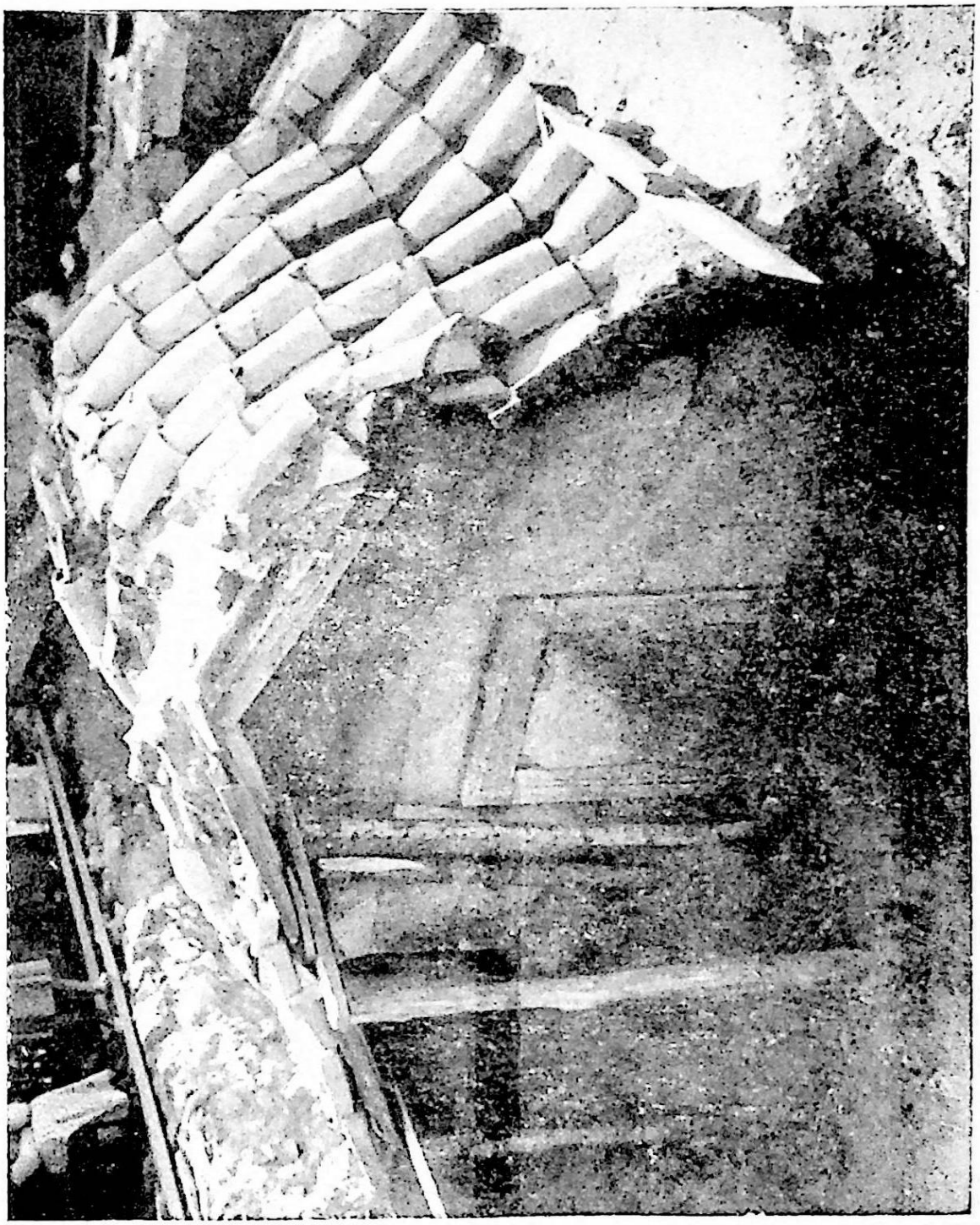
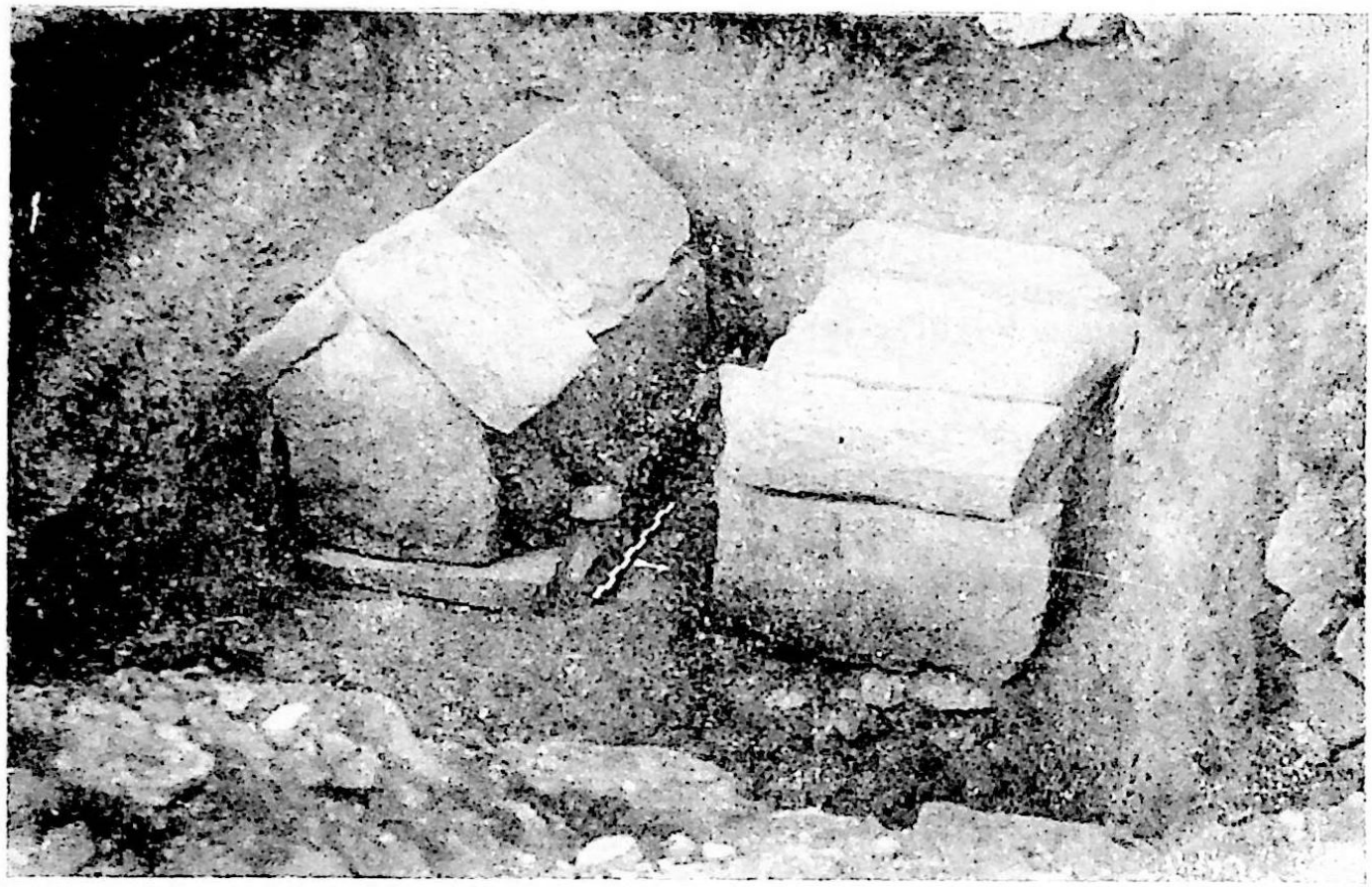


Таблица XXVIII

Таблица XXIX

Таблица XXX



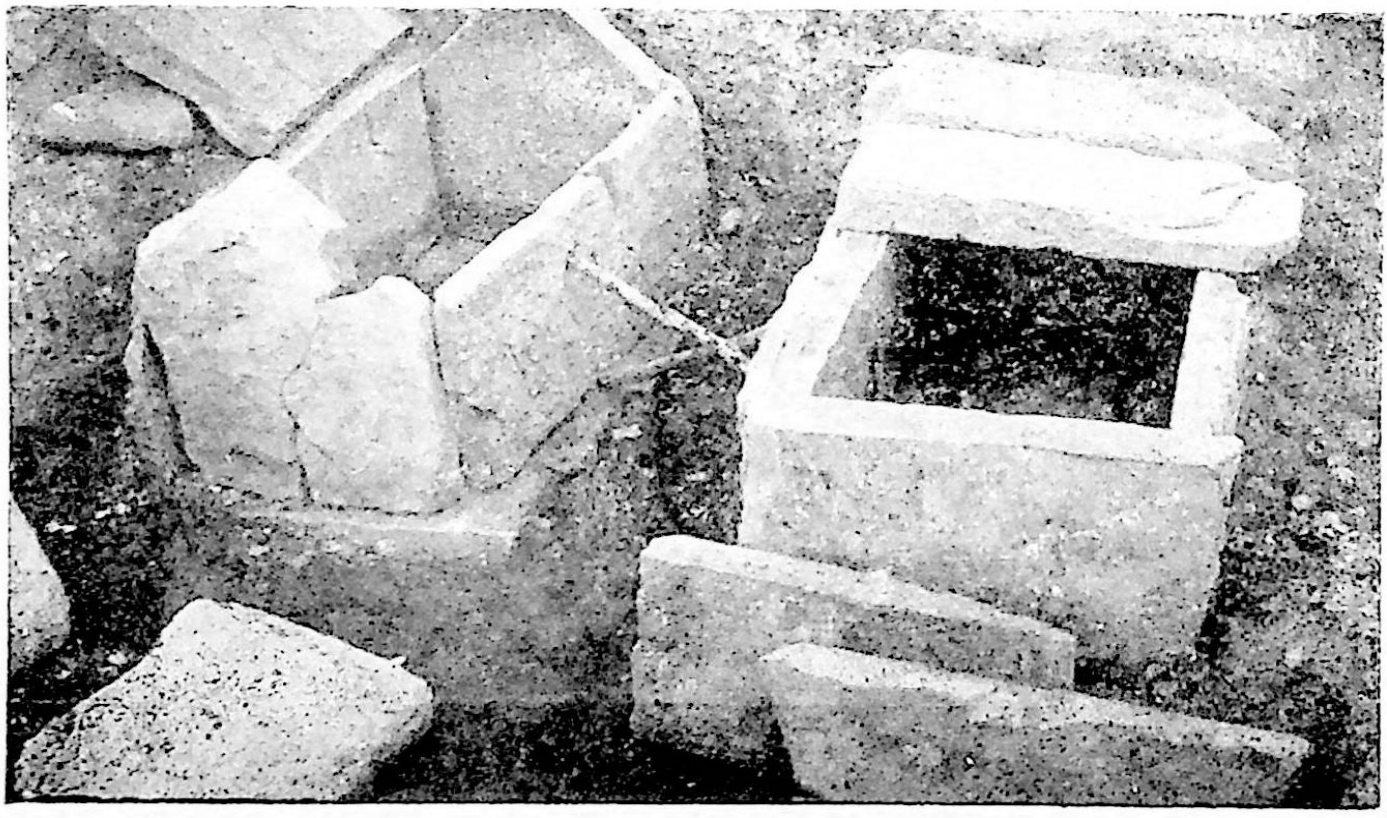
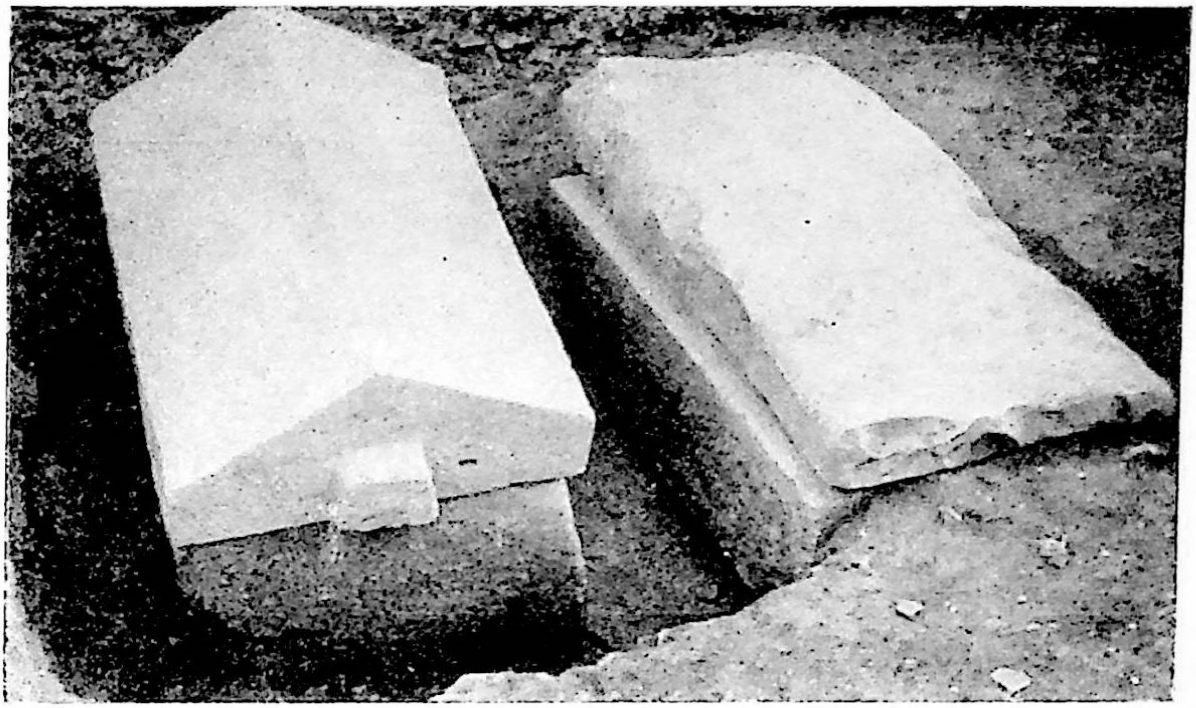


Таблица XXXI



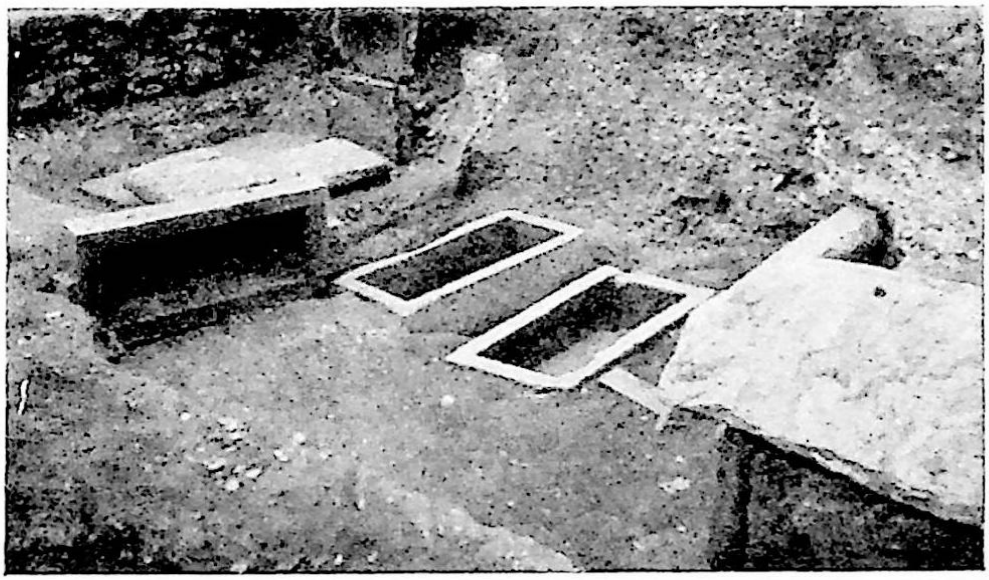


Таблица XXXII

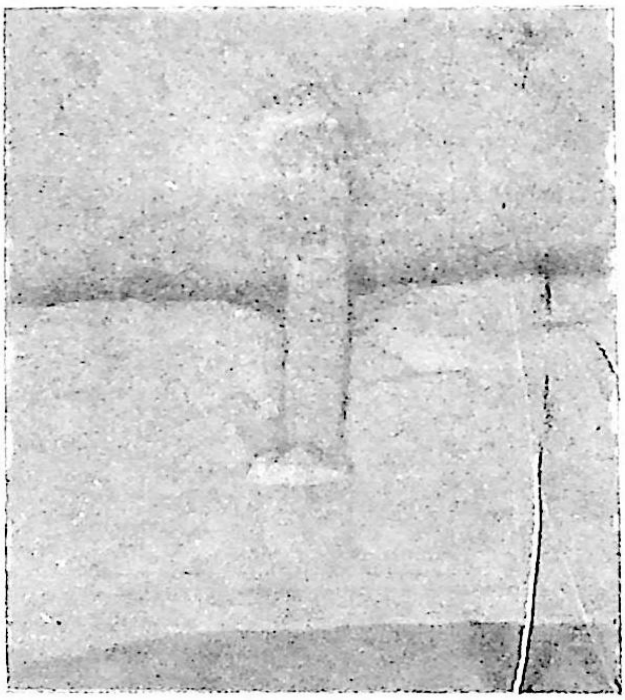


Таблица XXXIII

Таблица XXXIV

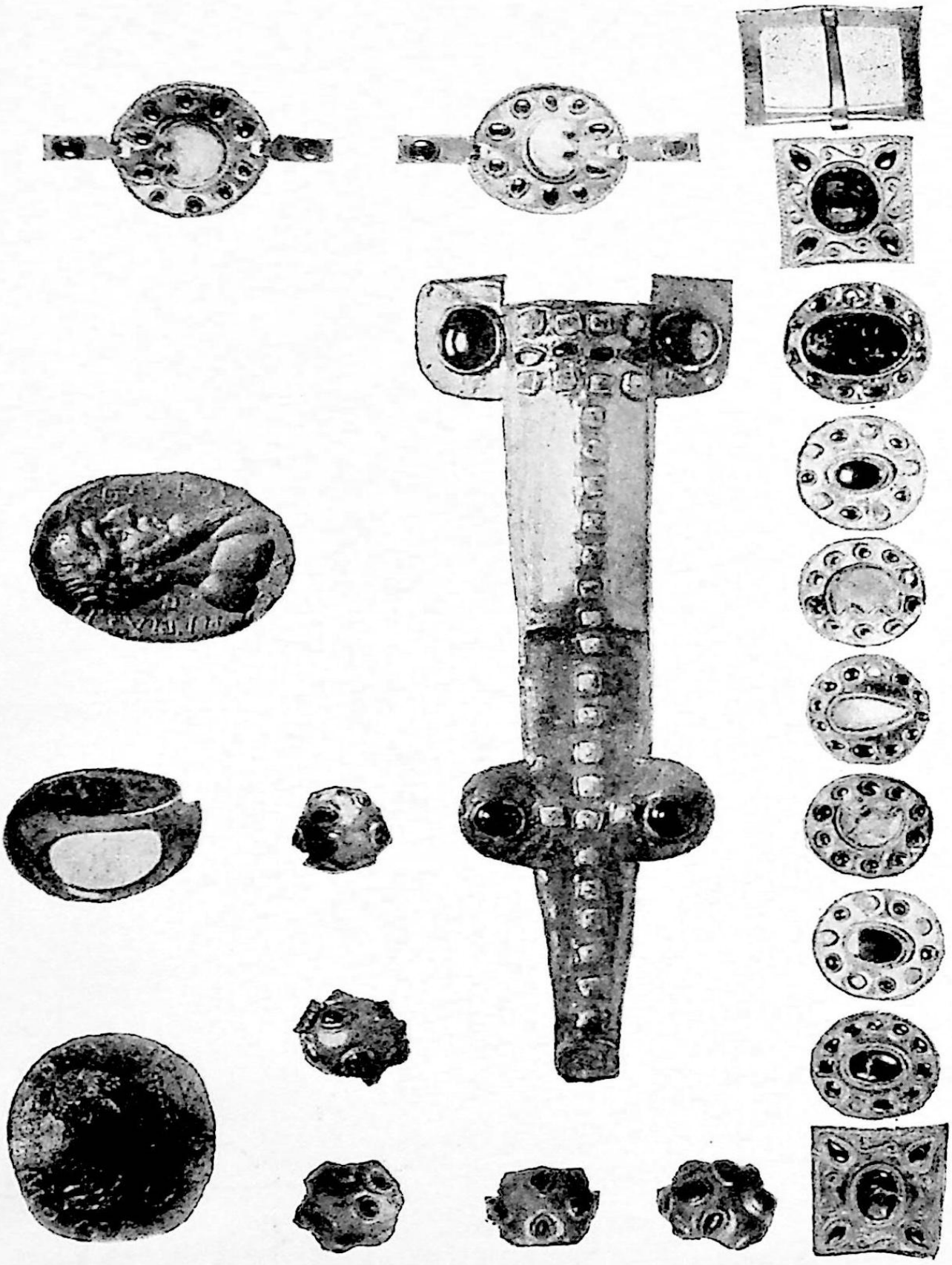


Таблица XXXV

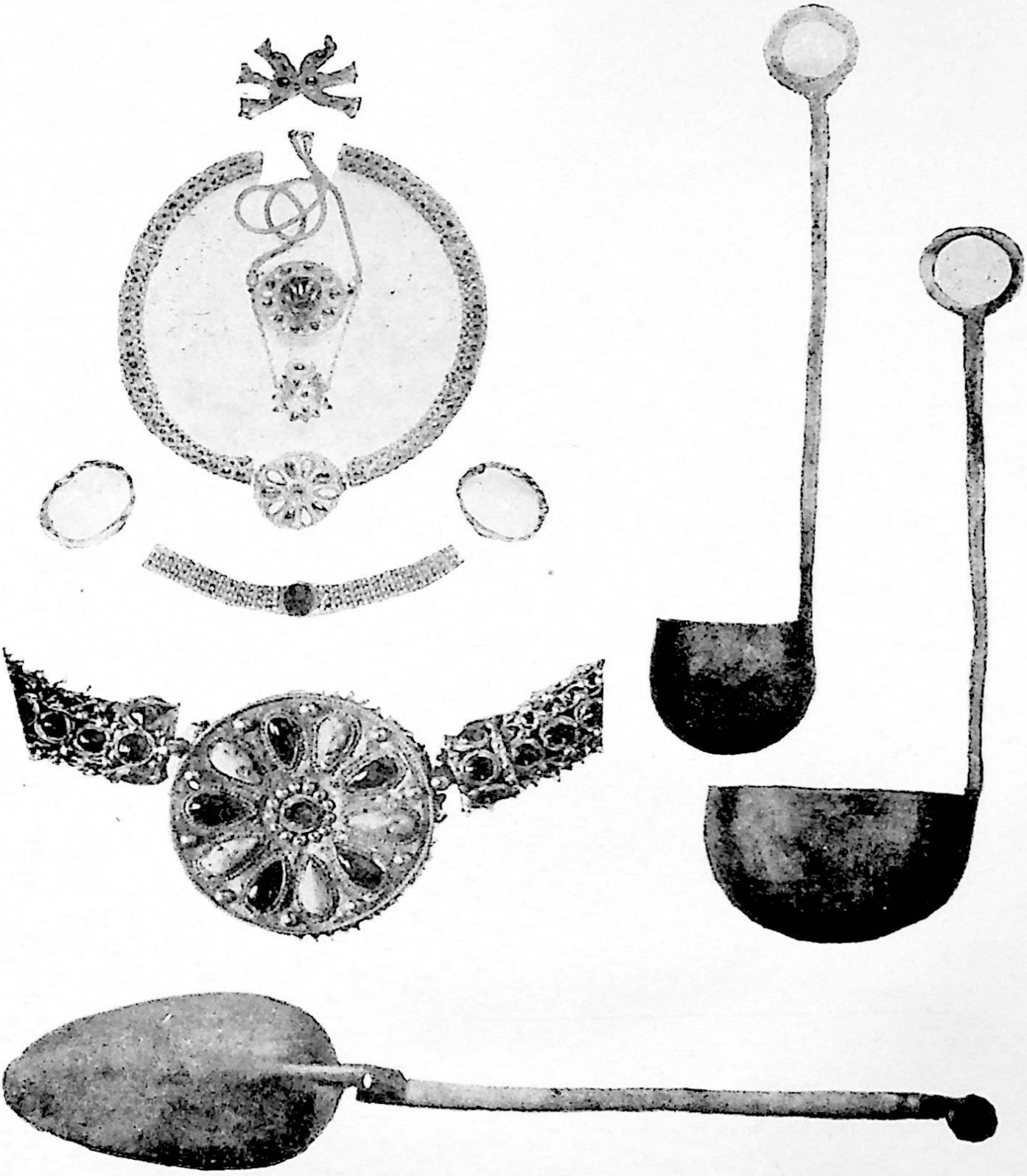


Таблица XXXVI

Таблица XXXVII

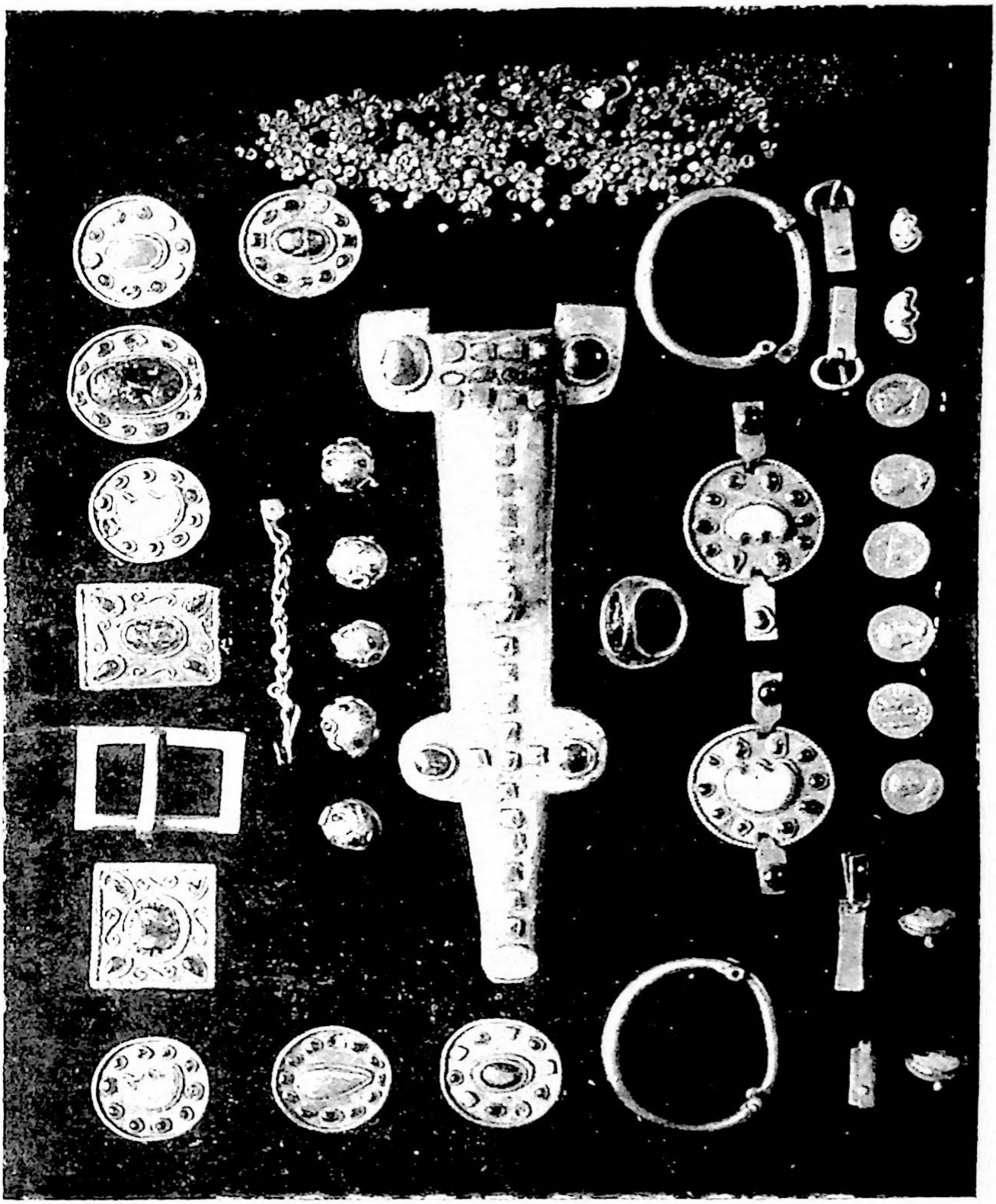


Таблица XXXVIII

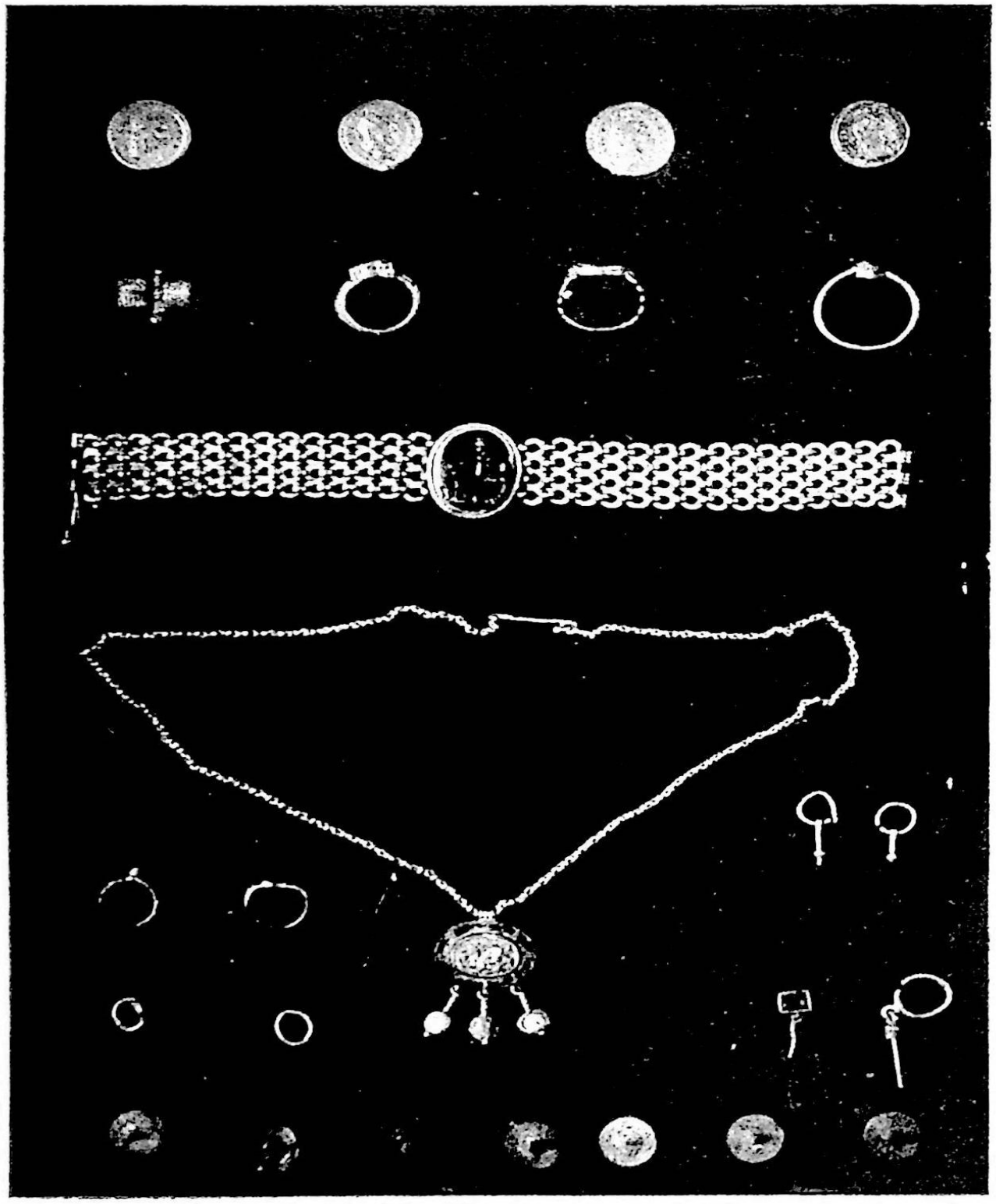


Таблица XXXIX

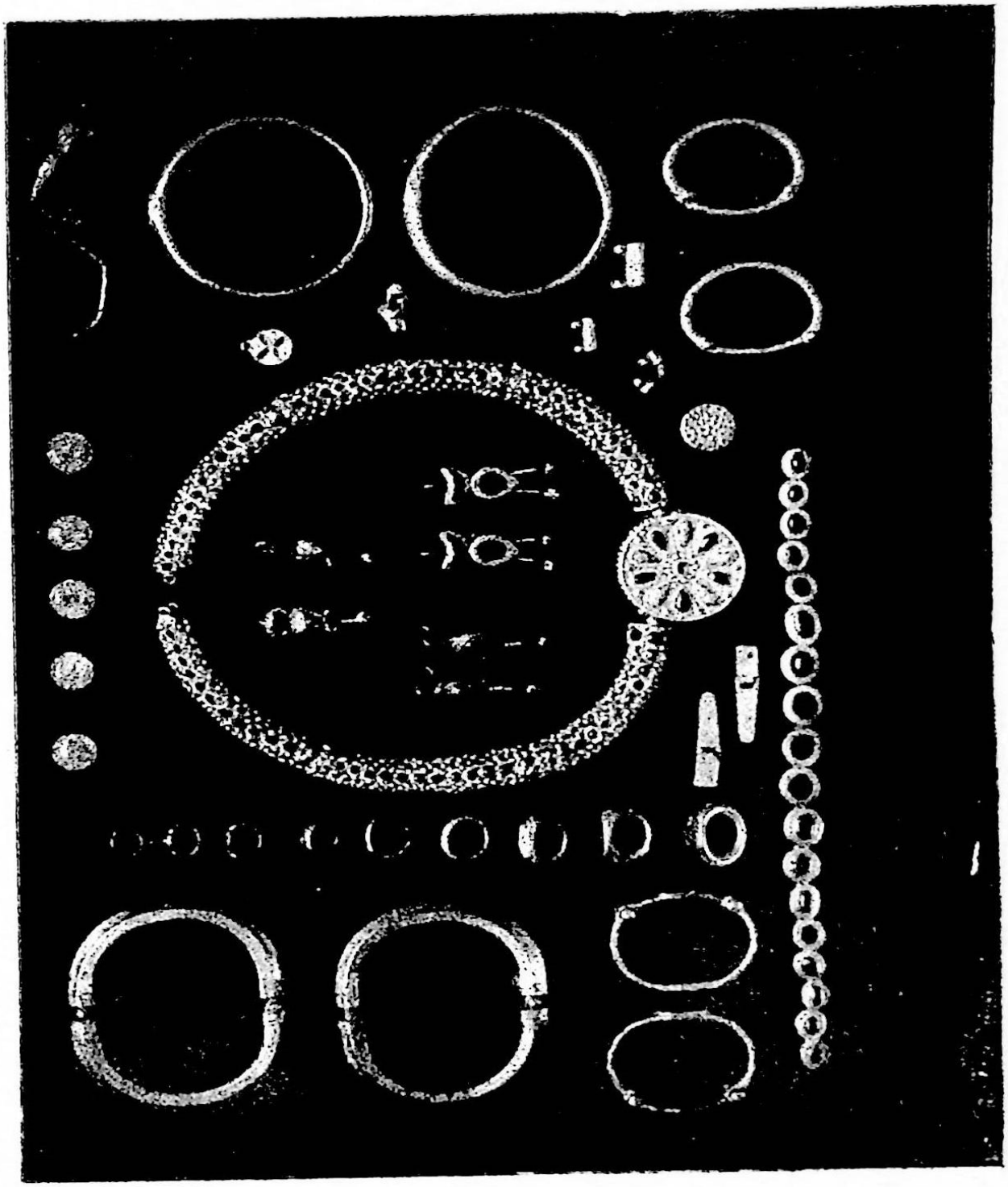


Таблица XI.

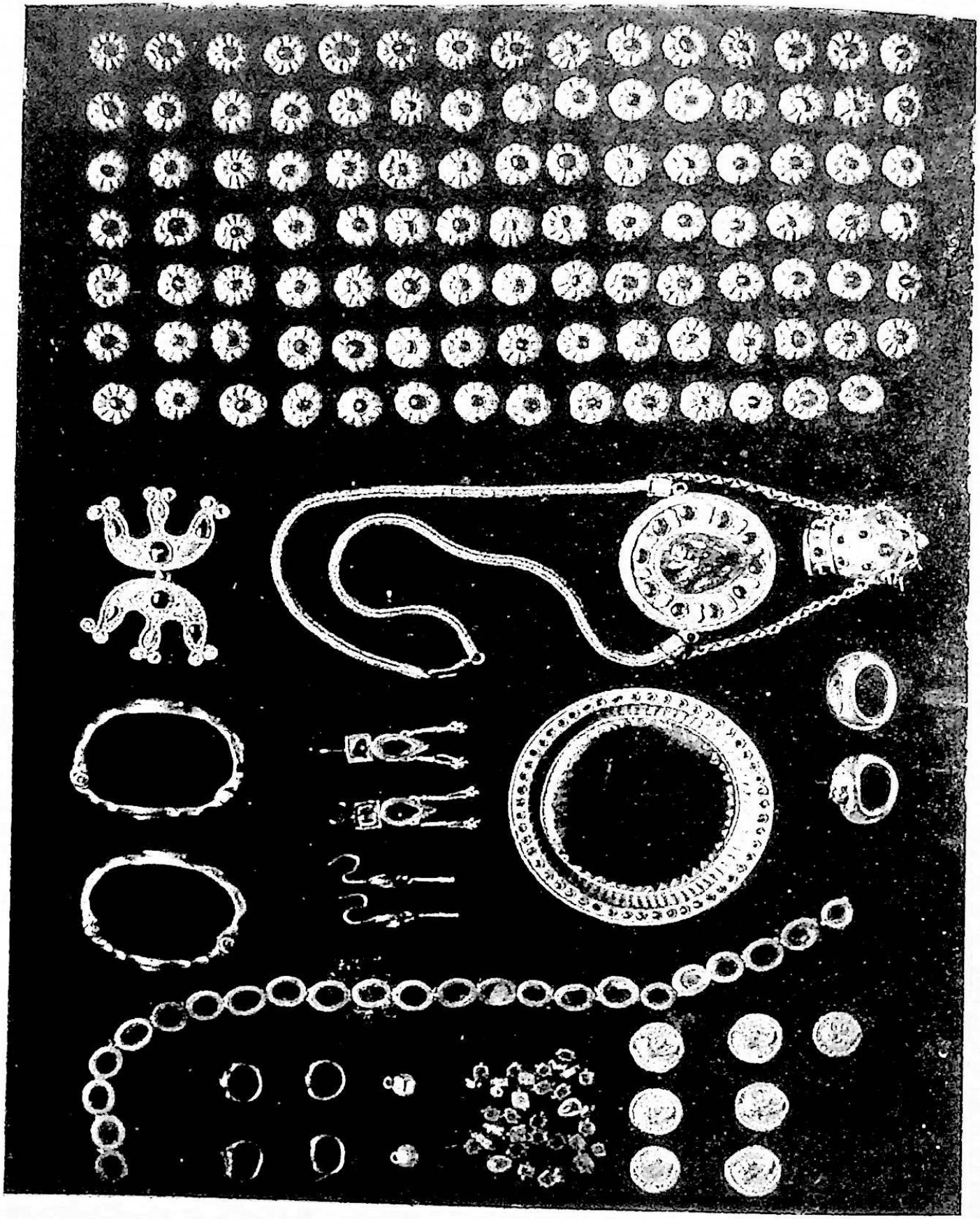
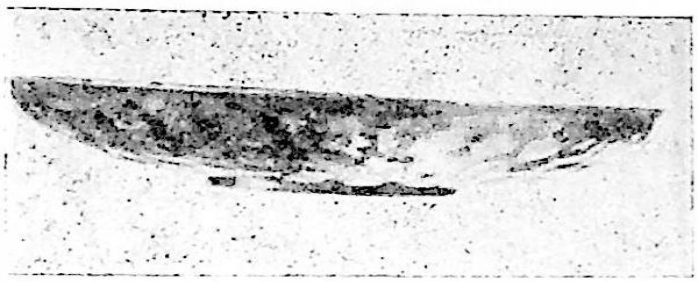


Таблица XLI



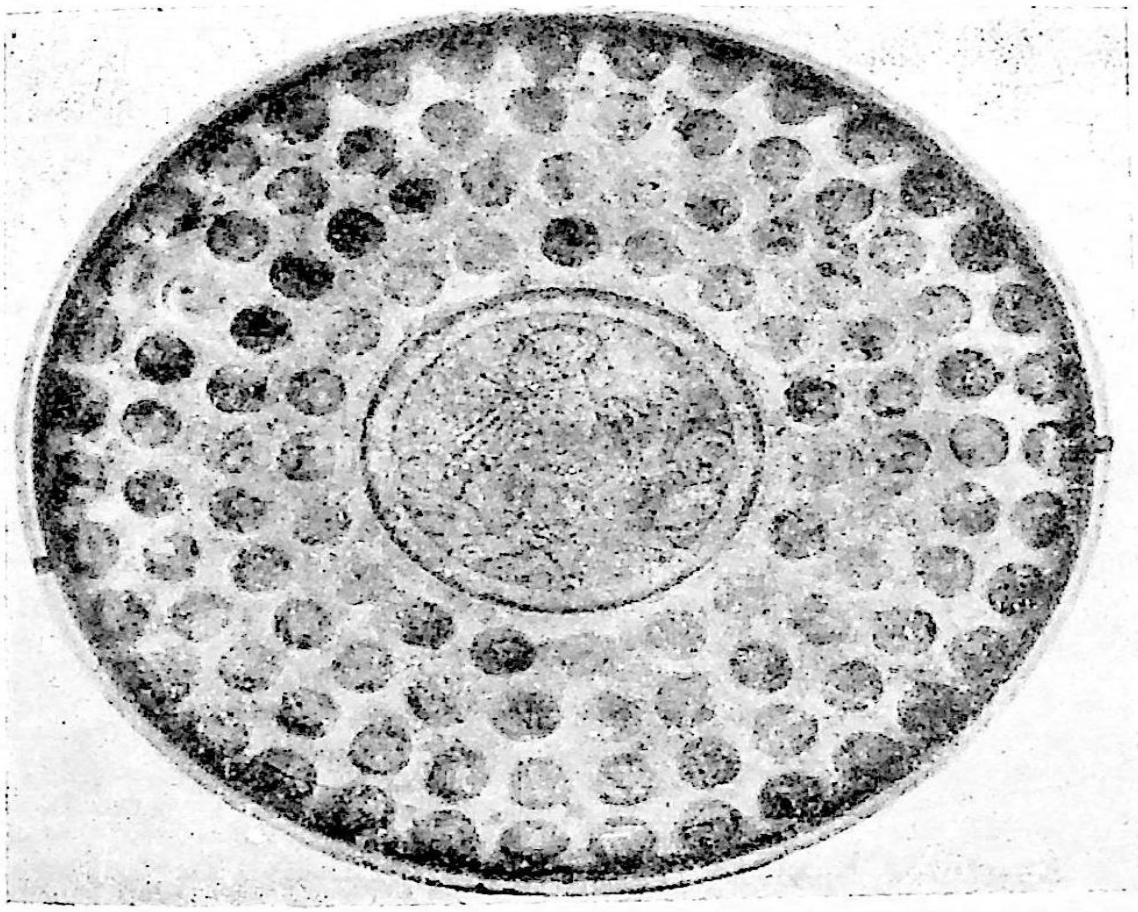
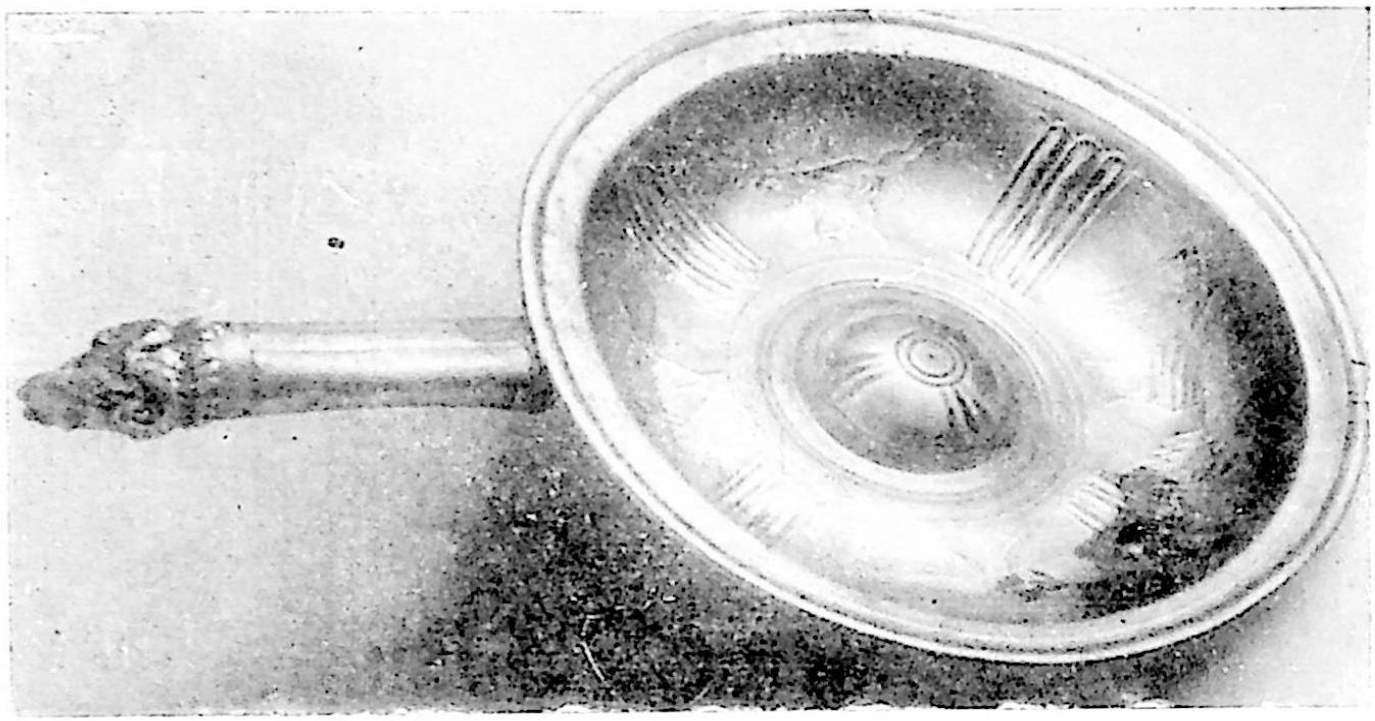


Таблица XLII

Таблица XLIII

Таблица XLIV



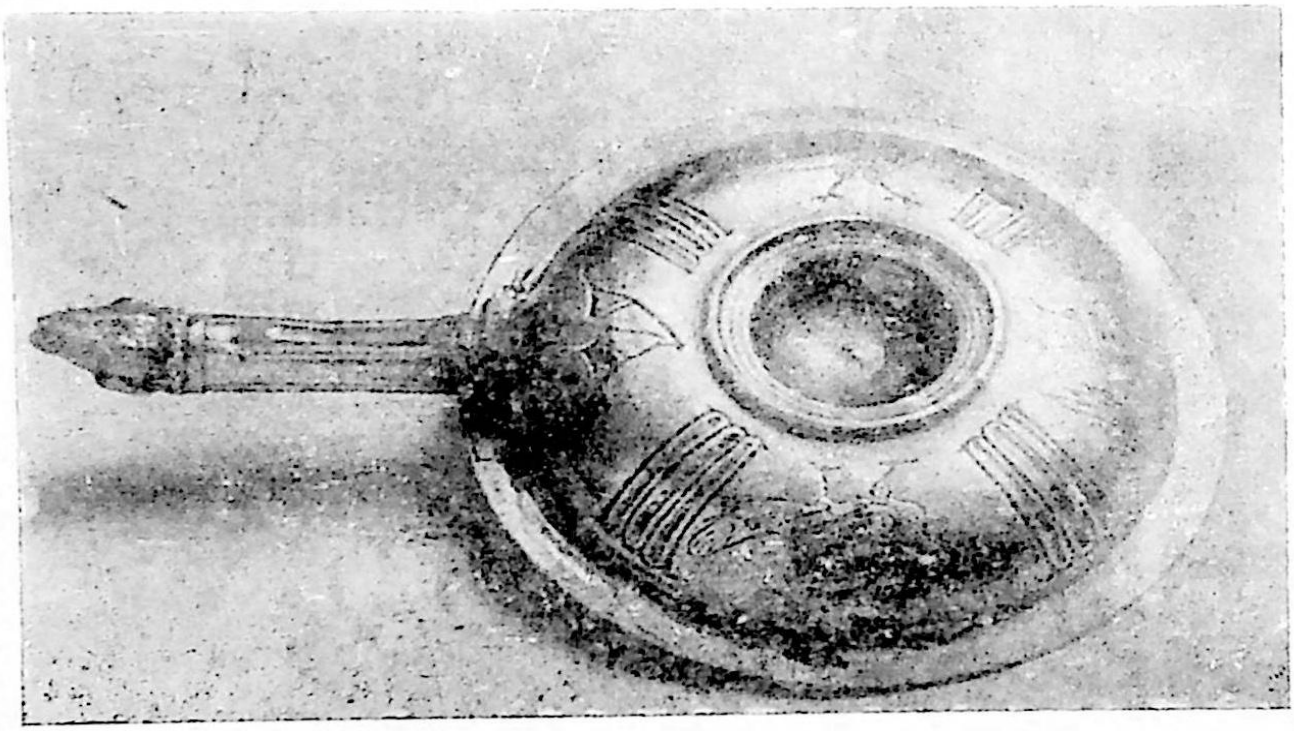


Таблица XLV

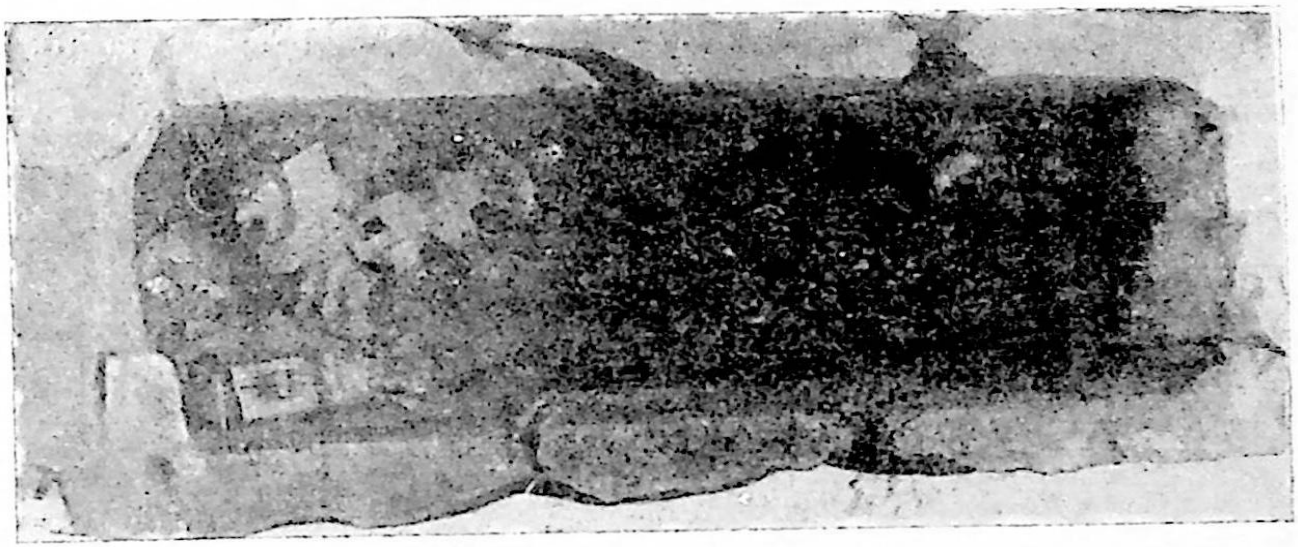


Таблица XLVI

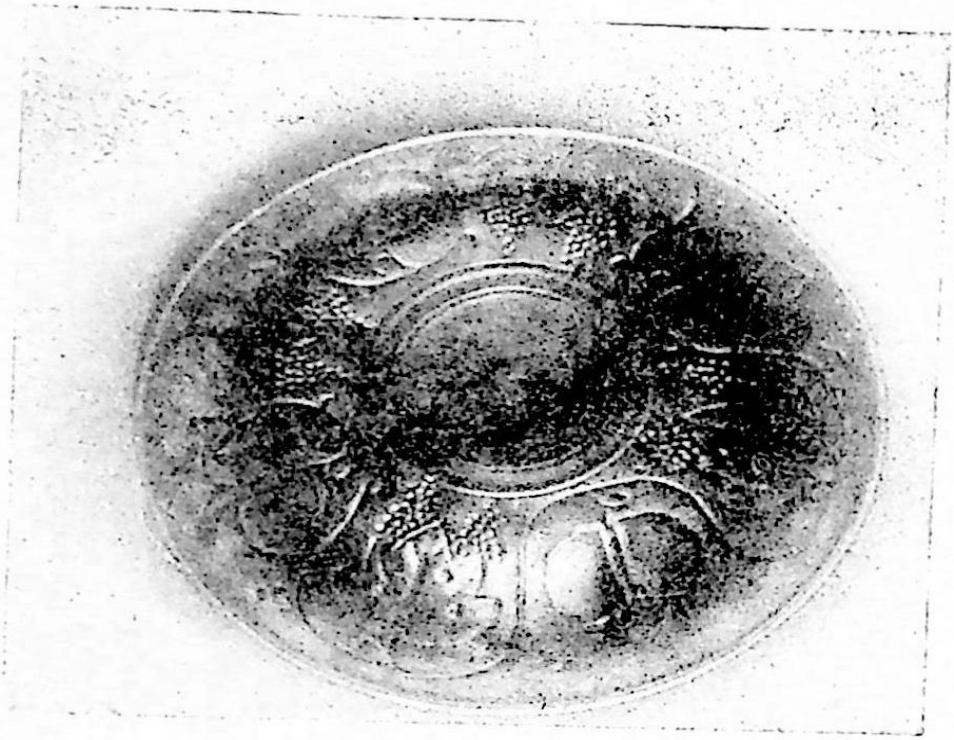


Таблица XLVII

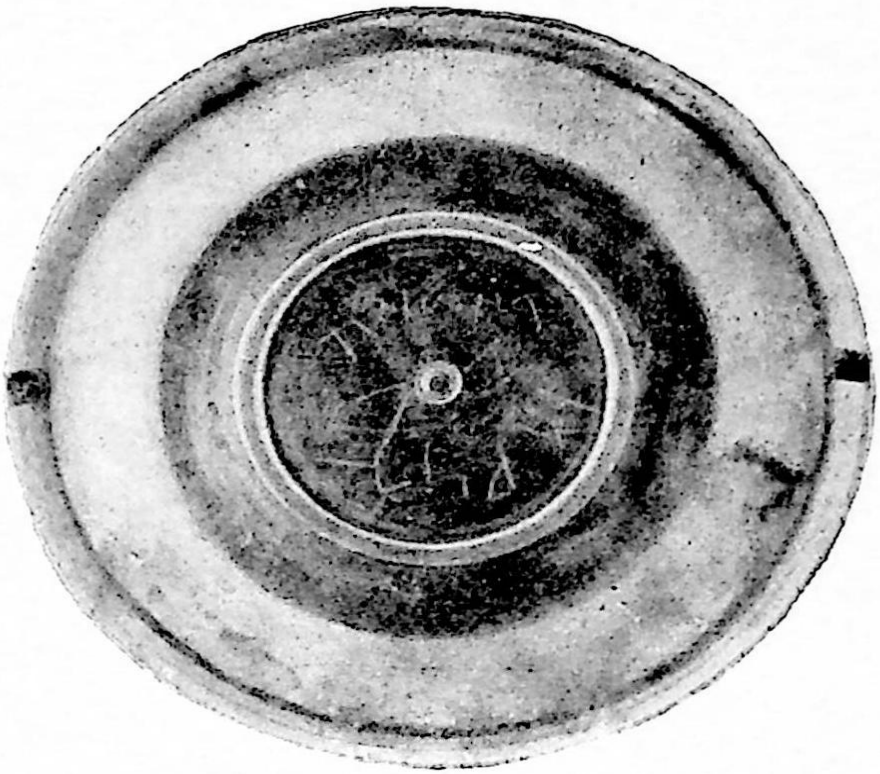


Таблица XLVIII

Таблица XLIX

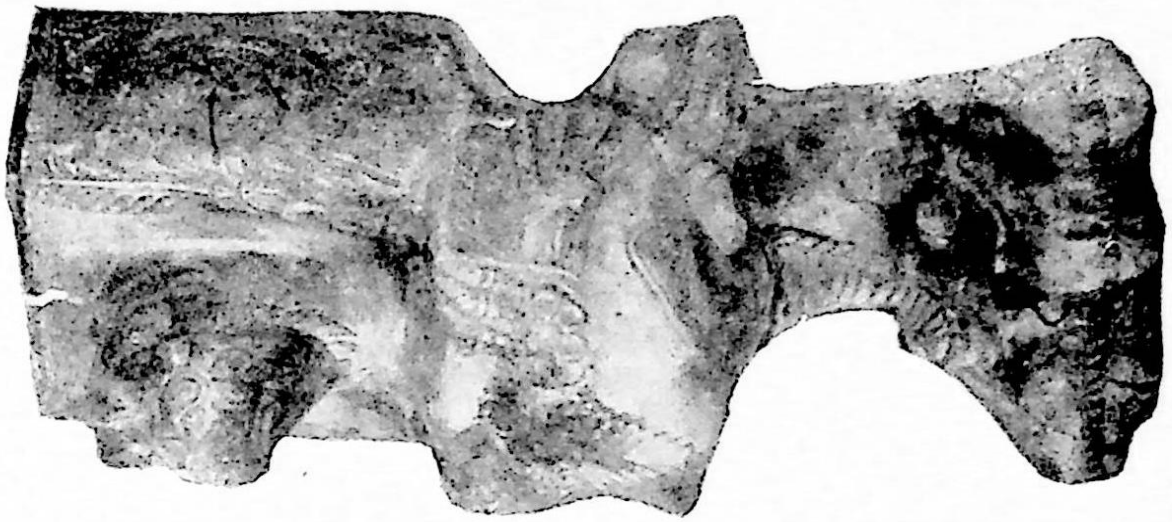
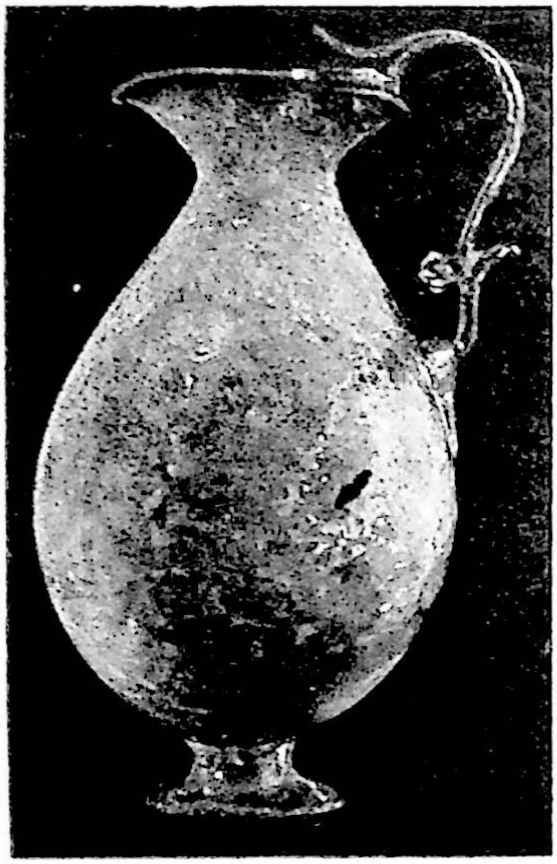


Таблица L



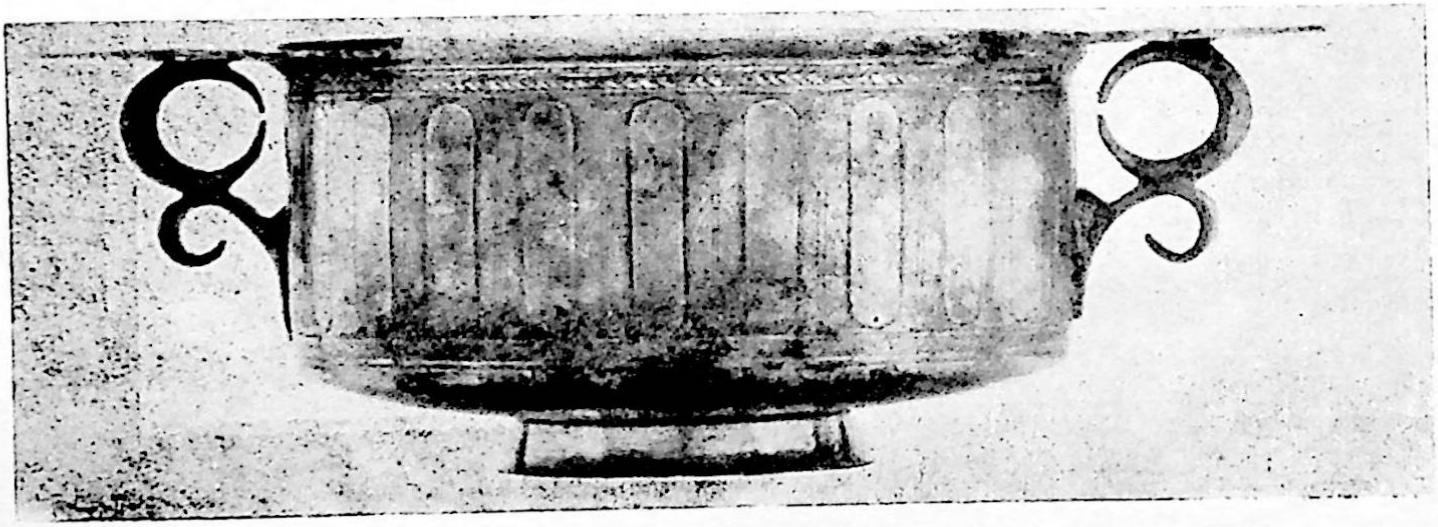
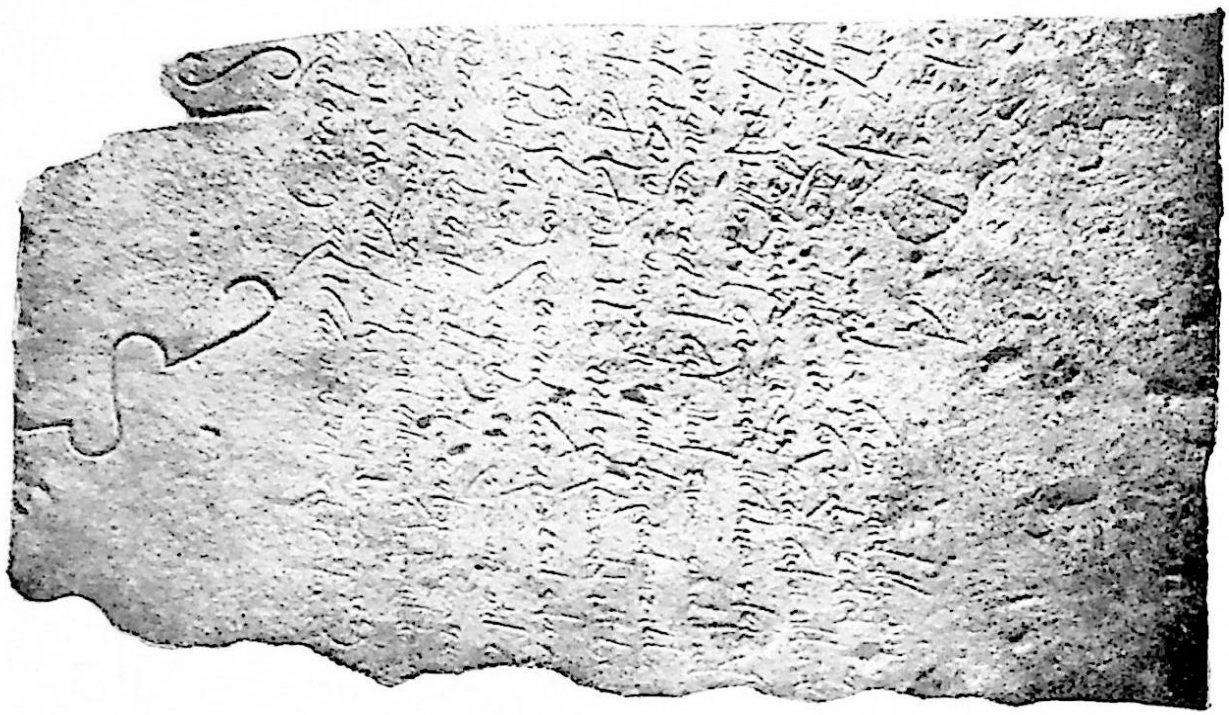


Таблица LII



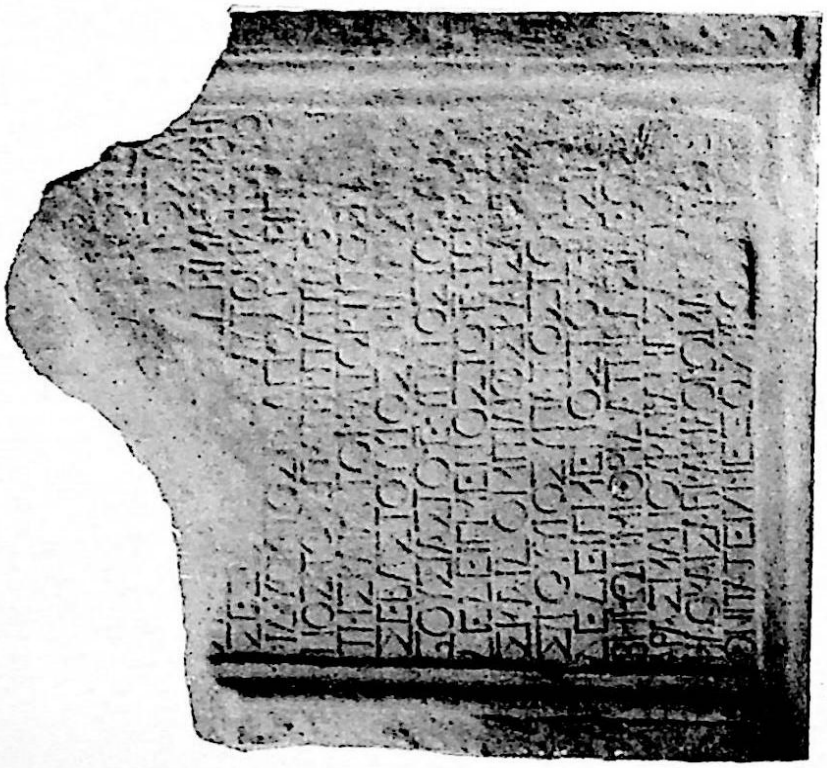


Таблица LIII

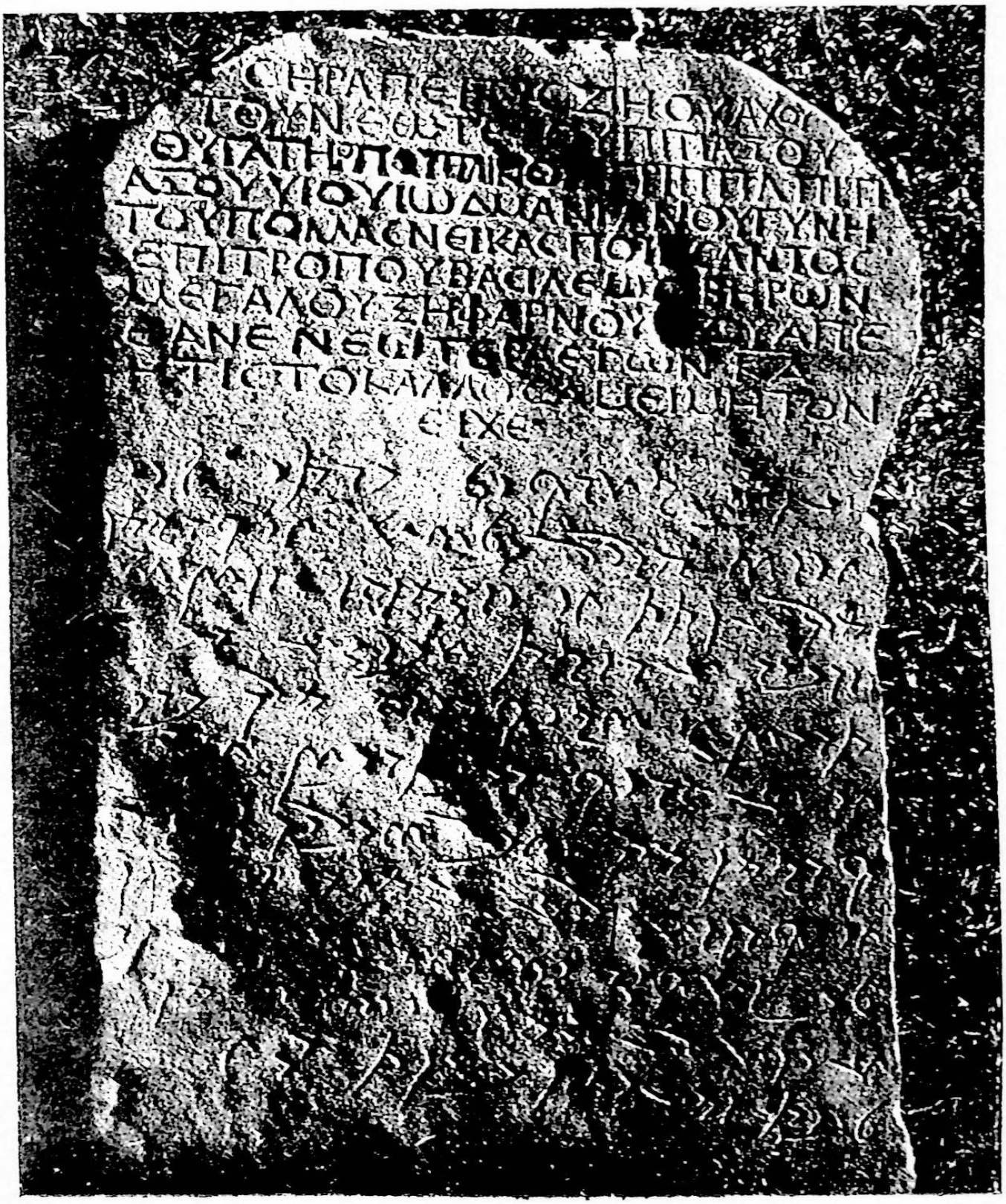
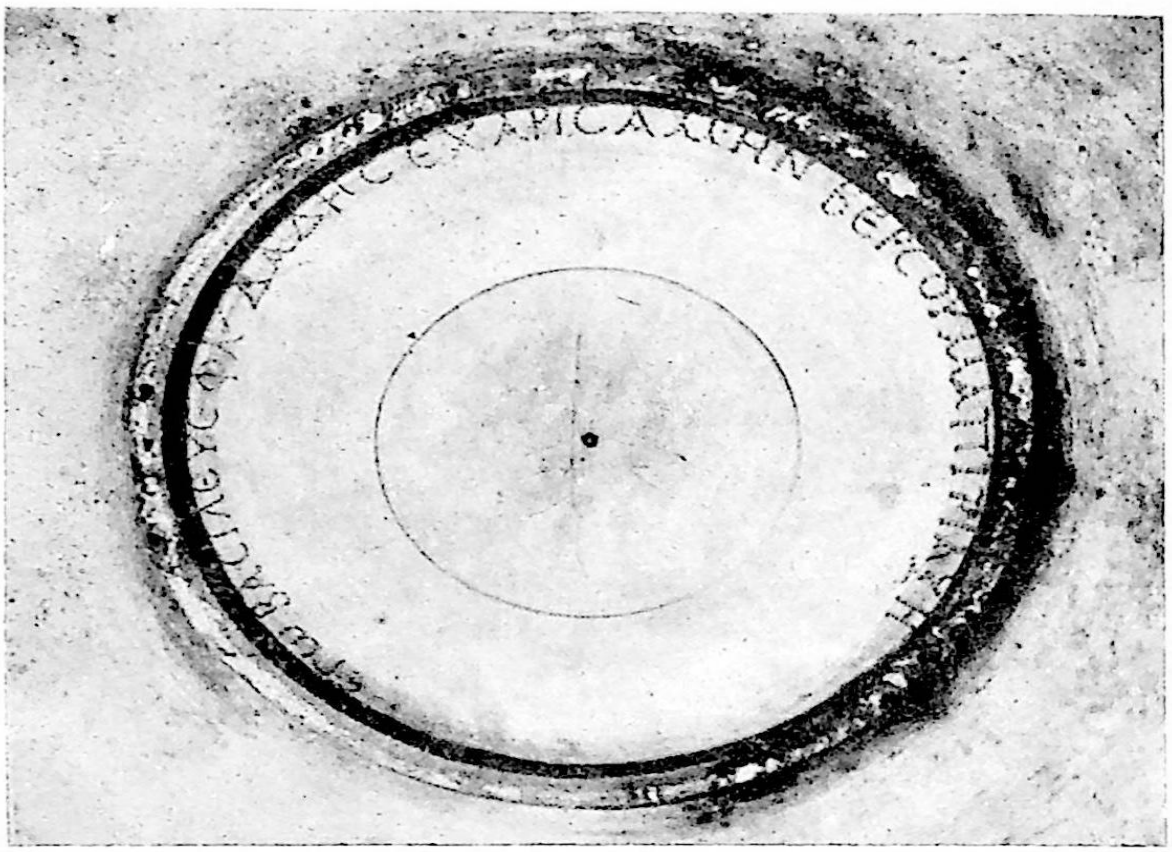


Таблица LIV



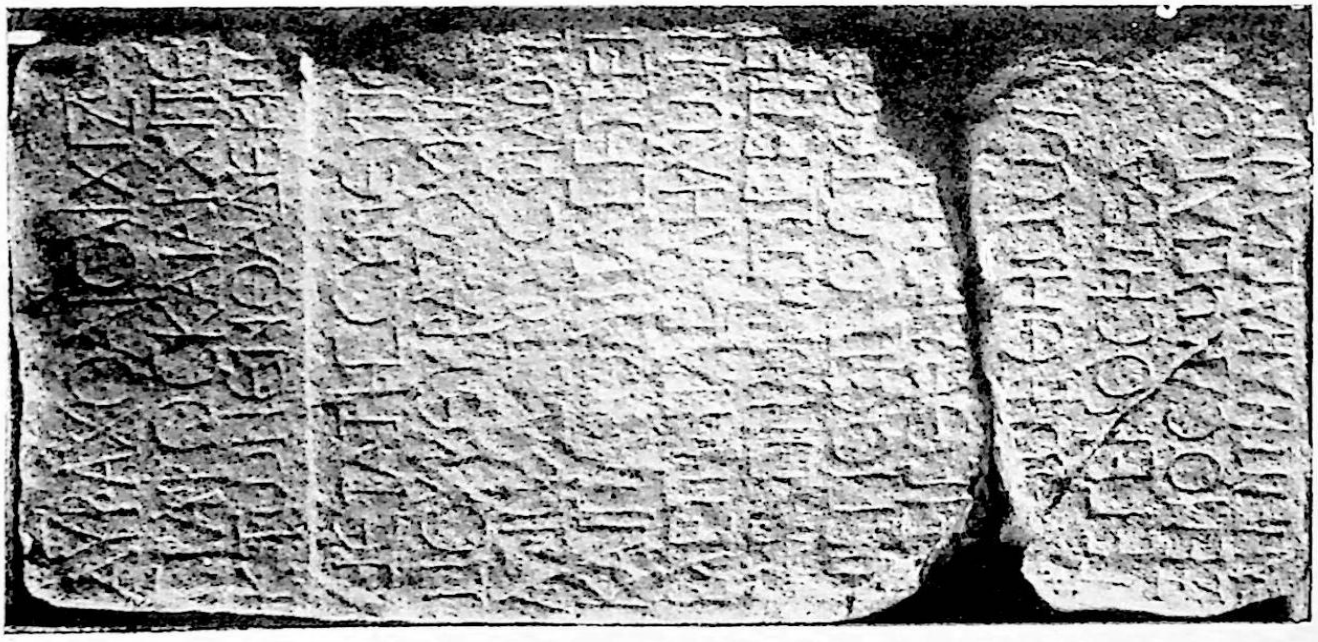
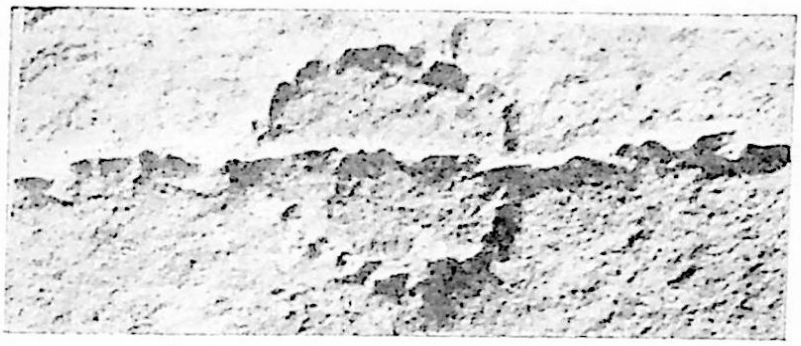
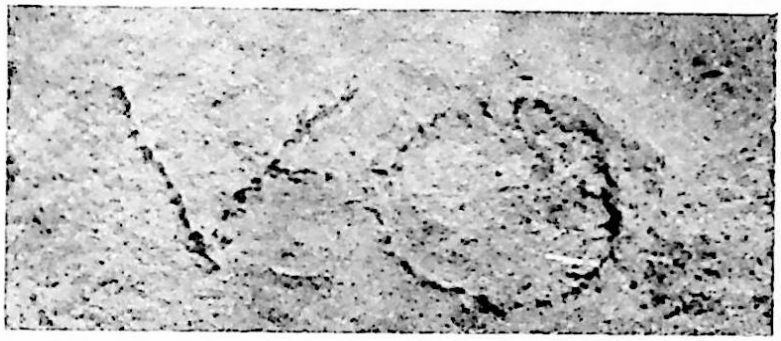
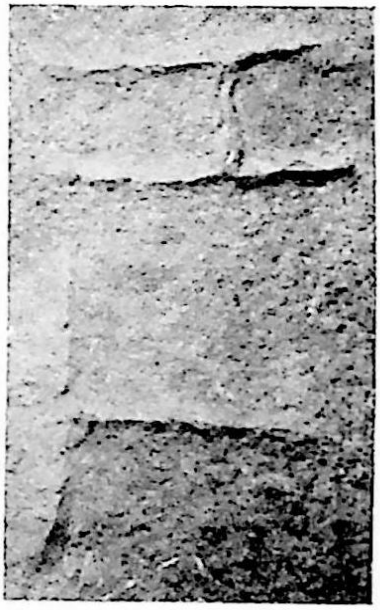


Таблица LV







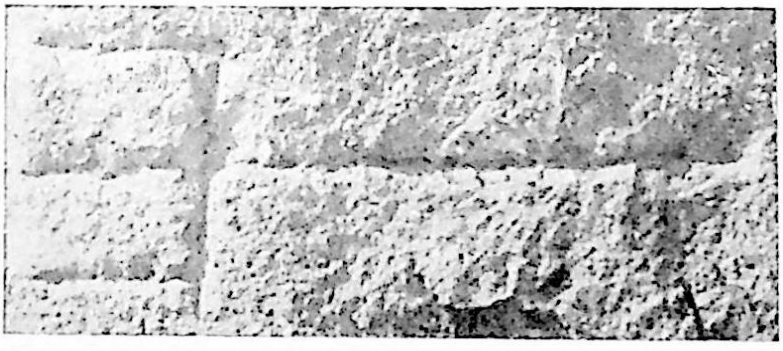


Таблица LVI

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абаев В. И. — 198, 223, 224, 276
Абакана — 105
Абдушелишвили М. — 276
Абусеридзе Тбели — 115
Август (имп.) — 175, 180, 262
Аврелий Ахолл — 145, 196—198, 248
Авчала — 137, 174
Агафий — 14
Агриппа — 220—223
Адриан — 206, 232, 233
Азербайджан — 125, 126, 128
Акрополис — 11, 18, 20, 26
Актеон — 171, 264, 288
Албания — 233
Алазани р. — 6, 14
Александр Македонский — 6—9, 242, 244, 255, 258, 262, 264, 265
Амазаси — 216, 272, 273
Амиранашвили А. И. (см. Болтунова А. И.)
Амиранашвили Ш. — 183, 211, 212
Амис — 265
Аммиан Марцеллин — 164, 201, 202, 209
Анаклиа — 23
Ани — 153, 154
Анна (царица) — 251
Антиной — 264
Антиохи — 31
Антонин Пий — 233
Апакидзе А. — 99, 101, 104, 125, 128, 136, 142, 143, 173, 186, 194, 198, 201, 206, 227, 247, 249, 250, 252, 258, 262, 265, 267, 268, 275—277, 284.
Аппиан — 234
Арагви р. — 8, 17, 18, 20, 63, 195, 199, 240
Арагвискари — 129
Аргутинский-Долгоруков А. — 191
Ардам — 35, 36
Ардашир — 207—212, 288
Арета — 147, 150, 152, 153, 156
Арзамас — 211, 231, 236
Армази — 10, 17—20, 24—26, 54, 64, 66, 139, 153, 158, 203, 206, 212
Амазисхеви — 31, 43—47, 49, 54, 61, 90, 94, 96,104,105, 136—138, 140—145, 155, 258, 162, 163, 167, 175, 176, 188, 192, 203, 207, 209, 210, 216, 219, 220, 229, 238, 239, 247, 249, 253, 266, 267, 272, 275, 286, 288, 289
Армазит кердзи калаки — 10
Армазская гора — 145
Армазский хребет—136
Армазцихе (Армазисцихе) — 8, 11, 18, 21, 22, 33, 34, 36—42, 46, 61, 63—66, 84, 101, 102, 107—109, 112, 114, 115, 118, 184, 186, 194, 246, 281, 286, 287
Армактика — 18

Армастика — 193
Армения — 11, 15, 19, 107, 108, 153, 202, 226—228, 232, 233, 277
Армозике — 18, 118 »
Артаани — 6, 16
Арток — 240, 261
Археополис — 94
Аспакур — 201
Аспаруг — 154, 155, 157, 158, 160—164, 201, 203, 205, 209, 226, 228—231, 236, 249, 288
Асфагор — 202
Афина Паллада — 264, 265, 288
Ахалгори — 6, 249
Ахалкалаки 6
Ахмеров Р. Б. — 102
Ашуша (Аршуша) — 204

Бабале — 31
Багинети — 22, 38, 39, 42—46, 49, 54, 60, 65, 70—72, 78, 90, 94, 101, 105, 110, 136, 138, 140, 141, 143, 144, 147, 148, 156, 174, 184, 186, 188, 192, 247, 249, 253, 267, 269, 286, 289
Багини — 20
Байери Фр. — 29
Бакрадзе Д. — 233
Бал-дади — 213
Бандза — 126
Бараташвили (Баратаев) М. — 12, 13
Барацман — 213
Баркаиа В. — 251, 253
Бартам — 25
Бартоломей И. А. — 179, 181, 188, 189, 191, 193, 194, 237
Барсаума — 213
Барцоми — 215
Бевраз Бечиани — 199
Бевраз Гажаниани — 199
Бевразуриа — 196, 198, 199
Белов Г. Д. — 69
Бенуа М. — 65
Бердзенишвили Н. — 284
Беридзе В. — 31, 32
Бересума — 136,147, 154, 155, 166, 167, 172, 208, 212—216, 230, 231, 236, 250, 272
Блаватский В. Д. — 102
Болниси — 217
Болок-Басили — 115
Болтунова А. И. — 19, 100, 179, 180, 182, 183, 185, 216
Большая Мцхета — 31, 43, 61, 66, 90, 96, 98, 113, 123, 129, 138, 144, 196, 239, 240, 247, 249, 251, 266—271, 280, 281
Бори — 126, 229
Босфор — 67—69, 96, 97, 101—103
Бочи — 35 »
Бохочадзе А. — 128
Бочоришвили Л. — 76, 79, 80—83, 89, 90, 91

Вавилон — 62
Валериан — 207
Вайденбаум Е. — 189, 194
Вани — 23, 64, 93, 98, 102, 114, 115
Варза-Бакур — 13, 202, 209
Вахтанг Горгасали — 25, 262
Вахушти — 12, 13, 22, 23, 233
Веспасиан — 177, 179—182, 187, 216, 232
Восточная Грузия — 24, 100, 177, 212
Восточно-Грузинское царство — 23, 100, 189
Восточное Черноморье — 103

Гагошидзе Ю. — 94
Гайдукевич В. Ф. — 67, 69, 71, 83, 85, 86, 93, 96, 97, 99, 101, 102
Гармозике — 182
Гарни — 182, 185, 186
Гачиани — 6, 10
Гачнос — 6
Гвритишвили Д. — 25
Гермаст — 18
Геродот — 13

Гетсиманиа — 31
Гиоргадзе Г. — 151
Гобеджишвили Г. — 27, 28, 104, 109, 136, 261, 262, 265, 284
Гордиан — 212
Гори — 5, 33, 90, 95, 98, 101, 105, 106, 126, 186
Горийская крепость — 8, 34, 36, 93
Горисцихе — 8, 34, 36, 93, 99, 186
Горсноланири — 8
Гостилиан — 212
Готарз — 262
Граков Б. Н. — 93, 96, 101
Грдзели Миндори — 33, 37, 61, 62, 259, 287
Григолети — 103
Григолиа К. — 20, 25, 28, 271
Грузинское Причерноморье — 278
Грузия — 5, 7, 12—17, 19, 22—24, 27, 29, 33, 63, 69, 79, 91, 100, 109, 125—127, 145, 146, 158, 162, 165, 167, 179, 183, 187, 193, 199, 203, 204, 206, 207, 212, 223—226, 230, 236, 246, 256, 272, 279, 280.
Гуарам — 31
Гуаспураган — 210
Гурзан — 211, 212
Гурк — 194, 195

Дабла Гоми — 98, 103, 123, 126
Дадес-Дади — 167
Джавах — 158—161, 163, 164, 206, 226, 227, 230, 231, 236, 288
Джавах Младший — 161—164
Джавахишвили И. — 14—17, 23, 28, 29, 62, 100, 105, 146, 181, 183, 202, 210, 217, 224, 225, 230, 236, 238, 239, 246, 249, 256, 259
Джавахос — 6
Джанашиа С. — 17—20, 23, 28, 29, 126, 152, 158, 160, 181, 185, 197, 204, 217, 235, 236, 238, 244, 266, 269, 273, 278, 279
Джапаридзе О. — 103, 284
Джвари — 31, 281, 286
Джуаншер — 10, 25, 26, 262
Дзама р. — 6
Дзевак — 206
Дзевах — 220
Дзегви — 123
Дигоми — 138
Дион Кассий Коккейан — 11, 18, 184, 234, 240, 241, 251, 261, 273
Диха Гудзуба — 8
Домициан — 180
Дюбуа де-Монпере Фр. — 29

Еврисивий — 147, 150, 152, 153, 156
Евтюхова Л. А. — 105
Евфрат р. — 153
Ельницкий Л. А. — 182

Жорданиа Ф. — 6, 118, 210, 285

Закавказье — 124, 125, 128, 256
Занави — 9
Западная Грузия — 14, 102, 123, 125
Западно-Грузинское царство — 23, 93
Згудери — 229
Зевах — 159, 161, 206, 219, 221, 222, 226, 230
Зевс — 264
Зедазени — 17
Земо-Авчала — 237, 238, 281
Земо Имерети — 80, 81, 82, 89, 188, 190
Земо Картли — 14
Зугдиди — 23

Иамасаспой — 180, 236
Иберийское царство — 24, 165, 173
Иберия — 19, 21, 26, 27, 61, 67, 99, 100, 103, 108, 118, 119, 126, 167, 182, 184, 185, 186, 189, 193, 198, 201, 202, 204, 206—211, 215, 216, 227, 228, 230—234, 237, 238, 241, 244, 247, 251, 261, 265, 270, 272
Иващенко М. М. — 27, 28, 125, 126

Иегуда — 194, 201
Иезекииль — 13, 259
Иерусалим — 7
Илурат — 96
Инадзе М. — 27, 228
Ингороква П. — 21, 213—217, 226, 227
Иодманган — 219—223, 231, 271, 273
Иори р. — 6, 14
Иоселиани П. — 13, 14, 23, 29, 193, 194
Иосиф Бар Газан — 200, 201, 274
Иосиф Флавий — 13
Иудейское царство — 7
Ишханов Ф. — 191, 192

Кавказ — 125, 233
Казиев С. — 125
Какабадзе С. — 19—21, 28, 139, 241
Кала — 18, 118
Каландадзе А. — 27, 28, 54, 55, 57—60, 104, 136, 174, 184
Калоубани — 31, 281
Кальпурин — 265
Камарахеви — 123, 239
Камиш-Бурун — 86, 89
Капанадзе Д. — 262, 265
Капанцян Г. — 153
Капара — 41
Капитолий — 232
Кардзами — 215
Кармир Блур — 41, 106, 107
Карпак — 158—161, 163, 206, 288
Карсани — 137, 281
Карсанское ущелье — 64
Карснисхеви — 110, 137
Карти — 26
Картли — 5—11, 18, 20—26, 28, 29, 34, 35, 54, 60, 62, 63, 65, — 67, 75 93, 95, 96, 98—100, 107, 108, 110, 118, 125, 128, 138, 150, 151, 164, 174, 187, 189, 194, 195, 204, 205, 208—211, 231—244, 247, 251, 254, 257, 258, 261, 262, 264, 270—272, 275—283
«Картли всея» — 10
Картлийское царство — 7, 8, 10, 21, 24, 35, 36, 64, 98, 107—109, 118, 123, 125, 142, 152, 154, 173, 188, 205, 228—235, 237, 279—282
Картлос — 6, 12, 13, 35
Каспи — 5, 6, 118
Каспийское море — 125
Каухчишвили С. — 11, 21, 28, 158, 159, 197—199, 203, 206, 212, 213, 217, 219, 220, 222, 248, 284
Каухчишвили Т. — 15, 81, 159, 160, 167, 178—180, 196, 199, 206, 216, 248
Кахети — 79, 81, 82
Кванхелеби — 93
Квемо Картли — 14, 123
Кекелидзе К. — 36, 106, 204, 220
Кири (Кура) р. — 18
Кларджети — 10
Кодмани — 31, 137, 239, 281
Колхети — 5, 98, 102
Колхида (Колхети) — 8, 125, 128
Крам-Хуар-Бор-Зард — 210
Крупнов Е. И. — 260
Крым — 194
Ксани — 85
Ксани р. — 6, 244
Ксенофонт — 8
Ксефарнуг — 219, 220, 222, 223, 231, 236
Кубанейшвили С. — 106
Кура р. — 5, 6, 8, 14, 17, 18, 20, 25, 27, 36, 54, 63, 127, 173, 178, 184, 186, 188, 190, 192, 193, 202, 237, 240, 257, 261, 279, 281, 289
Кутаиси — 23, 126
Куфтин Б. А. — 8, 98, 103, 105, 204
Кучхис Абано — 103

Латышев В. В. — 153, 181, 183
Левашова В. П. — 105
Леви Е. И. — 102
Леммлейн Г. Г. — 264

Лиахви р. — 6, 186
Лисимах — 262, 264
Ломтатидзе Г. — 27—29, 104, 136, 145, 150, 151, 173, 243, 249, 261, 262, 284
Лордкипанидзе М. — 166, 178
Лордкипанидзе О. — 28, 243, 244, 264

Макалатиа С. — 173
Максимова М. И. — 255, 256, 258, 261, 275
Малая Азия — 256, 264
Мана — 9
Манейское царство — 8, 9
Маркварт И. — 182
Маркс К. — 5
Марсово поле — 233
Марти Ю. Ю. — 69
Машкин Н. А. — 233
Меликишвили Г. — 7—9, 26—28, 62, 63, 108, 210, 251, 266, 269, 273, 276, 278
Меликсет-Беков Л. — 17, 21, 28, 33, 182, 188, 189, 191, 193
Менада — 264
Месопотамия — 106
Местлета — 11
Месхиа Ш. — 12, 22, 23, 25, 28, 273
Мингечаур — 125
Мириан — 25, 31, 151, 268
Митридат — 164, 180—182, 187, 201, 202, 226—228, 230—232, 237, 272
Михрдат — 185, 226
Михридат — 226
Мовсес Хоренаци — 11, 66
Моммзен Т. — 233
Мровели Леонти — 6—10, 23, 25, 26, 35, 36, 150, 151, 185, 228, 233, 242, 251
Мтквари (Кура) р. — 127
Мтквриc Цихе — 12
Мусхелишвили Д. — 27
Мухатгверди — 281
Мухнари — 10
Мухнарит кердзи калаки — 10
Мцхета — 5—11, 14—35, 43—45, 54, 62—65, 67, 69, 71, 74, 79, 80, 86, 91—99, 104—109, 114—116, 119, 124—132, 136, 138—142, 144, 145, 150—160, 162, 167, 172—174, 176—178, 180, 184, 187, 188, 190—195, 197, 198, 200, 201, 210, 212, 216, 220, 221, 223, 225—229, 232, 234—271, 273—276, 279—283, 287, 289

Навуходоносор — 7
Наири — 108
Накулбакеви — 62, 178, 191—194, 237, 281
Нана — 151
Натроев А. — 181
Настагиси — 244
Нерон — 182
Ниберг Г. С. — 160
Нина св. — 10, 25, 151, 277, 278
Ниорадзе Г. — 110
Нипур — 107

Одзрхе — 6, 24, 118
Одзрхос — 6
Ольвия — 40, 67, 68, 96, 147, 148, 150, 152, 153, 279
Ольга св. — 31

Пантикапей — 102, 103
Папак — 207, 211, 212
Парфия — 183
Парцханаканеви — 123, 126
Пасаратаг — 65
Патканов К. — 11
Пелор р. — 20, 240
Передняя Азия — 8, 64, 65, 103, 106
Персеполис — 65
Персидское царство — 9
Персия — 208, 209—211, 230, 233, 234
Петра — 17
Платон — 166, 236, 288
Плиний — 11, 18, 193

Плутарх — 184, 240, 241
Пиотровский Б. Б. — 41, 106, 107
Помпей — 100, 184, 187, 240, 251, 261, 264, 273
Помяловский И. — 180, 182, 184
Посейдон — 264
Посидоний — 100
Поти — 189, 191
Птоломей — 11, 14, 18
Публикиос Агриппа — 219, 220, 222, 230, 231

Радамист — 185
Рамишвили Р. — 125
Рев — 151
Рехвиашвили Н. — 80, 81
Рим — 183, 186, 187, 202, 208, 210, 228, 231—234, 272
Римская империя — 152
Риони р. — 14
Россия — 104
Рустави — 5, 6, 24, 90
Рухи — 23
Рыбаков Б. А. — 242

Саване — 8, 33, 34, 36, 37
Саванетис Кеди — 106, 269, 287
Сагареджо — 126
Самадло — 85, 94
Самтавро — 16, 29, 31, 70, 89, 94, 105, 119, 126, 129, 132, 135—137, 155, 174—176, 178, 194—197, 199, 238, 239, 248, 249, 251, 257, 265, 286, 278, 289.
Самшвилде — 24
Санатрук — 153
Саргон — 9
Саркине — 6, 8, 9, 24, 33, 34, 43, 47, 48, 61, 66, 90, 95, 99, 105, 106, 109, 114, 118, 186, 244, 246, 247, 251, 252, 257—260, 268, 269, 281, 287
Саркисян Г. — 277
Саурмаг — 202, 208, 209
Светицховели — 31
Севастьянова О. И. — 234
Северов Н. П. — 21, 31
Северное причерноморье — 104, 153
Севсамора — 21
Септимий Север — 210, 264
Серафита — 145, 160, 161—164, 172, 219, 221, 222, 230, 236
Сивинети — 210
Сисамора — 18, 113, 118
Славин Л. М. — 67—69, 96, 279
Сомхити — 210
Стефаноз — 31
Страбон — 8, 11, 19, 21, 32, 69, 70, 100, 113, 115, 118, 185, 193, 199, 241, 243, 268—271
Страбонова Севсамора — 21
Струве В. В. — 62
Сузы — 65
Сургуладзе А. — 25

Тавадзе Ф. — 252, 253
Такайшвили Е. — 204, 210, 244, 284
Тацит — 185, 186
Тбилиси — 5, 12, 13, 17—21, 62, 118, 178, 183, 188, 191, 192, 251
Теймураз — 35, 36
Тейшебаини — 106
Тель-Халаф — 41
Тетрицкаро — 128
Тиридат — 185
Тиритака — 40
Тит — 180, 182, 206
Тифлис — 13, 190
Толордава В. — 124
Топрах-Кале — 41, 64
Траян — 206, 212, 232, 272
Тр-дати — 213
Тревер К. В. — 181, 182, 185, 186, 277
Триалети — 123, 165, 249
Туманишвили Д. — 22
Тухариси — 6
Тушпа — 64
Тчевахос — 227

Уварова П. С. — 173, 181
Угрелидзе Н. — 178, 261, 265
Уджарма — 26, 62, 278
Уплисцихе — 5, 6, 8, 16, 24, 27, 33, 34, 90, 95, 98, 99, 106, 114—116, 186, 229, 281
Уилос — 6
Ур — 105
Урарту — 41, 64, 106—108, 254
Урбниси — 5, 6, 8, 16, 24, 26, 90, 93, 95, 98, 105, 118, 126, 229, 278
Уреки — 103

Фавстос Бузандаци (Бузанд) — 11, 153
Фазис — 17, 103, 127
Фармаковский Б. В. — 147—149, 152, 153
Фарнаваз — 9, 10, 12, 17, 66, 236, 251, 272
Фарсман — 161, 162, 169, 180, 181, 182, 187, 221—223, 226—228, 232—234, 236, 251
Фасид — 17

Феофан Византийский — 13
Филипп Старший — 212
Флавий Дадес — 212—216, 230, 236
Фригия — 254

Хакасская А. обл. — 105
Хатисян — 179
Хахутайшвили Д. — 27, 34, 109, 186
Хвольсон Д. А. — 194, 195, 200
Херсонес — 40, 63, 102
Ховле — 33
Ховлегора — 8
Хони — 23
Хоштария Н. В. — 102, 284
Хсефануг — 221
Хунани — 5, 6, 12, 24

Церетели Г. — 21, 22, 28, 158—162, 167, 169, 179, 180, 199—201, 204—209, 212, 213, 216, 219—228, 230, 232—237, 269, 271, 274

Цихис-Дзири — 9
Цицамури — 8, 11, 20, 21, 33, 34, 61, 90, 94, 99, 101, 105, 106, 109, 113—115, 125, 147, 186, 239, 246, 247, 272, 281, 287.
Цицишвили И. — 80, 87—89, 91, 107, 145, 150, 151
Цовинари — 64
Цунда — 6, 10, 16, 24
Цхинвали — 6

Чаргас — 227
Черное море — 127
Черный И. — 194
Чилашвили Л. — 28
Читана Г. — 254
Чорохи р. — 14
Чубинашвили Г. — 22, 28, 31, 32, 249, 280

Шабур — 208
Шаллум — 200, 201, 274
Шанидзе А. — 21, 22, 218, 219, 221, 223

Шарагас — 164, 201, 226, 230, 231, 236, 237, 272, 273
Шидацихе — 63
Шмерлинг Р. О. — 31
Шроша — 89
Шрошана — 277
Шуа Картли — 14
Шурис Цихе — 13
Шушаник св. — 106, 278

Эгриси — 6, 10, 23
Эгрос — 6
Эмин Н. — 11, 66
Эрети — 6
Эрос — 6
Эсадзе С. — 190, 191, 194
Эскулап — 264.
Эшера — 103.

Юлий Капитолий — 233
Якобсон А. Л. — 68, 69, 83, 104
Якубовский — 190—192
Ямпольский З. И. — 127.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Вопросы зарождения городской жизни, происхождения и развития городов Картли античной эпохи . . 5
Глава вторая. Архитектурные памятники, строительные материалы и вопросы строительного искусства 31
Глава третья. Основные типы погребальных сооружений и погребальный обряд 119
Глава четвертая. Эпиграфические памятники . . . 178
Глава пятая. Население древней столицы Картлийского царства (вопросы количества, социального и этнического состава жителей) 238
Список сокращений 284
Описание таблиц 285
Таблицы . . . . . .
Указатель 289

Андрей Мелитонович Апакидзе

ГОРОДА ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ

Напечатано по постановлению Редакционно-Издательского Совета Академии наук Грузинской ССР

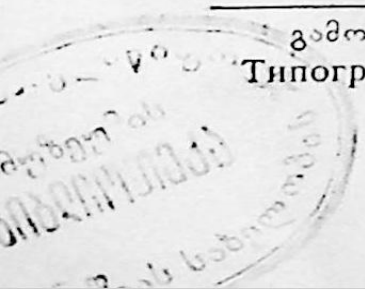
*

Редактор издательства М. Г. Мачабели
Художник Г. А. Надирадзе
Техредактор Э. Б. Бокерия
Корректор И. И. Мепаришвили

Сдано в набор 12.10.1967; Подписано к печати 25.4.1968;
Формат бумаги 60×90 1/16; Печатных л. 23.25; Уч.-Издат. л. 19.54;
УЭ 01279; Тираж 1500, Заказ 1657,
Цена 1 руб. 76 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 60, კუტუზოის ქ., 15
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 60, ул. Кутузова, 15

გამომცემლობა „მეცნიერების“ სტამბა, თბილისი. 60. კუტუზოვის ქ., 15
Типография издательства «Мецниереба», Тбилиси, 60, ул. Кутузова, 15



ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано	Следует читать
18	2	—	Сесамору	Сисамору
20	—	5	Жизнь новой	Новая история
25	3	—	Жизнь новой	Новая история
41	5	—	Камир-	Кармир-
54	—	2	вестник	Вестник
135	5	—	в больших	больших
135	9—10	—	такова	таковы
167	4	—	Ἐχώ	Ἐγώ
169	1	—	Ζηυάχης	Ζευάχης
212	20	—	πιτιαζη	πιτιάξη
213	8	—	ἐκαρισάμτν	ἐχαρισάμην
213	—	13	Bor Sauma	Bar Souma
220	15	—	νεωῖτέρου	νεωτέρου
226	1	—	стены	стелы
227	15	—	ჯოვეხო	ჯუვეხოს
255	1—2	—	теммы	геммы
256	16	—	округов	стран
262	3	—	Мцхетского	мцхетского
266	11	—	„сепакана“	„сепекана“

А. Апакидзе